

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

4

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Тридцатилетие большевистской партии	1
П. Юдин — Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции	29
С. Вольфсон — Об идеологии загнивающего капитализма	61
П. Досев — Борьба на философском фронте в Болгарии и большевизация БКП	90
С. Лифшиц — Антитехнизм и кризис буржуазного естествознания	115
Н. Волков — Некоторые вопросы истории науки и техники	144
П. Федосеев — Ленин о социальных и гносеологических корнях религии	159

РАБОТЫ СЕМИНАРОВ ИКП ФИЛОСОФИИ

Б. Сливкер — „Докритический“ Кант	179
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Климовицкий — И. Тарадин, „Классовая борьба в медицине“	215
В. Вандек и В. Тимоско — В. Пиков, „Цьер Бейль“	219

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

П. Черемных — О современных задачах нашей работы	225
Резолюция объединенного заседания дирекций институтов философии	226
В. Миткевич — Письмо в редакцию „ПЗМ“	228
Э. Кольман — Письмо в редакцию „ПЗМ“	230
Э. Цейтлин — Одно замечание по поводу статьи проф. И. Е. Тамма	230

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1933 г.

ИЮЛЬ — АВГУСТ

№ 4

СОДЕРЖАНИЕ № 4.

Передовая — Тридцатилетие большевистской партии (1). П. Юдин — Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции (29). С. Вольфсон — Об идеологии загнивающего капитализма (61). П. Досев — Борьба на философском фронте в Болгарии и большевизация БКП (90). С. Лифшиц — Антитехницизм и кризис буржуазного естествознания (115). Н. Волков — Некоторые вопросы истории науки и техники (144). П. Федосеев — Ленин о социальных и гносеологических корнях религии (159). РАБОТЫ СЕМИНАРОВ ИКП ФИЛОСОФИИ. Б. Сливвер — «Докритический» Кант (179). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ В. Климовицкий — И. Тарадин, «Классовая борьба в медицине» (215). В. Вандек и В. Тимоско — В. Пиков, «Шьер Бейль» (219). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ. П. Черемных — О современных задачах нашей работы (228). Резолюция объединенного заседания дирекций институтов философии (228). К. Ш. Макевич — Письмо в ред. «ПЗМ» (228). Э. Кольман — Письмо в ред. «ПЗМ» (230). Ф. Цейтлин — Одно замечание по поводу статьи проф. П. Е. Тамма (230).

СТАТ. АРХИВЕТ

Тридцатилетие большевистской партии

30-ю годовщину II съезда, 30-ю годовщину своего существования наша партия празднует в период, когда великое учение основоположников научного коммунизма — Маркса — Энгельса — Ленина стало делом миллионов и воплощается в жизнь рабочим классом и трудящимися нашей страны. Под ленинским руководством большевистской партии рабочий класс нашей страны захватил власть, утвердил диктатуру пролетариата, создал фундамент социалистической экономики и, вступив в период социализма, в гигантском развороте победоносно строит бесклассовое общество. Преодолевая трудности и препятствия, разгромив и добывая своих классовых врагов, на основе невиданного развития индустрии, социалистической переделки сельского хозяйства, громадного творческого подъема масс и усиления мощи нашей страны пролетариат проводит окончательную ликвидацию классов вообще и устранение причин, порождающих классовые различия, успешно выполняет задачу построения полного социалистического общества. Эти величайшие всемирно исторические победы достигнуты только благодаря тому, что во главе рабочего класса непоколебимо стояла великая партия Ленина — Сталина, верная марксистско-ленинскому учению, воплощающая в себе непреклонную революционную волю пролетариата к победе над капитализмом и к построению социалистического общества.

Славный 30-летний путь большевистской партии является лучшим доказательством правильности марксистско-ленинского учения, правильности ее генеральной линии, является героическим путем упорнейшей, напряженной борьбы за идейные, тактические и организационные принципы марксизма про-

тив классовых врагов и их оппортунистической агентуры всех мастей и оттенков.

Весь этот путь наша партия шла от победы к победе под руководством ленинского Центрального комитета во главе с организаторами, вождями и учителями партии и рабочего класса Лениным и Сталиным.

Как течение политической мысли и как политическая партия, большевизм возник в 1903 г. «на самой прочной базе теории марксизма» (Ленин), правильность которой была подтверждена всей предшествующей полувековой историей революционного движения в России и во всем мире.

Организатором, вождем и теоретиком большевистской партии был великий продолжатель дела Маркса и Энгельса Владимир Ильич Ленин.

Основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс жили в эпоху монополистического капитализма, когда развивающийся капитализм уже обнаружил все свои основные противоречия, ведущие его к гибели. Вскрыв законы развития капитализма и борьбы рабочего класса, Маркс и Энгельс вооружили пролетариат могучей революционной теорией и выработали основные принципы тактики и организации революционной борьбы за диктатуру пролетариата.

Большевизм вырос и оформился в эпоху империализма, когда все противоречия капитализма достигли кульминационных пределов, в эпоху колоссальных классовых битв, пролетарских восстаний, невиданного обострения классовой борьбы, когда перед пролетариатом непосредственно встала задача завоевания власти и установления пролетарской диктатуры. Живший в эту эпоху Ленин продолжал дело Маркса и Энгельса; руководя революционным движением пролетариата, он продолжал разработку идейных, организационных и тактических основ марксизма.

Развитие и обострение всех противоречий империализма подымает классовую борьбу, политическую борьбу на новую ступень. Классовая борьба в эпоху империализма получает наиболее яркое выражение в развитии и обострении борьбы партий. «Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий»¹⁾.

Выросшие в период сравнительно мирного развития капитализма, в период парламентаризма и легальности, партии II интернационала «обрастали жиром» и не хотели «думать серьезно о революции, о диктатуре пролетариата, о революционном воспитании масс» (Сталин). Являясь не боевыми организациями пролетариата в его борьбе за власть, а аппаратами избирательной и парламентской борьбы, эти партии не могли возглавить рабочего класса в период прямой подготовки революции и свержения капитализма, ибо этот тип партий, говорил Ленин, пережил себя. Борьба за власть, за диктатуру пролетариата на очередь выдвигала задачу создания новой партии, партии «нового типа», «партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариат на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обста-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. VIII, стр. 415.

новки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели» (Сталин).

«Партия есть политический вождь рабочего класса» (Сталин). Она является авангардом, организованным отрядом и высшей формой классовой организации пролетариата.

Учение Ленина о партии является продолжением и развитием учения Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс дали основные наброски о партии как о передовом отряде пролетариата, который является важнейшим условием для завоевания власти пролетариатом и построения социалистического общества. Тов. Сталин указывает, что «новое у Ленина в этой области состоит в том, что он развил дальше эти наброски применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма». Разработку учения о партии и развитии партийности Ленин ставил в теснейшую связь с развитием классовой борьбы в новую эпоху. «Строгая партийность, — писал он, — есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы. И наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности»¹).

Тот факт, что именно в России зародилась и оформилась партия нового типа, большевистская партия Ленина, не был случаен. В силу ряда причин и особенностей исторического развития России она становится в эпоху империализма узловым пунктом всех империалистических противоречий. Являясь очагом капиталистического, помещичьего, колониального и военного гнета в самой варварской форме, Россия в то же время была и величайшим резервом западноевропейского империализма. Царизм был жандармом и агентурой западного империализма на Востоке. Поэтому, говорит т. Сталин, «Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна, и только она была в состоянии ввиду этого разрешить эти противоречия революционным путем»²). Центр революционного движения в эту эпоху перемещался в Россию.

«В России, — писал далее Сталин, — подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России»³). Поэтому революция против царизма в России должна была перерасти в пролетарскую, в революцию против империализма и принять международный характер, стать началом мировой социалистической революции, а пролетариат России должен был стать авангардом международного революционного пролетариата. Еще в начале 90-х годов в «Друзьях народа» Ленин выдвинул лозунг коммунистической революции и идею авангардной роли русского пролетариата. Больше 30 лет назад Ленин гениально определил эту величайшую историческую роль русского пролетариата. «История, — писал он, — поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революцион-

¹) Ленин, Собр. соч., т. VIII, стр. 412.

²) Сталин, Вопросы ленинизма.

³) Там же.

ной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также... и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»¹).

Поэтому еще в 90-х годах Ленин выдвинул задачу создания партии нового типа и выработки ее тактики на основе учения Маркса и Энгельса и использования богатейшего опыта революционного рабочего движения на Западе и в России. Эта идея была воплощена в организованном им «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», который являлся зародышем большевистской партии, который подготовлял кадры организаторов партии и который начал осуществлять твердое ленинское руководство поднимающимся массовым революционным движением рабочего класса.

С середины 90-х годов, после смерти Энгельса, Ленин был единственным ортодоксальным преемником великого учения Маркса и Энгельса, единственным верным продолжателем их дела и непоколебимым борцом против всех и всяческих враждебных или извращающих марксизм учений.

90-е годы и начало 900-х годов были периодом исторического приготовления большевизма. С этого периода начинается разработка Лениным марксистского учения применительно к новым условиям в жестокой борьбе как с отечественным, так и с международным ревизионизмом. Эта борьба Ленина за революционную теорию являлась для него неотделимой составной частью общей задачи построения пролетарской партии. «Без революционной теории не может быть и революционного движения»²). От революционной теории Ленин требовал, чтобы она служила практике, ибо «теория должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» («Друзья народа»). Ее революционная действительность определяется ее единством с практикой, тем, что «она складывается окончательно лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» («Детская болезнь» и т. д.). Именно диалектическое единство революционной теории и практики делает учение Маркса — Энгельса — Ленина величайшей силой в борьбе рабочего класса, именно разрыв между теорией и практикой есть основа всех догм оппортунизма II интернационала. Теснейшая связь с практикой, с действительностью обеспечила блестящую победу Ленина над народниками, легальными марксистами и экономистами.

Применяя в борьбе с врагами эту силу марксистского оружия, Ленин разрабатывает марксизм со всех сторон на основе неуклонного проведения принципа партийности теории.

Основным вопросом, вокруг которого разворачивалась борьба революционных марксистов с мелкобуржуазными и буржуазными идеологами — сначала народниками, затем ревизионистами, — был вопрос борьбы за гегемонию пролетариата в революционном движении.

Еще ранее, в своем первом крупном произведении «Друзья народа», направленном против народников, Ленин с полной ясностью формулирует

¹) Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 382.

²) Там же, стр. 380.

идею гегемонии пролетариата, идею перерастания демократической революции в социалистическую, ставит задачу борьбы с остатками крепостничества и выдвигает идею союза пролетариата и крестьянства. В этом же произведении Ленин поднимает на новую, высшую ступень учение Маркса—Энгельса об историческом материализме, об общественно-экономической формации и др. Идея гегемонии пролетариата как зародыша и перехода к диктатуре пролетариата в нашей революции, как основной и руководящий принцип революционного марксизма была разработана Лениным. В отличие от Плеханова, который пытался применить механически в России опыт западноевропейской с.д., Ленин требовал «самостоятельной разработки теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»¹⁾. Ленин выступал против абстрактного подхода к социально-экономическому развитию России и классовой борьбе в ней со стороны Плеханова, который также боролся с народниками, но в значительной мере академически, вне живой, конкретной связи с действительностью и с классовой борьбой пролетариата.

В борьбе с народниками Ленин написал книгу «Развитие капитализма в России», где, доказывая закономерность развития внутреннего рынка для русской промышленности, дал глубокий «анализ общественно-хозяйственного строя и классового строения России», который был впоследствии блестяще подтвержден классовой борьбой в 1905 г. и последующим развитием.

Эта работа Ленина является богатейшим вкладом в сокровищницу марксизма, ибо в ней Ленин не только блестяще применил марксизм к условиям развития России, но и развил дальше, конкретно дополнил экономическое учение основоположников научного коммунизма, продолжая работу Маркса в «Капитале».

Как в «Друзьях народа», так и в книге «Развитие капитализма» Ленин стоит на целую голову выше всех теоретиков русской социал-демократии, в том числе и Плеханова, которые в своих выступлениях против народников даже не решались взяться за исчерпывающий анализ конкретного экономического развития капитализма в России. Эту задачу выполнил Ленин, который своим гениальным анализом вскрыл и выяснил особенности и своеобразие капиталистического развития России, процесс развития и изменения ее экономической и классовой структуры, а следовательно и особенности и своеобразие условий развития классовой борьбы, конкретную диалектику развития революционного рабочего движения и его международный характер и значение в новую историческую эпоху.

Поэтому работа Ленина «Развитие капитализма в России» явилась глубоким конкретным подготовлением и основой создания программы партии революционного пролетариата.

Конец 90-х годов был периодом, когда в партиях II интернационала, зараженных сппортунизмом, стал крепнуть и пышно расцветать ревизионизм, особенно полно нашедший свое выражение в Германии в лице Бернштейна,

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 492.

открыто выступившего против основного в марксизме — против диктатуры пролетариата, против последовательной революционной классовой борьбы, против экономического и философского учения марксизма.

Проводником бернштейнианства в России явились легальные марксисты Струве, Булгаков и др. будущие «основоположники» русского буржуазного либерализма.

В деле опошления марксизма легальные марксисты шли за ревизионистами II интернационала. Принимая марксизм для апологетического оправдания капиталистического развития России, «легальные марксисты» сводили марксизм «к учению о том, как при капиталистическом строе прodelьывает свое диалектическое развитие индивидуальная собственность, основанная на труде собственника, как она превращается в свое отрицание и затем обобществляется. И в этой «схеме» с серьезным видом полагают все содержание марксизма, минуя все особенности его социологического метода, минуя учение о классовой борьбе, минуя прямую цель исследования — вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их»¹).

Под влиянием растущего массового революционного движения «легальный марксизм» все больше и больше поворачивал к буржуазному либерализму, выступая против гегемонии пролетариата за подчинение пролетарского движения либеральной буржуазии. Одновременно с этим от критики марксизма, исправления отдельных элементов учения и дополнения его критической кантианской философией совершался поворот к открытому призыву: «Назад к Канту», к открытой апологетике капитализма, к монархизму.

Ленин в «Друзьях народа» и статьях против Струве выступил с решительной борьбой против международного ревизионизма и его русской разновидности — легального марксизма. Он подверг уничтожающей критике ревизионистов типа Бернштейна, К. Шмидта, Струве и др.²).

Ленинская критика относилась также и к Каутскому, который в борьбе с ревизионизмом обнаруживал примиренческие тенденции. В своем письме к Плеханову, выступившему против Бернштейна, Каутский писал: «Во всяком случае я должен открыто заявить, что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии, и хотя я и стою на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством».

Ленин подверг критике об'ективизм Струве, который является типичным выражением буржуазных и ревизионистских учений. В противоположность буржуазному и ревизионистскому об'ективизму Ленин выдвигает принцип партийности материализма. Ленин ведет также борьбу с различными проявлениями субъективизма у ревизионистов, непримиримо отстаивая в борьбе на два фронта партийность теории и философии. Плеханов, боровшийся с представителями западноевропейского неокантианства, по отношению к неокантианству Струве, Булгакова и др. занимал по сути примиренческую позицию.

¹) Ленин, Что такое «друзья народа».

²) Ленин, Марксизм и ревизионизм, т. XII, стр. 179—189.

Ленин глубоко возмущался тем, что Плеханов не выступал в русской литературе и не высказывался решительно против неокантианства.

Ленин указывал, что «струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» «истинно-научных» сторон и элементов марксизма» (Ленин).

Эта идейная борьба Ленина с ревизионизмом в конце 90-х годов имеет огромное всемирно историческое значение; она показывает, как в решительном преодолении враждебных марксизму теорий и взглядов на основе живой органической связи с развитием революционного движения закладывались и вырабатывались основы ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции (Сталин).

С самого своего появления ленинизм является международным по своему характеру и значению. Ленинские работы, еще в 90-е годы развивающие марксизм во всех областях, являются началом ленинского этапа в развитии марксизма. Вся эта последовательная непримиримая борьба Ленина за революционную теорию является необходимой, неотъемлемой частью борьбы за построение пролетарской партии, является идейным подготовлением большевизма.

Последовавший за разгромом легального марксизма период с конца 90-х годов (с 1898 г.) до II съезда (1903 г.) был периодом, имевшим решающее значение в создании большевистской партии.

В этот период «пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России...»¹⁾. Социал-демократия становится «активной политической силой, неразрывно связанной с борьбой (как экономической, так и политической) рабочего класса»²⁾. Но в то же время с 1898 г. в истории русской с.-д. начинается третий период — «период разброда, распада, шатания»³⁾.

Ярким выражением этого разброда и шатаний явился так называемый «экономизм» — разновидность оппортунизма; теоретическим источником и базой этого экономизма был русский «легальный марксизм» и западноевропейский ревизионизм — бернштейнианство.

«И с этого времени, — пишет Ленин, — начинается раскол социал-демократов на «экономистов» и «искровцев»⁴⁾.

«Экономизм», — пишет далее Ленин, — был оппортунистическим течением в русской социал-демократии. Его политическая сущность сводилась к программе: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба». Его главной теоретической базой был так наз. «легальный марксизм» или «струвизм», который «признавал» «марксизм, совершенно очищенный от всякой революционности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии. Ссылаясь на неразвитость массы рабочих в России, желая «итти с массой», «экономисты» ограничивали задачи и размах рабочего движения

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 500.

²⁾ Ленин, т. XVIII, стр. 218.

³⁾ Ленин, т. IV, стр. 499.

⁴⁾ Ленин, т. XVIII, стр. 218.

экономической борьбой и политической поддержкой либерализма, не ставя себе самостоятельных политических и никаких революционных задач»¹⁾.

Сущность экономизма, как и западноевропейского оппортунизма, российской разновидностью которого он был, сводилась к отрицанию марксизма и к подмене его реформизмом. В основе экономизма лежала теория стихийности, теория преклонения перед стихийностью, которая была против внесения сознательности в стихийное движение, против руководства партии и поднятия ею движения до уровня сознательности. «Теория стихийности есть теория преуменьшения роли сознательного элемента в движении, идеология «хвостизма», логическая основа всякого оппортунизма»²⁾. Из этой теории вытекало отрицание «экономистами» необходимости самостоятельной рабочей партии в России, отказ от борьбы за свержение царизма, тред-юнионистская политика подчинения рабочего движения руководству либеральной буржуазии.

Эта идеология «экономизма» прямо выступала против основной, руководящей идеи марксизма о гегемонии пролетариата и делала «экономистов» предшественниками меньшевизма. Но теория стихийности как «логическая основа всякого оппортунизма» (Сталин) рассматривалась Лениным не только как русское явление. «Она имеет самое широкое распространение, правда в несколько другой форме, во всех без исключения партиях II интернационала. Я имею в виду,—пишет далее т. Сталин,—опошленную лидерами II интернационала так называемую теорию «производительных сил», которая все оправдывает и всех примиряет, которая констатирует факты и объясняет их после того, как они уже надоели всем, и, констатируя, успокаивается на этом»³⁾.

В борьбе с экономизмом Ленин развил учение о диалектическом соотношении стихийности и сознательности, о привнесении социалистического сознания в рабочее движение, о роли партии в превращении стихийного движения в сознательное.

Считая, что основная ошибка экономистов «состоит в преклонении перед стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности», Ленин обосновывает ведущую, определяющую роль сознательности, рассматривая деятельность партии как решающий фактор разрешения противоречий стихийности и сознательности. Ленин указывал, что «задача социал-демократии состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии»⁴⁾.

Сталин в своей работе «Вскользь о партийных разногласиях», написанной в 1904 г. против меньшевиков, в защиту ленинских принципов организации партии, также дает блестящее диалектическое обоснование учению о

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 218.

²⁾ Сталин, Вопросы ленинизма.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 392.

стихийности и сознательности. «Что такое научный социализм без рабочего движения?.. Это компас, который, будучи оставлен без применения, ржавеет и должен быть выброшен за борт.

Что такое рабочее движение без социализма? Корабль без компаса, который и так пристанет в конце концов к берегу, но потребует для этого больше времени, встретит больше препятствий.

Но соединить их — это будет корабль, что по верному пути мчится к другому берегу и, вопреки всем бурям, достигает пристани».

Вместе с Лениным т. Сталин дает марксистское разрешение вопроса о диалектическом единстве стихийности и сознательности на основе социалистической сознательности, на основе большевистского руководства партии. «Наш долг, — пишет Сталин, — всегда и везде руководить движением, энергично бороться со всеми, — будет ли это враг или «друг», — кто становится на пути к осуществлению нашей святой цели» (там же).

Насколько огромное принципиальное значение имело правильное марксистское разрешение вопроса о соотношении стихийности и сознательности в борьбе с идеологией экономизма, с теорией стихийности, свидетельствует также тот факт, что Плеханов, который в свое время также вел борьбу с экономизмом, не понял ленинского учения о привнесении социалистического сознания партией пролетариата в стихийное рабочее движение извне. Перебежав к меньшевикам и защищая новую «Искру», Плеханов в статье «Рабочий класс и с.-д. интеллигенция» (т. XIII) подвергает меньшевистской критике брошюру Ленина «Что делать» по вопросу о внесении классового политического сознания в рабочее движение извне. Несмотря на обилие цитат из Маркса, Энгельса и Каутского, Плеханов не мог противопоставить ленинскому учению никаких возражений и поэтому обрушился на Ленина с градом обвинений в метафизике, неспособности к диалектическому мышлению и т. п., а по существу скатился к оправданию оппортунистической теории стихийности, теории самотека в рабочем движении.

В течение всего искровского периода Ленин также неуклонно вел борьбу с оппортунизмом на два фронта, вскрывая общность и различие позиций оппортунистов. «У экономистов и современных террористов, — пишет Ленин, — есть один общий корень, это — ... преклонение перед стихийностью... Экономисты и террористы преклоняются перед разными полюсами стихийного течения: экономисты — перед стихийностью «чисто рабочего движения», террористы — перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением»¹⁾.

Одновременно Ленин ведет решительную борьбу и с центристской разновидностью экономизма, группировавшейся вокруг «Рабочего дела», ибо без окончательного и полного разоблачения прикрытого экономизма нельзя разбить экономизм в целом.

Вскрыв с большевистской беспощадностью политическую сущность и классовые корни экономизма как влияния буржуазной идеологии на проле-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 419.

гариат, Ленин подверг его жестокой критике как в возглавленном им ответе революционной с.-д. на «Кредо» экономистов, так особенно в созданной им газете «Искра».

В борьбе с экономизмом, идейным разбродом и организационной кустарщиной Ленин разработал гениальный план строительства революционной партии пролетариата. Основой этого плана была задача сплотить кадры революционеров на местах в единую боевую организацию профессиональных революционеров, конспиративную, гибкую, связанную с массами, способную организовать и возглавить революционное движение масс.

Рассматривая приближавшуюся революцию «отнодь не в форме единичного акта..., а в форме нескольких быстрых смен более или менее сильного взрыва и более или менее сильного затишья», Ленин считал, что «основным содержанием деятельности нашей партийной организации, фокусом этой деятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна как в период самого сильного взрыва, так и в период полнейшего затишья, именно: работа политической агитации, объединенной по всей России...»¹⁾. На основе учета условий и особенностей развития революционного рабочего движения в России Ленин, мастерски применяя марксистскую диалектику, нашел то звено, ухватившись за которое можно было разрешить задачу создания пролетарской партии. Таким звеном было создание общерусской газеты, объединение вокруг нее кадров революционеров в боевую партию с программой, тактикой и четкой, гибкой организацией.

Оценивая впоследствии роль и значение «Искры» и профессиональных революционеров, Ленин писал: «Кто же реализовал, кто воплотил в жизнь эту наибольшую сплоченность, прочность и устойчивость нашей партии? Это сделала создавшаяся больше всего при участии «Искры» организация профессиональных революционеров». «Никакая другая организация, кроме искровской, не могла бы в наших исторических условиях, в России 1900—1905 годов создать такой социал-демократической рабочей партии, которая теперь создана. Профессиональный революционер сделал свое дело в истории русского пролетарского социализма. И никакие силы не разрушат теперь этого дела»²⁾.

Созданная и руководимая Лениным «Искра», а затем книга Ленина «Что делать» «не только разбили так называемый экономизм, но создали еще теоретические основы действительно революционного движения русского рабочего класса. Без этой борьбы нечего было и думать о создании самостоятельной рабочей партии в России и об ее руководящей роли в революции»³⁾.

Но и внутри редакции «Искры» Ленину пришлось вести решительную борьбу с будущими вождями меньшевизма (Плеханов, Аксельрод) по принципиальным программным и тактическим вопросам. Суть борьбы Ленина внутри редакции заключалась в преодолении им оппортунистических тенден-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 497.

²⁾ Там же, т. XII, стр. 63.

³⁾ Сталин, Вопросы ленинизма.

ций других членов редакции (Плеханов, Аксельрод и др.), тенденций, которые означали по существу уступки реформизму и экономизму.

В противоположность плехановскому проекту программы, который отличался академичностью и совершенно упускал из виду борьбу за гегемонию и диктатуру пролетариата, а партию пролетариата рассматривал как партию всех трудящихся и эксплуатируемых и который заключал в себе по сути реформистские положения о судьбах мелкого производства при капитализме,—в противоположность этому ленинский проект в качестве основного требования выдвигал борьбу за осуществление пролетариатом его исторической роли гегемона, ведущего за собой трудящееся крестьянство, борьбу за диктатуру пролетариата, за союз пролетариата и крестьянства, за национализацию земли, за партию пролетариата как решающую силу в борьбе за власть.

Зародыши меньшевизма во взглядах Плеханова и Аксельрод обнаруживались и в вопросах тактических и организационных. Выступления Ленина против либеральной буржуазии они считали «ошибкой», исходя из прямо оппортунистического утверждения, что «ход исторического развития России подготовил гегемонию буржуазной демократии... в борьбе с абсолютизмом» (Аксельрод).

В области организационной ленинский план создания боевой, централизованной и гибкой организации революционеров путем резкого размежевания с оппортунистами и для борьбы с ними Аксельрод считал «якобинской идеей», выступая принципиальным противником централистского построения партийной организации.

В этой борьбе внутри «Искры» таким образом уже намечались все основные принципиальные расхождения, намечались две линии: революционная — большевистская и оппортунистическая — меньшевистская.

В борьбе с экономизмом, с международным оппортунизмом и оппортунистическими тенденциями внутри «Искры», в упорной борьбе за создание боевой революционной партии пролетариата, программы и тактики этой партии вырастал и складывался ленинизм — международный большевизм, который «провел за три года, 1900 — 1903, старую «Искру» и вышел на борьбу с меньшевизмом как цельное направление»¹⁾.

Борьба Ленина против русского и международного оппортунизма имела огромное международное значение, и уже в 1902 году в брошюре «Что делать» Ленин писал о двух направлениях в международном социал-демократическом движении и о неизбежном расколе с оппортунистами²⁾.

* * *

Второй съезд РСДРП собрался в обстановке, которая характеризовалась нарастанием революции, поднимающимся революционным движением.

Кризис конца XIX и начала XX вв., охвативший ряд отраслей промышленности и особенно металлургическую, обусловил усиление и обострение стачечной борьбы.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 163.

²⁾ Там же, т. IV, стр. 366—367.

Союз буржуазии с самодержавием против развивающегося рабочего движения и жестокие меры к его подавлению вызвали быстрое перерастание экономической борьбы в политическую. Начало 900-х годов знаменуется высоким подъемом и обострением стачечной борьбы, который (подъем) приводит к вооруженной борьбе с полицией и войсками (ростовская стачка 1902 г.) и к массовому стачечному движению на юге России. Характерным также является и то, что во главе этого движения, руководимого революционной с.-д. и выдвигающего лозунги борьбы с самодержавием и за 8-часовой рабочий день, стоят металлисты.

Рост политической активности пролетариата в огромной степени влияет на все классы населения. Это влияние сказывается на движении крестьянства, которое в условиях растущего проникновения капитализма в деревню и усиления эксплуатации со стороны полукрепостнического помещичьего хозяйства принимает, особенно на юге, широкий размах. Растет также движение демократической интеллигенции—студенчества, оживляется и движение либеральной буржуазии.

В тесной связи с растущим и крепнущим революционным движением руководимая Лениным «Искра» вела борьбу за выработку программы, тактики и за организацию партии, способной руководить пролетариатом и обеспечить его гегемонию в приближающейся революции.

Создание партии было основной, решающей задачей, которую должен был разрешить подготовленный «Искрой» II съезд.

«В чем же состояла главная задача съезда?» — пишет Ленин. В создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой»¹⁾.

Наличие на съезде представительства таких организаций, которые вели борьбу с «Искрой» (Бунд, «Рабочее дело»), и таких, которые преследовали свои цели, хотя и признавали «Искру», а также отличавшихся неустойчивостью в принципиальном отношении (группа «Южного рабочего»), наличие различных группировок создавало условия, при которых съезд превратился «в арену борьбы за победу искровского направления» (Ленин). Съезд принял программу партии, в основу которой была положена идея диктатуры пролетариата, что было последовательным применением и продолжением учения Маркса и Энгельса и что принципиально отличало эту программу от программ партий II интернационала, в которых диктатура пролетариата не упоминалась. Каутский еще в комментариях к Эрфуртской программе германской с.-д. (1891 г.) отказывался от революционных форм переворота, считая, что «он никоим образом не связан с насилием и кровопролитием», а выступая против Бернштейна, центристски прикрывал его, указывая, что «решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры мы вполне спокойно можем предоставить будущему» («Бернштейн и с.-д. программа»).

На съезде за идею диктатуры пролетариата Ленин провел борьбу на два фронта, как против экономистов (Акимов, Мартынов), которые «выступили с воззрениями, которые были уже названы... оппортунизмом и кото-

¹⁾ Ленин, Собр. соч. т. VI, стр. 164.

рые «дошли до «опровержения» теории обнищания и до «оспаривания» диктатуры пролетариата» (протоколы, стр. 135), а также против реформистских вылазок Троцкого, который считал диктатуру пролетариата результатом мирного, автоматического перехода посредством получения большинства социалистами и отрицал руководящую роль партии при диктатуре пролетариата. Таким образом еще на II съезде эти взгляды Троцкого явились идейными истоками его меньшевистской теории невозможности победы социализма в одной стране ¹⁾.

Отстаивая идею союза пролетариата с крестьянством при гегемонии пролетариата, Ленин выдвинул аграрную программу и на съезде вел борьбу против антиискровцев и центра, которые не понимали и оппортунистически извращали роль и значение крестьянского движения в революции.

В национальном вопросе большевики в борьбе на два фронта, против Бунда и польских с.-д., отстаивали марксистскую линию на право наций на самоопределение.

Хотя основой всей борьбы между большевизмом и меньшевизмом на II съезде партии был вопрос о характере революции, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства для перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической в союзе с деревенской беднотой, но, как и в искровский период, борьба с оппортунистами на съезде концентрировалась на организационном вопросе, на вопросе о пролетарской партии, ее роли по отношению к массовому движению, ее внутренней организации и дисциплине, потому что эти задачи могли быть выполнены пролетариатом только под руководством боевой централизованной пролетарской партии.

Еще до съезда Ленин, учитывая нарастающую революцию и исходя из перспективы ее перерастания в социалистическую, ставил задачу «создать настоящую боевую организацию, способную направлять массы» ²⁾.

Создавая партию, Ленин боролся за такое ее построение, которое базировалось бы на монолитном единстве программы, тактики и организации. «Единство в вопросах программы и тактики, — писал Ленин, — есть необходимое, но еще недостаточное условие партийного объединения, централизации партийной работы... Для этого последнего необходимо еще единство организации, немислимое в сколько-нибудь выросшей из рамок семейного кружка партии без оформленного устава, без подчинения меньшинства большинству» ³⁾.

Свою основную задачу борьбы за власть и диктатуру пролетариат может выполнить только тогда, когда во главе его стоит вооруженная марксистской теорией революционная партия.

«У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации... Пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплывающей миллио-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 437, 256.

²⁾ Там же, т. V, стр. 209.

³⁾ Там же, т. VI, стр. 306.

ны трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала»¹⁾.

Это диалектическое единство идейных, тактических и организационных принципов является тем, что принципиально отличает большевизм от партий II интернационала, которые построены на эклектическом сочетании реформистской программы, оппортунистической тактики и бюрократической организации.

Вот почему главный водораздел, основное размежевание между меньшевиками и большевиками произошло по организационному вопросу, в частности по § 1 устава, ибо этот вопрос был решающим в создании ленинской партии нового типа.

* * *

Партия, которую строил Ленин, является самой передовой, сознательной и организованной частью рабочего класса, самым полным и высшим выражением политической борьбы пролетариата. Партия есть организация революционеров, теснейшим образом связанная с рабочим классом и с массой трудящихся, но в то же время не стирающая грани от остальной беспартийной массы как ее наиболее сознательная, авангардная, руководящая часть. Партия есть единая, монолитная организация, в которой «всякий член партии ответственен за партию, и партия ответственна за каждого члена»²⁾. В ленинской строгой формулировке первого параграфа устава партии чеканно выражены большевистские принципы организации партии, впитавшие в себя политические и организационные основы марксизма. В § 1 заложена задача непримиримой борьбы с оппортунизмом, расплывчатостью, недисциплинированностью, в нем четко выражены организационные основы воинствующего большевизма. «Своей формулировкой о членстве в партии большевики хотели создать организационную узду против наплыва непролетарских элементов в партии»³⁾. Меншевистская мартовско-троцкистская формулировка § 1 устава, не накладывающая на членов партии никаких обязательств, никакой дисциплины, не требовавшая личного участия в организации, была системой «самозачисления в партию... распространения «звания» члена партии на каждого «профессора» и «гимназиста», каждого «сочувствующего» и «стачечника», поддерживающего партию так или иначе, но не входящего и не желающего входить ни в одну из партийных организаций»⁴⁾. Эта формулировка целиком вытекала из реформистского, оппортунистического понимания партии. Основанная на меньшевистском отрицании гегемонии пролетариата в революции, эта формулировка воспроизводила по существу формулировку устава партий II интернационала.

Борясь против принижения понятия члена партии Мартовым, Ленин указывал, что «наша задача — оберегать твердость, выдержанность, чисто-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 328.

²⁾ Там же, стр. 33.

³⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 607.

⁴⁾ Там же, стр. 67.

ту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше»¹⁾.

Если ленинская формулировка требовала считать членом партии всякого, «признающего ее программу и поддерживающего партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций», то у Мартова членом партии считался каждый, признающий программу, материально поддерживающий партию и «оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». Если сопоставить мартовскую формулировку § 1 с уставом германской с.-д., принятым на Майнцском съезде в 1900 г., который гласит, что «принадлежащим к партии считается каждое лицо, которое признает принципы партийной программы и поддерживает партию длительное время денежными средствами», — то станет совершенно ясным, что меньшевики, смыкаясь с оппортунистами западноевропейской с.-д. и механически перенося вместе с с.-д. принципами опыт западноевропейской социал-демократии, стремились строить партию по их реформистскому образу и подобию.

«В сущности, — пишет Ленин, — уже в спорах о § 1 далее намечается вся позиция оппортунистов в организационном вопросе»²⁾.

Поэтому борьба Ленина за большевистское разрешение организационного вопроса имела огромное международное значение, ибо, будучи направлена против русской разновидности международного оппортунизма, она наносила удар и этому последнему. Это подтвердилось также тем, что в защиту меньшевиков против большевиков по организационным вопросам выступили Каутский и находившаяся тогда на меньшевистских позициях Р. Люксембург. Ленин в брошюре «Шаг вперед, два шага назад» писал, что вывод об оппортунизме меньшевиков в этом вопросе «подкрепляется и всем анализом нашего партийного съезда, разделяющегося на революционное и оппортунистическое крыло, и примером всех европейских социал-демократических партий, в которых оппортунизм по вопросу выражался в тех же тенденциях, в тех же обвинениях, а сплошь да рядом и в тех же самых словечках»³⁾.

Раскол на II съезде по организационному вопросу, завершившийся борьбой за состав руководящих органов партии, и обусловил возникновение двух партий: пролетарской, революционной — большевистской, и мелкобуржуазной — меньшевистской.

Всемирно-историческое значение II съезда заключается прежде всего в том, что он завершил работу «Искры», работу по созданию централизованной рабочей партии, и положил начало существованию большевизма. «Большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 г.»⁴⁾.

Из борьбы на съезде возникло то изменение качества бывших среди русской с.-д. течений, борьба между которыми еще до съезда подготовляла

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 33.

²⁾ Там же, стр. 60.

³⁾ Там же, стр. 319.

⁴⁾ Там же, т. XXV, стр. 174.

размежевание с.-д. на две непримиримых партии. «Экономизм», — пишет Ленин, — видоизменился в «меньшевизм». Отстаивание революционной тактики «Искры» создало большевизм¹⁾.

Непримиримые расхождения между большевиками и меньшевиками по оргвопросам сразу после съезда стали перерастать в разногласия тактические и программные по всем основным вопросам революции.

Корни этих расхождений были заложены еще в борьбе Ленина с экономизмом, в разногласиях внутри редакции «Искры» и в борьбе за программу на II съезде.

В своем великом произведении «Шаг вперед, два шага назад» Ленин дает гениальный анализ политического значения сложившегося на II съезде деления на большевиков и меньшевиков и анализ борьбы на съезде. Подводя итог диалектического развития партийной борьбы, Ленин пишет: «Наш партийный съезд был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее сколько-нибудь заметной части в вопросах программы, тактики и организации»²⁾.

В этой работе, посвященной итогам съезда, Ленин дал нашей партии образец марксистско-ленинской диалектики в изучении возникновения и развития партии путем преодоления противоречий, образец величайшей тщательности, научной добросовестности, конкретного изучения диалектического процесса возникновения, развития и разрешения противоречий, — такого разрешения, которое укрепляет партию, образец изучения закономерности развития партии в борьбе на два фронта, закономерности образования и развития оппортунистических группировок по принципиальным вопросам.

Ленинский анализ хода и исхода борьбы на съезде является величайшим уроком борьбы воинствующего большевизма за правильную линию партии, уроком последовательной, беспощадной критики и самокритики, вскрывания классовой природы, политической и логической непоследовательности ошибочных позиций, вскрывания всех корней оппортунистических шатаний, колебаний, мелкобуржуазной интеллигентской мягкотелости, распущенности, «барского анархизма», недисциплинированности, мелочности и т. п., разоблачения приемов борьбы оппортунистов, уроком выработки большевистски-непримиримых методов борьбы и преодоления разногласий для очищения партии от оппортунистов, ибо «партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов» (Сталин).

Поэтому Ленин требовал от каждого члена партии, желающего «сознательно участвовать в делах своей партии», обязанности «тщательно изучать наш партийный съезд», особенно протоколы съезда, «которые дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVIII, стр. 219.

²⁾ Там же, т. VI, стр. 326—327.

участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу»¹).

На основе своего детального и глубокого анализа хода борьбы на съезде и после съезда Ленин доказывает, что происшедший раскол на большевиков и меньшевиков был неслучайным явлением, что он вытекал из всей предшествовавшей истории борьбы за марксистские идейные, тактические и организационные принципы пролетарской партии, ибо «все последнее десятилетие в истории русской (и не только русской) социал-демократии неизбежно и неминуемо приводило к такому разделению»²). С другой стороны, эта закономерность раскола вытекала из борьбы на самом съезде, на котором скрещивались все основные противоречия по принципиальным вопросам, создавались основные группировки в составе борющихся сторон, на котором на всех стадиях борьбы закладывались и оформлялись основы двух противоположных политических линий, определивших всю последующую борьбу между большевизмом и меньшевизмом.

Подводя в конце книги итоги развития партийной борьбы, Ленин дает сжатую яркую формулировку ее диалектического развития путем противоречий.

«Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, — пишет Ленин, — мы легко увидим, что основной состав обеих борющихся сторон все время был за малым исключением один и тот же. Это была борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр. и пр.». Перечисляя затем главные стадии этой борьбы от спора о § 1 устава на съезде и послесъездовской борьбы, Ленин указывает, что «каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельные сражения в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство — меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дрязге, но затем начинается «отрицание отрицания» и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «анти-тезиса» и превратился в высший синтез, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления

¹) Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 161.

²) Там же, стр. 274.

с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю»¹⁾).

И далее Ленин решительно выступает против попыток представителей оппортунистического крыла, в частности Плеханова, оправдать свои политические зигзаги и переход к оппортунизму ссылкой на диалектику.

Ленин подчеркивает, что «великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще — не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой *meterte la coda dove non va il capo* (просунуть хвост, где голова не лезет)»²⁾.

II съезд и возникновение большевизма имели всемирно историческое значение и означали наступление новой эпохи в развитии международного революционного движения. Наступал конец господства социал-демократизма II интернационала в рабочем движении. Начиналась эпоха международного большевизма, эпоха борьбы за диктатуру пролетариата, за мировую социалистическую революцию.

Вся последующая борьба Ленина и большевиков за партию «нового типа», против меньшевиков и Троцкого — разновидности западноевропейского оппортунизма и центризма, была в то же время борьбой против международного оппортунизма. Поэтому не случайно, что на защиту организационного оппортунизма меньшевиков выступил Каутский, который в меньшевистской «Искре» писал о «вреде» ленинского принципа централизованной партии и о том, что он в организационном вопросе «решительно высказался бы за Мартова», против Ленина. Стоявшая в тот период на меньшевистских позициях Р. Люксембург также выступила в защиту меньшевиков с проповедью хвостизма и против якобы «ультрацентризма» Ленина. Даже Бебель — вождь II интернационала — делал попытки примирить накануне III съезда большевиков с меньшевиками, на что Ленин ответил решительным отказом.

С самого начала своей борьбы с меньшевизмом Ленин проводил линию на раскол с оппортунизмом как с российским, так и во II интернационале. Говоря о связи и зависимости меньшевиков от западноевропейского оппортунизма, Ленин указывал, что вместо принципиальной постановки вопроса «меньшинство смотрит на съезд, как смотрят все социал-демократи-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 324—326.

²⁾ Там же.

ческие партии на Западе... Нужно товарищеское отношение... нужно-де спеться»¹⁾. А по поводу потуг Каутского играть в «беспристрастие» Ленин, разоблачая эти потуги, в письме Международному социалистическому бюро писал, что «нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую социал-демократию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах Российской социал-демократии».

Таким образом международное значение II съезда и возникновения большевизма заключается в том, что он положил начало той линии на раскол, на разрыв с оппортунистами, которая обеспечила большевизму победу и полный разгром оппортунизма.

Поскольку вопросы рабочего движения в России «были вместе с тем коренными вопросами мировой революции, задачам которой подчиняли большевики свою политику, свою тактику» (Сталин), Ленин еще «с 1903—1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дало о себе знать «левое» крыло в германской социал-демократии, вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас в Российской социал-демократической партии, и там, во II интернационале, в частности в германской социал-демократии. Всякий большевик знает, что именно поэтому большевики уже тогда (1903—1905 гг.) снискали себе в рядах оппортунистов II интернационала почетную славу «раскольщиков» и «дезорганизаторов»²⁾.

Вся история большевистской партии после II съезда является историей борьбы за партию, за ее идейные, тактические и организационные принципы. В этой борьбе «вырос, окреп и закалился большевизм» (Ленин). В борьбе с врагами внутри рабочего движения и с оппортунизмом в своих собственных рядах большевизм разрабатывал стратегию, тактику и организацию борьбы за диктатуру пролетариата.

В период подготовки и развития первой русской революции 1905—1907 гг. большевизм вел борьбу за гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции, за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, за немедленное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, за пролетарские методы борьбы, за большевистское руководство партии борьбой рабочего класса и непоколебимое единство партийных рядов. И революция 1905 года, в которой все классы выступили открыто, в которой в широкой и острой борьбе масс проверялись программные и тактические взгляды, эта революция «проверила, укрепила, углубила и закалила непримиримо-революционную социал-демократическую тактику в России»³⁾. Рабочий класс в своей борьбе с самодержавием шел «во время революции с большевиками при всех крупных выступлениях»⁴⁾.

Вся тактическая линия меньшевиков в революции 1905 г., их равнение на либеральную буржуазию как главную движущую силу революции,

¹⁾ Лен. сб. XVI, стр. 75.

²⁾ Сталин, Письмо в ред. журнала «Пролетарская революция».

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 219.

⁴⁾ Там же.

непонимание роли крестьянства в революции, отрицание необходимости централизованной партии и ее руководящей роли, проповедь хвостизма — вся эта линия меньшевиков была основана на оппортунистической теории и тактике западноевропейской социал-демократии. Меньшевики в их борьбе с ленинским учением о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, с идеей революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства активно поддерживались II интернационалом, включая и германских «левых». Ленин отстаивал и разрабатывал большевистскую стратегию и тактику в революции, в борьбе на два фронта как со II интернационалом, его теорией «китайской стены» между буржуазной и пролетарской революцией, с меньшевизмом, проводившим «либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении» (Ленин), так и с «лево»-меньшевистской теорией перманентной революции Парвуса — Троцкого и примыкавшей к ним Р. Люксембург.

Вскрывая сущность оппортунизма меньшевиков в революции 1905 г., Ленин писал: «Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму — в этом была его суть»¹⁾.

Еще перед революцией меньшевики в противоположность ленинскому учению о единой централизованной пролетарской партии выдвигают свое учение о партии, которая должна представлять «сумму всех оттенков и течений партийной мысли» (Троцкий). Это учение развивает Аксельрод в новой «Искре» и Троцкий в брошюре «Наши политические задачи». Троцкий прямо указывал, что «вся наша задача лежит целиком в области политической тактики. Мы... не выставляем самостоятельных организационных задач и думаем, что самые неотложные из них разрешаются попутно в процессе политической борьбы. В этом смысле мы действительно оппортунисты в организационном вопросе».

Таким образом еще в эпоху первой русской революции меньшевизм выработал организационные взгляды, которые являлись механическим перенесением организационных принципов партий II интернационала. Поэтому в борьбе с меньшевизмом в организационных вопросах Ленин выступал и против оппортунизма II интернационала.

Период между двумя революциями, особенно в годы реакции (1907—1910), был периодом тяжелых испытаний для партии, периодом упорной борьбы за партию, за ее идейные, тактические и организационные принципы.

В условиях политической и общественной реакции, идейного разброда, упадка, деморализации, ренегатства колеблющихся, неустойчивых элементов большевики были единственной партией, которая сумела отступить в полнейшем порядке, сумела сохранить и укрепить живую связь с массами, обеспечить руководство ими и преодолеть оппортунизм и ликвидаторство меньшевиков, примиренчество, центризм Троцкого — эту гнуснейшую разновидность меньшевизма, а также левацкие шатания и отзовизм в своих рядах.

Большевики были единственной революционной партией, которая су-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 219.

мела извлечь колоссальный опыт из всей борьбы как в 1905—1907 гг., так и в эпоху реакции. Только большевики сумели по-марксистски воспринять «настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу»¹⁾.

В период между двумя революциями Ленин и Сталин вели борьбу за партию на два фронта: против ликвидаторов справа и слева, против троцкизма — русского центризма, разновидности ликвидаторов, и против примиренчества. В этой борьбе они последовательно проводили линию на раскол с оппортунизмом не только в России, но и на международной арене. Эта линия привела к полной победе большевизма, к изгнанию оппортунистов из партии и обеспечила завоевание на сторону большевизма большинства сознательных рабочих.

II интернационал активно поддерживал меньшевиков, предоставляя свои печатные органы «Neue Zeit» и «Vorwärts» Мартову, Троцкому для защиты ликвидаторов и борьбы с большевиками.

Борясь против Каутского, поддерживающего ликвидаторство, Ленин выступал и против «левых» — Р. Люксембург, требовавших единства всех фракций и течений. В беспощадной борьбе с оппортунизмом росла, крепла и закалялась партия большевиков.

В период реакции у меньшевиков обнаружилось «усиление тяги к философскому идеализму, мистицизму как облачению контрреволюционных настроений»²⁾, которое нашло свое отражение и в большевистской партии. Проводниками кампании философской ревизии марксизма, замены его разновидностью идеализма — эмпириокритицизмом Маха и Авенариуса, явились не только меньшевики — Юшкевич и др., но и представители отзовистов — Богданов, Луначарский и др.

Ленин решительно выступил против этой философской ревизии марксизма, против богоискательства и богостроительства. Вскрывая классовые и гносеологические корни этой ревизии, Ленин писал, что «это течение является формой борьбы мелкобуржуазных тенденций с пролетарским социализмом-марксизмом»³⁾. Против Богданова выступил Плеханов, который однако, как и ранее в борьбе с кантианством, допускал значительные ошибки.

В своей бессмертной книге «Материализм и эмпириокритицизм», которая наряду с работами Энгельса «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» является величайшим произведением марксизма, Ленин поднял марксистскую философию на новую, высшую ступень, нанес сокрушительный удар реакционной философии и вооружил партию в ее борьбе за марксистскую теорию. Тов. Сталин, говоря о значении этой работы Ленина для партии, для марксистской теории, писал: «Не кто иной как Ленин взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антимарксистских течений среди марксистов. Эн-

1) Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 176.

2) Там же.

3) Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 452.

гельс говорил, что материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием. Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной как Ленин в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению этой задачи¹⁾. В статье «Наши упразднители» (т. XV) Ленин указывает, что эта борьба с ревизией марксистской теории, связанная с борьбой за партию, за ее идейные основы, имела огромное международное значение.

Вся последующая история нашей партии есть история борьбы Ленина и большевиков за укрепление партии путем очищения ее от оппортунизма, история борьбы с реформизмом, социал-шовинизмом, каутскианством, преодоления непоследовательности «левых» в западноевропейской с.-д. — история борьбы, в которой большевизм разгромил оппортунизм и «создал идейные и тактические основы III интернационала»²⁾.

Наша партия руководила пролетариатом в годы империалистической войны и в Февральской революции 1917 г. В борьбе с меньшевиками, эсерами и штрейкбрехерами в своих рядах наша партия под руководством Ленина и Сталина подготовила и руководила осуществлением Октябрьской революции и утверждением в России диктатуры пролетариата.

Наша партия является основательницей и передовым отрядом Коммунистического интернационала — международной партии нового типа, партии ленинизма.

С Октябрьской революции началась эпоха мировой социалистической революции, эпоха диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР.

Основной движущей и направляющей силой диктатуры пролетариата, орудием ее укрепления является ленинская большевистская партия.

Эпоха диктатуры пролетариата есть эпоха ожесточенной классовой борьбы пролетариата с отживающими враждебными классами, борьба за социалистическую перестройку хозяйства страны, за социалистическое перевоспитание миллионных масс трудящихся.

В эту эпоху в огромной степени возрастает значение борьбы за партию. «Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская — против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно»³⁾.

Поэтому против партии как главной ведущей силы диктатуры пролетариата, руководящей строительством социализма и классовой борьбой пролетариата, направлена ненависть и борьба враждебных классов и их

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 385.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 191.

оппортунистической агентуры, пытающейся изнутри разрушить железное единство партии, подменить ленинское учение о партии меньшевизмом, навязать партии оппортунистические традиции и догмы II интернационала.

Под руководством Ленина и Сталина наша партия вскрывала классовые корни, сущность и тенденции развития всех оппозиционных и антипартийных группировок, пытающихся в различных формах возродить меньшевизм.

Ленин указывает на два «потока» мелкобуржуазных шатаний в эпоху диктатуры пролетариата, борьба с которыми на два фронта является важнейшим условием победы генеральной линии партии.

«Каждый своеобразный поворот истории вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата.

Мелкобуржуазный реформизм, т. е. прикрытое добренькими демократическими и «социал»-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле, — таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма. Форма их видоизменяется теперь в связи с известным поворотом экономической политики советской власти»¹⁾.

На протяжении всей истории внутривнутрипартийной борьбы после Октября партия вела беспощадную борьбу на два фронта с оппортунизмом в самых различных формах его проявления, отражающих сопротивление враждебных пролетариату классов на каждом данном этапе социалистического наступления пролетарской диктатуры.

Особенную остроту борьба с оппортунизмом приобрела в период подготовки и победоносного проведения большевистского развернутого социалистического наступления, которое партия проводит под руководством т. Сталина.

В борьбе за марксистско-ленинскую теорию, за твердое проведение генеральной линии, за развитие и укрепление большевистской партийности, за партию под руководством т. Сталина, верного и непоколебимого соратника Ленина, гениального вождя и теоретика международного пролетариата, партия разбила троцкизм, превратившийся в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, правый оппортунизм, отражавший сопротивление уничтожаемого кулачества, право-левацкий блок двурушников и антисоветские группировки буржуазных перерожденцев. Все возникавшие и разбитые партией течения вели борьбу против марксистско-ленинского учения, против диктатуры пролетариата и социалистического строительства, но центром своих нападков они делали большевистскую партию, ее единство, дисциплину, ее ленинское руководство, потому что партия является основной, решающей силой диктатуры пролетариата и победоносного строительства социализма.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 5.

Величайшие всемирно исторические победы в социалистическом строительстве нашей страны, которыми мы оказываем «главное свое воздействие на международную революцию» (Ленин), привели к тому, что в нашей стране построен фундамент социализма, что СССР, вступив в период социализма, прочно укрепился на социалистическом пути и, опираясь на созданную могучую индустрию и коллективизированное сельское хозяйство, продолжает двигаться вперед к полной победе коммунизма. Эти успехи достигнуты партией потому, что она беспощадно разоблачила и разбила враждебные марксизму-ленинизму буржуазные теории и носителей их — троцкистов и правых оппортунистов, разгромила их и выкинула вон, потому что в этой борьбе партия укрепляла свое единство, росла и закалялась для преодоления всех трудностей и препятствий.

В борьбе с враждебными теориями партия под руководством своего вождя и теоретика т. Сталина вскрыла и разгромила все попытки ревизии марксистско-ленинской теории, нанесла сокрушительный удар меньшевистской ревизии марксизма-ленинизма, механицизму, который является методологической базой правого оппортунизма, и меньшевистствующему идеализму, являющемуся методологией левацких загибов, поставляющему методологическое оружие контрреволюционному троцкизму.

В борьбе на два фронта на теоретическом участке социалистического строительства партия достигла также огромных успехов, завоевывая и укрепляя позиции марксизма-ленинизма во всех областях.

В борьбе на два фронта против оппортунизма и враждебных марксизму теорий Ленин развивал и разрабатывал учение Маркса—Энгельса во всех областях применительно к условиям эпохи империализма и пролетарской революции.

Соратник и верный последователь Ленина т. Сталин продолжает дело Маркса—Энгельса—Ленина, развивает и разрабатывает марксистско-ленинское учение со всех сторон. В борьбе с врагами марксизма-ленинизма т. Сталин развил и обогатил ленинское учение о построении социализма в одной стране, о диктатуре пролетариата, о пролетарской партии; под его руководством наша партия проводит ленинскую политику индустриализации страны и социалистической перестройки сельского хозяйства, ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Под руководством т. Сталина партия победоносно осуществляет задачи второй пятилетки, крепит мощь диктатуры пролетариата, борется за укрепление партии и сплочение масс вокруг ленинского ЦК.

* * *

Вся история нашей партии, партии революционного пролетариата, родившейся, выросшей и закалившейся в борьбе рабочего класса против капитала и его оппортунистической агентуры внутри рабочего движения, есть история борьбы за идейные, тактические и организационные принципы марксизма-ленинизма. Эта борьба нашей партии есть главная особенность и дви-

жающая сила ее развития. Ленин еще в период «Искры», когда закладывались основы большевистской организации партии, писал, что «без борьбы не может быть и разборки, а без разборки не может быть и успешного движения вперед»¹⁾.

В годы империалистической войны, проследивая основные этапы борьбы партии с оппортунизмом, Ленин приходит к выводу, что «рабочий класс в России не мог сложить своей партии иначе, как в решительной тридцатилетней борьбе со всеми разновидностями оппортунизма»²⁾.

Организатор, вождь и теоретик большевизма т. Сталин, развивая и разрабатывая марксистско-ленинское учение о партии, на основе глубокого анализа всей истории нашей партии выяснил и показал диалектическую закономерность ее развития путем борьбы противоречий. «Все прошлое нашей партии, — говорит т. Сталин, — является подтверждением того положения, что история нашей партии есть история преодоления внутривнутрипартийных противоречий и неуклонного «укрепления рядов нашей партии на основе этого преодоления»³⁾). Указывая на то, что эти противоречия не являются случайными, а имеют классовые корни, порождаются объективным ходом классовой борьбы, возникают в ходе борьбы пролетариата и развития партии, т. Сталин отмечает, что эти противоречия имеют поэтому принципиальный характер и что их нельзя замазать, нельзя примирить, свести к «средней» линии. Принципиальные противоречия непримиримы. «Эти противоречия решаются борьбой» (Сталин). «Средняя «линия по принципиальным вопросам» есть линия идейного перерождения партии, «линия» идейной смерти партии»⁴⁾.

«Выходит, — говорит далее т. Сталин, — что ВКП росла и крепла через преодоление внутривнутрипартийных противоречий.

Выходит, что преодоление внутривнутрипартийных разногласий путем борьбы является законом развития нашей партии»⁵⁾.

Эту борьбу за преодоление противоречий и укрепление партии на основе этого преодоления наша партия, руководимая Лениным и Сталиным, всегда вела «на два фронта... как против «левых», так и против явно меньшевистских уклонов... наша партия росла и крепла в борьбе с обоими уклонами — и с правым и с «левым»... Борьба на два фронта является единственно правильной политикой партии»⁶⁾.

Борьба на два фронта есть закон развития, роста и укрепления большевизма, в то время как законом развития оппортунистических партий, групп и течений, — которые вместо разрешения противоречий в борьбе ведут политику «средней» линии, линии замазывания противоречий, — законом их развития является закон развала и распада. «Вся история с.-д. групп, борющихся с нашей партией, есть история развала и распада»⁷⁾.

В борьбе на два фронта вырос, окреп и закалился большевизм, в борь-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVIII, стр. 65.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 203.

³⁾ Сталин, Еще раз о с.-д. уклоне.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 380—381.

⁷⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 222.

бе на два фронта под руководством т. Сталина растет и крепнет стальная когорта большевиков-ленинцев, непоколебимо проводя генеральную линию партии, руководя пролетарской диктатурой и успешно осуществляя строительство бесклассового общества.

Исторические решения XVII партконференции, январского пленума ЦК ВКП(б) и выступления т. Сталина, которые подвели итоги гигантской работы и борьбы, проведенной партией в осуществлении ленинской генеральной линии, поставили перед партией задачи ликвидации классов и построения социализма в нашей стране во второй пятилетке, задачи укрепления мощи пролетарской диктатуры и ее основной руководящей силы — большевистской партии, задачи беспощадной борьбы с классовыми врагами и их оппортунистической агентурой на два фронта и особенно с правым оппортунизмом, являющимся главной опасностью на данном этапе.

Партией поставлена также задача непримиримой борьбы на два фронта на теоретическом участке социалистического наступления, борьбы со всеми попытками ревизии и фальсификации марксистско-ленинской теории и истории нашей партии.

В соответствии с этими новыми задачами, требующими усиления боеспособности партии, работы и руководства по-новому, партия по указаниям т. Сталина проводит в деревне перестройку всей своей работы, дополняя территориальную форму построения партийной организации производственной и поднимая на новую, высшую ступень строительство партии нового типа.

Партия создала в МТС, совхозах и на транспорте политотделы для организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов и совхозов и для усиления и повышения качества руководства, дисциплины и ответственности на транспорте. В промышленности партия также перестраивает по-новому все формы работы, усиливая оперативность и конкретность руководства, образцом которого является каждое решение ЦК.

Величайшие задачи, поставленные партией во второй пятилетке, и проведение перестройки всей нашей работы требуют мобилизации творческой активности миллионных масс рабочих, колхозников и трудящихся вокруг нашей партии для борьбы за проведение генеральной линии, за победу социализма.

Это ставит перед партией задачу усиления своей боеспособности, сплоченности, дисциплины, требует проведения большевистской критики и самокритики всех недостатков работы для их исправления, требует повышения революционной бдительности, высокой сознательности, идейной вооруженности и умения конкретно руководить массами, по-большевистски бороться с классовыми врагами и оппортунизмом, требует беззаветной преданности партии и активного проведения в жизнь ее решений.

Высшим выражением большевистской самокритики и действительным средством усиления боеспособности, укрепления дисциплины и очищения от оппортунистов, чуждых и неустойчивых элементов является чистка партии. Чистка партии является доказательством величайшей силы нашей партии.

Необходимость самокритики и чистки партии заложена в самой природе нашей партии и вытекает из тех принципов организации партии, за

которые боролся Ленин на II съезде партии и которые обеспечивают партии ее монолитность, ее величайший авторитет и которые поднимают на огромную высоту звание члена ленинской партии.

Славный боевой тридцатилетний путь нашей партии заставляет гордостью биться сердце каждого большевика, каждого рабочего и трудящегося. Оглядываясь на пройденный путь, партия изучает гигантский опыт борьбы и побед большевизма для мобилизации всех своих сил, для дальнейшего успешного движения вперед к новым боям и победам.

Для организаторов, вождей и теоретиков большевизма Ленина и Сталина история нашей партии никогда не была архивом, к которому обращаются за историческими справками. История большевизма, который является самым концентрированным выражением наиболее передового, наиболее революционного, что есть во всем международном рабочем движении, история нашей партии, созданной и воспитанной гением Ленина и Сталина, закаленной в борьбе с врагами, могучей руководящей силой диктатуры пролетариата, — эта история была для них боевым руководством к революционному действию, руководством в борьбе за победу социализма, в борьбе международного пролетариата.

Ленин и Сталин всегда обращались к истории партии как к богатейшей сокровищнице революционного опыта для вооружения партии наиболее сильным и острым оружием в борьбе с оппортунизмом. Примерами такого боевого использования истории партии для борьбы с врагами внутри рабочего движения и воспитания большевистских кадров партии могут служить великие произведения Ленина: «Что делать», «Шаг вперед, два шага назад», «Заметки и «дневник публициста», «Социализм и война», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и др., а также произведения Сталина: сб. «Об оппозиции», «О социал-демократическом уклоне в нашей партии», «Еще раз о с.-д. уклоне», «О некоторых вопросах истории большевизма» и др.

«Мы, — писал Ленин, — всегда осуждали и как марксисты обязаны осуждать тактику живущего «со дня на день». Нам недостаточно минутных успехов. Нам недостаточно и вообще расчетов на минуту или на день. Мы должны постоянно проверять себя, и зучая цепь политических событий в их целом, их причинной связи, их результата. Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра»¹⁾.

В борьбе против нашей партии троцкисты пытаются извратить, фальсифицировать историю большевизма, оклеветать Ленина и большевиков, «протащить троцкистский хлам под флагом «левых» социал-демократов довоенного периода, под флагом люксембургизма» (Каганович). Тов. Сталин вскрыл и разоблачил троцкистскую контрабанду и поставил перед партией задачу «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски»²⁾.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 215.

²⁾ Сталин, О некоторых вопросах истории большевизма.

Партия требует решительной борьбы с формальным изучением истории партии, которое сводится к хронологии, к описанию событий и фактов без связи между ними. «Нужно диалектическое изучение истории партии, нужно, дальше, заострение внимания на главных и основных вопросах, на решающих этапах нашей революции», ибо «вся наша история есть программа, стратегия и тактика, организация героической борьбы лучших передовых элементов нашего класса за победу диктатуры пролетариата, за уничтожение классов, за коммунизм»¹⁾.

Изучение истории большевизма, истории борьбы за марксистско-ленинскую теорию, стратегию, тактику и организацию партии, имеет решающее значение в борьбе за партийность теории во всех областях. История нашей партии вооружает нас величайшим оружием действенной марксистско-ленинской диалектики, умением в своей борьбе и работе смело, по-большевистски преодолевать трудности, увязывая всю свою теоретическую, учебную и практическую работу с борьбой за генеральную линию нашей большевистской партии.

Высоко держа знамя Ленина, знамя большевистской партийности, под руководством вождя и учителя партии и Коммунистического интернационала т. Сталина наша партия уверенно и твердо идет навстречу новым боям, к новым победам, к полному торжеству великого дела Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, к победе коммунизма во всем мире.

¹⁾ Каганович, За большевистское изучение истории партии.

Марксизм-ленинизм о культуре и культурной революции *)

П. Юдин

1

Вопросы культуры в истории нашей партии, в ее борьбе за победу рабочего класса над капитализмом и за построение социализма занимали и занимают довольно большое место. Они имеют важнейшее политическое значение. Это не абстрактно академические, а сугубо политические вопросы, вокруг которых партия ведет самую ожесточенную, самую решительную борьбу со всеми и всяческими уклонами. Характерно, что внутрипартийные уклонисты, ревизионисты марксизма-ленинизма, извращая коренные вопросы мировоззрения пролетариата, ревизуют и марксистско-ленинские взгляды на вопросы культуры и культурной революции. Поэтому в изложении этой проблемы мы стараемся больше всего уделить внимания именно политической стороне учения о культуре в связи с задачами социалистического строительства.

В нашей литературе, посвященной специально вопросам культуры, обычно не дается сколько-нибудь обстоятельного рассмотрения всего содержания культуры по существу и часто сбиваются при изложении этих вопросов на рассмотрение только так называемой духовной культуры, на рассмотрение вопросов узко или непосредственно идеологического порядка. Сводить содержание культуры только к идеологии неправильно. Это неправильно потому, что марксистско-ленинское понимание культуры не исчерпывается рассмотрением только проблем идеологии.

Маркс и Энгельс, начиная с первых работ, в которых они решительно становятся на сторону рабочего класса («Критика философии права Гегеля», 1842 г.), и особенно в последующих работах («Святое семейство», 1844 г.), уже со всей определенностью в основном сформулировали исходные позиции нового мирозерцания, нового понимания законов развития природы и общественной жизни. Изложение нового мирозерцания — революционного марксизма — в классической форме дано в «Немецкой идеологии» (1845 г.) и в «Нищете философии» (1847 г.), и в программной форме это мировоззрение было изложено в «Коммунистическом манифесте» (1847—48 г.). В этих работах было обосновано и новое учение о культуре.

Маркс к обществу подошел как к естественно-историческому процессу. С этой точки зрения он подошел и ко всей культуре человечества. История культуры, с точки зрения Маркса — Энгельса, целиком определяется исто-

*) Стенограмма доклада на научной сессии Института философии Комкадемии, посвященной 50-летию со дня смерти Карла Маркса.

рией развития материальных производительных сил. Причем сама культура понимается ими шире, чем только «духовное производство». Духовное производство или «духовная культура» — производное культуры материальной, в основе духовной культуры лежит культура материальная. «Определенной формой материального производства обуславливается, во-первых, определенное отношение человека к природе. Тем и другим определяются его государственной строй и его мирозерцание. А следовательно и характер его духовного производства»¹).

Культура, взятая в целом, в широком смысле, таким образом выражает собою совокупность всех сторон общественной жизни; она является результатом овладения человеком законами природы и общества на определенной исторической ступени его развития, итогом развития техники, науки, а также организационных и производственных навыков, накопленных человечеством в процессе общественного материального и духовного производства, — орудием дальнейшего увеличения власти общества над силами природы и самими общественными отношениями, в частности, в классовом обществе — орудием классового господства. Точнее можно сказать, что к области культуры относятся: создание орудий труда и использование их в борьбе с природой — техника; организация общественного труда и рабочей силы, выражающая собою степень овладения материальными средствами производства; быт как наиболее устойчивое выражение уровня и характера материальных условий жизни различных классов общества; мораль, право, наука, искусство, литература, философия — вся совокупность идеологических надстроек. Из этого понимания культуры исходит Ленин, когда он говорит: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знание, искусство» (речь в Ленинграде 13/III 1919 г.).

Если мы обратимся к анализу взглядов Ленина на вопросы культуры, то найдем, что почти во всех случаях вопросы культуры рассматриваются им значительно шире, чем только идеология. Возьмем только что приведенное положение Ленина, где он говорит, что мы должны взять всю культуру, которую оставил капитализм, и из нее построить социализм. Если ограничиться в понимании вопросов культуры только областью идеологии, ясно, что тогда не понять этого положения Ленина, потому что только из идеологии нельзя построить социализма.

В речи о советской власти Ленин говорил:

«Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что навязывают свою культуру победителям».

Дальше он ставит вопрос о советской власти и говорит, что «у нас в Москве, в столице Советского союза, — 4.800 коммунистов, но не оказались ли мы подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто бы получиться впечатление, что у побежденных, т. е. у буржуазии, высокая культура. Ничего подобного, культура у них мизерная, ничтожная, но во всяком случае она больше, чем у наших ответственных работников, потому, что у них нет искусства управлять».

Ленин к вопросам культуры подходит с различных сторон, в зависимости от характера проблемы, в связи с которой он рассматривает этот вопрос, в зависимости от конкретной обстановки, в которой он подходит к решению данного вопроса. В 1918 г. в одном из своих докладов Ленин, касаясь вопросов, от которых зависят судьбы советской власти, говорил:

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 250.

экономической, политической власти у нас достаточно, но чего нам не хватает, чтобы справиться с задачами, которые перед нами стоят? Нам, говорил Ленин, тому слою коммунистов, которые управляют, не хватает культурности. И Ленин сейчас же разъясняет, какое содержание он в это вкладывает. Он говорит, что нашим коммунистам не хватает умения четко работать, умения последовательно проводить намеченные мероприятия, нашим руководящим слоям коммунистов не хватает необходимых знаний в тех или иных областях науки, знаний тех областей, в которых они управляют, которыми они руководят.

В этом случае Ленин дает совершенно определенное понятие той культуры, которой не хватает коммунистам.

Он говорит, что наше государство пролетарское, но с бюрократическими извращениями, что наш государственный аппарат, особенно в первые годы революции, много унаследовал от старого буржуазного аппарата, что в нашем государственном аппарате остатки старого чиновничества принесли с собой высокомерное буржуазное отношение к массам, принесли с собой взяточничество, все отрицательные стороны старого чиновничества: бездушие, бюрократизм и т. д. И Ленин, ставя вопрос о смертельной борьбе с бюрократизмом, тут же непосредственно в связи с этим вопросом выдвигает и проблему культурной революции, говоря, что работники советского аппарата, советские работники, должны стать культурными работниками.

Ленин в этом случае ставит вопрос о культуре в связи с умением управлять.

Разрабатывая план электрификации, Ленин говорит: «Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности и недостаточно понимать, что такое электричество, надо знать, как технически приложить его к промышленности, к земледелию и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрадающее трудящееся население».

Таким образом здесь Ленин ставит вопросы культуры в связи с вопросом электрификации и говорит, что мало простой грамотности, мало простого знания электричества — нужно уметь применять это знание к промышленности и сельскому хозяйству и к отдельным отраслям промышленности и сельского хозяйства.

На различных этапах, подходя с различных сторон к вопросам культуры, Ленин каждый раз вкладывает в это понятие определенное, конкретное содержание. Когда Ленин говорил о политехническом просвещении народных масс, он заявлял, что первым условием всякой культуры, условием сознательной политической деятельности является грамотность. Он говорил в этих случаях: нам бы для начала побольше общей грамотности для широких трудящихся масс. Вопросы культуры Ленин ставит и тогда, когда он говорит о развитии науки, техники, промышленности, сельского хозяйства и т. п.

Возьмем решение Лениным коренного и самого трудного вопроса пролетарской революции — переделки мелких собственников, мелких производителей, крестьянства, кооперирования крестьянского хозяйства. Поставив эту задачу как основную, Ленин говорит, что, решив эту задачу, мы бы обеими ногами стояли на почве социализма, но для того, чтобы решить ее, нужна целая культурная революция, имеющая своей экономической целью кооперирование.

Беря всю сумму этих вопросов, мы неизбежно приходим к выводу, что никак нельзя ограничиваться в понимании культуры только областью духовной культуры, областью духовного производства непосредственно.

Возьмем затем такой вопрос, как выработка социалистической дисциплины труда. Ленин говорит, что это решающий вопрос в победе нового, социалистического способа производства. И здесь Ленин вновь ставит проблему культуры и культурной революции.

Таким образом к области культуры надо отнести те стороны общественной жизни, когда речь идет о выработке навыков, умении работать, об овладении техникой, о приложении техники непосредственно к процессу производства. Из всего этого очевидно с бесспорностью, что Ленин вопросы культуры ни в коей мере не сводил только к вопросам перевоспитания человека в смысле педагогическом. Ленин вопросы культуры берет широко, в связи со всеми вопросами экономики, политики, техники, науки, искусства, литературы и т. д. Вопросы культуры непосредственно связаны как с экономикой, так и с идеологией. Экономика, как и идеология, в связи с вопросами культуры рассматривается в каждый конкретный исторический момент в определенном диалектическом единстве. Ни в коей мере нельзя вопросы культуры сводить только к перевоспитанию или только к материальной культуре, как делают некоторые.

Маркс и Энгельс культуру выводили из материального процесса производства, говоря, что духовное производство «вплетается» в материальное производство («Немецкая идеология»).

Буржуазно-идеалистические теории культуры, как правило, под культурой понимают только чисто духовную деятельность. Те же из них, которые культуру рассматривают как все созданное человеком, в противоположность ее естественным дарам природы (Милоукв, Липперт и др.), рассматривают ее как внеисторическое и внеклассовое явление. Все домарксистские теории культуры страдали по крайней мере двумя существенными недостатками: 1) в основе культуры видели только проявление чистого духа, вечного разума, абсолютной идеи, 2) не видели основных творцов культуры — масс, рассматривали культуру как результат деятельности великих людей. Этих недостатков домарксовых учений о культуре по сути дела не преодолела ни одна из буржуазных школ до нашего времени включительно.

Иначе ставят вопрос о культуре марксисты. Так например т. Покровский в своей работе «Очерки по истории русской культуры» говорит, что все, что является результатом человеческой работы в широком смысле, может быть причислено к культуре. «Эту последнюю можно, стало быть, определить как совокупность всего созданного усилиями человека в противоположность тому, что даром, без усилий с нашей стороны дает нам природа».

Беря в этом широком понимании культуру, можно будет совершенно правильно поставить вопрос о двух сторонах культуры, о двух областях культуры — о культуре материальной и о культуре духовной. Такая постановка вопроса будет правильной, и здесь мы подойдем к тому, что материальная культура является определителем, является решающей по отношению к культуре духовной, по отношению к духовному производству.

Поставив вопрос о культуре в эту плоскость, мы более правильно поймем те конкретные задачи культуры и культурной революции, которые стоят перед нами на современном этапе.

Культура, являясь выражением степени власти человека над стихийными силами природы и над законами самого общества, на каждом историческом этапе развития производительных сил, в каждой общественно-экономической формации выступает в специфической форме, присущей данному историческому периоду, — именно, в форме, выражающей тот способ соединения рабочей силы со средствами производства, который является господствующим в данную эпоху. Поэтому не существует культуры вообще, как не существует вообще и общества, а существует лишь культура определенной исторической общественно-экономической формации.

развитие производительных сил, люди вынуждены менять форму, в которой они унаследовали производительные силы.

Это положение Маркса относительно общего процесса исторического развития целиком относится и к характеристике закономерностей исторического развития культуры. Не надо представлять дело таким образом, что процесс культурного развития оторван от общего хода развития производительных сил. Не надо представлять, что культура развивается только в силу внутренне присущих ей имманентных законов, ибо культурная преемственность, законы культурного развития обуславливаются всем ходом материального процесса производства. Так например между феодальной и капиталистической культурой имеется много общего именно потому, что культура феодалов, крепостников, и культура буржуазии есть культура эксплуатирующих классов. Буржуазия в состоянии заимствовать и заимствует многое из культуры предшествующих господствующих классов прямо и непосредственно, без соответствующей критической переработки.

Другое положение в преемственности между культурой пролетарской и культурой буржуазной. С одной стороны, пролетариат в капиталистическом обществе является классом угнетенным, классом эксплуатируемым, классом, лишенным самых необходимых жизненных условий, обреченным на безработицу, на вымирание и т. д. Прекрасным свидетельством этого служит современный капитализм, когда во всех капиталистических странах более половины рабочего класса являются безработными. В этих условиях конечно никакой речи не может быть о полном овладении пролетариатом еще в период господства капитализма культурой материальной, наукой, техникой, искусством, литературой и т. д.

С другой стороны, между пролетарской и буржуазной культурой, как культурами представителей различных классов, существует принципиальное различие, потому что буржуазная культура, буржуазная наука основаны и пропитаны мировоззрением, чуждым марксизму-ленинизму, чуждым пролетариату. Поэтому, когда марксизм-ленинизм ставит вопрос о заимствовании культуры буржуазной, речь идет о критическом преодолении этой буржуазной культуры.

Укажем здесь на отношение Ленина к естествознанию конца XIX и начала XX в., на оценку кризиса естествознания, данную в «Материализме и эмпириокритицизме». Естествознание главным образом потому стало заходить в тупик, потому естествоиспытатели стали впадать в идеализм, в мистику, что успехи, которых естествознание достигло к XX в., стали в прямое противоречие с теми методологическими представлениями, с которыми естествознание вступило в XIX в.

С новыми успехами естествознания буржуазные ученые не справились потому, что лишь только с позиций диалектического материализма можно во всей полноте и глубине осмыслить происходящую революцию в естествознании. Может ли буржуазный ученый, стоя на позициях буржуазного мировоззрения, сознательно, последовательно, до конца стать на точку зрения диалектического материализма? Конечно не может. Он стихийно встает на эти позиции, если он остается истинным ученым. А тот, кто со стихийных диалектических позиций в области естествознания начинает переходить сознательно на позиции диалектического материализма, переходит в конце концов на точку зрения пролетариата.

Здесь принципиальная противоположность мировоззрения буржуазии и пролетариата. Известно, что естествознание составляет важнейшее звено культуры человечества. В целом же между культурой буржуазной и пролетарской существует принципиальная противоположность как между предста-

вителями различных способов производства, двумя различными мировоззрениями. Ленин писал, что «только мировоззрение марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата»¹).

Таким образом о голой преемственности, о простом перенесении, о пересаживании буржуазной культуры на нашу почву, на почву диктатуры пролетариата, не может быть и речи. Речь должна идти о переделке старой культуры. Ленин писал, что «марксизм завоевал себе свое всемирно историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»²). Этот принципиальный подход к буржуазной культуре, технике, к науке, искусству, литературе и т. д. должен нами последовательно проводиться. Когда мы говорим, что во второй пятилетке мы вплотную подойдем к полному разрешению проблемы догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении, здесь речь идет именно о революционно-критическом преодолении, переработке всего положительного, что есть в технике буржуазии.

Яркий свет на это может бросить разбор вопроса о рационализации капиталистической и рационализации социалистической. Буржуазная Европа и Америка в период послевоенного кризиса и до начала современного кризиса усиленно проводили рационализацию своего хозяйства. Советский союз точно так же, поставив своей задачей экономическое возрождение страны и построение фундамента социалистической экономики, встал на путь рационализации своего хозяйства. Рационализация капиталистическая и рационализация социалистическая принципиально противоположны, но это не значит, что мы не заимствуем капиталистической техники, некоторых технических приемов организации хозяйства в смысле четкости управления, организации производства и т. д. Но здесь речь идет не о голом перенесении техники, культуры, науки, искусства буржуазии, а об их революционно-критическом преодолении. Буржуазные культура, наука, техника, искусство целиком несут на себе отпечаток эксплуататорского характера класса, которому они принадлежат, и задачей пролетарской культуры является преодоление этой эксплуататорской буржуазной культуры, буржуазной науки, буржуазных искусства и литературы.

К чему приводит некритическое отношение к прошлой культуре, можно проследить на вопросах пролетарской литературы. К чему например привел рапповцев лозунг, что пролетарский писатель должен учиться у Толстого и только у Толстого, сведение всей учебы к Толстому? Нет ничего плохого в том, что пролетарскому писателю надо учиться у Толстого,—пролетарский писатель обязательно должен учиться, и у Толстого в том числе. Но вопрос идет о том, как учиться, чему учиться. Авербах прямо-таки договорился до такого утверждения: потому надо учиться у Толстого, что он в своем художественном творчестве, в своем «творческом методе» проводит точку зрения диалектического материализма (!). Это—явно некритическое отношение к культуре прошлого, пример того, как не надо относиться к преодолению прошлого, к его освоению. Толстого, мировоззрение которого от начала до конца пронизано мистикой, верой в боженку, рекомендуют пролетарскому писателю брать по сути дела целиком, учиться только у него, некритически следовать ему.

¹ Ленин, т. XXV, стр. 409.

² Ленин, т. XXV, стр. 409—410.

В классовых общественно-экономических формациях экономически господствующий класс является классом, политически господствующим, а идеи господствующего класса — господствующими идеями. «Класс, являющийся господствующей материальной силой общества, является в то же время его господствующей духовной силой» (Маркс). Поэтому и культура в классовом обществе может быть только классовой культурой, выражающей точку зрения и интересы того или иного класса. Культура господствующего класса является господствующей культурой и целиком служит интересам этого класса. Немарксистским является утверждение, что существуют якобы культуры общественно-экономических формаций, но не классовые культуры, как это утверждают меньшевистствующие идеалисты. В этом утверждении содержится непонимание как учения марксизма об общественно-экономической формации, так и учения о культуре.

В развитии культуры существуют определенная историческая преемственность и закономерность. Переход от культуры одной общественно-экономической формации к культуре другой формации (классовой или бесклассовой) происходит на основе переворота в способе производства и производственных отношений, т. е. через революции. Особенность перехода от одной культуры к другой содержит в себе много специфических черт, обуславливаемых конкретными историческими условиями, характером и глубиной общественного переворота.

Иногда те, кто считает, что существует только культура общественно-экономических формаций, делают серьезные ошибки. На самом деле марксистско-ленинское учение о формациях и марксистско-ленинское учение о культуре идет дальше. Формация не является какой-то абстракцией. Каждая общественно-экономическая формация является формацией определенной; если речь идет о классовых формациях, то речь идет о конкретных исторических классах, о конкретном историческом способе производства, который решает тип и характер данной формации, поэтому нельзя говорить о культуре только общественно-экономической формации, не подчеркивая классового существа культуры.

Некоторые критиковали в частности г. Луппола за то, что он неправильно решает вопрос о культуре, отрицая классовость культуры и признавая только культуру формации. Эти критики неправильных теорий Луппола сами впадают иногда в крайность, утверждая, что не существует культуры формации. У нас иногда критика идет так: положим, меньшевистствующие идеалисты говорят одно, если сказать наоборот, значит будет правильно. Не все, что наоборот, правильно. Когда мы говорим о культуре общественно-экономической формации, то в понимании культуры общественно-экономической формации должны за отправное, за руководящее для себя взять положение Маркса, что класс, господствующий экономически, класс, заведующий материальным процессом производства, господствующий в этой области, является господствующим и во всех других областях и в области духовного производства. Идеи господствующего класса являются господствующими идеями. Поэтому мы безусловно можем говорить о культуре, положим, капиталистической общественной формации, именно понимая под этим господствующую культуру, культуру буржуазии. Но вместе с тем нельзя останавливаться только на этом, надо идти дальше и анализировать, вскрывать культуру тех классов, которые являются угнетенными, поработченными. В данном случае в капиталистическом обществе надо и обязательно надо говорить об элементах культуры пролетарской.

Выше мы в общей форме указывали на закономерность перехода от одной культуры к культуре другой эпохи, о переходе культуры одной формации в культуру другой формации. При рассмотрении этого вопроса иногда

сбиваются на чисто буржуазно-социологическую точку зрения, рассматривают преемственность культур самих по себе, вне связи со всем общественным процессом, вне связи с классовой борьбой, вне связи с переменой способа производства.

Особенность и характер перехода от одного способа производства к другому определяют собой характер перехода от одного типа культуры к другому.

Если мы возьмем к примеру переход от древнеримского общества к феодальному, то увидим, что характер этого перехода состоял в том, что ни один из классов рабовладельческого общества не являлся носителем более высокого способа производства. Маркс говорит, что в совместной борьбе эти классы вынуждены были погибнуть. Древнеримский колонат, который явился своего рода переходной экономической формой к средневековью, не означал победы ни рабовладельца, ни рабов. Хотя рабовладельческое общество и погибло в результате революции рабов, однако ни один из этих классов древнеримского общества не явился в дальнейшем носителем более высокой культуры. Позднее эпоха средневековья ассимилировала, переработала, восприняла то положительное, что было в культуре древнего рабовладельческого общества. Эта особенность в переходе культуры целиком определялась особенностью перехода от одного способа производства к другому.

Возьмем дальше переход от феодального общества к капиталистическому обществу. Каковы особенности этого перехода? Особенности этого перехода состояли в том, что в основном капиталистический способ производства складывается в пределах феодальной формации. В пределах феодальной формации капиталисты становятся экономически решающей силой. Буржуазный способ производства в своей основе складывается в недрах феодализма, затем буржуазия производит политическую революцию, захватывая государственную власть.

Эта особенность перехода от феодального способа производства к капитализму сказалась и в переходе от феодальной культуры к культуре буржуазной. Именно в пределах феодальной формации складываются основные черты, основной характер культуры буржуазии—капиталистической. Складываются собственные кадры руководителей промышленности, вырабатываются основные черты ее мировоззрения. И надо сказать, что именно до захвата политической власти буржуазное мировоззрение было наиболее революционным, наиболее последовательным, наиболее прогрессивным.

Возьмем дальше переход от буржуазного способа производства к диктатуре пролетариата, к социалистическому способу производства. Особенности этого перехода целиком определяют особенности перехода от культуры буржуазной к культуре пролетарской. Подчеркивая, не затушевывая этого своеобразия перехода одной культуры в другую, надо поставить вопрос относительно своего рода исторической преемственности, закономерности в процессе культурного развития, причем этот процесс исторической преемственности или исторической закономерности обуславливается опять-таки материальным процессом производства.

Маркс в письме к Анненкову говорит, что материальные производительные силы являются для каждого нового поколения готовыми, своего рода естественной средой. И люди нового поколения вынуждены принять производительные силы так, как они созданы до него, и развивать эти производительные силы. Но они не обязаны принять ту форму, в которой эти производительные силы были унаследованы новым поколением. И именно, говорит Маркс, для того, чтобы не приостановить дальнейшего развития процесса исторического развития, для того, чтобы не приостанавливалось дальнейшее

сил социалистического общества пойдет уже после построения социалистического общества. Именно тогда только человечество полностью развернет свои необычайные способности в развитии производительных сил, именно тогда только искусство, литература, культура в целом получают необычайную глубину, силу и мощь. Энгельс говорил, что то, что создано за всю историю человечества до социализма в области науки, искусства, культуры, покажется жалкой тенью того, на что способно будет человечество, освобожденное от капиталистического рабства, человечество, которое будет освобождено от необходимости непроизводительно расхищать богатства труда. Ленин говорил, что капитализм душит, уничтожает неисчерпаемые источники талантов народных масс. Все неисчерпаемые таланты народных масс при социализме найдут, а в СССР уже теперь находят возможность полного своего развертывания.

Взаимоотношения между культурой классовой, пролетарской, и культурой бесклассового общества будут такими, что последняя принципиально будет продолжением той культуры, которая заложена пролетариатом в своей основе в переходный период; это будет дальнейшее развитие этих принципов, как и самый социализм, который строится теперь, будет дальше развиваться, но это не будет другим полюсом, это не будет принципиально нечто другое, а будет дальнейшим развитием, более высокой ступенью тех основ, которые заложены в переходном периоде. Так стоит вопрос о соотношении пролетарской культуры, культуры переходного периода, с культурой социалистического общества. Таким образом социалистическое общество создает новую культуру, которая будет дальнейшим развитием культуры, заложенной теперь, в эпоху переходного периода.

Мы не останавливаемся на ряде существенных черт пролетарской культуры, как например на том, что пролетарская культура по своему существу является культурой атеистической, она чужда, в корне враждебна всякой поповщине, мистике и идеализму во всех его формах.

II

Теперь перейдем к краткой характеристике некоторых буржуазных и вообще враждебных пролетариату теорий культуры.

Наиболее распространенной, господствующей точкой зрения среди буржуазных ученых, которые занимаются вопросами культуры, по преимуществу является кантианская точка зрения, точка зрения риккертianства. Она исходит из вечных нравственных, этических категорий, пытается уложить все содержание культуры в эти вечные, предвзятые идеалистические категории, свести к этому весь смысл культуры. Даже такие вопросы, как техника и наука в целом, эти буржуазные ученые пытаются подогнать под этические категории.

Генрих Риккерт например пишет: «Часто говорят и о технической культуре, и в этой области, пожалуй, могло бы показаться, что носителями культурных ценностей являются голые ценности жизни, так как техника действительно часто имеет целью лишь возможно жизненную или здоровую жизнь. Против этого тоже нечего сказать. Но если ценность технической культуры покоится в ценностях жизни, то отсюда лишь следует, что техника сугубо не обладает самодовлеющей ценностью. Если в самой жизни мы видим только средство для существования самодовлеющих ценностей или условное благо, то техника, являющаяся слугой жизни, имеет значение лишь как средство для средства, как условное благо для условного блага. Правда, об этом теперь часто забывают, чем и вносят в наши понятия о культуре страшную путаницу. Техническим изобретениям радуются как таковым не отдавая себе отчета в том, какие цели ими в сущности пресле-

дуются. Гордятся чудовищными современными машинами, которые при более точном рассмотрении обнаруживают часто лишь бедствие современной культуры, являются, значит, необходимым злом. В известных технических возможностях видят уже культурный прогресс, не будучи в состоянии указать на ту обладающую самодовлеющей ценностью цель, которой они служили бы средством. Так, чтобы привести современный пример, способность летать в воздухе лишь постольку является делом культуры, поскольку дальнейшее развитие аэропланов быть может поставит их на службу самоценным культурным целям. Увлечение техникой как таковой свидетельствует о чрезмерной скромности. Только технически «совершенные» машины еще не представляют культурного прогресса, и потому «техническая культура» и не может быть поставлена на одну доску с тем, что мы называем научной, художественной, социально-этической и религиозной культурой» (Г. Риккерт, «Философия жизни»).

Здесь Риккерт, проводя принцип кантианской философии в вопросах культуры, исходя из вечных этических норм, смысл техники видит в том, что эта техника служит этическим нормам, вечным этическим категориям. Если техника не соответствует им, то она не является культурой.

Нашумевший в свое время Шпенглер ничего больше не сделал, как то, что эти кантианские установки в вопросах культуры, во взглядах на мир перенес на современное положение и сделал из них тот вывод, что буржуазная культура, современный Запад пришли в состояние распада и что перед культурой Запада нет другого пути, как путь развала, распада. В недалеком будущем культура, по Шпенглеру, вернется к своему исходному пункту, т. е. начнет свой жизненный путь сначала.

У нас в России еще во время войны 1915—16 гг. один из русских ученых—Лазурский—по существу выразил довольно ясно эту же точку зрения Шпенглера на участь буржуазной культуры.

Лазурский писал: «Нам грозит участь: или, идея дальше по пути материально-технического прогресса, повторять путь Рима (материальная мощь и культура, сенсуализм с роскошью—быстрый упадок) или повторять путь Индии (пессимизм—бегство в самоуглубление, созерцание и мистицизм—упадок)».

Представители современной буржуазной культуры впадают в мистику, не видят никаких перспектив, которые могли бы спасти капиталистическую культуру. Понятно, что они капиталистическую культуру выдают за культуру всего человечества. Такие люди, как Эддингтон, Шредингер и другие, сейчас открыто встают на путь поповщины, на путь прямого идеализма, на путь фидеизма.

Эддингтон высказывает такую мысль, что только в 1927 г. стало возможно посредством науки доказать существование бога. Если сопоставить это с таким явлением, как начало всеобщего мирового кризиса, то мы увидим, что эти высказывания Эддингтона в высшей степени характерны, они хронологически совпадают с началом всеобщего экономического кризиса (1929 г.). Именно в момент кануна всеобщего экономического кризиса он говорит, что, видите ли, только с 1927 г. стало возможно научным путем доказать существование бога.

Шредингер утверждает, что вся беда науки прошлого, физики XIX столетия состояла в том, что она держалась зловредного принципа причинности. Современная наука, говорит Шредингер, доказывает, что причинность объективно не существует. Шредингер таким образом развязывает руки тем, кто пытается соединить науку с верой в бога.

Даже лучшие представители буржуазной мысли, которые вели борьбу с прямым мракобесием, высказывались за соединение религии и науки.

✓ В классовом обществе не может быть надклассовой культуры, в классовом обществе культура может быть только классовой. Буржуазная культура выражает природу того класса, которому она принадлежит,—природу буржуазии. Пролетарская культура точно так же—культура классовая. Это первый принцип, первое основное положение в характеристике пролетарской культуры; эта культура по существу своему, по содержанию является классовой пролетарской культурой от начала до конца. Классовость ее состоит в том, что она строится на основе мировоззрения марксизма-ленинизма, в том, что эта культура во всех частях, во всех ее деталях и в целом должна служить великой цели пролетариата—освобождению трудящихся от капиталистического рабства и задач построения социалистического общества. Это—классовая культура от начала и до конца.

«В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком»¹).

Ленин всюду говорит, что пролетарская культура является составной частью общего великого дела, которое ведет пролетариат, является составной частью борьбы за великое освобождение рабочего класса. Ленин учит, что строительство культуры должно идти под руководством коммунистической партии, и только коммунистической партии. Пролетарская культура должна быть классовой от начала до конца, во всех ее звеньях, во всех ее проявлениях: в науке, в технике, философии, литературе, искусстве и т. д. Точку зрения марксизма-ленинизма, точку зрения классовой борьбы пролетариата во всей полноте отражает на себе и культура переходного периода. Она пропитана от начала до конца содержанием великой борьбы и строительства, которые ведет пролетариат в эпоху перехода от капитализма к социализму.

Но марксизм-ленинизм учит не только тому, что пролетарская культура является классовой, а что пролетарская культура является по существу своему, по своему содержанию, по своим принципиальным положениям с о ц и а л и с т и ч е с к о й культурой.

Основным положением марксизма-ленинизма является то, что пролетарская культура—культура социалистическая по своему существу. Что это значит? Это значит, что пролетариат, создавая социалистическое общество, создавая социалистические производственные отношения, не может создавать никакой другой культуры кроме социалистической. Нельзя же рассматривать культуру вне связи, вне зависимости от тех производственных отношений, от тех экономических отношений, которые существуют в переходный период, как это делает Л. Авербах. Наши промышленные предприятия являются предприятиями последовательно социалистического типа. Там существуют социалистические отношения. Частная собственность на средства производства отсутствует, эксплуатации нет. В колхозах—тоже отношения в основе социалистического типа. Там средства производства обобществлены, находятся в коллективной собственности колхозников. В нашей стране теперь решен вопрос «кто кого». Этот вопрос решен окончательно и бесповоротно в пользу социализма. Какое экономическое и политическое содержание вкладывается в эту формулу, что вопрос «кто кого» решен в пользу социализма? Это значит, что в нашей стране нет сейчас такой классовой силы, которая могла бы победить пролетариат. В области промышленности буржуазия ликвидирована. В области сельского хозяйства, в основных и решающих сельско-

¹ Ленин, т. XXV, стр. 409.

хозяйственных районах—сплошная коллективизация, и на этой основе кулачество в основном уже ликвидировано как класс. В резолюции XVII партконференции сказано, что уже завершением первой пятилетки окончательно подорваны корни капитализма в стране. Следовательно, выражаясь другими словами, у нас построен фундамент социалистического общества, завершён фундамент социализма.

Спрашивается, какова культура в обществе, в стране, где создан фундамент социализма, где в подавляющей части народного хозяйства страны существуют социалистические отношения к средствам производства? Культура в этой стране по своему существу, по своему содержанию социалистическая.

Тов. Сталин так об этом и пишет: «Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов».

Он говорит: «Пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию». Даже больше того, т. Сталин говорит, что пролетарская культура, социалистическая по своей сущности, является культурой общечеловеческой: «Именно поэтому возможная ассимиляция некоторых отдельных национальностей не ослабляет, а подтверждает то совершенно правильное положение, что пролетарская общечеловеческая культура не исключает, а предполагает и питает национальную культуру так же, как национальная культура не отменяет, а дополняет и обогащает общечеловеческую пролетарскую культуру»¹).

Тов. Сталин ставит вопрос о том, что наша пролетарская культура, по своему существу социалистическая, теперь уже является общечеловеческой культурой не в том смысле, что эта культура является культурой всего современного человечества, а в том смысле, что пролетарская культура, культура строящегося социалистического общества, бесклассового общества, будучи классовой сейчас, вместе с тем содержит в себе теперь уже то, что существенно и характерно для бесклассового общества. С построением бесклассового социалистического общества эта культура будет уже не классовой культурой, а культурой всего социалистического общества, общечеловеческой культурой. С победой социализма во всем мире эта культура будет культурой общечеловеческой. Здесь как будто бы противоречие: как же так? Культура классовая, пролетарская, и вместе с тем социалистическая по своему существу, общечеловеческая. Мало того, поскольку она именно является социалистической, постольку она является и общечеловеческой. Здесь как будто бы также противоречие: классовая и общечеловеческая, но это противоречие в буквальном смысле слова диалектическое противоречие. Пролетариат является носителем социалистических, бесклассовых, общечеловеческих производственных отношений, поэтому и культура его носит этот характер.

Пролетарская культура носит классовый, пролетарский характер и вместе с тем она по существу своему социалистическая, общечеловеческая в основе своей. Каковы будут взаимоотношения пролетарской культуры с культурой социалистического общества? Можно ли поставить полностью знак равенства между культурой пролетариата, между культурой переходного периода и культурой будущего полного социалистического общества? Можно ли поставить полностью знак равенства между тем, что мы создали сейчас, и будущей культурой будущего социалистического общества? Так ставить вопрос опять-таки нельзя—это будет неверная точка зрения; неверная потому, что сейчас построен только фундамент социализма; социализм будет построен, строительство социализма будет закончено с полной ликвидацией классов. Дальнейшее развитие, развертывание творческих

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 169 и 170, изд. 1930 г.

разнузданности, расторможение рефлексов, в результате получают бунты, революции и т. д. «Повышенная активность, связанная с потерей тормозов, нередко выражается в голодных бунтах. Даже выдержанные, дисциплинированные немцы тем не менее устроили голодный погром в Берлине, хотя у них тормозы отличаются особой стойкостью и «verboten» есть высший закон. Дело в том, что у немцев резко преобладает торможение, это—родина дисциплины, муштровки, а революция—дитя возбуждения. Замечательно, что у немцев никогда возбуждение не доходит до такой сильной степени, чтобы могли влиться в революционное движение низы населения. Раньше начинается уже сверху торможение... Учитывая это свойство немецкого характера и угнетенное состояние всего народа после разгрома, я в докладе летом 1922 г. высказывался, что теперь нет никаких шансов на революционное движение в Германии, несмотря на тягостное экономическое положение, особенно ухудшившееся благодаря фурской авантюре Пуанкаре... физиологический анализ и теперь дает опорные пункты, кои могут предохранить от грубых ошибок. А мы только что намечаем первые шаги физиологического подхода (!) к вопросам революции...».

Таким образом, с точки зрения Савича, никакой революции в Германии не может быть, потому что это—народ муштры, дисциплины, а революция—продукт низкой культуры.

Но Савич идет дальше...

С чисто физиологических позиций, с позиций условных и безусловных рефлексов он с'езжает на позиции фрейдистского психоанализа и с этой точки зрения пытается объяснить ряд явлений общественной жизни.

«Итак, развитие монотеизма есть следствие сексуальности и поэтому может проявляться у народов с весьма ярко выраженной сексуальностью, как семиты, к тому же достаточно одаренных...». Здесь же все прелести реакционные, включая антисемитизм. С позиций фрейдизма он анализирует всю духовную культуру, все так называемое духовное творчество.

«Музыкальное творчество есть проявление мужского пола, это—вторичный половой признак». Причем участь музыкантов, по Савичу, оказывается очень тяжелой: не всякий мужчина может заниматься музыкой, это—удел несчастных в личной жизни. «Удачная любовь так много берет, что некогда думать о творчестве; мечтает, т. е. образует новые и новые условные связи, лишь несчастный, и композитор в музыке переживает то, чего нехватает ему в реальной жизни. А это в свою очередь действует на слушателя, вызывая соответственные состояния, причем на женщин в общем сильнее, чем на мужчин».

О литературе Савич того же мнения: «Очень близка к музыке лирика: одно из главных ее условий—музыкальность стиха».

Но что такое красота? Понятие красоты, критерий красоты в человеческом обществе точно так же явление общественное, а в классовом обществе она носит бесспорно классовый характер. То, что для одной исторической эпохи было красивым, для другой может быть некрасивым. Ведь красиво же отсталым народам ходить с кольцами в губах или в носу и совсем некрасиво для нас. Для буржуазии красиво одно, для пролетариата красиво другое. То, что красиво для буржуазии, то не так уж красиво для крестьянства. Если буржуазия считает высшим достижением пластического искусства фокстрот, то крестьянство совсем по-другому смотрит на это дело. Понятие красоты, отношение к красоте до сих пор остается классовым.

Не то с точки зрения Савича. «Мне кажется,—пишет он,—сама «красота» является функцией пола». Доля биологических элементов в красоте имеет свое место. Но, во-первых, нельзя забывать, что и биологическое-то

в человеческом обществе принимает социальное выражение, во-вторых, эти элементы—не основное, не решающее в образовании того, что называется красотой.

Савич далее рассматривает все другие категории общественной жизни: право, мораль, справедливость и т. д., и все это у него в конечном счете сводится к половым инстинктам.

Как видим, буржуазные теории культуры, основаны ли они на неокантианских или на фрейдистских теоретических основах, не говоря уже о прямой и открытой поповщине, ведут к самым реакционным выводам. Буржуазная сущность их обнажена до крайности. В частности сам. З. Фрейд выразил это с предельной ясностью: «Невозможно отказаться ни от метода принуждения к культурной работе, ни от принципа господства меньшинства над массой, так как масса ленива, инертна»¹).

До какой степени дошло разложение буржуазной культуры, буржуазного мировоззрения, особенно ярко свидетельствует Гегелевский конгресс, посвященный столетию со дня смерти Гегеля, где собрались представители всей буржуазной культуры, представители буржуазной философии. Конгресс прошел под знаком прямой поповщины. Господствующим направлением было стремление соединить философию, науку с религией. Один из участников наиболее последовательно выразил это, заявив, что теперь только стало ясным, какую роль играет Гегель в этом соединении веры и науки, что спасти человечество, т. е. буржуазию, может только вера, только бог. Этот развал, этот смрад, маразм буржуазной культуры со всей силой свидетельствуют о том глубоком кризисе, в который зашел капиталистический строй.

Ярким примером распада буржуазной культуры является отношение буржуазных ученых к техническому прогрессу. На страницах буржуазной печати как общеполитической, так и специально технической дискутируются такие проблемы: «За и против техники», «Нужна ли техника», «Проклятые науки и техника». Почти каждый день в наших газетах встречаем сообщения, что буржуазные ученые выступают с программой «каникул науки», дискутируется проблема превращения промышленных стран в аграрные страны, снижения темпов, снижения технического развития, ставится вопрос о вреде изобретательства. Достаточно перечислить только самые вопросы, связанные с техникой, которые сейчас дебатировались на страницах буржуазной печати, чтобы видеть и представить себе глубокий процесс кризиса буржуазной культуры.

Один буржуазный литератор—Виль—пишет, что «средства производства переросли возможности человечества, ибо близорукий эгоизм народа и общественных классов делает невозможным успешное техническое сотрудничество, которое техника подготовила».

Выдумывается бесчисленное количество рецептов, каким образом снизить технику, каким образом задержать техническое развитие и т. д. и т. д. Один из таких авторов пишет: «Необозримо войско писателей, которые дуются на технику и даже желают ее гибели или предсказывают ее гибель».

Очень характерно, что один из ранних пророков гибели капиталистической культуры—Шпенглер—недавно выступил с новой работой, на этот раз по вопросам техники. Он говорит, что оптимизм—это трусость, что надо со всей прямоотой и ясностью посмотреть на то положение, в каком находится мир (капиталистический мир). По Шпенглеру, он находится у подножия Везувия, но слишком поздно спастись, потому что извержение вулкана уже началось и надо поступить, как древние римские воины: спокойно ждать своей смерти.

¹ З. Фрейд, Будущность одной иллюзии, стр. 10.

Возьмем к примеру такого яркого представителя расцвета буржуазной культуры, как Эрнст Геккель. В своих «Мировых загадках» он пытается дать картину мира, берет все вопросы культуры и освещает их со своей точки зрения. Геккель пишет: «Прежде всего я хотел бы дать понятие о том основанном на разуме мировоззрении, которое с логической необходимостью вытекает из данных новейшего естествознания, проникнутого единством; оно таится в глубине души естествознания, проникнутого единством; оно таится в глубине души едва ли не всякого беспристрастного и мыслящего исследователя природы, хотя весьма немногие находят в себе потребность или мужество открыто исповедывать его. Во-вторых, я хотел бы установить связь между религией и наукой и содействовать ослаблению вражды, совершенно напрасно посеянной и поддерживаемой между этими двумя областями высшей духовной деятельности человека; этическая потребность нашего духа в такой же мере удовлетворяется монизмом, как и логическая потребность в причинности, присущая нашему рассудку».

Геккель, рассматривая все стороны, все элементы мировоззрения, везде пытается проводить эту точку зрения—последовательно старается соединить веру и знание, науку и бога.

Он пишет: «С идеалом вечного бога дело обстоит несколько иначе, чем с идеалом вечной истины. Между тем как при познании истины приходится совершенно отбросить церковное откровение и обратиться исключительно к исследованию природы, понятие добра, которое мы называем добродетелью, в нашей монистической религии в значительной мере совпадает с христианской добродетелью; конечно мы имеем в виду лишь первоначальное, чистое христианство первых трех столетий, то учение о добродетели, которое содержится в евангелиях и посланиях Павла; мы не имеем в виду ватиканской карикатуры на это чистое учение, 12 столетий царившей над европейской культурой к неисчислимому вреду последней. Лучшую сторону христианской морали, которой и мы придерживаемся, составляют гуманные заветы любви и терпения, сострадания и братства. Но ведь эти благородные заповеди, называемые «христианской моралью» (в лучшем смысле!), отнюдь не являются открытиями христианской эры, а заимствованы из более древних религий».

Дальше этого представления о культуре в целом, о науке, истине и т. п. буржуазная мысль второй половины XIX в., не говоря уже о XX в., не пошла.

В свое время имело, да и теперь еще имеет широкое хождение среди буржуазных ученых учение Зигфрида Фрейда. Фрейдизм был перенесен в известной мере и в нашу советскую действительность. Фрейдизм старается представить целостное учение, охватывающее все стороны явлений природы, общества и отдельного человека. Вся суть, весь смысл всех движущих мотивов в обществе, отдельных людях фрейдизм сводит к половым инстинктам. Вся жизнь человека и все его культурное строительство являются не чем иным, как формой проявления сексуальной сферы. Сексуальные мотивы, действующие подсознательно, являются первоисточниками и причинами сложных общественных явлений, всей культуры человечества. Вопросам культуры, рассматривая их с точки зрения так называемого психоанализа, Фрейд уделяет немало внимания, в частности в книжке «Будущность одной иллюзии» (Гиз, 1930 г.).

Один из учеников З. Фрейда и верный его последователь Отто Ранк, углубляя и развивая точку зрения Фрейда, доказывает, что вся культура, вся общественная жизнь, весь смысл философии, весь смысл жизни человечества сводятся к преодолению травмы рождения. С его точки зрения, при рождении человек испытывает страшные мучения, и эти страшные мучения на всю жизнь запечатлеваются в человеке подсознательно. Весь смысл движущих мотивов человеческой жизни состоит, с одной стороны, в преодолении этой

травмы рождения, а с другой стороны, человека тянет опять в его первоначальное положение. Вот борьба этих двух начал и составляет, по Ранку, все содержание, весь смысл культуры.

С точки зрения Отто Ранка философия культуры сводится к следующему: «Рождение человека в мир травматично: организм, вытолкнутый в процессе родов из материнского лона, переживает странное и мучительное потрясение, равным которому будет только потрясение смерти. Ужас и боль этой травмы есть начало человеческой психики, это—дно души. Страх рождения становится первым интенсивным переживанием, к которому затем стягиваются последующие вытеснения. Травма рождения—корень бессознательного и вообще психического. Избыть ужас рождения человек не может во всей последующей жизни».

«Но вместе с ужасом рождается и тяга назад — в пережитый рай внутриутробного состояния. Эта жажда возврата и этот страх — основа того двойственного отношения, которое испытывает человек к материнскому лону. Оно и влечет к себе, оно и отталкивает. Эта «травма рождения» определяет задачу и смысл как личной жизни, так и культурного творчества».

«Все характеристики рая и золотого века в мифах и сагах, характеристики будущей мировой гармонии в философских системах и религиозных откровениях и наконец социально-экономический рай политических утопий явно выдают черты своего происхождения из этой же тяги к внутриутробной жизни, однажды пережитой человеком. В основе их лежит смутная, бессознательная память о действительно бывшем рае, поэтому-то они так сильно действуют на душу человека; они не выдуманы, но их правда не в будущем, а в прошлом каждого человека. Правда, ворота рая охраняет суровый страж—ужас рождения, который не позволяет памяти пробудиться до конца и заставляет облекать тягу к материнскому лону в различные замещающие образы и символы».

«Вся культура и техника символичны». Мы живем в мире символов, которые в последнем счете знаменуют одно—материнское лоно и пути в него. Что такое пещера, в которую забивался первобытный человек, что такое комната, в которой мы чувствуем себя уютно? Родина, государство и пр. Все это только сурrogаты и символы оберегающего материнского лона»¹).

Эта, с позволения сказать, философия культуры перенесена в известной мере и на нашу почву. Есть ряд работ подобного порядка. Часто на эти позиции сбивался кое-кто из так называемых «марксистов», например т. Варьяш. Точку зрения фрейдизма принимал и принимает Троцкий. До каких реакционных выводов доходят люди, применяющие фрейдизм и делающие из него соответствующие политические выводы, видно на примере проф. В. В. Савича и его книги «Основы поведения человека» («Приход», 1927 г.). Савич, следуя учению академика Павлова, «углубляя» его, приходит к утверждению, что вся культура сводится к выработке рефлексов торможения. Чем больше выработано этих тормозных рефлексов, тем выше культура.

«Различие в стойкости регулярной армии и милиции базируется на значении образованных прочных условных тормозов. Дисциплина как раз и основана на соответственной выучке и тренировке. Прежде всего достигается большая согласованность движения каждого солдата со всеми другими. Нет никаких помех друг другу при самых разнообразных движениях. Затем ряд тормозов делает то, что солдаты регулярной армии стойко стоят там, где толпа и даже милиция бегут».

Для Савича и революция—тоже результат ослабления рефлексов торможения. Он считает, что эти тормозные рефлексy ослабляются у народа, который материально плохо обеспечен. Там, где голод, наступает состояние

¹ В. Н. Волошин, Фрейдизм, стр. 95—96, Гиз, 1927 г.

вающимися в процессе борьбы рабочих элементами культуры в ростки развивающейся пролетарской культуры».

В программе Рабочей партии Бельгии сказано так: «Превращение капиталистического строя в строй коллективистический (смотрите, какая терминология!—П. Ю.) должно непременно сопровождаться соответствующими преобразованиями. Эти преобразования: в области моральной путем развития альтруистических чувств и чувства солидарности, реформа дела народного образования рабочих». Какая реформа, неизвестно.

В противоположность этим либерально-буржуазным lamentациям Коммунистический интернационал, последовательно отстаивая пролетарскую точку зрения в вопросах культуры, выдвигает определенные классовые требования:

«Уничтожая монополию класса капиталистов на средства производства, рабочий класс должен также уничтожить и буржуазную монополию на образование, т. е. овладеть всей школой вплоть до высшей. В особенности важной задачей является для дела пролетариата подготовка из рабочего класса специалистов как в области производства (инженеров, техников, организаторов и т. д.), так и в области военного дела, науки, искусства и пр. Наряду с этой задачей стоит задача общего культурного под'ема пролетарских масс, их политического просвещения, повышения уровня знаний и технической квалификации, навыков общественной работы и управления, борьбы с остатками буржуазных и мещанских предрассудков...

В числе задач культурной революции, охватывающей самые широкие массы, особое место занимает борьба с опиумом народов — религией, борьба, которая должна вестись систематически и неуклонно».

Мы взяли только часть положений из программы Коминтерна по вопросам культуры. Но эта часть показывает всю принципиальную высоту позиций революционного пролетариата и непримиримость его по отношению к буржуазии в целом и буржуазному мировоззрению. Коммунистический интернационал ведет борьбу за пролетарскую культуру. В этой борьбе ему приходится преодолевать не только открыто буржуазные взгляды на культуру, но и всевозможные мелкобуржуазные, псевдореволюционные, меньшевистские, социал-фашистские теории культуры, прикрывающиеся именем марксизма.

Выше мы указали, что наша партия всегда вела борьбу с враждебными теориями в вопросах культуры. Остановимся на этих теориях несколько подробнее.

М. Проводником буржуазных взглядов в вопросах культуры у нас являлся в первую очередь Богданов. Богданов, в свое время бывший большевик, в революцию 1905 г. работавший вместе с Лениным, во время реакции 1908—1909 гг. окончательно отходит от большевиков, переходит в лагерь буржуазии. Богданов на протяжении всей своей деятельности отстаивал неправильные философские взгляды, начав с энергетика Оствальда и завершив их субъективным идеализмом в духе Маха.

Облекая эту субъективно-идеалистическую философию в марксистскую терминологию, Богданов считает, что внешний мир вне коллективного опыта не существует, что он существует только в человеческом восприятии.

Свой субъективно-идеалистические взгляды Богданов проводит в общественных вопросах, во всех взглядах на общество и культуру. Богданов считает, что культура точно так же состоит из элементов опыта. Под опытом же Богданов понимает ощущение субъекта, переживание индивида; по суще-

ству Богданов вкладывает в понимание опыта внутренний мир субъекта. Он говорит, что производственные отношения, материальное бытие в буквальном смысле слова тождественны сознанию. Это — переложение субъективно-идеалистической философии на язык буржуазной социологии.

Вопросы культуры, с точки зрения Богданова, есть только вопросы, имеющие отношение к психике, к сознанию человека — не больше. Проводя последовательно эту идеалистическую точку зрения, Богданов доходит до утверждения, что вообще немислима никакая культура, никакое преобразование внешнего мира, никакое преобразование общественного строя, поскольку человеческое сознание не будет соответственным образом перевоспитано. Пролетариат не может вести, с точки зрения Богданова, никакой речи о захвате власти до тех пор, пока весь рабочий класс не овладеет принципами его, богдановской, философии. Эти принципы Богданов изложил в своей организационной науке, в своей «Тектологии», где заявляет, что пока пролетариат не овладеет «организационной наукой», до тех пор немислима революция. Это обычная меньшевистская точка зрения, точка зрения Суханова, которого критиковал в свое время Ленин, но наиболее последовательно-идеалистически выраженная. Культура таким образом Богдановым сводится к выработке «организационных» навыков у пролетариата, навыков, которые есть не что иное, как внутренне-психические переживания субъекта. Пролетарская культура, по Богданову, целиком должна сложиться в капиталистическом обществе, пролетариат еще в условиях капиталистического общества должен овладеть принципами его «организационной науки», посредством которой можно потом переделывать мир. С этой точки зрения Богданов вполне последовательно отрицал социалистический характер нашей революции, говоря: какая же это революция, когда пролетариат еще не овладел «организационной наукой»? Свой «пролеткульт» Богданов и строил с таким расчетом, чтобы «научить» пролетариат овладеть этими «организационными» принципами, этой тектологией и потом уже браться за перестройку общества. Богдановская теория культуры исходит из субъективно идеалистических философских основ. Ленин в 1920 г. в предисловии ко 2-му изданию «Материализма и эмпириокритицизма» назвал ее реакционно-буржуазной теорией культуры. Богданов хотел создать пролетарскую культуру чисто лабораторным путем, вне всякой связи с великой практикой рабочего класса, только в стенах пролеткульта, только келейно, обособленно от всего великого дела социализма.

Последователь Богданова Плетнев, продолжая развивать его теорию, писал: «Творчество пролетарской классовой культуры — основная цель пролеткульта. Выявление и сосредоточение творческих сил пролетариата в области науки и искусства — его основная практическая задача. А создать пролетарскую культуру может только сам пролетариат. Отсюда совершенно ясно, что в творчестве искусство производственного процесса в целом или как частность его, трудовое напряжение у молота например, может быть передано только тем, кто непосредственно участвует в нем, самим пролетарием, а не сторонним наблюдателем».

Таким образом, по Плетневу, по богдановцам, передать в искусстве, в литературе рабочего-молотобойца может только сам молотобоец, — кто же другой понимает это дело! Или: «Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учеными, художниками, инженерами и т. п., вышедшими из его среды». По этому поводу на полях статьи Плетнева Ленин писал, что «это архификции», «архивздор».

Богданов свой «пролеткульт» рассматривал как нечто вроде первона-

Это—общий, наиболее характерный тон буржуазии по вопросам культуры, по вопросам техники.

То же самое в вопросах науки. Там сейчас чрезвычайно много разглазгований о планах, о плановом хозяйстве, о том, что надо учиться этому у России. Один американский профессор пишет, что он верит, будто первым шагом на пути спасения капитализма является «распространение знаний о плановом хозяйстве среди нашего народа».

Характерна также для всей современной буржуазной культуры, науки, буржуазного мировоззрения очень резкая полоса, струя религиозного мракобесия. Религия начинает проповедываться со страниц самых что ни на есть ученых журналов, толстых, огромных ученых трудов, создаются специальные «ученые», «культурные» и т. п. религиозные организации. В Германии несколько лет тому назад был создан «Боевой союз за германскую культуру». В воззвании о своих задачах этот союз писал: «Широкое объединение всех творческих сил германской нации, дабы в последний час спасти то, что сегодня подвергается большой опасности: немецкую душу и ее выражение в творческой жизни, в науке, в искусстве, в праве, в воспитании, в духовных ценностях и в характере».

В 1929 г. в воззвании немецкого Боевого женского союза писалось: «Кинотеатры и театры, увеселительные вечера и балы, периодическая печать и литература, газетные киоски, бумажные и книжные магазины, брошюры и плакаты ставятся под надзор определенных лиц и комиссий из церковных советов. Против каждой замеченной безнравственности заявляется письменный или устный протест, и полицейские и судебные власти призываются на помощь».

Эта общая черта современной буржуазной культуры, современного буржуазного мировоззрения характерна в основном и для социал-фашизма. Социал-фашисты, став окончательно на позиции защиты буржуазии, целиком восприняли и мировоззрение буржуазии. На страницах социал-демократической печати много лет, сначала в порядке дискуссии, а теперь как бесспорный вопрос, принимается положение, что марксизм и религию вполне можно совместить. В «Форвертсе» писалось: «Прежде многие думали, что католик не может быть социалистом, а социалист — католиком, теперь же большинство понимает, что это — старый предрассудок».

Социал-демократ Отто Бауэр писал: «Вера в социалистический порядок человеческого общества совместима как с религиозным, так и с атеистическим мировоззрением». Зеверинг в приветствии религиозному Всегерманскому певческому союзу писал: «Необходимо добиться, чтобы в наших рабочих певческих организациях не только не избегали религиозных исполнений, а наоборот, включили в своей репертуар наш великий гимн «Наш бог — могучая крепость» и т. д.».

Представитель социал-фашизма Де-Ман о культуре писал: «Не бывает обновления культуры без религиозного обновления. До тех пор, пока социализм не станет неотъемлемой частью такого (т. е. религиозного) обновления, социалистическое искусство будет производить только лабораторные опыты, быть может любопытные, но бесплодные». Де-Ман считает, что социалистическая культура может быть построена в недрах капитализма, но через религию и посредством религии.

Нечего и говорить о степени религиозного мракобесия в таких партиях, как английская Рабочая партия. Приведем лишь часть воззвания, выпущенного лейбористской партией за подписью 70 профсоюзных и партийных вождей лейбористской партии: Макдональда, Сноудена и др. Что писали лидеры так называемой «рабочей социалистической» партии?

«Если мы желаем, чтобы царство божие утвердилось на земле, то необходимо во всей многосторонней деятельности нашей народной жизни придерживаться христианской этики. Продумать трудовые проблемы экономического строя в свете евангелия является необходимой задачей. Мы обращаемся ко всем тем, которые связаны с рабочими организациями, с просьбой принять участие в богослужении или собрании, которые будут устроены в их районах, а также употребить все свое влияние на то, чтобы побудить местные церкви и братства устраивать такие богослужения, чтобы люди всех сословий могли объединиться узами действительного братства и вновь посвятить себя служению богу и братьям-людям».

Эдгар Зильзель на страницах «Der Kampf» в 1931 г. писал: «Марксистская теория безусловно совместима с основным чувством религиозного человека; даже самый строгий марксист может ощущать ядро мира, общества, «Я» как нечто божественное». ППС запрещает своим членам вступать в общество вольнодумцев и другие атеистические организации. Во Франции за гробом кардинала Дюбуа шествовали «социалисты» Блюм, Ренодель и др.

Мы не будем приводить многих других высказываний социал-демократов на страницах «Der Kampf», высказываний Макса Адлера, который также прямо стоит на точке зрения соединения марксизма с религией. О нем например Браунталь писал, что «Макс Адлер пришел к известного рода трансцендентальному, социальному представлению о боге, согласно которому понятие бога является мыслительной необходимостью для осуществления социалистического строя».

Если мы обратимся к анализу программных документов социал-фашистов по вопросам культуры, то найдем, что их программы от начала до конца пронизывает эта реакционная точка зрения. В непосредственно так называемых культурных требованиях социал-демократы в своих программах не идут дальше обычных требований буржуазного просветительства. Как известно, немецкая с.-д.—самая старая, претендовавшая в свое время на наибольшее родство с Марксом в смысле историческом, утверждавшая, что ее взгляды вырабатывалась при непосредственном участии Маркса и Энгельса, в своей программе по вопросам культуры с.-д. нашла возможным написать всего-навсего следующее: «Социал-демократия стремится к уничтожению монополии в области просвещения, она борется с влиянием церкви на культурные учреждения, она добивается отделения церкви от государства».

Вот все, что нашла сказать немецкая с.-д. по вопросам культуры в своей программе. Здесь не внесено ни грана классовых принципов в вопросы просвещения, в вопросы культуры. Самое общее положение о том, на что способна буржуазия в момент революционного под'ема,— совместное обучение обоех полов в советской школе, отделение церкви от государства и т. п.

Английская с.-д. отделяется тем же самым. Она выставляет принципы «воспитания в республиканском и социальном духе». В каком республиканском, в каком социальном духе,— ясно без комментариев.

В программе австрийской с.-д. говорится: «Социал-демократия объединяет таким образом всех, которые желают принять участие в классовой борьбе пролетариата, и примыкающие к нему классы независимо от их религиозных убеждений».

«... с.-д. организует и содействует воспитательным организациям, которые борются за проникнутый социализмом дух и духовное развитие юношества. Она борется с пьянством, она поощряет рабочий спорт, она организует образование рабочих и содействует народному образованию и искусству. Она поддерживает стремление передовых слоев рабочего класса воспользоваться достижениями науки и искусства и превращает их вместе с разви-

чальной политической партии. В одном из своих докладов в МГУ Богданов так и говорил, что пролеткульт — это совершенно независимая от государства, от господствующей политической партии организация, которая должна самостоятельно переделывать пролетариат. Тут совершенно ясен политический смысл этой богдановской теории культуры.

Очень близко к точке зрения Богданова на вопросы культуры примыкает т. Бухарин. Так же близко примыкает т. Бухарин к Богданову и в вопросах философии, в вопросах методологии. Известна его теория равновесия, его механицизм, вытекающий из богдановской методологии, что облеченный в своеобразную материалистическую терминологию. Исходный пункт бухаринской теории культуры — богдановское представление о ней как о чисто духовном процессе, совершающемся независимо от общественно-экономических условий. С этими богдановскими методологическими установками связан его подход и к вопросам классовой борьбы в переходный период. Основная установка Бухарина в этих вопросах — это установка на то, что после пролетарской революции немедленно начинается мирное, постепенное вращение в социализм.

В вопросах культуры Бухарин проводит ту же самую позицию, ту же самую точку зрения. Взять знаменитую теорию фаз революции. Сначала идет революция в области идеологической, затем идет революция в области политической, потом революция в области экономической и наконец революция в области технической. Эта бухаринская схема фаз революции — не марксистская, не ленинская, а механистическая. Он совершенно механически разделяет революцию на ничем не связанные между собою куски. Закончилась сначала одна революция, затем начинается другая фаза революции. Эта схема целиком отрывает вопросы культуры от общего процесса, от политической революции, от экономической революции, от технической революции и выделяет культуру, которую он укладывает в «идеологическую революцию» в чисто богдановском духе, как не связанную с общим делом социалистического строительства. Как и у Богданова, у Бухарина сначала происходит революция в сознании, как нечто оторванное от политической революции, ибо это, по Бухарину, — следующая фаза революции.

Самой характерной чертой бухаринской правооппортунистической теории культуры является по существу отрицание классовой сущности культуры, замазывание ее классового существа. Правые не видят классовой борьбы в культуре и всего того конкретного, революционного, действительного содержания, которое в культуру вкладывал Ленин.

В своем знаменитом «Политическом завещании Ленина» Бухарин, развивая антиленинские взгляды по вопросу о союзе рабочего класса с крестьянством, по вопросу о характере нашей революции и пр., высказывается и по вопросам культуры. Бухарин неправильно трактует известное ленинское положение о культуре, высказанное Лениным в статье «О кооперации». Ленин писал, что сейчас главной задачей является кооперирование крестьянства, объединение разрозненных мелких хозяйств, основанных на индивидуальной частной собственности, в кооперативные хозяйства, в хозяйства коллективные. Ленин говорил, что эта задача является важнейшей задачей, от которой зависит дальнейшая судьба Советского союза, построение социализма, зависит решение вопроса «кто кого», победим ли мы капиталистов или капиталисты нас. Ленин указывает, что решение этой задачи включает в себя опромную культурную работу для крестьянства, что задача кооперирования крестьянства невыполнима без этой культурной революции.

Трактуя это положение Ленина, т. Бухарин в своем «Политическом завещании» писал, что культурная работа для крестьянства сводится к просвещению, к ликвидации неграмотности, ограничивая в общем и целом круг

культурной революции вопросами, входящими, если можно так выразиться, в рамки ведомства народного просвещения, и то в узком смысле этого слова. Такое сужение задач культуры и культурной революции, сведение культуры и культурной революции к чистому культурничеству, к голому просвещенчеству ничего общего не имеет со взглядами Ленина.

Если взять взгляды деборинской школы на вопросы культуры, прежде всего взгляды самого Деборина, то он по существу стоит на позициях буржуазного объективизма в вопросах культуры, рассматривая культуру как чисто внеклассовый, внеисторический процесс. Культура, по Деборину, есть «постепенное восхождение от низших ступеней развития человека к более высшим». Местами Деборин говорит о классовости культуры, о пролетарской культуре, но когда он пытается конкретно изложить смысл всех этих разговоров, то всякая классовость из этого выпадает. В практических вопросах пролетарской культуры Деборин стоит по существу на бухаринских позициях, принимая их точно так же, как он принимает и политические позиции Бухарина.

Например он пишет: «После же того, как пролетариат создал свое государство, развитие от этого пролетарского государства к негосударству совершается переходными ступенями эволюции. По мере того как отмирают классы (классы не отмирают с точки зрения марксизма, а уничтожаются, ликвидируются.— П. Ю.), отмирает и государство. (Совершенно немарксистское, неленинское положение. Только с полным уничтожением классов начинает отмирать государство, а до уничтожения классов государство не отмирает. Пролетарское государство до полного уничтожения классов укрепляется, подготавливая лишь предпосылки своего отмирания.— П. Ю.)... Превращения и изменения демократического пролетарского государства совершаются в направлении к отмиранию классов и государства» (Деборин, «Ленин как мыслитель», стр. 131, изд. 3-е).

Это — совершенно немарксистское, неленинское положение. Здесь Деборин сходится с Бухариным в вопросах отмирания классов. Исходя из этого, он развивает свои взгляды на вопросы пролетарской культуры:

«Фундамент новой культуры образует социалистический способ производства, общество без классов и государственной власти. Этот колоссальный исторический переворот, возможность создания социалистической культуры предполагает нового человека. Преобразование человеческой психики из буржуазной в социалистическую составляет одну из основных задач нашего времени, поскольку речь идет о воспитании современного человека для будущего общества» (там же, стр. 147).

Таким образом фундамент новой культуры будет создаваться только в бесклассовом обществе.

У т. Деборина получается, что создание социалистической культуры предполагает нового человека. Сначала создать «нового человека», «преобразование человеческой психики», а не создание нового человека в ходе культурной революции и социалистического строительства.

Тов. Деборин в рассмотрении практических вопросов культуры стоит на позициях Бухарина, в общетеоретических формулировках вопросов культуры он стоит на позициях объективизма самого худшего меньшевистского толка.

Очень близкими и по существу родственными деборинским взглядам по вопросам культуры являются взгляды Переверзева. И Деборин и Переверзев выросли на одних методологических корнях, воспитаны на одних дрожжах — на слабых сторонах плехановского мировоззрения. Переверзев слабые сто-

роны плехановского мировоззрения доводит до крайних логических выводов, вульгаризируя их до предела, становясь на позиции шулятиковщины.

Троцкизм в вопросах культуры характеризуется следующим основным положением: он совершенно отрицает наличие пролетарской культуры. Троцкий, исходя из своей общей теории революции, согласно которой переходный период — это период не строительства, а период перманентных военных стычек, говорит, что пролетариату некогда заниматься такими вопросами, как культура, пролетариату попросту нехватит времени для создания пролетарской культуры. «В эпоху диктатуры о создании новой культуры, т. е. о строительстве величайшего исторического масштаба, не приходится и говорить» — говорит Троцкий. И для всего переходного периода Троцкий целиком оставляет буржуазную культуру в ее не критическом восприятии — так, как она есть.

Отрицая социалистический характер нашего строительства, считая, что наши производственные отношения не носят социалистического характера, отрицая возможность построения социализма у нас в стране, Троцкий, естественно, приходит к отрицанию пролетарской культуры.

III

«Есть два мира» — говорит т. Сталин. И есть две культуры — культура социалистического мира, культура социалистического строя, и культура капиталистического мира. Культура социалистическая растет, побеждает, а культура капиталистического мира, буржуазная культура, все больше и больше разлагается, загнивает и распадается. Нет никаких сомнений, что предстоят еще дальнейшие жестокие бои культуры социалистической с культурой капиталистической.

Наряду с распадом, мракобесием и процветанием религиозности в мире буржуазной культуры в капиталистических странах имеется и рост элементов пролетарской социалистической культуры. Это прежде всего те коммунистические партии, те революционные организации, те революционные массы рабочих, которые идут за нашей партией. Они являются в капиталистических странах носителями новой культуры, культуры социалистической.

Общая задача культурной революции в нашей стране сформулирована XVII партконференцией следующим образом: уничтожение пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всех трудящихся в активных и сознательных строителей социализма. Этим положением XVII партконференция определила содержание задач культурной революции на вторую пятилетку. В области культуры перед нами стоит как решающая, центральная задача, обеспечивающая победу социалистического строя, выработка социалистической дисциплины труда. Ленин говорил, что только с победой социалистической дисциплины труда, только тогда, когда каждый трудящийся будет сознательно относиться к своим обязанностям, когда каждый будет контролировать не только себя, но и других, — с победой такой дисциплины труда отпадает необходимость во внешнем регулировании процессов труда, и тогда, говорит Ленин, будут открыты широко двери к переходу во вторую фазу коммунизма.

Но теперь коренной задачей культурной революции является укрепление диктатуры пролетариата.

Первым и основным, бесспорным положением для нас должно быть то, что диктатура пролетариата является решающей силой, которая формирует, создает новое, социалистическое общество. Диктатура пролетариата, как

говорим Ленин, ставит перед собой задачу подавления сопротивления эксплуататоров, перевоспитания трудящихся масс и создания нового, социалистического общества. Этими положениями определено соотношение диктатуры пролетариата и культуры. Диктатура пролетариата в переходный период является решающей силой, формирующей социалистические отношения. Диктатура пролетариата является точно так же формирующей силой и по отношению к пролетарской культуре. Пролетарскую социалистическую культуру создает пролетарская диктатура. Наша культура, культурная революция, целиком служит выполнению тех задач, которые стоят перед диктатурой пролетариата.

Ленин и Сталин и решения нашей партии рассматривают вопросы культуры и культурной революции в тесной и непосредственной связи с коренными и актуальными задачами пролетарской диктатуры. Культура, культурная революция в целом, задачи культурного фронта целиком подчинены тем задачам, которые стоят перед пролетарской диктатурой. Задачей культуры на современном этапе является всемерное укрепление диктатуры пролетариата.

В литературе дискутировался, в частности между философским журналом «Под знаменем марксизма» и журналом «Советское строительство», вопрос о существовании ленинского учения о диктатуре пролетариата. На страницах «Под знаменем марксизма» вопрос отмирания диктатуры пролетариата ставится следующим образом, — и мы считаем, что он ставится правильно, поленински, так, как его ставит т. Сталин: диктатура пролетариата начинает отмирать только с уничтожением классов, когда будут уничтожены классы, когда будет построено социалистическое общество. В развернутом социалистическом обществе начнет отмирать государство. Ленин в «Государстве и революции» пишет, что в социалистическом обществе все труженники социалистического общества будут на службе у пролетарского государства. Совершенно бесспорно положение Ленина, что полностью диктатура пролетариата, полностью пролетарское государство отомрет только в полном развернутом коммунистическом обществе, во второй фазе коммунизма, когда каждый будет давать обществу по способностям и получать от общества по потребностям.

В противоположность этой точке зрения некоторыми товарищами развивается, в частности на страницах «Советского строительства», точка зрения, что диктатура пролетариата начинает отмирать с первого дня захвата пролетариатом власти. Они берут положение Ленина, что наше пролетарское государство — государство отмирающее, и разъясняют его так, будто оно отмирает, начиная с первых дней пролетарской диктатуры. Они усматривают глубочайший смысл диалектики в том, что государство укрепляется и отмирает в одно и то же время. Это — недиалектическая постановка вопроса. Тов. Сталин на XVI съезде партии совершенно бесспорно сформулировал этот вопрос. Он говорит, что мы идем к отмиранию государства через укрепление диктатуры пролетариата, укрепляя диктатуру пролетариата, создаем условия для ее отмирания. Это совсем не то, что пролетарская диктатура начала отмирать с самого первого дня Октябрьской революции. Ставя вопросы культуры, культурной революции, целиком подчиняя задачи культурной революции задачам укрепления диктатуры пролетариата, работники культурного фронта должны совершенно правильно представлять себе точку зрения марксизма-ленинизма, точку зрения нашей партии на диктатуру пролетариата. Задачи культурной работы необходимо целиком подчинить той великой и трудной борьбе, которую ведет партия за уничтожение классов, за построение бесклассового социалистического общества.

Как наша партия смотрит на этот вопрос, как пойдет реально и идет этот процесс уничтожения классов? Что касается крупной промышленной

буржуазии, здесь положение само собой ясно: эту буржуазию мы добились. Что касается кулачества, то кулачество в основном как класс ликвидировано на базе сплошной коллективизации, потому что коллективизацией охвачены основные сельскохозяйственные районы, где в основном коллективизация закончена. Кулачество в СССР разбито, но еще не добито. Есть полная ясность в отношении того, каким образом идет и дальше пойдет ликвидация кулачества как последнего эксплуататорского класса.

Но встает вопрос о крестьянстве: как будет ликвидировано крестьянство как класс (в решениях XVII партконференции написано о ликвидации классов вообще)? И вот здесь у ряда товарищей имеется путаница. Во-первых, начинают переводить метафизику насчет колхозника: класс колхозник или не класс, переносят старое понятие о крестьянстве как классе на колхозника целиком.

Некоторые товарищи договариваются до того, что колхозник остался по сути дела еще мелким товаропроизводителем и что социалистической в колхозе является только одна форма, в то время как содержание еще не социалистическое.

Тов. Сталин дал развернутое решение вопросов о социальной природе колхозов в своей речи на конференции аграрников-марксистов. Он говорил, что марксисты, ленинцы должны подходить к вопросу о социальной природе колхозов с точки зрения характера производственных отношений. Каковы отношения к средствам производства в колхозе? Есть частная собственность на средства производства или нет частной собственности на основные средства производства? В колхозе основные и решающие средства производства обобществлены — это решает вопрос о социалистической природе колхозного хозяйства и колхозного строя.

Некоторые товарищи начинают отправляться в определении социальной природы колхозов не с этой стороны, они ищут социалистический характер колхозов в другом. Они говорят, что колхозник, колхозный строй и хозяйство является еще старым хозяйством: у колхозника имеются — де корова, мелкий домашний скот, изба, часть земли (огород) и т. д., а так как у крестьянина все это было до вступления в колхоз, то налицо частная собственность на средства производства, а следовательно, продолжают они, природа крестьянства осталась старая. Эти люди не понимают решающего, что произошло в деревне за годы первой пятилетки, того, что отношение к решающим средствам сельскохозяйственного производства изменилось коренным образом, что они стали обобществленными. Именно это является основным и решающим в понимании социалистической природы колхозного хозяйства.

Но чем в этом вопросе отличается колхозное хозяйство от предприятий последовательно социалистического типа? Тем, что в колхозе собственность обобществлена, но она находится в коллективной общественной собственности колхозников, а на предприятиях все производительные силы находятся в собственности пролетарского государства. При такой постановке вопроса совершенно ясно и понятно, каким образом пойдет процесс переделки крестьянства. Когда сельскохозяйственное производство, когда колхозники по характеру отношений к средствам производства целиком и полностью будут поставлены в такое же положение, как и рабочие на предприятиях, тогда следовательно этим самым уже снимается вопрос о тех еще имеющихся отличиях между колхозником и рабочим по характеру отношения к средствам производства.

Решающая роль в этом отношении принадлежит машинно-тракторным станциям. МТС — это последовательно социалистические предприятия, где

средства производства находятся в руках пролетарского государства. Наша задача во вторую пятилетку, говорится в решении XVII партконференции, — охватить машинно-тракторными станциями все сельскохозяйственные районы, механизировать, индустриализировать на этой основе весь процесс с.-х. производства, и тогда с.-х. труд станет разновидностью труда индустриального. Эта постановка вопроса снимает всю ту метафизику насчет превращения колхоза в совхозы и т. д., которое у нас имеет иной раз место. Когда кулачество будет окончательно ликвидировано, когда колхозники по характеру отношения к средствам производства станут на уровень рабочих, тогда, естественно, снимутся те отличия, которые имеются еще в отношении к средствам производства между колхозником и рабочим, и тогда пролетариат уничтожит все другие классы, ликвидировав все капиталистические классы, переделав крестьянство, сам перестанет быть классом. Ибо других классов, которым он противопоставлялся, от которых он отличался по характеру отношений к средствам производства, таких других классов уже не будет. Тогда все будут тружениками социалистического общества. Отношения к средствам производства всех тружеников социалистического общества будут одинаковы: работники фронта культуры должны совершенно отчетливо и ясно представлять эти процессы, чтобы видеть и знать, в каком направлении надо развивать культурную революцию.

Выше мы указывали, что одним из коренных вопросов культурной революции является выработка социалистической дисциплины труда. Развертывание культурной революции по этой линии, дальнейшая выработка социалистической дисциплины труда составляют центр всей нашей работы. Социалистическое соревнование и ударничество — вот социалистические формы труда. Дальнейшее укрепление и развитие социалистического соревнования и ударничества являются подлинным осуществлением культурной революции.

Эта задача, перенесенная в деревню, в колхозы, приобретает огромное политическое и экономическое значение. И при решении этой задачи нам приходится преодолевать отчаянное сопротивление недобитого еще кулачества. В деревне имеются еще старые, мелкобуржуазные, частнособственнические навыки, частнособственническая психология мелкого крестьянства, которые пытается использовать классовый враг. Колхозники еще в массе своей не поднялись до уровня социалистической дисциплины труда, на которой стоит сейчас рабочий класс. Но если просмотреть выступления колхозников на Всесоюзном съезде колхозников-ударников, на московском и других краевых и областных съездах колхозников, то мы увидим, с какой силой, как в массовом масштабе, как глубоко сейчас проникли процессы выработки социалистической дисциплины труда в деревню. Московский комитет партии издал очень хорошую книгу «Сто колхозов Московской области». В этой книге приводится несколько десятков характеристик новых людей, которые сейчас создаются в колхозах. Это является живым материалом, живым документом и показателем создания подлинно социалистической дисциплины труда, создания социалистической культуры в наших колхозах.

Следующая задача, идущая по линии культурной революции и тесно связанная с первой, — это задача овладения техникой, задача изучения науки. В этой области предстоит еще огромная работа. Трудность этой задачи особенно велика в деревне. Мы имеем сейчас в деревне полтора-два тысяч тракторов, однако эта мощная техническая база используется еще далеко не полностью. Процесс овладения техникой и выработка социалистической дисциплины труда в деревне идут значительно труднее в силу той исторической и культурной отсталости, которая имела место в старой, царской России, в силу обострения классовой борьбы, сопротивления кулачества. Над этим еще предстоит чрезвычайно много и много поработать.

В области культуры и культурной революции во второй пятилетке перед нами стоит задача выработки кадров высокой квалификации, как это сказано в решениях XVII партийной конференции относительно технических кадров, стоящих на уровне современной мировой науки и техники. Создание кадров такой квалификации, такого уровня пред'является всем ходом жизни, социалистического строительства, потому что наша страна из страны отсталой технически превратилась в страну передовую в техническом отношении. Мы имеем самую передовую технику, мы в состоянии сделать любую машину и вместе с тем кадров, которые были бы в состоянии овладеть этой техникой, у нас еще далеко не достаточно. Нам не хватает технических кадров высокой квалификации, которые бы стояли на уровне современной науки и техники. Еще больше этих кадров не хватает в деревне.

Судебные процессы, которые недавно прошли—вредительство в области сельского хозяйства по линии Трактороцентра, по линии НКЗема, вредительство части английских специалистов,—свидетельствуют о том, что старая интеллигенция, правда в незначительной ее части, еще стоит против нас, старается использовать недостатки наших собственных технических кадров в интересах международной контрреволюции.

В области идеологических надстроек произошла целая революция. Возьмем любую область идеологических надстроек—науку, искусство, литературу и т. д. Если до революции, в условиях капиталистического общества, массы принимали участие в процессе материального производства, в создании общественного строя в порядке подчинения законам капиталистической эксплуатации как класс, угнетенный по своему материальному положению и месту в производстве, класс, лишенный средств производства, то после революции этот класс—пролетариат—является владельцем всех средств производства, становится активным участником, активным творцом социалистического способа производства. Маркс говорил, что действительные потребности жизни, пред'явленные к науке, имеют большее значение, чем десятки университетов для развития наук. Потребности социалистического строительства, практика социалистического строительства каждый день, каждый час пред'являют ко всем областям науки, искусства и литературы все новые и новые требования, требования, вырастающие из хода самого социалистического строительства. Творцами науки, творцами искусства становятся сами массы. Массовость движения, приобщение к культурной жизни многомиллионных масс и связь всех областей идеологических надстроек с нуждами и задачами социалистического строительства являются причиной того, что действительно во всех областях идеологических надстроек совершается полный переворот.

Вопросы пролетарской культуры с победой рабочего класса приобретают иное содержание, чем до победы рабочего класса. Маркс писал: «Как для массового порождения коммунистического сознания, так и для выполнения самого дела необходимо изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции. Следовательно, революция необходима не только потому, что нельзя никакими иными способами свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество».

Процесс культуры, культурного роста после пролетарской революции принимает бурный характер, характер культурной революции. Особенности процесса культуры после победы диктатуры пролетариата объясняются следующими обстоятельствами. Впервые рабочий класс, крестьянство и все трудящиеся массы становятся сознательными творцами собственной жизни. В эпоху до победы пролетарской диктатуры трудящиеся массы являлись твор-

цами жизни, но этот процесс шел не в порядке сознательного участия масс в общественной жизни, в общественном процессе производства, а в порядке подчинения капиталистическому способу производства. С победой пролетарской диктатуры этот процесс коренным образом меняется. Ленин писал: «Нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране государственная власть не принадлежит рабочим, которые в массе своей прекрасно понимают недостатки своей — не скажу культурности, а скажу — грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит такие жертвы для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас».

Ленин, выдвигая задачи культуры после победы пролетарской революции, ставил их как важнейшие задачи в выполнении исторической роли пролетариата — построения социалистического общества. Все вопросы, которых Ленин касался в связи с соцстроительством, он связывал с задачами культуры, с задачами культурной революции. Без культурной революции невозможно выполнить программу социалистического строительства.

Но здесь стоит вопрос, как строить пролетарскую культуру, социалистическую по своему существу культуру, из каких элементов строить эту культуру? Ленин со всей определенностью ставит вопрос о том, что пролетарскую культуру можно построить только на основе всей культуры, которую создало человечество за всю историю своего развития. Но процесс строительства пролетарской культуры на основе предшествующей культуры не есть процесс простого, некритического восприятия этой культуры. Ленин говорит о переработке старой культуры, об овладении всем запасом знаний, об овладении техникой, об умении управлять и т. д. Ленин даже говорит об общественных организациях, что и здесь надо нам использовать умение капиталиста управлять. Когда он говорит о банках, трестах, синдикатах, он говорит, что надо отсечь, отрубить все нити, которые связывают эти организации с капиталистами, и заставить эти организации работать на нас, подчинив их нам.

Процесс культурной революции есть массовый процесс, в который вовлекаются миллионные массы. Этот процесс идет по разным направлениям.

Во-первых, процесс культурной революции идет по линии политической. Вовлечение самых широких многомиллионных масс в управление пролетарским государством, в советы, в кооперацию, во все другие общественные организации; подлинное привлечение масс к управлению собственной жизнью, к строительству жизни является величайшим процессом культурного воспитания.

Во-вторых,—в области овладения техникой. Проблема овладения техникой миллионными массами после победы пролетарской диктатуры, особенно в реконструктивный период, является важнейшей, центральной задачей. Когда т. Сталин говорит, что решающая задача теперь — овладеть техникой и изучить науку, это определяет собою содержание значительной части задачи культурной революции. Только пролетарская революция создает предпосылки, когда миллионные массы трудящихся в состоянии по-настоящему взяться за изучение и овладение наукой.

Наш советский рабочий класс имеет в этой области величайшие достижения. Он является сейчас самым образованным, самым культурным классом. Из рядов рабочего класса вышли сотни тысяч политических деятелей, хозяйственных организаторов, деятелей науки, инженерно-технических работников, деятелей искусства, писателей, художников. Это—подлинное овладение со стороны широких масс трудящихся, миллионных масс трудящихся

всей старой культурой, всей старой техникой, старой наукой и созданием собственной, пролетарской культуры.

Но самой трудной задачей культурной революции после победы пролетарской революции является переделка крестьянства. Крестьянство после победы пролетарской революции остается мелким товаропроизводителем. Крестьянство, как говорил Ленин, пока оно остается индивидуальным крестьянством, индивидуальным хозяйством, каждый день, каждый час порождает капитализм, является его глубочайшей основой. Задача переделки мелкого крестьянского хозяйства в коллективное хозяйство является самой трудной, самой тяжелой задачей. Такой же трудной является работа в области культурной переделки крестьянства, культурная революция в крестьянстве. И на этом фронте наша партия имеет огромные достижения. Самым величайшим достижением здесь является вовлечение крестьянства в колхозы, переход на социалистический способ производства. По типу, по характеру культура, которая создается нами в деревне,—культура социалистическая. Там создаются социалистические производственные отношения, вырабатывается социалистическое отношение к труду, к общественной собственности, к быту. Все это является показателем того, что культурная революция в деревне по своему типу, по своему характеру выше всякой культуры, какую имело до сего времени крестьянство других стран.

Но это не значит, что сняты величайшие трудности в области культуры, стоящие перед нами в деревне. Тов. Сталин на пленуме ЦК партии говорил, что наши колхозы по форме своей являются социалистическими предприятиями, но с кем пойдут колхозники, на чьей стороне будет колхоз, решает содержание работы. Тов. Сталин подчеркивал там, что нельзя забывать того, что сознание колхозников, сознание крестьянства отстает от экономики, отстает от того переворота, который произошел в общественных отношениях. Задача преодоления отставания в сознании колхозника от того переворота, который произошел в способе производства, является сейчас величайшей и самой трудной задачей всей нашей культурной работы в деревне. Для успешного разрешения гигантских задач по организационно-хозяйственному укреплению колхозов в деревне, социалистическому воспитанию колхозного крестьянства наша партия организовала политотделы в МТС и совхозах, которые уже на практике показали образцы большевистской работы не только в области организационно-хозяйственного руководства, но и политического воспитания колхозных и трудящихся масс деревни.

Ленин на съезде комсомола говорил, что надо добиться такого положения, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу для общего дела, пускай самую маленькую, пускай самую простую. Если мы с этой точки зрения подойдем к огромной работе, которая идет у нас сейчас в деревне, то найдем, как повседневно, на примерах, на первый взгляд самых небольших, самых незначительных, творится великая культурная революция.

Возьмите проблему соотношения молодого и старого поколений. Эта тема не сходит со страниц буржуазной литературы. Как решается она у нас? На съезде колхозников Урала на одном слете колхозников в числе делегатов присутствуют отец и сын-пионер. Этот сын-пионер выступает и говорит: «Вот мы все здесь выступаем и говорим, что надо работать как следует, что надо поднять трудовую дисциплину и т. п., а понимаем ли мы, что работаем сейчас на самих себя? Вот мой дядька, который приехал сюда, тоже сколько раз мы с ним ругаемся. Он то и дело уваливает от работы, как будто бы работает на помещика, а не на самого себя. Нет, дядька, это никуда не годится, я прямо тебе здесь это скажу, ты не коммунар».

Один этот факт из многих десятков и сотен тысяч фактов повседневной нашей жизни свидетельствует о величайшем перевороте, который происходит сейчас в деревне. Вот например юдин поэт, селькор из Ухаловского района, Московской области, пишет в газете:

«Выйдешь утром на деревню,
 Дым по трубам кочует,
 Значит бабы, взяв ухваты,
 С печью-мачехой воюют.
 Как понохаешь сам дыму,
 Как представишь всю картину,
 Хочешь крикнуть, хочешь топнуть,
 Разогнуть захочешь спину.
 Неужель теперь в колхозе
 Мы построим жизнь иную
 И общественной столовой
 Не поьем мы печь лихую».

(Ухаловская газета «За коллективизацию»,
 селькор «Свой»).

Все это показывает ломку, которая идет в деревне. Процесс великой культурной революции в нашей деревне захватил самую гущу широких крестьянских масс. Но в этой области осталось нам сделать еще бесконечно много.

У нас за годы пролетарской революции действительно широким потоком пошли из народных масс люди в науку: ученые, художники, писатели. Характерны такие цифры: в 1929 г., если взять за 100 проц. (только по тяжелой промышленности) наличие научных работников, то в 1932 г. их уже будет 480. Если в 1929 г. инженерно-технических работников с высшим образованием было 37 тыс., то в 1932 г. — 216 тыс. В 1933 г. наши вузы дадут 61 тыс. людей с высшим образованием, техникумы — 226 тыс. чел. со средним техническим образованием, ФЗУ — 527 тыс. чел. Это такой массовый прирост, который характеризует слияние, непосредственное соединение теории с практикой, непосредственное соединение нашего искусства, литературы с массами, в том числе и с широкими трудящимися крестьянскими массами. Если взять такую область, как художественная литература, то за эти годы у нас выросли подлинно свои писательские кадры, кадры с большими талантами. Мы имеем в художественной литературе среди молодых писателей такие талантливые произведения, как «Бруски» Панферова, «Разгром» Фадеева, «Поднятая целина» Шолохова, «Разбег» Ставского. Мы имеем также сотни других блестящих, талантливых произведений. Мы сейчас еще не в состоянии оценить всего того, что у нас есть в области художественной литературы. Если мы в области художественной литературы можем по достоинству гордиться рядом прекрасных произведений, можем выйти на международную арену и сказать, что у нас есть прекрасные произведения литературы, то труднее обстоит дело с критикой. Фронт критики значительно отстает от фронта художественной литературы. Фронт критики характеризуется недостаточной высотой теоретического уровня, недостаточным знанием самой художественной литературы, недостаточным знанием специфики художественного творчества. И здесь перед нами вплотную встают такие задачи, как продолжение разработки марксистско-ленинской эстетики, изучение взглядов Маркса, Энгельса и Ленина в области эстетики.

Следующий вопрос, на котором необходимо остановиться, это проблема уничтожения противоположностей города и деревни. Противоположность города и деревни в капиталистическом обществе достигает самых крайних

полосов. В капиталистическом городе сосредотачивается все передовое, что создал капитализм: передовая техника, наука, искусство, литература, медицина. Что достается деревне? Деревне в условиях капитализма достается только самое плохое, самое отсталое и в последнюю очередь. Только в меру интересов капитализма даются деревне крохи культуры капиталистического общества, и эта полярность культурного уровня деревни и города в капиталистическом обществе достигает самой большой обостренности.

Как стоит эта задача сейчас у нас? Во второй пятилетке, строя социалистическое общество, мы создаем коренные предпосылки уничтожения этой противоположности. Это идет по линии, с одной стороны, роста городского населения, роста пролетарских кадров в городах, роста и создания новых, социалистических городов. С другой стороны, как основная линия — это механизация сельского хозяйства и превращение с.-х. труда в разновидность труда индустриального. Эта задача во второй пятилетке в основном будет решена, и тем самым решается важнейший вопрос приобщения миллионов крестьянских масс к передовой современной городской культуре, культуре социалистического города.

Важнейший вопрос в области культурной революции, вопрос, который не будет решен и второй пятилеткой, — это задача уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Ленин говорит, что самое отвратительное выражение капиталистическое разделение труда нашло в разделении труда умственного и физического, когда умственный труд, интеллектуальная деятельность становятся достоянием избранных капиталистов, а на долю огромной массы и подавляющего большинства человечества падает тяжелый, подневольный, изнуряющий физический труд. За годы пролетарской революции нами сделано немало для уничтожения этой противоположности, но никак нельзя считать, что мы подошли вплотную к решению этой задачи. Мы создаем сейчас необходимые предпосылки для решения этой задачи. Но эта задача может быть решена только в социалистическом обществе, а окончательно будет разрешена только в коммунистическом обществе, когда каждый трудящийся, каждый член коммунистического общества будет в состоянии работать в такой мере, что у него останется возможность на все виды научного, культурного и прочего развития, когда возможность перехода от одного рода работы к другому роду работы в силу развития техники, универсализации подготовки станет простой и доступной каждому. Эту задачу мы должны поставить сейчас как цель, для решения которой вся наша работа, ведущаяся теперь, является необходимым условием.

С особой силой сейчас ставится вопрос о роли идеологических надстроек, о роли духовной культуры, духовного производства, в условиях, когда мы вступили во вторую пятилетку, в пятилетку построения социалистического общества. Энгельс писал в свое время в «Анти-Дюринге», что законы общественные в условиях капитализма, в условиях анархического способа производства являются по отношению к людям демоническими силами, которые стихийно обрушиваются на их головы. Люди сами делают историю, говорит Маркс, так же, как они вырабатывают полотно, холст. Но эта история делается как бы за спиной людей. Только после того, как общественные законы сложатся, как они обрушатся со всей стихийной силой, только после этого люди начинают осознавать и познавать эти законы.

В социалистическом обществе дело принципиально, коренным образом меняется. В социалистическом обществе прежде чем сложиться общественно-материальным законам, они проходят через сознание людей. Некоторые товарищи готовы это понять в том смысле, будто теперь вообще теряет свою силу закон о том, что бытие определяет сознание. Само собою разумеется, что это — грубая ошибка. И в социалистическом обществе бытие определяет

сознание, но в социалистическом обществе бытие, характер политической власти, характер всей организации материального процесса производства становится плановым. Устраняются силы, как говорит Энгельс, которые мешали пониманию законов общественного развития, это — стихийный характер производства, капиталисты и их прислужники — ученые, которые мешали правильному пониманию общественного развития. На их место пришли пролетариат и его плановое социалистическое хозяйство. Ученые, извращающие законы общественного развития, устранены в том смысле, что пролетариат создал свои кадры, свою науку, как и свое социалистическое общество. Наше хозяйство строится по заранее намеченному плану.

Что представляет собой с этой точки зрения пятилетний план? Возьмем нашу первую пятилетку. Рабочий класс в лице компартии, советского правительства заранее намечает план развития производительных сил, развития производственных отношений, заранее намечаются изменения отношений классов. Во второй пятилетке мы заранее наместили характер и уровень развития производительных сил, заранее наместили характер производственных отношений, сформулированных в такой форме: уничтожение капиталистических элементов и классов вообще и превращение всех трудящихся в сознательных и активных строителей социалистического общества. И эту программу мы выполняем. Производительные силы и производственные отношения, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей.

Но это ни в коей мере не значит, что отменены объективные материальные законы. Возьмем к примеру такой вопрос, как задача уничтожения капиталистических элементов и классов вообще. Мы бы очень желали выполнить ее примерно 2—3 года, а то и 5 лет тому назад. Почему мы эту задачу не могли поставить тогда? Потому, что мы не смогли бы ее выполнить, потому, что у нас не было достаточных материальных экономических возможностей. Почему мы не поставили себе задачу 5 или 7 лет тому назад завершить всю социалистическую реконструкцию сельского хозяйства? Потому, что материально-экономические объективные условия этого не позволяли. Бытие определяет сознание, этот закон имеет силу во всех обществах. Но в эпоху диктатуры пролетариата коренным образом меняется роль идеологических надстроек. Сейчас законы общественного развития направляются нами сознательно.

В связи с такой постановкой вопроса исключительную роль приобретает культура духовная, культура в области идеологических надстроек — в области науки, искусства, литературы, коммунистического воспитания. Надо сказать, что мы еще очень мало работаем над этими вопросами, очень мало ставим эти проблемы как практические проблемы сегодняшнего дня.

Нет никакого сомнения, что великий рабочий класс, который прошел столь длительную историю своего революционного развития, который сумел одолеть столько врагов, разбил капиталистическое государство, завоевал власть, построил свое государство, развивает производительные силы социализма, строит социалистическое общество, этот рабочий класс построит и свою коммунистическую культуру, и не только на территории Советского союза. Революционная борьба рабочего класса положит конец существованию капиталистического строя. С победой коммунистической революции мы построим коммунистическую культуру во всем мире.

Об идеологии загнивающего капитализма

С. Вольфсон

I

Ленинское учение об империализме как умирающем капитализме нашло особенно яркое подтверждение в явлениях мировой капиталистической экономики и политики периода всеобщего кризиса. Процесс развития кризиса, его безысходность дали новые непоколебимые доказательства тому, что «капиталистическое хозяйство непостоянно и непрочное, оно уже отживает свой век и должно уступить свое место другой, высшей, советской социалистической системе» (Сталин).

Капитализм, будучи исторически обреченным, умирающим, однако не исчезает в порядке самотека, автоматически. Его надо уничтожить. Контрреволюционная теория «автоматического» краха капитализма давно разоблачена. Класс капиталистов и поддерживающие его реакционные силы делают отчаянные усилия для того, чтобы продлить свое существование. Буржуазия запуталась в самых безвыходных противоречиях, повергающих в недоумение и ужас ее идеологов. «Мир начинает походить на сумасшедший дом» — так на пороге 1933 г. заявил один из наиболее искусственных политиков буржуазии Ллойд Джордж.

В поисках выхода из исторического тупика буржуазия пытается опереться на свою главную социальную опору — социал-демократические партии, то бросает в бой резервы ополченной фашистской контрреволюции. Ее идеологи сочиняют утопии планового капиталистического хозяйства. Вместе с тем все усиливается с ее стороны тенденция разрубить жестокие противоречия мечом войны... Стратегия и тактика буржуазии накладывают конечно отпечаток и на всю идеологию. В свою очередь видоизменение идеологии, приспособление ее к задачам спасения умирающего капитализма, входит в качестве одного из элементов в эти стратегию и тактику.

Нашей обязанностью является поэтому изучать и знать эту идеологию, служащую отнюдь не последним оружием в руках бешено сопротивляющихся своей гибели эксплуататоров. Мы должны достаточно хорошо знать идеологическое вооружение врага, особенно в настоящее время, когда подготовка к решающим революционным боям и низвержению капитализма является очередной задачей международного пролетариата.

Углубляющийся распад капиталистического хозяйства и порождаемая им неуверенность в завтрашнем дне, расшатывание кризисом экономической базы научной деятельности, с одной стороны, продолжающаяся революция в современном естествознании, характер и следствия которой были исчер-

пывающе вскрыты Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», с другой стороны, — все это порождает кризисное состояние буржуазной науки.

Буржуазная наука умирающего капитализма, как и вся его идеология, характеризуется величайшей растерянностью пред лицом жестокого кризиса, парализовавшего капиталистическое хозяйство, и высоко поднимающейся волны пролетарской революции, пред лицом исторических побед, которых добилась в своей борьбе за социализм страна пролетарской диктатуры.

Одна из важнейших задач, которую буржуазия ставит перед своими учеными, это, по выражению Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии», «разработка иллюзий этого класса о себе». При загнивании капитализма такого рода «разработка» делается чрезвычайно затруднительной. Становится невозможным устанавливать «непоколебимые законы» капиталистического прогресса, говорить об «извечности» и «непреходящести» капитализма, о «строгой разумности» и «естественности» капиталистического порядка вещей, о выполняемой буржуазией исторической миссии и т. д. Но в то же время признать, что капитализм умирает, что класс, «разрабатывать иллюзии» для которого призван буржуазный ученый, должен погибнуть, должен уйти с исторической арены, что он является реакционной силой, мешающей развитию всего общества, в том числе и науки, — открыто признаться во всем этом не хватает мужества у подавляющего большинства буржуазных ученых. В результате большинство таких ученых начинает ликвидировать в своих работах элементы научного предвидения, изгоняет из своего творчества все, что носит характер прогноза, заявляет о том, что наука бессильна поднять «завесу будущего», что историческое будущее «иррационально», что вся социологическая и историческая наука — это, как выражается Теодор Лессинг, «осмысливание бессмысленного». Под знак такого бесперспективного, пессимистического агностицизма ставит свою работу большинство ученых гниющего капитализма.

Приведу небольшой, сюда относящийся эпизод.

Еще в самом начале всеобщего капиталистического кризиса Вернер Зомбарт выступил на общем собрании так называемого «Союза социальной политики» в Цюрихе с докладом, в котором говорил о надвигающихся сумерках капитализма и о том, что «человечество стоит на пороге новой хозяйственной эпохи». Зомбартовские, как выразился один из его оппонентов, «осенние предсказания» вызвали страстный отпор со стороны Шульце-Гевернице. Престарелый маэстро буржуазной политэкономии прочел Зомбарту нотацию, в которой заявил: «Я полагаю, что, пытаясь создать науку о будущем, мы стоим на скользком пути, ведущем к Карлу Марксу». «Необходимо, — говорил Шульце-Гевернице, — строго отклонить основанное на личной оценке изображение будущего, исходящее из идеалов, ни в малейшей степени не являющихся объектами науки и выработка которых прежде всего дело пророков...»¹⁾

Ученые-идеологи гниющего капитализма избегают не только «изображения будущего», они стараются закрыть глаза и на настоящее. Потому они так падки на всякого рода идеалистические концепции, «низлагающие» материальную действительность, «развенчивающие» мир объективной реальности... «Единственная прочная действительность, которую я в состоянии утверждать и с которой потому должна быть связана всякая мною мыслимая действительность, — говорит лейб-философ итальянского фашизма Дживованни Джентилле, — это та действительность, которая сама мыслит.

¹⁾ Буржуазные ученые о закате капитализма, Гиз, 1929 г., стр. 53.

В этом ее осуществление. Она поэтому является действительностью только в акте мышления. Актуальное существует только в роде мышления»¹⁾.

Не могущие в силу своего классового положения вскрыть происходящие в действительности процессы, наоборот, заинтересованные в том, чтобы всячески скрывать и замалчивать их, в то же время методологически бес- сильные понять смысл революционного преобразования, происходящего в современном естествознании, и сделать из него соответствующие выводы, буржуазные ученые часто попадают в безысходный лабиринт всякого рода противоречий, выбраться из которого им не под силу. Они с величайшей растерянностью наблюдают кризис буржуазной науки, являющийся отображением всеобщего кризиса капитализма, и умозакключают, в результате этих наблюдений, о кризисе науки вообще, о ее «банкротстве», о «гибели культуры»... Вот какими широкими мазками рисует например Франц Крёнер в своей последней книге «Анархия философских систем» картину происходящего ныне в царстве науки:

«Наше время можно назвать эпохой кризисов. О них говорят почти во всех областях науки и культуры. Кризис так называемых наук о духе (Geisteswissenschaften) — от теологии (sic! — С. В.), истории вплоть до права, уже давно является острым, не миновав по указаниям Буллера и Дриша также психологии. От тяжелого потрясения основ не уцелели и наиболее точные из наук — математика и физика. О причинах такого кризисного положения много рассуждают. Считают даже нужным говорить о «крушении науки». Однако глубочайшей причиной всех этих кризисов является борьба основных философских принципов, которые оказывают свое влияние на отдельные проблемы науки и всей культуры... Действительный скандал философии попросту состоит в анархии философских систем, в бесчисленном множестве философских воззрений и их безобразной потасовке. Не приближается ли день суда над философским безумием человечества?..»²⁾.

Указав, что современная философия разбита на множество современных, враждующих между собою княжеств, Крёнер призывает к тому, чтобы все эти княжества были низвергнуты «революцией в характере мышления, которая не обойдется без кровопролития»³⁾.

А такой влиятельный буржуазный журнал, как «Naturwissenschaften», так изображает в одной из своих передовых научную ситуацию современного Запада: «Наука, вера, человечество продолжают плутать в потемках (Zihen weiter auf ihrer dunkeln Bahn). Никто не знает, куда они двигаются. Созвездия, по которым ориентируются мореплаватели, меркнут, новым божествам приносятся жертвы»...⁴⁾. Нет почти ни одной научной дисциплины, представители которой не жаловались бы на кризис, поразивший их науку; эти жалобы нередко переходят в указания на всеобщий кризис науки, культуры...

Сошлюсь на область медицины. За последние годы имели место симптоматические выступления ряда крупных ученых-медиков — Зауэрбуха, Креля, Гольдшейдера, Бумке, Бира и многих других. Смысл этих выступлений сводится к тому, что, несмотря на значительные частные достижения медицинской науки и на великие победы, одержанные в борьбе с болезнями, медицина все же оказалась «в тупике», «на распутье», «на бездорожье», «в состоянии кризиса» и т. д. Известный психолог Освальд Бумке свою речь,

¹⁾ Giovanni Gentile, Der aktuelle Idealismus, Verl. Mohr. Tübingen, 1931 г., стр. 125.

²⁾ Franz Kröner, Die Anarchie der philosophischen Systeme. Verl. F. Meiner, Leipzig, 1929, Vorrede u. Einleitung.

³⁾ Там же, стр. 5.

⁴⁾ «Naturwissenschaften» № 19, 1932 г.

посвященную вступлению в должность ректора Мюнхенского университета, начал например следующими словами: «Я хочу... сегодня говорить не о вопросе, относящемся непосредственно к моей специальности, а о болезни, которая поразила медицину как таковую и которая обусловила ее современный кризис»¹⁾. Медики Запада долго, страстно и довольно бесплодно обсуждают «болезнь», поразившую их науку... Некоторые из них, как например Эдвин Блос, доходят до того, что объявляют кризис медицины частным случаем всеобщего кризиса культуры...²⁾.

Это чувство растерянности приобретает особую силу в области социальных наук. В минуты откровенности у идеологов буржуазии вырываются открытые признания в своей полной беспомощности. Вот одно из таких характерных признаний, сделанное английской либеральной газетой «Манчестер гардиан»: «Мы знаем больше о скорости движения электрона, чем о скорости движения денег, мы знаем больше о скорости движения земли вокруг солнца и солнца в мировой системе, чем о промышленных кризисах»... (номер от 9 января 1931 г.).

Ограниченный классовый горизонт буржуазного ученого является основной причиной того, что там, где имеет место кризис буржуазной науки, кризис культуры эксплуататорского общества, он видит крушение науки как таковой, твердит о конце всякой культуры... Но там, где буржуазному ученому мерещится светопредставление, в действительности лишь рушится строй хищников и паразитов, шатается созданная им культура реакционного класса, на смену которой придет новая культура победившего пролетариата — социалистическая, коммунистическая.

В том, что умирание капитализма влечет за собою гниение буржуазной культуры, ничего неожиданного или «сверхестественного» нет. Это вполне закономерное явление, находящееся в полном соответствии с тем, чему, учат о последней фазе капитализма Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин.

Изучая это явление, мы должны избегать моментов упрощенчества и схематизма. Антиленинским был бы подход к идеологии умиряющего капитализма, как и ко всему этапу капитализма с точки зрения «абсолютного застоя». Выявляя основную тенденцию загнивания буржуазной культуры, надо помнить о неравномерном развитии идеологии, надо помнить, что общий процесс этого загнивания отнюдь не исключает частичного продвижения вперед на отдельных участках, что буржуазная наука может добиваться еще отдельных частных успехов и открытий в технике и естествознании, может делать еще те или иные завоевания в области накопления фактического, эмпирического материала, подчас имеющего значительную ценность... Одним словом, к загниванию буржуазной науки надо подходить не с точки зрения оппортунистической теории «стагнации», а представлять себе его диалектически, как не исключающее отдельных моментов роста и продвижения вперед при упадке и регрессе в целом.

II

В «спокойные» времена так называемого органического развития капитализма буржуазия усиленно насаждала иллюзию «внеклассовости» науки и ее «надпартийности». Этот усиленно культивировавшийся буржуазией миф облегчал ей использование в своих корыстных классовых целях «бескорыстной» и «сверхклассовой» науки. В эти «спокойные» времена, когда буржуазия могла себе позволить роскошь «демократического» осуществления своего господства, она позволяла себе либерально-демократическое отношение к

¹⁾ O s w. B u m k e, Eine Krisis der Medizin. Hueber-Verl, München, 1929, S. 2.

²⁾ E d v. B l o s, Die Krisis in der Medizin. Verl. Braun Karlsruhe, 1930, S. 31.

науке, способствовавшее поддержке мифа о «чистой», незапятнанной житейской корыстью, далекой от нашей грешной земли с ее спорами и битвами, «надзвездной» науке... Но этой роскоши не может себе уже больше позволить буржуазия эпохи гниющего капитализма, вынужденная в поисках выхода из кризиса, в панике пред надвигающейся пролетарской революцией перейти от «демократических» методов управления к открытой диктатуре... И поэтому в отношении буржуазии к науке на наших глазах осуществляется полный глубокого интереса процесс, гениально охарактеризованный Марксом и Энгельсом еще 87 лет назад. Основоположники научного коммунизма указали в «Немецкой идеологии», что внутри господствующего класса «одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (его активные, способные к обобщениям (konzeptive) идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о себе самом), в то время как другие относятся к этим иллюзиям более пассивно и воспринимаяюще потому, что в действительности они и есть активные члены этого класса и имеют меньше времени для составления иллюзий и мыслей о самих себе. Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторого противоположения и вражды обеих частей, что однако само собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу, когда таким образом исчезает даже и видимость, будто господствующие мысли не являются мыслями господствующего класса и обладают властью, отличной от власти этого класса»¹⁾.

В момент, когда величайшая опасность пролетарской революции и победы коммунизма угрожает ее интересам, буржуазия фашизирует не только аппарат управления, но и всю идеологическую, всю научную сферу. С «храмов науки» без лишних слов сбрасывается флаг научного нейтралитета и бесстрастия, над ними вздымается знамя боевой фашистской реакции. От ученых требуют, чтобы они перестали быть «жрецами науки», а выступили в качестве штабных офицеров оголтелой контрреволюции. Науку перестают изображать витающей в небесных сферах, вдали от грохота земных классовых битв. Ее высшей целью объявляется служение «нации», «отечеству», «государству», т. е. хищникам и эксплуататорам. Буржуазия начинает требовать от «своих» ученых, чтобы они выполняли ее социальный заказ, не прибегая более к маскировке. Она воздвигает гонения на тех либеральных ученых, которые не решаются на безоговорочное выполнение этого заказа. Фашистская Италия изгнала крупнейшего буржуазного философа Бенедетто Кроче, а жертвой фашистских неистовств в Германии оказалось свыше 200 выдающихся ученых, от Эйнштейна и Гуссерля до Габера и Зоммерфельда. Буржуазия более, чем когда бы то ни было, начинает действовать по цинически-солдафонскому правилу Фридриха-Вильгельма: «Девку и профессора всегда можно купить...» Последние события в Германии показали, что подавляющее большинство академических ученых оправдало бисмарков афоризм: «Можешь бить соседа... Всегда найдешь профессора, который освятит это именем вечного права... И потому «либеральные», «радикальные», «независимые» ученые, еще вчера гордо превозносившие доблести «чистой» и «бесстрастной» науки, сегодня шлют на своих научных съездах верноподданнические телеграммы Адольфу Гитлеру и подносят дипломы «почетного доктора» капитану Герингу...

Если с приходом к власти фашистов буржуазная наука начинает публично щеголять во всей своей цинической обнаженности, то она уж задолго до этого прихода начинает сбрасывать с себя «демократические» и «либеральные» одежды. Характерной иллюстрацией к этому могут служить например следующие слова такого руководящего органа, как немецкий жур-

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 37.

нал «Naturwissenschaften», в его посвященном Вильгельму Оствальду некрологе от 6 мая 1932 г.: «Больше, чем к кому бы то ни было, к Оствальду подходило прометеевское слово в Пандоре: «Действительное достоинство человека — партийность». Всякого рода гуманизму объявляется война»... То, что в «спокойные» времена в устах буржуазного ученого звучало бы как оскорбление, в годы кризиса стало превращаться в доблесть... Это маленькая, но показательная иллюстрация к тому, как осуществляется фашизация науки.

В дни, когда капитализм фашизирует всю находящуюся в его распоряжении государственную аппаратуру, в том числе и идеологический аппарат, фашизируется и такая например область, как буржуазная медицина, откровенно становящаяся на сторону мировой контрреволюции. Какой-нибудь десяток лет назад либеральный медик еще мог свято верить в то, что «врач стоит вне или, вернее говоря, выше всяких партий, всяких течений политических, социальных, экономических, ибо он имеет дело с человеком без различия племен, наречий, состояний, для него несть ни эллинов, ни иудеев, ни рабов, ни свободных... Он знает лишь вечные законы человечества»...¹⁾ Этих слов либерального профессора Данилевского теперь не повторит буржуазный медик. Этот медик пером проф. Фридендера пишет книгу «Medizin und Politik», которая представляет собою боевую фашистскую платформу в области медицины и острие которой направлено против большевизма, против Советского союза. Весьма симптоматичен в этом направлении следующий факт: германский хирург Эдвин Блосс выступал в так называемом «Обществе духовного возрождения» («G. f. g. A.») с докладом на тему «Кризис в медицине»²⁾. Это общество объединило «сливки» германской духовной аристократии, т. е. реакционных метафизиков и мистиков типа Кайзерлинга и Лео Кассирера. Целью доклада было предостеречь от рассмотрения кризиса медицины изолированно от других проявлений мирового кризиса и вне связи медицины с политикой. Блосс подчеркивал, что «политика и медицина — вещи одного порядка». «Мы живем, — заявлял он, — в эпоху политических революций, участь медицины зависит от политики и наоборот».

Перейдем к более подробному ознакомлению с этим процессом фашизации науки, который, кстати сказать, можно было хорошо наблюдать во время проводившихся за последний год юбилеев Дарвина, Гёте, Гегеля, Спинозы, Вагнера.

Выход из кризиса мысль современных буржуазных и мелкобуржуазных идеологов усиленно ищет между прочим и на путях противопоставления духу — душе и. Дух (разум, интеллект, ratio Logos) развратил человека, сделал его самонадеянным, самоуверенным, толкнул его на познание непознаваемого, на попытки победить непобедимое...

Надо восстановить поколебленный господством, духа примат души (подсознательное, иррациональность). Дух воплотился в знание, в науку, в материализм; трансбиологичность, душа олицетворяется в интуиции, в вере, идеализме, мистицизме, в религии. Идеологи буржуазии гниющего капитализма провозглашают своей «исторической миссией» реставрацию примата божественной души, восстановление поправленных прав священной интуиции. Они выступают под знаменем воинствующего антиинтеллектуализма. Под этим знаменем ведут свои бои с рационалистической, с материалистической «гидрой» маститые неокантианцы и рафинированные неогегельянцы, вчерашние позитивисты и рационалисты. Утонченнейший Бергсон, чернорубашечный экс-министр Джентилле, поповствующий диалектик Крёнер, фокусничающий фикционалист Файхингер, философствующие питлеровцы Герман Кайзерлинг и Оствальд Шпенглер, христианнейший Макс Шеллер, Теннис, Шпани,

¹⁾ Проф. Н. Я. Данилевский, Врач и его призвание, Гиз, 1921 г., стр. 403.

²⁾ «Die Krisis in der Medizin», von Edw. Bloss. Verl. Braun, Karlsruhe, 1930, S. 6.

Гайдеггер, Циглер, Фельдкеллер, десятки других еще более мелких торговцев философской премудростью осуществляют во имя господства священной творческой интуиции крестовый поход против «разлагающего» «механистического» влияния интеллекта. Разум и наука механизировали человека. Надо вернуть его к примитивной первобытности и варварству, дающим простор аффектам и инстинктам, надо восстановить изначальную божественную полноценность «душевной структуры» человека...

Два лагеря противостоят друг другу: «На одной стороне — все, что верит в создание («an die Gestalt»), в высокое значение развития и творческого начала в человеке и мире, — т. е. религиозный человек, начиная с homo divinus через homo colens и homo christianus средневековья до вполне развитого homo sapiens в высококультурном смысле, ищущего мудрости, встающего против плоского рационализма, воодушевленного зрелого европейца; на другой стороне находится все, что доверяет разуму, ratio, больше, чем внечеловеческому порядку, — это homo rationalis от почтенного древнего homo faber до блаженно верующего в прогресс homo urbanus и homo technicus, кончая современным формалистом, для которого мир — это только годное еще для использования сырье»... Такова дислокация идеологических фронтов современности, устанавливаемая Гансом Принцгорном в его последней книге, направленной против «сатанинского разума» во имя мудрой веры в «религиозное творение»¹⁾.

«Сатанинскому разуму», находящему свое высшее воплощение в науке, предъявляет суровый фашистский счет итальянский профессор Филипп Бурдзио в статье «Кризис нашей цивилизации», опубликованной в конце 1932 г.

«Четыре века назад, — пишет Бурдзио, — Запад нашел магический ключ, ухватился за конец той чудесной ариадниной нити, которая дала ему возможность стать хозяином материальной вселенной. Но как бы знание ни было мощно в части материальной, оно не имело успеха в области идеальной: оно ослабило религию, опустошило мораль, подкопалось под счастье, которое было свойственно людям, когда человек считал себя центром вселенной и его работа была угодна богу».

Соратник Бурдзио, другой философ итальянского фашизма Антонио Бруэро на страницах «Анти-Европы» предвещает, что «в то время как современная эпоха проникнута законами материи, в глубине человеческого сознания подготавливается великая реакция в защиту духовных ценностей. В ближайший исторический момент произойдет колоссальное алхимическое осажение материальных ценностей: кризис превращения материи в идею...»

О том, как осуществляется провозглашаемая Бруэро «реакция в защиту духовных ценностей», показывают многочисленные выступления буржуазных ученых эпохи гниющего капитализма — крестоносцев антиинтеллектуализма, на языке многочисленных специальностей — от философии и социологии до математики и химии — выступающих в защиту интуиции, веры, боженки.

Кильский профессор Иоганнес Рейнке, один из крупных биологов Германии, в своей последней работе «Знание и вера в природоведении» доказывает, что «от Гераклита и Анаксагора до Галилея, Гёте и Бера естествоиспытатели изучали объединенную теологию, которая параллельна разнообразной религиозной теологии и которую можно назвать theologia perennis, потому что ее ценность вне времени»²⁾. Рейнке зовет своих ученых собратьев приблизиться к этой theologia perennis, ибо вера в такой же сте-

¹⁾ Hanz Prinzhorn, Persönlichkeitspsychologie. Verl. Quelle und Mayer. Lpz., 1932.

²⁾ Prof. I. Reinke, Wissen und Glauben in der Naturwissenschaft, Lpz. Ver. von Barth, 1929, S. 112.

пени правомочна, как знание. О существовании внешнего мира я сужу, в одинаковой степени основываясь и на вере и на знании. Геометрическая аксиома немыслима без веры¹⁾.

Другой крупный германский естествовед Фридрих Котье выпустил книгу «Иллюзии науки», являющуюся своего рода знаменем времени. Книга эта представляет собою страстный призыв «посредством разрушения опасных иллюзий научного мышления... освободить душу от обедняющего ее интеллектуалистического влияния и после безграничной бездеятельности и самоотчуждения вернуть ее к действительной ее сущности и источникам ее могущества»...²⁾.

Проф. Ясперс, один из руководителей современного буржуазного философского фронта, отказывается даже допустить мысль о том, что разум может победить душу, наука — веру. «Подумать о мире полного безбожия, о живущих в нем машинных людях (Maschinenmenschen), потерявших себя и свою божественность... это только формально возможно в течение одного мгновения»³⁾.

Дживанни Джентиле защищает свою теорию так называемого идеалистического актуализма от каких-бы то ни было подозрений в том, что она хочет подменить религию наукой: «Актуалист отнюдь не отрицатель бога. В едином хоре с мистиками и самыми религиозными людьми, которые когда-либо существовали на земле, повторяет он: Est deus in nobis»⁴⁾.

Но буржуазии недостаточно конечно того, чтобы господа профессора к вящей славе божией распевали псалмы. Ее социальный заказ требует того, чтобы, как выразился как-то Лафарг, ученые кастрировали науку в интересах капитализма. Он требует того, чтобы ученые предали науку религии. И этот заказ не остается без исполнителей. Симптоматична в этом отношении статья Адольфа Майера «К метафизике науки»⁵⁾. Майер устанавливает, что сокровенный смысл науки, вообще, математики и истории, в частности, заключается в том, чтобы научить человечество познанию божества. Через математику и историю мы логизируем действительность, т. е. познаем божество. Философия обречена бесплодно топтаться на месте до тех пор, пока в центре ее внимания не будет поставлена идея бога. Только ограниченные догматические умы не понимают, что идея божества — верховный принцип научного философского мышления. Нельзя же в самом деле науке ограничиваться плоским механистическим представлением. «Это означает, что мы в конце концов занимаемся физикой и химией для того, чтобы обеспечить состоятельную часть человечества автомобилями, или для того, чтобы создавать ужасающие военные машины; что мы изучаем географию для того, чтобы построить хорошую железнодорожную сеть, что целью всех биологических исследований является лечение больных»... Разоблачив таким образом «плоский утилитаризм» современной науки, наш философ обосновывает подлинные и высшие цели науки: «осмысливать универсальный логос и таким образом создавать живую одежду божества».

Начиная с туманно-метафизических философски-возвышенных рассуждений о подсознательном, иррациональном, трансбиологическом и пр., идеологи буржуазии гниющего капитализма приходят к ничем не прикрытой, обнаженной поповщине.

¹⁾ Prof. I. Reinke, Wissen und Glauben in der Naturwissenschaft, Lpz. Verl. von Barth, 1929, S. 8—9.

²⁾ Fr. Kottje, Illusionen der Wissenschaft, Gottasche Buchhandlung, 1931, S. 35.

³⁾ Prof. Jaspers, Die geistige Situation der Zeit. Walther de Gunther, 1932, S. 35.

⁴⁾ Giovanni Gentile, Der aktuelle Idealismus, 1931, Verl. Mohr. Tübingen, S. 40.

⁵⁾ Ad. Meyer, Zur Metaphysik der Wissenschaft. Archiv für systematische Philosophie und Soziologie. Hrg. von Ludvig Stein. Band XXXII, Heft 3 u. 4.

Эта открытая поповщина лишней раз изобличает классовость буржуазной науки, ту классовую службу, которую она несет.

Уже при первых признаках надвигающегося мирового кризиса капитализма международный клерикализм сигнализировал буржуазной науке, что ее классовой обязанностью является объединиться с религией в целях наилучшего противодействия рабочему классу, революции и коммунизму, в целях наиболее длительного удержания масс под властью капитала. Именно в этом сигнале и заключается смысл известного постановления Стокгольмского всемирного конгресса церквей в 1927 году о том, «чтобы богословы и люди науки снова стали встречаться и чтобы они искали общей почвы». Борьба с марксизмом, с большевизмом, со все растущим классовым сознанием эксплуатируемых масс действительно оказалась «общей почвой» для блока церковных и академических мракобесов.

Наряду с полицейским террором, с полерыми судами, с чрезвычайными декретами, с фашистскими дубинками, с социал-фашистской демагогией и предательством, с пацифистской болтовней и удушением рабочей печати и этот блок является немаловажным оружием в руках мировой контрреволюции.

На одной стороне этого блока мы наблюдаем, как религия стремится санкционировать свои «откровения» авторитетом науки, ужом проскользнуть через те многочисленные лазейки «таинственного», «чудесного», «непознаваемого», которые ей предоставляет идеализм всяческих формаций.

На другой стороне — буржуазная наука, стремящаяся весь арсенал находящихся в ее распоряжении данных поставить на службу боженьке.

Было бы целесообразно собрать и опубликовать коллекцию высказываний о религии, идущих с вершин современной буржуазной науки. Эти высказывания воочию показали бы ту степень глубочайшего маразма, который поразила буржуазную культуру в дни заката капитализма. То была бы настоящая «черная книга», которую мы могли бы пред'явить разлагающейся буржуазной культуре, с исключительным цинизмом предающей научную мысль и научное исследование магии, теософии, оккультизму, знахарству, факирству, астрологии, ментализму и прочим видам примитивного или рафинированного мистико-религиозного мракобесия.

Ценный материал для такой книги могла бы дать например выпущенная в 1928 г. анкета, проведенная среди членов Французской академии наук по вопросу об отношениях религии и науки¹⁾. Эта анкета, демонстрирующая отношение к интересующим нас вопросам «бессмертных» современной Франции, не содержит почти ни одного хотя бы либерально-атеистического ответа. Весь научный Олимп современной Франции стремится всячески доказать, что наука и религия вполне «совместимы», что они взаимно «дополняют» друг друга. Так, Эмиль Борель утверждает, что эти два «чувства» (так именует знаменитый математик науку и религию. — С. В.) «вполне могут существовать в одной личности». Хирург Пьер Бази заявляет, что «научное начало и религиозное чувство различны, но не противоположны, они обращаются к двум различным проявлениям нашей личности и потому не могут быть противоположны». По мнению Мезнаже так называемые точные науки (математика, механика, физика, химия), «несмотря на их полнейшую последовательность, не противоположны религиозному чувству, а скорее благосклонны к нему». Гурса считает, что «как бы ни были велики в будущем успехи алгебры и анализа, великая проблема существования бога и бессмертия души всегда будет ускользать от их формул, самый великий

¹⁾ «Le sentiment religieux et la science». Enquête auprès des membres de l'Académie des sciences, Edit. Spéc. Paris, 1928.

геометр мира не более компетентен в этом вопросе, чем ученик начальной школы».

Очень показательны явления, происходящие в современной медицине. Являясь одним из проявлений тягчайшего кризиса, переживаемого буржуазной наукой, современный кризис медицины демонстративно всю методологическую беспомощность буржуазных медиков, их шатания между грубой эмпирикой и идеалистическими абстракциями, их метафизику и формальную логику. Выход из этого тупика, в котором она очутилась по свидетельству ее наиболее авторитетных представителей, буржуазная медицина ищет на путях... идеализма, мистики, религии. Курт Эльце зовет своих коллег «в борьбе между духом и материей решительно стать на сторону первого и медику двинуться по пути иррационального». Проф. Крель провозглашает отрыв медицины от естествознания, ее подчинение «художественной интуиции». По файхингеровской «философии фикций» зовут медиков равняться крупные медицинские авторитеты. Эрвин Лик служит панихиду по материализму и провозглашает триумф «воскресающего» идеализма: «За всякой материей таится дух, и это иррациональное, метафизическое есть то, что мы называем жизнью. Преодолев естественно-научную эпоху, мы таким образом возвращаемся к тому взгляду, который разделяли мудрецы всех времен. Если присмотреться ближе, то видно, что меняется лишь выражение, подразумевается же одно и то же: божественное дыхание (библия), Логос (Гераклит), Нус (Анаксагор), Демиург (Платон), Энтелехия (Аристотель), Архей (Парацельс). «Жизненная сила», как будто бы окончательно низложенная естествознанием, воскресла в «élan vital» Бергсона, в «Оно» Фрейда, в неовитализме Дриша»... Лик отказывается повторить вслед за Лалласом, что наука не нуждается в гипотезе бога. Наоборот; он провозглашает: «Нам нужен бог, больше всего он нужен врачу» («Wir brauchen Gott, am meisten braucht ihn der Arzt»¹⁾).

«Всем нужен бог, в особенности он нужен врачу» — таков лозунг, под которым осуществляется блок буржуазной медицины с религией. Блок этот начинается с возвышенно-философических разговоров о величии идеалистического мирозерцания, кончается он откровенными поклонами боженьке и целованием ручки господину пастору. Я уже упоминал ректорскую речь Освальда Бумке. Кризис. Тупик. Болезнь медицины. Где же выход?

Проф. Бумке находится в некоторых колебаниях, «является ли болезнь, как думает Ганс Блюер, священным величеством (heilige Majestät), или же она во всех ее проявлениях — от нарывов до неврозоз — только особый случай наследственного греха, или ее посылают оскорбленные боги, и только через удовлетворение этих богов можно ее излечить, является ли всякая попытка собственно врачебного воздействия уже новым грехом, — всего этого я не могу знать»²⁾. Но одно определенно знает профессор Бумке, — это то, что наряду с естествознанием медик должен изучать богословие и что, когда ему не под силу справиться с больным, он должен его отправить к пастору. Доказательством тому, — что «я сам узнал очень многое о душевной жизни из морально богословских книг, и многих больных в конце концов отправил к их пасторам»...

Осуществляемый буржуазной медициной блок с религией нашел свое отражение и в ее капитуляции перед знахарством. В своих поисках «религиозного чуда», которое помогло бы ей выбраться из распутия, на котором она очутилась, буржуазная медицинская мысль логически возлагает надежды на невежественных знахарей и чудотворцев самого низкого пошиба. Культ знахарства, который переживает современная Германия, — один из ярких

¹⁾ E u w. L i e k, Das Wunder in der Heilkunde, Lehmanns Verl. München, 1930, S. 26.

²⁾ O s w. B u m k e, Krisis in der Medizin, Verl. Huebner, München, S. 251.

показателей этого маразма буржуазной культуры. В Германии числится 50.000 официально зарегистрированных знахарей, из них в одном лишь Берлине 6.000. Один из крупнейших медицинских авторитетов Германии проф. Мух устанавливает, что свыше половины больных во всей стране пользуется услугами знахарей, что авторитет последних среди больной массы возрастает с «угрожающей быстротой».

Медицинская периодика капиталистических стран заполняется статьями, в которых подводится «рациональный базис» под медицинскую магию, под знахарство, под чудеса исцеления. Десятки медицинских авторитетов наперебой внушают больному мысль: «Доверься знахарю, положишься на чудотворца, и ты будешь исцелен». Так проповедует доктор Исакович, так агитирует сараевский врач Кнотц, таков смысл выступлений апостола Цейлеса — гельсингфорского профессора-физиолога Вента.

В качестве яркого образца такого рода апологии назову вышедшую в конце 1930 г. книгу называвшегося уже выше данцигского хирурга Эрвина Лика «Чудо в медицине». С завидной откровенностью отстаивает Лик «право на жизнь» всех этих Цейлесов, Штейнмейеров, Азуэро и прочих знахарского ремесла мастеров. Лик идет дальше: он «доказывает», что медицина найдет выход из того тупика, в котором она находится, лишь тогда, когда она сама станет знахарской и магической. Ибо «искусство лечения без иррационального немыслимо» («Eine Heilkunst ohne Irrationales ist undenkbar»).

Ибо «искусство лечения никогда не было свободным от чуда и никогда не будет свободным от него» (стр. 141). Лик категорически отказывается установить существенную разницу между действиями знахаря и врача. «Успеха добиваются на одном и том же базисе. Этот базис иррационален, это — вера действующего в свои приемы, это — вера больного в искусство врачевания и в силу лечения человека, которому он доверился» (стр. 136). Книга Лика — обращенный к врачам призыв «стать чудотворцами, превратиться в знахарей и магов». Это может показаться шуткой, и потому приходится цитировать: «Искусство практического врачевания однако без иррационального немыслимо и невозможно. Перед нами стоит таким образом гигантская задача синтеза — остаться учеными, но отнюдь не пренебрегать трансцендентальным, т. е. быть волшебниками, магами» (стр. 195).

Буржуазии обречает на гибель закономерный ход исторических событий, об этом свидетельствует каждый месяц кризиса, каждая рабочая демонстрация, каждый новый империалистический конфликт, каждый новый шаг человечества по пути, который охарактеризован Марксом—Лениным. И потому ее идеологи, трусливо отворачиваясь от суровой действительности, ищут «чуда». Они провозглашают: «Единственная подлинная реальность — это чудо» (Лик). От научного анализа — к магам, астрологам и спиритам. От микроскопа — к гороскопу.

III

Одной из черт, характеризующих буржуазную мысль эпохи загнивающего капитализма, является ее антитехнизм. Антитехнизм — результат неразрешимого конфликта между производительными силами и производственными отношениями капитализма. Еще до империалистической войны Ленин писал о том, что «техника капитализма с каждым днем все больше и больше перерастает те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство». С того времени, как Ленин так говорил, прошло около 20 лет. Гнет наемного рабства, под которым капитализм держит миллионы трудящихся, с тех пор во много раз усилился. Вместе с тем до крайних пределов обострился конфликт между техникой капитализма и его экономикой, между производительными силами капиталистического общества и его производственными отношениями. На почве бесплодных поисков тео-

решениями капитализма выхода из того тупика, в котором он очутился, и распустилась махровым цветом идеология антитехницизма.

В первые годы после войны, когда буржуазия надеялась на новую эру экономического расцвета, на новый подъем производительных сил, у нее не было потребности выступать против технического прогресса. И поэтому шпенглеровский антитехницизм не встретил вначале у буржуазии сочувствия. Шпенглеровский бунт против машинной цивилизации, выраженный в первом томе «*Untergang des Abendlandes*» (1918 г.), был встречен буржуазными кругами как неумная выходка философствующего чудака.

Шпенглер продолжал машиноборство и в заключительной главе II тома своей «Морфологии мировой истории», полемизируя с противниками, утешал себя, что «все возрастающее ощущение сатанизма машины захватывает наиболее отборных, с которыми только и приходится считаться». Сатанизм машины заключается для Шпенглера в том, что она превратила человека в раба своего творения. Он возмущается тем, что этот раб машины — фаустовский человек — творит насильственный допрос природе с помощью винтов и рычагов, что он уродует ландшафт фабричными трубами, что он отвоевывает у бога его тайны, что он с помощью машины становится носителем «святой каузальности». Но шпенглеровское неприятие дьявольской техники, его протест против того, что машиной человек пытается скинуть господа бога с трона и занять его место,—все это было чуджо и непонятно европейскому и американскому буржуа, пока этот буржуа был уверен, что дальнейший рост техники будет увеличивать его барыши, будет расширять его эксплуататорские возможности. Мировой капиталистический кризис уничтожил эту уверенность. Осуществилось предсказание Маркса о капитализме — волшебнике, который оказывается не в состоянии справиться с вызванными им духами. Волшебник пытается загнать духов в подземелье. Буржуазия пытается «взнуздать» производительные силы, «сжать» их, остановить их рост, угрожающий производственным отношениям капитализма. Кризис вынуждает ее выступать в роли «разрушителя машин». «Коммунистический манифест» уж подчеркивал, что во время кризисов уничтожаются не только продукты, но и производительные силы. Но никогда это уничтожение производительных сил не принимало еще такого размаха, как в годы всеобщего кризиса капитализма. Буржуазия пытается преодолеть кризис в числе прочего и путем «замораживания» производительных сил. От замораживания производительных сил буржуазия постепенно переходит к их прямому разрушению. Вот несколько иллюстраций того, как осуществляется это разрушение.

Фактом величайшего исторического значения является то, что среднегодовой процент загрузки мировой капиталистической металлургии составил за весь 1932 г. по стали 27 проц., а по чугуну 26 проц. Иначе говоря, капитализм оставляет мировую металлургическую индустрию на $\frac{3}{4}$ незагруженной. От замораживания и неиспользования производительных сил буржуазия переходит к прямому разрушению машин. В 1930 г. разрушено в одних только САСШ 17 домен с годовой мощностью в 1.285.000 тонн.

В Англии в 1930 г. было создано специальное общество для скупки и разрушения верфей. В отчете этого общества за 1931 г. указано, что им приобретена 71 судостроительная верфь, которая закрыта и продана на слом. В 1932 г. в Гамбурге разрушена крупнейшая строительная верфь «Вулкан».

В том же году в Хемнице закончены работы по разрушению одного из крупнейших предприятий Саксонии — машиностроительного завода Гартмана. Этот завод состоял из 116 зданий и цехов. Но кризис сделал этот завод мертвым. В 1932 г. вследствие того, что завод не оправдал даже

оплаты земельных налогов и расходов, связанных с надзором за зданием, его разрушили.

В Соединенных штатах в 1932 г. были опубликованы данные о разрушении машин на текстильных предприятиях. В центре текстильной промышленности САСШ в штате Массачузетс ежедневно тайным порядком уничтожаются тысячи веретен и станков. На фабриках в Бристоле уничтожено 1.800 станков и 70.000 веретен. На фабрике Пирса — 600 станков и 3.400 веретен. На фабрике «Соул» — 600 станков и 1.900 веретен.

Само собою разумеется, что это только несколько разрозненных фактов из великого множества подобных. Капиталисты не ведут гласной отчетности своей разрушительной деятельности, стараясь, наоборот, покрыть тайной все, что ее касается.

В атмосфере организованной расправы одичавшего буржуа с производительными силами, которые не умецаются в рамках производственных отношений капитализма, распускается идеология антитехницизма. «Спиной к технике!», «взвзудать машину», «назад к кирке и топору», «назад к ручному станку», «долгой машинизм» — перекликаются разрушители машин в надежде спасти гибнущий капитализм.

Один из самых прожженных буржуазных политиканов Жозеф Кайо исчерпывающе охарактеризовал смысл и значение антитехнических лозунгов, проповедуемых буржуазией.

В своем шумевшем интервью с сотрудником доссельдорфской газеты «Миттаг» Кайо провозгласил, что одной из важнейших причин мирового кризиса является машина. «Машина вытесняет человека... Необходимо взвзудать развивающуюся науку, задержать рационализацию... зажать технику».

В феврале 1932 г. в одной из своих речей, произнесенной в Париже, Кайо говорил: «Техника создает безработицу; во многих случаях превращает заработок увольняемых рабочих в излишки и дивиденды акционеров. Наука «без совести», не согретая «совестью», идет в ущерб людям. Люди должны взвзудать науку. Современный кризис порожден наукой».

В другой речи, произнесенной в апреле 1932 г. в Нанте, Кайо заявил: «Машина, закусив удила, еще больше усугубляет бедственное положение, выбрасывая рабочих на улицу, обрекая их на безработицу...»

Так выглядят «генеральные установки» одного из руководящих буржуазных политиков наших дней в области, так сказать, «технической политики». Устами Кайо глаголет его класс.

Разве в самом деле не соблазнительно доказать, как глубоко правы, как исторически мудры манчестерские фабриканты, чикагские заводчики, пенсильванские шахтовладельцы, выполняющие великую общественную миссию разрушения проклятой, несущей бедствия человечеству машины!..

Разве в самом деле не соблазнительно внушить миллионам, которые капитализм бросил в пучину безработицы, голода, физического вырождения, тяжчайших материальных бедствий и непередаваемых лишений, что машина — вот кто их подлинный враг. Это она вас лишила заработка, это она вас выбросила за стены фабрик, это она вырвала у вас и у ваших детей последний кусок хлеба. Проклятие ему, этому стальному грохочущему чудовищу!..

Почетное дело соответствующих «доказательств» и «обоснований» буржуазия поручает своим дипломированным лакеям. Выполняя социальный заказ капиталистов, буржуазная наука переводит на язык философской, социологической, экономической аргументации сотворенный господами Кайо миф о технологической безработице, культивируемую ими легенду о закусившей удила антисоциальной машине.

Среди исполнителей этого социального заказа одно из первых мест

принадлежит Освальду Шпенглеру. Шпенглеровское проклятие машине нашло громкий резонанс в условиях всеобщего капиталистического кризиса, в обстановке загнивающего капитализма.

Витиеватое аргю Шпенглера, лукавое мудрствование его словесных арабесок, десяток лет назад третировавшееся буржуазией как философствование дурного тона, начинает находить горячий отклик в сердцах господ разрушителей машин. Шпенглер начинает выступать в роли признанного идеолога антимашинизма, антитехнизма, окружается ореолом «национального философа». Вышедшая в 1931 г. книга Шпенглера «Человек и техника», представляющая собою развернутую платформу антитехнизма, приходится как нельзя больше ко двору буржуазии, растерявшейся пред лицом невиданного кризиса и растущего революционного под'ема масс. Шпенглер — это идеолог буржуазии, замораживающей производительные силы, разрушающей машины.

Шпенглер клеймит «тривиальный оптимизм» технической цивилизации, которая надеялась перебросить на машину проклятие труда, освободив от этого проклятия человека. Между тем машина превратилась в подлинное проклятие человечества. Вера в технику стала материалистической. С такой ненавистью говорить о технике, как это умеет делать Шпенглер, может только озлобленный идеолог гибнущего капитализма, дошедшего в поисках спасения до разрушения машин. Шпенглер так например излагает отношение «материалистической религии» к технике: «Техника вечна и непреходяща, как бог-отец; она освобождает человечество, как бог-сын; она светит нам, как святой дух. И ее приверженцем является зачарованный прогрессом мещанин («der Fortschrittsphilister») нового времени от Ляметтри до Ленина»¹⁾.

Шпенглер силится доказать всю тщетность, всю бесплодность стремления «жрецов материалистической религии» подчинить себе природу миллиардами лошадиных сил, воплощенных в машине. Машина не только не приносит облегчения человечеству, но, наоборот, увеличивает ярмо, под которым оно сгибается. Почему? Отвечая на этот вопрос, Шпенглер выявляет сокровенный смысл своих философических рассуждений. Он проклинает машину раньше и прежде всего потому, что она, мол, посеяла рознь между предпринимателем и рабочим. Сокрушенно вздыхая об идиллических временах, когда «сотрудничество» нанимателей и рабочих было «своего рода товариществом», Шпенглер скорбит о том, что в фаустовский машинный век «опасно возрос духовный раскол между руководителями и руководимыми» (на языке Шпенглера это означает между предпринимателями и рабочими), о том, что они больше «не понимают друг друга»²⁾. А Освальду Шпенглеру и его высоким покровителям из «Клуба господ» необходимо такое «взаимопонимание» фабриканта и рабочего, при котором капиталист может беспрепятственно эксплуатировать пролетария.

Шпенглер считает, что трагедия, на которую человечество обрекает развитие техники, в настоящее время близится к концу. Наступает час роковой расплаты за увлечение техникой. «Механизация мира вступила в стадию опаснейшего перенапряжения («gefährlichster Ueberspannung»)... Искуственный мир пронизывает и отравляет мир природы. Цивилизация сама превратилась в машину, которая все делает или хочет делать машинообразным. Если мыслят, так только в лошадиных силах. Не могут взглянуть на водопад без того, чтобы не превратить его в электросилу».

Шпенглер живописует реакцию, которая наступает в результате «технического перенапряжения». Люди пресытились техникой. Наступает своего

¹⁾ Oswald Spengler, Der Mensch und die Technik, 1931, S. 71.

²⁾ Там же, стр. 73.

рода пацифизм в борьбе с природой, стремление вырваться из холодной атмосферы техницизма. Так поступают те, кого Шпенглер считает избранными. «Именно сильные и творчески одаренные, — утверждает он, — поворачиваются от практических проблем и наук к чистой спекуляции. Презираемые во времена дарвинизма, оккультизм и спиритизм, индусская философия, метафизические тенденции христианской или языческой окраски, вновь всплывают»¹⁾.

Для того, чтобы оправдать и «обосновать» этот поворот от техники к чертовщине, который совершает буржуазия эпохи загнивания капитализма, Шпенглер старается показать, что машина изжила себя, что технический прогресс не только бессмысленен, но и вреден. Автомобиль благодаря его распространению потерял всякое значение, — в больших городах быстрее всего передвигаться пешком. В Аргентине и на Яве плуг мелкого крестьянина побеждает моторы. Шпенглер оглашает список великих преступлений машины. Машина вырыла пропасть между руководителями работы и ее исполнителями, между головами и руками, она толкает массу на бунты против «вождей» хозяйственной жизни. Машина лишила «белые» народы тех преимуществ, которые давало им индустриальное мировое господство. Она сделала технику достоянием цветных и тем самым нанесла удар в сердце фаустической культуры. Она обрекает на безработицу миллионы белых рабочих. Шпенглер не скрывает ни от себя, ни от своих читателей грозного характера рожденной капитализмом безработицы. «Это не кризис, — провозглашает он, — а начало катастрофы...»

К этой катастрофе привело необузданное развитие техники, создавшее «фаустовскую цивилизацию». Теперь эта цивилизация гибнет. «История этой техники быстро приближается к неизбежному концу. Она будет уничтожена изнутри, как все великие формы какой-либо культуры». Шпенглер пророчит, что поезда и пароходы будут со временем забыты, как римские дороги и китайская стена, что наши гигантские города с их небоскребами постигнет участь древнего Мемфиса или Вавилона. Такова участь, которую Шпенглер уготовил современной технике.

Любопытно, что фашистский философ разыгрывает при этом роль покорного судьбе фаталиста. Не обольщая себя надеждами, — ибо «оптимизм это трусость», как гласит один из шпенглеровских афоризмов, — он считает, что человечество должно склониться пред неизбежным, к чему его привела сатанинская машина. «Выстоять на потерянном посту безнадежно и без видов на спасение — в этом обязанность. Выстоять, как тот римский солдат, кости которого нашли пред воротами Помпеи, который умер потому, что при извержении Везувия его забыли снять с поста...»

Если бы нам из других писаний Шпенглера не было известно его лицо боевика фашистской реакции, воинствующего идеолога загнивающего капитализма, мы бы пожалуй могли всерьез принять его фатализм, его рабски склонившуюся пред историческим роком философскую спину. В действительности шпенглеровский фатализм — фокус-покус фашистского философа. Шпенглер совсем не заинтересован в том, чтобы буржуазия покорно улеглась в могилу, уготованную ей историей. Вся его логическая эквилибристика, все его философские конструкции направлены к одному: укрепить расшатанную мощь капиталистических хищников. Эта мощь делается несовместимой с техническим развитием, с ростом производительных сил, с совершенствованием машины. Вывод для Шпенглера ясен: взнуздайте технику, разбейте машины, говорит он своим хозяевам, иначе вас ожидает печальная участь римского солдата, погребенного под лавой Везувия. Везувий социальной революции уж зловеще дымится. Так разрушайте же проклятые маши-

¹⁾ Oswald Spengler, *Der Mensch und die Technik*, 1931, S. 82.

ны, грозящие нам катастрофой. Пускайте кровь рабочему, который с помощью машины собирается сбросить с себя предназначенное ему божеством и историей ярмо... Еще в своей работе «Preussentum und Sozialismus», выпущенной в 1921 г., Шпенглер заявлял, что только «кровь решает относительно будущего», что «идеи достигаются только кровью, инстинктом, а не абстрактным размышлением»... Его последняя работа «Politische Schriften», вышедшая в начале 1933 г., представляет собою дифирамб тому солдату в прусских ботфортах и наполеоновской треуголке, который выведет человечество из хаоса, созданного машиной, либерализмом и гуманизмом. Этот солдат-освободитель выглядит несколько иначе, чем помпейский раб, погребенный Везувием. На нем коричневая рубашка с фашистской свастикой. Фаталистическая концовка книги Шпенглера о технике лишь ораторский маневр хитрого адвоката, зовущего разгромить технику для того, чтобы спасти эксплуататоров.

Среди других современных идеологов антитехнизма следует особо выделить Анри Бергсона. Это уже не философский выскочка, не вчерашний учитель провинциальной гимназии подобно Шпенглеру. Этот признанный философский maître выпустил, как известно, в 1932 г. работу, подводящую итоги его многолетним философским размышлениям: «Два источника морали и религии»¹⁾.

Бергсон доказывает в своей новой книге, что «человечество стонет, полураздавленное под тяжестью прогресса и техники, которая им же создана»²⁾. Современное человечество бедствует потому, что его поглотила тяжелая необходимость постоянной борьбы за хлеб насущный. В результате этой борьбы человеческая культура направилась не по мистическому, а по механическому пути. Механический путь, господство машины привело к тому, что многократно увеличилось и окрепло человеческое тело, но душа человеческая осталась такой же слабой, как до того. В результате конфликт между телом и душой человечества: «выросшее тело ждет пополнения души, механика зовет мистикю». Бергсон так же, как и Шпенглер, знает, какие бедствия принес человечеству «механический путь», он так же скорбит по поводу того, что благодаря машинизму «увеличилось расстояние и изменились отношения между хозяином и рабочим, между капиталом и трудом». Но Бергсон слишком рафинированный философ для того, чтобы распрямиться с техникой по солдатскому совету Шпенглера. Он отыскивает для этого более утонченные средства. Надо технику уравновесить и обезопасить мистикой, надо противопоставить демонизму машины божественность человека. Человеческий разум, сотворивший машину, запечатлевает свою разлагающую силу в культе машины, в машинизме, который породила демократия с ее духом изобретательства. Разлагающей силе разума необходимо противопоставить оборонительную реакцию природы. Эта реакция воплощается в религии... Спасение человечества, стонущего под тяжестью техники, в возврате к простой жизни. Люди должны преодолеть техническое рабство и стать богами. «Человечество недостаточно знает, что будущее зависит от него, оно должно уяснить себе прежде всего, хочет ли оно продолжать жить, оно должно задаться и вопросом, хочет ли оно только существовать или, не ограничиваясь этим, сделать усилие, необходимое для того, чтобы на нашей мятежной планете осуществилась миссия, предназначенная вселенной этой машине для создания богов» («Une machine à faire des dieux»).

Бергсон, как и Шпенглер, ждет освободителя человечества из-под

¹⁾ Henri Bergson, Les deux sources de la morale et de la religion, Fél Alcan, Paris, 1932, p. 346.

²⁾ Там же, стр. 343.

ярма машинизма. Но этот освободитель — не шпенглеровский солдат в треуголке, а мистический гений великой творческой личности. «Пусть появится гений-мистик, он поведет за собой человечество, безмерно выросшее своим телом, а душу его он преобразит».

Таков другой машиноборец загнивающего капитализма. Иная аргументация, иные философские обоснования, иные пути спасения, но та же ненависть перепуганного буржуа к возросшим производительным силам, с которыми не может управиться капитализм. Тот же бессильный и злобный протест против угрожающей человеческой культуре демонической машины...

Тогда, когда Анри Бергсон вынашивал еще в тиши кабинета свой божественный антимашинизм, а Освальд Шпенглер уж громил технику, вещая грядущую гибель Европы, американский экономист Стюарт Чейз слал восторженные гимны машине — освободительнице человечества. Вокруг него стремительно росли небоскребы, по асфальтовым дорогам катился автомобильный конвейер, Генри Форд нёс миру евангелие «организованного» капитализма, американский доллар диктовал над миром. Тогда Чейз вдохновлялся экспрессами трансконтинентальных линий и зерновыми элементами Миннеаполиса. Он воспевад эту «самую прекрасную сторону нашей цивилизации». Чейз провозглашал тогда лозунги освобождения техники. «Сложное техническое строительство должно вестись под руководством инженеров, а не торгашей, но техник — современный Прометей, скованный цепями».

Прошло каких-нибудь три года. Просперити, объявленное новой эрой человеческой истории, оказалось развеянным по ветру. Заколебались под ударами кризиса цитадели капиталистической цивилизации в Соединенных Штатах. Полиция удушливыми газами расправлялась с безработными ветеранами войны. Кризис направил мысль Чейза в сторону шпенглеровского машиноборства. Мелкий буржуа, недавно заговаривавший о том, что «путаница, суетня, толкотня» капиталистического общества должны быть взяты под национальный контроль, под влиянием кризиса примкнул к рыцарям технологической безработицы. И для него техника превратилась «в возмездие прогресса». Это возмездие необходимо преодолеть. Для этого необходимо «поместить технический прогресс в закрытый сосуд и выпускать его по мерке». Для этого необходимо «объявить мораторий по изобретениям по меньшей мере на десяток лет и рассматривать всех изобретателей как опасных сумасшедших, требующих надлежащего ухода и присмотра». От чейзовского предложения можно было бы отмахнуться как от не стоящей внимания реакционной утопии. Но так поступить можно было бы, если бы эта реакционная утопия не пользовалась кредитом среди довольно широких слоев научных работников, среди мелкобуржуазной интеллигенции капиталистических стран, мечущейся в поисках выхода из того тупика, в который их завел капитализм.

В Германии например возникло в 1932 г. несколько специальных организаций пропаганды технического регресса. Наиболее известная из них — так называемый «Союз борьбы с необщественными машинами» («Der Kampf-bund gegen unsoziale Maschinen»), руководство которого находится в Ганновере. «Союз борьбы с необщественными машинами» объявляет главной причиной современного кризиса «хозяйственно враждебную техническую сверхрационализацию». Союз видит одну из величайших опасностей, угрожающих человечеству, в том, что заглушается индивидуальная работа, которая «в противоположность духовно отупляющему и физически слишком быстро изнашивающему человека техническому процессу приносит удовлетворение и радость в труде». Платформа союза, построенная на требованиях

возврата Германии к техническому примитиву, провозглашающая лозунг «Entmechanisierung!» (демеханизация), собирает тысячи приверженцев преимущественно в среде раздавленной кризисом мелкой буржуазии.

Единым фронтом от Шпенглера до Бауэра, от Бергсона до Чейза ведут идеологи гниющего капитализма и его социал-фашистские лекари пропаганду технического регресса, возврата к обветшавшим техническим формам и методам, пропагандируют лозунг «спиной к технике». Всячески доказывается, что машина уродует человеческую личность, что она создает невыносимый «автоматизм жизни». В художественной литературе культивируется идилическая первобытность, граф Герман Кайзерлинг превозносит в противовес урбанистической цивилизации машинного века примитивный «индуизм» и «китаизм». Каким жалким детским лепетом кажутся все эти выступления теоретических адвокатов буржуазии в защиту «человеческой личности» от уродующей ее машины в сравнении с теми классическими характеристиками порабощения машиной человека при капитализме, которые даны основоположниками и вождями современного коммунистического движения. Никто еще так ярко, так глубоко, как Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, не показывал всего процесса, при котором «личность раздробляется, превращаясь в автоматическое колесо, исполняющее одну частичную работу», при котором каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. Марксизм доказал, что этот процесс уродования и кромсания человеческой личности капиталистической техникой и организацией труда, превращающими человека в «частичный индивидуум», будет прекращен только с уничтожением самого капитализма. Марксизм, победивший капитализм в России, доказал на практике, что только социализм может отнять у машины возможность порабощать личность, что он «вернет человека к самому себе», что он сделает личность многогранной и свободной.

А господа защитники человеческой личности из лагеря дипломированных лакеев буржуазии не находят ничего лучшего, как хором пнусавить: «Машина подавляет личность. Разбейте машину».

В массах демагогически сеют ненависть к «дьяволу» — «антиобщественной» машине, являющейся «причиной» их бедствий, безработицы и нищеты. Вся эта реакционная вакханалия отнюдь не встречает отпора со стороны буржуазных ученых, среди которых в свою очередь начинает культивироваться идея «каникул для науки», взнудания научной теоретической мысли.

Нет пожалуй более яркого доказательства той паники, которая охватила в настоящее время ученых идеологов буржуазии пред лицом научного и технического прогресса, как те слова, которыми закончил в сентябре 1932 г. свою вступительную речь при открытии с'езда «Британской ассоциации» ее председатель — известный физик Альфред Эдинг. Этот 75-летний ученый заявил, что счастлив тем, что ученые еще до сих пор не решили задачи выделения из атома хотя бы части заключенной в нем энергии: «Слава богу мы далеки от этого, в противном случае любой дурак или сумасшедший мог бы в один прекрасный день уничтожить не только нас, но и самый земной шар...»

IV

Одной из наиболее типичных черт идеологии гниющего капитализма является создаваемый ею националистический культ — «надутое национальное чванство» (Маркс). Буржуазия надеется, что, направляя по националистическому руслу «социальные страсти», она затормозит наступление пролетарской революции. Буржуазия пытается отравить массы националистическим ядом, надеясь таким образом отвлечь их от классовой борьбы.

20 лет назад Владимир Ильич указывал, что «воинствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурманивающий, раз'единяющий рабочих, чтобы вести их на поводу у буржуазии,— вот основной факт современности». В настоящее время этот буржуазный национализм в капиталистических государствах стал еще более апрессивным, стал еще более воинственным. Воинствующий национализм, боевой расизм — это один из руководящих принципов фашистского кредо. Об этом кредо Муссолини так выразился в одной из своих речей: «Мы сотворили миф. Миф — это вера, это благородный энтузиазм, он совсем не должен быть реальностью, он — стремление и надежда, вера и мужество. Наш миф — это нация, великая нация, которую мы хотим превратить в конкретную реальность»¹). «Was nicht guter Rasse ist auf dieser Welt, ist Spreu» — провозглашает Гитлер. Это положение является одним из ходячих лозунгов фашизма. Идеологические оруженосцы Гитлера в настоящее время разогревают антисемитское варево выжившего из ума Евгения Дюринга, который в последние годы своей жизни занялся сотворением особой «теории» о том, что еврейская раса инфицировала германцев, романцев и славян и что с этим «самым преступным племенем земли» следует поступать, как с опасными бактериями...

Этот дюринговский бред является «золотыми словами» современного фашизма. Один из самых крупных идеологов фашизма Розенберг устанавливает например, что человечество разделяется на две части — на «Herren-gassen» и на «Untermenschenrassen». Широкое хождение среди современных идеологов буржуазии имеет дюринговское положение о том, что вопрос существования («Die Futterfrage») — это социальный вопрос второго порядка, отодвигаемый на задний план расовым и национальным вопросами. Широко популяризируется и другой афоризм этого канонизированного фашистами «ученого»: между человеком одной расы и человеком другой расы может быть большая разница, нежели между человеком и животным... Канонизирован буржуазией гниющего капитализма не один только до конца дегенерировавший Евгений Дюринг. Граф Габино, Гаустон Чемберлен, Вольтман, Фридрих Ленц причислены также к лику святых фашистской церкви. Из их писаний черпают полными пригоршнями Муссолини, Гитлер, Розенберг, Геббельс свои «расовые» аргументы, свои откровения, что «все исторические мировые события представляют собою лишь выражение инстинкта самосохранения рас в хорошем и плохом смысле» (Hitler, «Mein Kampf»).

Противопоставить интернационализму пролетариата единую «национальную идею» — таков социальный заказ, который с особым усердием выполняют в настоящее время дипломированные и недипломированные лакеи буржуазии. В процессе выполнения этого заказа амальгамируются давно заплесневевшие ценности националистического и «расистского» порядка, воскресают слегка подновленные аргументы «расовиков» второй половины девятнадцатого века. Раса превращается в священный corpus mysticum — вместилище таинственных и сокровенных свойств человеческой природы, источник национальных доблестей, primum agens исторического процесса и всей общественной жизни. Французский анатом профессор Жорж Жерар в выпущенном им «Руководстве по человеческой анатомии» заявляет: «Вес человеческого мозга относителен: животная кровожадная раса людей, пружных и обжорливых, которые вызвали войну и в течение четырех лет занимали наши северные провинции, могут поистине хвастать, что у них тяжелые мозги, — они это доказали». Жерары насчитываются десятками и сотнями среди научных работников современной Франции, Италии, Германии, Североамериканских штатов. Они требуют «реконструкции» науки на принципах национализма и расизма. Так например боннский профессор

¹) Цитирую по книге Karl Mannheim «Ideologie und Utopie», S. 103.

философии Роттакер выступил в феврале 1933 г. на страницах «Deutsche Akademische Rundschau» с требованием реконструировать социологию на основе национальной идеи. Роттакер доказывает, что за социологией неправильно сложилась репутация «демократически-социалистической» науки, между тем как нужно создать подлинную «национальную» социологию, которая поставит «по-новому» все общественные проблемы. Идеологи гниющего капитализма создают «национальную» социологию, «национальную» биологию, «национальную» философию и пр. Все это пропитано раздутым национальным чванством, направлено острием против марксизма, против рабочего класса. Все это проповедует наряду с хозяйственной автаркией и духовную автаркию (Nationale Seelenaufartarkie), пропагандирует национальную ограниченность, замкнутость, национальную исключительность. Буржуазные ученые каждой нации усиленно разыскивают те «высшие цели», осуществить которые призвана их нация, их раса. На идеологической толкучке современных капиталистических государств происходят непрерывные суетня и споры претендентов на мессианство, наперебой объявляющих немцев, итальянцев, французов, англичан, японцев носителями «мессианской идеи», «исторической миссии», провозглашающих германскую, романскую, англосаксонскую расы воплощением «аристократизма», «элитности», лучшими образцами человеческой породы.

Социал-фашисты также стараются не отставать в этом отношении и не упускают своего местечка в ряду «славных бойцов» за национализм, за национальную честь, за национальную доблесть. Они тоже превращают нацию в мистическую доминанту, к чему, строго говоря, почва была уже подготовлена ревизионистскими работами по национальному вопросу Шпрингера, Бауэра, Кунова и других теоретиков II интернационала. Идеи шовинизма, реваншизма, зоологического национализма породили своих ярких приверженцев и пропагандистов в рядах социал-фашистских теоретиков и практиков. Симптоматична в этом отношении статья Георга Декера в февральском номере «Гезельшафт» за 1933 г. «Bekenntnisse der Sozialdemokratie». Декер жалуется на то, что его партия подпала под слишком сильное влияние националистических идей фашизма, что «в наших рядах имеют место недопустимые примеры того, как вместе с ходячими словами из чужого лагеря воспринимается совершенно чуждая нашему движению идеология». Конечно «недопустимые примеры», на которые жалуется Декер, являются следствием того, что социал-фашизм, эта главная социальная опора буржуазии, вслед за фашистами культивирует идею национализма, создает националистический культ, культивирует то, что Маркс в «Немецкой идеологии» называл национальной косностью («das Beharren der Nationalität»).

«Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм, — говорил в полемике с бундовцами Ленин, — вот два непримиримо враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и вскрывающие две политики, более того, два мировоззрения в национальном вопросе». Два классовых лагеря как никогда четко противостоят в эти дни друг другу, в каждом из них своя национальная политика, свое мировоззрение в национальном вопросе. Националистические «теории» буржуазии прямо «увязаны» с ее националистической практикой. Нет ни одного почти капиталистического государства, которое не практиковало бы по отношению к национальным меньшинствам жесточайшего угнетения. Достаточно назвать режим перманентного осадного положения, установленный правящими классами Польши в Западной Украине и Белоруссии, проведенную правительством Пилсудского «пацификацию» кресов восточных; разгул антисемитского террора в Германии, расправы ру-

мынского правительства с болгарским, украинским, еврейским, немецким и другими нацменьшинствами; угнетения, которым подвергаются словаки в Чехо-Словакии, фламандцы в Бельгии, баски и каталонцы в Испании, хорваты и албанцы в Югославии и т. д. Я уже не говорю о зверском национальном угнетении, которое господствует в подвластных империалистам колониях и полуколониях, о положении негров в Америке, где за одно последнее десятилетие линчевано 7.000 «черных» и пр. Все это достаточно общеизвестно. Общеизвестна и та националистическая грызня, те «исторические тяжбы», которые ведут между собою с неослабевающей энергией господствующие классы современных капиталистических государств: Литвы с Польшей, Польши с Германией, Германии с Данией, Чехо-Словакии с Венгрией, Венгрии с Югославией, Югославии с Италией и т. д. и т. д.

Все это представляет собою благодарную почву для того культа «святого национального эгоизма», который представляет собою один из существенных компонентов идеологии гниющего капитализма.

Еще одним из таких компонентов является усиленно насаждаемый в настоящее время буржуазией культ «героической личности». Бунтуя против исторической закономерности, заменяя законы общественной жизни иррациональным, от науки апеллируя к чуду, идеологи гниющего капитализма все свои надежды на «поворот» исторического колеса связывают с мессией — избавителем, который сможет разрубить узел противоречий, в который запутался капиталистический мир. Я уже указывал выше, что, по Шпенглеру, этим избавителем будет солдат в наполеоновской треуголке, по Бергсону, — вдохновенный мистический гений...

Фашистская философия истории так же плоска и примитивна, как и вся, с позволения сказать, философия фашизма. Далеко не оригинален даже наиболее «оригинальный» из философов фашизма Джентилле, — в сотканной им ткани идеалистического актуализма слишком много нитей принадлежит Гегелю, Фихте, Ницше, Бергсону. Еще менее оригинальны иные фашистские философы, все почти являющиеся жалкими эклектиками, пытающимися модернизировать многие отжившие, заплесневелые идеи давно прошедших времен, приспособить их к запросам дня. У Канта, у Гегеля, у Фихте вылучивается все наиболее реакционное, что имеется в их учении. Но характерно, что к великим философам молодой восходящей буржуазии без особой охоты обращаются философствующие эпигоны умирающего капитализма. Гораздо чаще и гораздо охотнее они общаются с епископом Беркли, со средневековыми мистиками типа Мейстера Эккарта или Якова Бема, в их писаниях воскресают такие далёкие тени, как Арнольд Гейлинкс, как Бернгард Клервосский. Больше всего же они черпают у Шлейермахера и особенно у Ницше.

Во взглядах фашизма на весь исторический процесс и в особенности на роль личности в истории с исключительной яркостью выявляется весь реакционный эклектизм фашистских идеологов. Здесь что ни высказывание — «маленькие краденые мысли»... Всю историю они по-карлейлевски сводят к «биографии великих людей». Твердя зады какого-нибудь Тарда или Лебона, Гитлер с присущей ему развязностью поучает: «Прогресс и культура человечества не являются продуктом большинства, а покоятся исключительно на гениальности и энергии личности. Взрастить эту личность и восстановить ее в правах — в этом одна из предпосылок величия и силы нашего народа» («Mein Kampf»). Вся фашистская философия истории вращается в кругу таких категорий, как «высшие люди», как «избранные умы», как «гений, воплощающий величие расы», как «вождь, в котором олицетворяется сила нации», как «вождь, отмеченный богом». И наряду с «сверх-

человеками» — традиционная ницшевская «народная толпа», сборище «рабьего, бабьего... сброд, чернь...» Один из краеугольных камней фашистской социологии — это извлеченный из покрывшихся пылью писаний Пауля Лягарда, профессора бисмарковских времен, афоризм: «Нация состоит не из массы, а из аристократов духа».

Задача, над которой бьется теперь фашистская демагогия, заключается в том, чтобы «внушить» массам, что их историческое призвание — безмолвствовать и доверяться «аристократам духа». Один из труднейших моментов социального заказа, который выполняют по заданию своих капиталистических хозяев фашистские идеологи, заключается в том, чтобы убедить миллионы, что их высшее предназначение — это рабски исполнять указания отмеченных печатью бога вождей и спасителей.

Вот почему рабская, слепая покорность авторитету всячески окружается ореолом священного повиновения, служения, самоотречения, самопожертвования. Слепая дисциплина объявляется высшим проявлением «национального разума». Нет на языке фашистского идеолога высшей человеческой доблести, чем «быть солдатом». «Солдат» — это тот, кто умеет не рассуждать и, больше того, не мыслить, кто умеет держать «руки по швам», кто умеет слушать, слушаться и исполнять. Ессе homo! И когда на площади Берлина пылал костер 11 июля 1933 г., фашистский профессор политической педагогики при зареве «исторического аутодафе» поучал своих питомцев, что «в войнах побеждают не философы, а солдаты»... «Никакого «я», только «мы», чувство солидарности, в котором всецело растворяется отдельная личность со всем своим бытием. Интересы отдельной личности не принимаются в расчет; они должны принести себя в жертву целому»¹).

Итак, полное растворение личности в «сверхличной национальной идее государства», как любят выражаться фашистские гелертеры. А эта «сверхличная идея» воплощается в вождях и вождиках, несущих спасение человечеству...

Примитивность «социологических построений» фашизма о «героях и толпе» очевидна даже наиболее умным из фашистских идеологов. Но это их отнюдь не смущает. Примитивность и упрощенчество считаются ими основным и обязательным условием пропаганды. «Нашу агитацию, — пишет Иосиф Геббельс в книжке «Борьба за Берлин», — ругают примитивной и лишенной всякого духовного содержания. Но при этой жестокой критике исходят из совершенно неверных предпосылок. Конечно национал-социалистическая пропаганда примитивна, но ведь и народ мыслит примитивно. Агитация нарочито упрощает проблемы, она сознательно срывает с проблем всякие покровы и приводящие обстоятельства, чтобы приспособить их к образу мышления и горизонту народа»²). Тот же Геббельс, являющийся, как известно, фашистским главнокомом по пропаганде, в речи, произнесенной 21 апреля 1933 г., возносил Гитлера за его умение «упрощать сложное». Геббельс договорился до того, что провозгласил Гитлера «гением упрощенчества» («Genie der Vereinfachung») ³).

Наряду с насаждаемыми фашизмом «солдатскими» мыслями относительно роли личности в историческом процессе среди некоторых по преимуществу мелкобуржуазных кругов идеологов гниющего капитализма господствует по этому поводу анархо-мещанская точка зрения. На этом фланге борются за «свободу личности». Не приходится говорить о том, что это есть та пресловутая «свобода личности», которую Максим Горький как-то на-

¹) Освальд Шпенглер, Пруссачество и социализм, 1925 г., стр. 29.

²) Цитирую по статье т. Н. Корнева «Литератор германского фашизма», «Литературная газета» № 12, 1933 г.

³) «Berliner Tageblatt» от 22 апреля 1933 г.

звал господством «я» над всеми другими местоимениями. С этого фланга идеологов умирающего капитализма несутся проклятия по адресу социалистического коллективизма, на языке этих господ обычно третируемого как «марксистская стадность», как «деспотизм толпы», как «уничтожение личности»... В условиях загнивания капитализма мелкобуржуазные индивидуалисты особенно рьяно борются за «свободу личности», заключающуюся в свободе бездельничать, тунеядствовать, дармоедничать, заниматься разнузданным развратом, паразитировать и эксплуатировать... Им нужна вот такая именно свобода, которая обусловлена для других личностей «свободой» сгибаться под прессом нищеты, угнетения, безработицы, «свободой» погибать от голода...

Для того, чтобы продемонстрировать, как по-скотски понимают современные палadini буржуазной культуры свободу священной человеческой личности, достаточно процитировать хотя бы несколько строк из статьи влиятельного «*Mercur de France*», посвященной пятнадцатилетию Октябрьской революции и выразительно озаглавленной «15 лет русского сумасшествия». В этой статье «угнетению личности при большевистском деспотизме» так противопоставляется свобода, которой личность обладает в «культурных и демократических странах»: «Однако есть силы, которые противодействуют натиску этой безграничной тирании. Эти силы находятся в странах, где традиция политической свободы заставляет гражданина восставать против насилия... например Англия, Швейцария, Скандинавские страны и главным образом Франция... Вот страна, которая ценою долгих усилий завоевала самое ценное из благ — свободу личности. Вот страна, где можно пить вино и водить женщин в отель сколько угодно и когда угодно. Страна, где можно не вставать и не обнажать головы при звуках гимна. Страна, где можно верить в избранного бога или — если хочешь — высмеивать всех богов... Страна людей, которые умеют понимать, умеют улыбаться. Прекрасная, очаровательная страна, наша родина...»¹⁾. Лучше показать всю степень вырождения защитников буржуазной «свободы личности», нежели они сами это делают в своих писаниях, невозможно...

V

Идеология гниющего капитализма является в основном идеологией фашизированной.

Процесс фашизации идеологии находит свое проявление в целом ряде черт, характеризующих идеологию буржуазии гниющего капитализма, о которых мы говорили выше, — в ее боевой, антипролетарской, антикоммунистической заостренности, в ее воинствующем идеализме, в отходе от науки к религии, в антитехнизме, зоологическом национализме, в культуре «героической личности» и «аристократического», в ее милитаристичности, в ее призывах «назад к варварству»...

Объединение буржуазной реакции под фашистским флагом, конвульсивные попытки монополистического капитала спасти свое положение с помощью национал-социалистических демагогов и банд фашистских штурмовиков не могли не наложить своего отпечатка на господствующие идеи гниющего капитализма, на всю его идеологию. Идеология гниющего капитализма является в основном идеологией фашизированной, поскольку «вся международная буржуазия — консервативная и либеральная — при всех острых внутренних противоречиях в ее лагере, в частности с германским капитализмом, втихомолку рукоплещет фашистскому террору Гитлера против коммунистической партии»... (из передовой «Коммунистического ин-

¹⁾ Testis, Quinze ans de folie russe, «*Mercur de France*» № 825, 1/XI 1932 г.

тернационала» № 9 за 1933 г.). Режим фашистского террора, изгнание из высшей школы и научных учреждений не только марксистов, но и либерально-мыслящих работников, позорная капитуляция пред оголтелой диктатурой фашистов подавляющего большинства социал-демократических и буржуазно-либеральных ученых конечно в высокой степени способствовали фашизации идеологии и распространению «культур-фашизма»... Но все же было бы грубой ошибкой считать, что идеология гниющего капитализма целиком и полностью фашизирована, и ограничиваться схематическим сведением всей буржуазной идеологии наших дней к ее муссолинистски-гитлеровскому облику.

В основном фашизированная, идеология гниющего капитализма все же разбита на ряд внутренних течений, отображающих те противоречия внутри буржуазного лагеря, которые отнюдь не сняты тем фактом, что буржуазия ряда капиталистических стран — Италия, Германия, Венгрия, Югославия и другие — перешла к открытой фашистской диктатуре.

Переходя к течениям, отражающим противоречия внутри буржуазного лагеря, задержусь совсем коротко на социал-фашистах, этой главной социальной опоре буржуазии.

Если уж с 1914 г. по настоящее время II интернационал осуществляет политику сотрудничества с буржуазией и всесторонней поддержки ее экономических и политических мероприятий, направленных против рабочего класса, то в области идеологии мы также наблюдаем капитуляцию II интернационала пред буржуазной идеологией, сращивание с ней.

В годы кризиса этот процесс стал особенно явственным. Прикрываясь марксистской фразеологией, а иногда даже и этого не делая, теоретики II интернационала перешли на позиции буржуазной идеологии по всем важнейшим вопросам.

В области философии социал-фашизм выступает против диалектического материализма, пытается «объединить» марксизм с кантианством, с неогегельянством, «подвести» под него тот или иной идеалистический базис. Борясь с «мировоззренческим» в марксизме, вожди и теоретики II интернационала докатились до ничем неприкрытой поддержки религии. Отто Бауэр теоретически развенчивал атеизм, а Отто Браун подписывал позорный контракт с папой римским... Зеверинг расправлялся за «богохульство» не хуже Геринга...

В области политической экономии социал-фашисты открыто сражаются с марксовой теорией кризисов, подменяя революционный марксизм пошлейшей теорией «организованного капитализма» и занимаясь вместе со всеми буржуазными теоретиками сочинением утопий о планировании капиталистического хозяйства... Они объявляют «случайно оброненной фразой» великую идею диктатуры пролетариата и создают иллюзии насчет «мирно-спокойно-свободно-весёлого вставания старого свинства в социалистическое общество» (Энгельс). Социал-фашистские врачеватели капитализма не отстают от идеологов буржуазии и в области антитехнизма. Достаточно вспомнить здесь бауэровское выступление о технике как «роке культуры», сделанное им еще в 1931 г. в его статье «Мировой духовный кризис» («Kampf»).

Не приходится говорить о том, как гордо и высоко вздымает II интернационал зная национализма, шовинизма, как рьяно творят его партии дело «своей», «отечественной», «национальной» буржуазии. Этого уж мы касались.

Перечисление подобных фактов можно бы увеличить.

По всей линии мы имеем фактическое сращивание социал-фашистов с буржуазной идеологией гниющего капитализма. То обстоятельство, что со-

циал-демократы еще отдают временами дань марксистской фразеологии, ничего не меняет в сущности дела. В этом и заключается «спецификум» выполняемого ими социального заказа...

Глубокие противоречия внутри самих господствующих классов, внутри самого империалистического мира (идущие не только по линии международной, но и внутренней, между различными группами буржуазии отдельных капиталистических стран) находят свое несомненное отражение и в идеологии гниющего капитализма.

Вот почему наряду с фашистскими идеологами гниющего капитализма надо иметь в виду, правда, сильно стушевавшихся за последнее время, либеральных идеологов. Эти последние по традиции старых, добрых, демократических времен пытаются примирить непримиримое, занимают «нейтральные», «надпартийные», пацифистские позиции, борясь на словах и против диктатуры буржуазии и против диктатуры пролетариата, фактически же способствуя установлению и укреплению диктатуры буржуазии. Эта группа занимается изобретательством всякого рода новых философских «систем» и «теорий» «надклассового» и «внепартийного» характера. К этой группе принадлежит например профессор Николай Гартман, выступавший несколько месяцев назад в Германском философском обществе с докладом «Систематические задачи немецкой философии и современность». Либеральные газеты, теперь пресмыкающиеся у сапога Гитлера, объявили этот доклад провозглашением новой этической эры в философии («Berliner Tageblatt», XII, 1932). Гартман промил в своем докладе «философский радикализм современности», он доказывал, что «в области мировоззрения нет места исключительности, что представление о мире, исходящее и от противника, может быть до определенной степени приемлемо». Этот философский пацифист утверждает, что существенная часть всякой научной и философской системы правильна. Все «измы» ведут к перегибам, к слишком большому заострению, которое дает одностороннюю картину. Философия современности должна брать от каждого из этих «измов» то, что он заключает в себе правильного. Только тогда она сможет выполнить свою основную задачу—«внести в жизнь новую этику». Профессор Гартман повидимому и не подозревает, что его направленный против «измов» призыв—результат одного очень старого и облюбованного мелкой буржуазией «изма», имя которому эклектизм...

Теми же примерно пацифистски-эклектическими идеями, что и выступление Гартмана, проникнута книга ганноверского профессора Пауля Гаста «Наша новая форма жизни»¹⁾. О «надпартийных» позициях автора должно красноречиво свидетельствовать предисловие, которым открывается книга. Оно гласит: «Предостережение: Того, кто как христианин, еврей, атеист, националист, пацифист, идеалист, материалист, как консерватор, либерал, социалист, коммунист или как сектант какого-либо другого рода уже имеет мировоззрение и им доволен,—к тому просьба этой книги не читать» (wird gebeten dieses Buch nicht zu lesen). Вся книга Гаста посвящена обоснованию «изобретенного» им «государства будущего», которое должно «на строго научных основах» раскрепостить души человеческие, примирить революцию и контрреволюцию, национализм и интернационализм...

Сродни обемистой книге профессора Гаста и брошюра некоего Иоахима Пфейля «Коммунизм, фашизм или господство посредством духовно-морального превосходства?»²⁾. Пфейль утверждает, что «социализм стал

¹⁾ Dr Paul Gast, Unsere neue Lebensform. Eine technisch-wissenschaftliche Gestaltung, Verl. Ernst Reinhardt, München, 1932, S. 215.

²⁾ Kommunismus, Faschismus oder Vorherrschaft durch geistig-moralische Überlegenheit, von Joachim Pfeil. Rathenow, Winter, 1932—33.

настойчивой необходимостью». Но его не смогут осуществить коммунисты, ибо они совершили ошибку своей борьбой против бога и церкви, и в то же время коммунизм—это «религиозная догматика, переведенная на современный естественно-научный язык». Его не могут осуществить фашисты, ибо проповедуемые ими «долг, честь, бог и отечество — это псевдо-идеалы, за которыми стоят дивиденды фабрик оружия и амуниции». Социализм принесет только изобретенный Пфейлем «критический метод», который является «объективным выражением действительности на современном научно-математическом пути». Путь к социализму указал Кант, и потому «я требую (его именем от всего современного человечества (т. е. именем Канта.—С. В.) осуществить переход от капитализма к социализму посредством всенародного голосования»...

Это конечно курьез времени, а не знамение времени. Но долю показательности имеет и этот курьез...

Мы говорили выше о фашизации современной буржуазной науки. Но было бы упрощением представлять себе весь научный фронт капиталистических государств как одномастный реакционный, как сплошь фашистский.

Об этом свидетельствует подчеркнутое выше наличие демократических и пацифистских настроений среди определенных групп буржуазной и мелкобуржуазной научной интеллигенции.

Еще более веские доказательства этого дает современная расстановка естественно-научных сил капиталистических государств. Гениальные ленинские слова о том, что новейшая физика «рождает диалектический материализм», нашли свое блестящее подтверждение на протяжении двадцатипятилетия, последовавшего за их написанием. Но ученые капиталистических государств в очень редких случаях решаются сделать из той революции, которая характеризует новейшее естествознание, правильные диалектико-материалистические выводы. «Вся обстановка, в которой живут эти люди,— писал Ленин,— отталкивает их от Маркса и Энгельса, бросает в объятия пошлой казенной философии»¹). Эта «обстановка» теперь еще сильнее давит на ученых, чем 25 лет назад, и потому они еще в большей степени делают при гниющем капитализме данниками пошлой казенной философии господствующих классов. Мы уже говорили о том, как осуществляется блок буржуазной науки с религией. Буржуазные ученые «пнут» к идеализму и религии часто даже в тех случаях, когда они сами дают и разрабатывают факты, свидетельствующие о правоте материалистических принципов. Если, скажем, в последней книге Эдингтона о физической картине мира приводится огромный ценный фактический материал материалистического порядка, то это не мешает буржуазному ученому делать из него идеалистические выводы. А в своих «философских отступлениях» Эдингтон даже удосуживается предостеречь «набожного физика»: *Gott auf ein System von Differentialgleichungen zurückzuführen*²) и раздражается филиппиками по адресу Розефорда, которого объявляет «истинным виновником большевизма современного естествознания»³).

Примерно то же явление представляет собою об'емистый труд профессора Бернгарда Бавинка «Результаты и проблемы естественных наук»⁴), пользующийся в Германии широкой известностью в качестве своеобразной

¹) В. И. Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 221, изд. 1-е.

²) E. d i n g t o n, *Das Weltbild der Physik und ein Versuch seiner philosophischen Deutung*, 1931, S. 276.

³) Там же, стр. 9.

⁴) «*Ergebnisse und Probleme der Naturwissenschaften*». Eine Einführung in die heutige Naturphilosophie von Bernhard Bavink. Vierte Aufl. Verl. Hirzel. Lpz. 1930. S. 616.

энциклопедии современного естествознания. Бавинк дает в своей книге научную, в основном материалистическую картину мира на основе новейших данных физики, химии, биологии, астрономии и т. д. Но эту материалистическую картину он подносит читателю в раме метафизически-идеалистического философствования. Одним из отправных пунктов всех рассуждений Бавинка является «четырёхсферное» деление культуры на науку, искусство, технику и религию. Выпадение одной из этих сфер делает культуру неполноценной... Интересны аналогичные факты, приводимые в статье т. А. Максимова «Об отражении классовой борьбы в современном естествознании» (ПЗМ, № 5-6 за 1932 г.) относительно Ленара, Планка, Ми. Несмотря однако на то, что ряд крупных буржуазных естествоиспытателей, тесно связанных с господствующими классами, изменяет своей науке, часто представляя собою, как Ленин выразил об Оствальде, «крупного химика и мелкого философа», основные массы естествоиспытателей капиталистических государств являются стихийными материалистами. Но материалистически разрабатывая естественно-научные проблемы, эти ученые, находясь однако под прессом фашистской диктатуры, не решаются вступать в конфликт с идеализмом и религией, избегают введения в свои работы философских, мировоззренческих моментов.

Лишь немногие из них решаются открыто занять материалистические позиции и подчас недостаточно последовательно, допуская те или иные ошибки и искажения, но все же борются оружием своей специальности против идеализма, мистики, чертовщины, захлестывающих буржуазную науку. В Германии такие левобуржуазные ученые группировались например вокруг разгромленного Гитлером «Союза монистов».

Наконец одиночки-естественники начинают проникаться пониманием того, что «материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с неприменной заменой материализма метафизическим материализмом диалектическим»¹). Эти естествоиспытатели переходят, хотя и не всегда достаточно последовательно, на позиции диалектического материализма, связывают свою судьбу с делом рабочего класса, временами становясь даже в ряды пока еще немногочисленных в капиталистических странах ученых, сражающихся под знаменем коммунистических партий. (В скобках замечу, что этот процесс перехода на позиции пролетариата значительно быстрее, чем среди крупных ученых капиталистических стран, осуществляется среди художников, где такие мастера искусства, как Роллан, Драйзер, Барбюс, Жид, стали под знамя борьбы за дело рабочего класса). Мы уверены, что революционный подъем, который будет нарастать во всем капиталистическом мире вопреки фашистской диктатуре, с одной стороны, революционный процесс дальнейшего развития естествознания, которое «рождает диалектический материализм», с другой стороны, обусловят быстрый рост этой малочисленной пока группы пролетарских ученых. Величайшее влияние на рост этой группы оказывает конечно всемирно исторический пример Советского союза, вопреки показавшего, что только диктатура пролетариата может вывести науку из того тупика, в который ее привел загнивающий капитализм, что только в социалистической стране открываются новые и широчайшие возможности для научного исследования, научного творчества.

Глубина и безысходность кризиса буржуазной культуры, кризиса буржуазной науки, обусловленного современным гниением капитализма, особенно рельефно выступают при сопоставлении с культурной революцией, с развитием науки в стране строящегося социализма.

¹) Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 258.

Проблема социалистического перевоспитания масс, переделки в процессе революции их психологии и идеологии, создания «нового человека» была выдвинута партией уже вскоре после Октября.

В. И. Ленин неустанно приковывал внимание победившего пролетариата к задаче культурной революции, «переплавляющей» массы. Ленин не уставал доказывать стране «всю тяжесть работы в деле перевоспитания масс, в деле организации и обучения, в деле распространения знаний, в деле борьбы с тем наследием темноты и некультурности, дикости и одичалости, которое нам досталось». Владимир Ильич указывал пути преодоления этих пережитков капитализма, указывал, как в процесс революционной практики пролетариат будет «переделывать» самого себя, будет переделывать и перевоспитывать трудящиеся массы, будет строить пролетарскую социалистическую культуру.

Пролетариат советского государства, руководимый ленинской партией и величайшим продолжателем дела Ленина т. Сталиным, добился уже всемирно исторических успехов в социалистическом перевоспитании масс, в создании нового, социалистического человека.

Победоносно и бесповоротно укрепившись на социалистическом пути, Советский союз поставил перед собой выдвинутую историческим постановлением XVII партконференции задачу окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Никогда еще в истории человечества ни одна революция так решительно и так глубоко не разрывала с теми идеями, которые господствовали в обществе до нее, как это делает коммунистическая революция.

Коммунистическая революция не ограничивается завоеванием власти новым классом и превращением его в господствующий класс, как это было при всех прошлых революциях. Она уничтожает, разбивает буржуазное государство и создает диктатуру пролетариата как орудие подавления сопротивления эксплуататоров, орудие социалистической переделки крестьянства, уничтожения классов вообще и построения нового, бесклассового социалистического общества.

Осуществляемое социалистической революцией изменение условий труда является основным и решающим фактором всего идеологического преобразования общества.

Развертываясь и укрепляясь, социалистическая революция преодолевает сохранившиеся в экономике, в труде рудименты предыдущих общественных формаций. Вместе с тем уничтожаются, исчезают и их идеологические рудименты,— новые условия труда рожают новое коммунистическое сознание производителей, осуществляется социалистическая переделка масс. Уничтожая частную собственность на орудия производства, разрушая все источники эксплуатации человека человеком, создавая новые формы труда, строя бесклассовое общество, социалистическая революция перевоспитывает массы. В ее процессе исчезают «родимые пятна» капиталистической идеологии, нарождается новый человек — носитель коммунистического сознания.

У нас миллионы людей охвачены новыми, социалистическими формами и методами труда — ударничеством и соцсоревнованием. 16 лет пролетарской диктатуры и новые производственные отношения коренным образом преобразовали отношение масс к труду. Возникла новая, разумная, сознательная, социалистическая трудовая дисциплина. Труд, поработавший и уродующий в капиталистических государствах человеческую личность, в Советском союзе стал источником энтузиазма миллионных масс, окружен величайшим ореолом почета и уважения. Он превратился «из заторного и тя-

желого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, дело славы, в дело доблести и геройства» (Сталин). Первая пятилетка создала новый тип человека-ударника, энтузиаста социалистической стройки, героя большевистских темпов. Социалистический труд ударника у рельс Турксиба, у домен Магнитогорска, у плотин Днепростроя, у станков Сталинградского тракторного показал невиданные еще миром образцы трудового пафоса и творческого энтузиазма.

Мы указывали выше на те оргии, которые справляет зоологический национализм в нашем капиталистическом окружении. В то время как вся идеология загнивающего капитализма ставится под знак буржуазного воинствующего национализма и расизма, Советский союз представляет собою великую школу пролетарского интернационализма, основы которого были заложены Марксом — Энгельсом. Пролетарским интернационализмом пропитана вся практика нашей культурной революции. В Советском союзе развернута сеть трудовых политехнических школ Маркса—Ленина, охватывающая по всему СССР примерно 20 млн. ребят. В ее классах и мастерских осуществляется объединение учебы с производственным трудом, взращивается поколение инициативных и деятельных участников социалистического строительства. В то время как в капиталистических странах наука все сильнее подчиняется влиянию религиозного мракобесия, в СССР атеистическое движение приобрело опромный размах. В рядах «Союза воинствующих безбожников» насчитывается 5½ млн. членов, организованных в 65 тыс. ячеек. У нас имеется 4 млн. юных безбожников. Развернута огромная научно-исследовательская и агитмассовая антирелигиозная работа. Диктатура пролетариата обеспечила гигантский рост научного исследования в Советском союзе, создала сеть в 1.500 научно-исследовательских учреждений, обслуживаемых армией почти в 50.000 научных работников. Подъем научной работы осуществляется у нас на основе ее теснейшей увязки с практикой социалистического строительства. Все большие массы научных работников осваивают единственно научную методологию — методологию марксизма-ленинизма. Мы имеем огромные достижения в деле осуществления в научной работе коллективности. Мы добились уже ценных, хотя и недостаточных еще результатов в деле планирования всей научно-исследовательской работы. Семья, в которой скопилось так много буржуазной грязи и лицемерия, в Советском союзе подверглась оздоровительному процессу. Семейно-брачные отношения перестали быть делом купли-продажи. Выкорчевано до конца подлое семейное право капитализма. Осуществлено равенство женщины с мужчиной. В грандиозных масштабах развернуто социальное воспитание ребенка.

Социалистическое перевоспитание масс заключается в преодолении «самой страшной силы» — привычка миллионов, в социалистическом преображении человека. О том, как достигается это преобразование, 86 лет назад К. Маркс написал гениальные слова: «И для массового производства этого социалистического сознания и для победы дела нужно массовое изменение людей. Его можно достигнуть только в практическом движении — в революции» («Немецкая идеология»).

16-летний ленинский путь нашей революции был генеральной исторической проверкой гениальных марксовских слов. Эта проверка подтвердила их глубокую правильность. Она показала, что «только в социализме начнется быстрое, настоящее, действительное, массовое, при участии большинства населения... движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» (Ленин).

Борьба на философском фронте в Болгарии и большевизация БКП

П. Досев

1

Как пролетарская революция, так и философия пролетариата имеет международный характер. Поэтому понятно, что вопрос о связи между разработкой вопросов ленинского этапа в развитии марксизма в целом и диалектического материализма в частности и большевизацией секций Коминтерна имеет огромное теоретическое и политическое значение, в особенности в наши дни, когда на основе глубочайшего кризиса капитализма и революционной деятельности компартий в целом ряде капиталистических стран называют более или менее быстро предпосылки революционного кризиса.

В одной статье невозможно исчерпывающе рассмотреть этот вопрос. Мы попытаемся осветить лишь некоторые стороны его на основе опыта большевизации Болгарской коммунистической партии, точнее, в связи с вопросом о состоянии ее теоретического фронта.

Как известно, недавно ИККИ констатировал, что БКП (т. с.), несмотря на чудовищный фашистский террор, завоевала большинство рабочего класса в Болгарии, где быстро назревают предпосылки революционного кризиса. Этот огромный успех достигнут БКП (т. с.) главным образом благодаря тому, что она под руководством ИККИ решительно двинула и продвигает все более и более вперед дело своей большевизации.

Бывшая «Болгарская рабочая партия социал-демократов» (тесные социалисты) принадлежала к левому крылу II интернационала и в отличие от оппортунистической партии болгарских меньшевиков (широкие социалисты) имела целый ряд революционных достижений и заслуг, как например борьба против болгарского меньшевизма, которую она не побоялась довести до раскола 1903 года; целый ряд массовых чисток; выступления в 1910 г. против центристской установки Троцкого по вопросу об объединении с реформистами; решительный отказ от подобного предложения со стороны бюро II интернационала; разоблачение в 1915 г. социал-шовинистических взглядов Плеханова, несмотря на то, что до этого он пользовался среди болгарских тесняков огромным авторитетом, и т. д. Но БРПСД не была последовательно марксистской партией, какой во II интернационале была лишь партия Ленина, так как страдала целым рядом недостатков и ошибок организационного, политического и идеологического характера, о которых мы будем говорить специально дальше.

То же самое можно сказать о философско-теоретических взглядах тесняков, о взглядах основателя и вождя партии т. Д. Благоева. Ведя упорную борьбу против буржуазных отрицателей капиталистического развития Болгарии и возможности социалистического движения в стране,

как и против болгарского меньшевизма, переросшего потом в социал-фашизм самого худшего пошиба, Д. Благоев еще тридцать лет тому назад первым начал и вел с успехом борьбу за диалектико-материалистическую философию, против целого ряда попыток опровергнуть или ревизовать ее, оторвать ее от экономико-политических учений Маркса и сочетать ее с махизмом, кантианством и т. д.

Несомненно, что Д. Благоев не был последовательным до конца философ-марксистом, каким во II интернационале был только один В. И. Ленин (не говоря об Энгельсе). Отрицать тем не менее наличие марксистско-философских элементов в писаниях Д. Благоева и недооценивать его как борца против ревизионизма значило бы играть на руку болгарским фашистам и социал-фашистам. Это было бы и политически и теоретически недопустимо.

Мы не можем поставить себе в данной статье задачу проследить хотя бы в самом сжатом виде историю развития бывшей партии тесняков и Д. Благоева как теоретика и философа, а также всего процесса большевизации БКП (т. с.). Мы рассмотрим только некоторые стороны этого многогранного вопроса в связи с развитием философской мысли в Болгарии за последние несколько лет.

Марксистско-ленинская философская линия в БКП (т. с.) после сентябрьского восстания, которое дало решительный толчок вперед всему делу большевизации БКП (т. с.), выработывалась и выработывается (конечно с большими трудностями, ошибками недочетами), во-первых, в борьбе с фашистской и социал-фашистской идеологиями и теориями; во-вторых, в борьбе с правыми и левацкими уклонами и перегибами в области идеологической и теоретической внутри партии и, в-третьих, в связи с практической деятельностью партии в политической, экономической и идеологической областях.

Болгарская буржуазия уделяла и уделяет большое внимание философской борьбе с марксизмом-ленинизмом, в особенности после того, как начался и развивается процесс ее фашизации. Известно, что в Болгарии еще в 1918 г., в конце империалистической войны, произошло вооруженное восстание покинувших фронт солдат, т. е. мобилизованных рабочих и крестьян. Потом несколько раз в стране происходила вооруженная борьба между буржуазией, с одной стороны, и рабочими и крестьянами, с другой стороны (июль 1923 г., сентябрь т. г., массовое партизанское движение 1924—25 г.). В настоящее же время на основе небывалого аграрного, промышленного, кредитного и финансового кризиса, углубляющегося и обостряющегося репарационными и другими тягестями, наложенными на страну империалистами-победителями, и на основе революционной деятельности партии быстро назревают предпосылки революционного кризиса. Для того, чтобы сохранить свое господство и укрепить и расширить базу своей диктатуры, болгарская буржуазия, применяя чудовищный фашистский террор против трудящихся масс и их авангарда—БКП (т. с.), не только идет, когда это ей нужно, на коалицию (под ее гегемонией) с болгарскими социал-фашистами и аграрцами, она широко применяет все приемы фашистской демагогии, раздувая национал-шовинистические настроения мелкой буржуазии и выдвигая для привлечения рабочих и крестьянских масс целый ряд лозунгов муссолиниевски-гитлеровского пошиба, включая например лозунг об... «уничтожении классов»! Этот курс фашистского террора не только не отрицает, а наоборот, требует также усиления борьбы на идеологическом и теоретическом фронтах, тем более, что коммунистическая идеология и теория имели и имеют огромное влияние на трудящиеся массы и на мелкобуржуазную интеллигенцию. И вот болгарская буржуазия, в особенности после июньского переворота и сентябрьского восстания 1923 г., развернула (нельзя этого отрицать) широкую и довольно планомерную работу на идеологическом и теоретическом фронтах, имея всегда в качестве союзников бывших

болгарских меньшевиков, а в настоящем законченных социал-фашистов. Мы не имеем никакой возможности детально остановиться здесь на развитии и нынешнем состоянии общего идеологического и теоретического фронта в стране. Скажем только, что в Болгарии имеется организованный антимарксистский философский фронт, имеющий в своем распоряжении не только материально-финансовую поддержку государства и буржуазии и поддержку фашистской полиции и цензуры, но и целый ряд общественно-культурных организаций, в особенности социал-фашистских профсоюзных, кооперативных и других организаций, ведущих борьбу с марксистско-ленинской идеологией вообще, с марксистско-ленинской философией в частности. В Болгарии выходит и специально философский, антимарксистский журнал «Философский обзор» под редакцией последователя И. Ремке проф. Михальчева. В этом журнале сотрудничают все почти без исключения антимарксистские писатели и публицисты, начиная с профессор-теологов и открытых идеологов фашизма и социал-фашизма и кончая «беспартийными» учеными и философами. Здесь вы встретитесь с представителями всех направлений антимарксистской философской мысли: с имманентами-ремкеанцами, с кантианцами и неокантианцами, бергсонянами и фрейдистами, с релятивистами, механистами и т. д. Под лозунгом «свободной» и об'ективной научной критики и исследования («свободной» конечно только от марксизма и коммунизма) редакция журнала ведет специальную кампанию против марксизма-ленинизма вообще и против марксистско-ленинской философии в частности. В этой кампании огромную роль играют болгарские социал-фашисты вроде ренегата Моралиева, выступившего со специальными статьями против «бланкизма» Ленина и в защиту «ортодоксии» Плеханова, проф. Златарева и др. Пом. редактора журнала Н. Илиев — сам бывший, да и настоящий «широкий социалист», т. е. социал-фашист. Редакция однако не стесняется помещать на страницах своего журнала и работы махровых реакционеров, каким является например общеизвестный в СССР Н. Бердяев, выступивший в одном из последних номеров журнала с «критикой» антирелигиозного движения в СССР. Для болгарских марксистов-ленинцев не составляло особой трудности вскрыть классово буржуазный и глубоко реакционный характер и роль этого журнала, что вынудило орган фашистского правительства в лице Ляпчева выступить с открытой защитой и апологией «огромной прodelьгаемой журналом антикоммунистической работы». Так например в № 1936, еще два года тому назад, газета «Дем сговор» писала, что журнал «Философский обзор» «организует настоящий единый фронт против большевистского лжефилософского (лженаучного) фронта», и высказывала свое возмущение по поводу того, как это допустили, что политзаклоченный т. Павлов в противовес этому фронту организовал марксистский философский фронт.

Философская борьба против фашистской и социал-фашистской идеологии и философии идет в Болгарии по следующим линиям: против механистической и всяких других форм ревизии марксизма, против махизма и релятивизма, против бергсонянизма и фрейдизма, против неокантианства и неогегельянства, против философии имманентов-ремкеанцев и т. д. Причем это не просто оборонительная, но прежде всего наступательная борьба. Вместе с целым рядом переводных работ (только за последние несколько лет были переизданы или вновь изданы в условиях свирепейшего фашистского террора и цензуры основные труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина¹⁾), не

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, изд. 5-е, переработанный перевод Д. Благоева под редакцией Т. Павлова, и ч. II тома.

Энгельс, Анти-Дюринг, Диалектика природы, Происхождение семьи, частной собственности и государства.

говоря уже о целом ряде экономических, политических и художественных произведений ряда советских авторов) в Болгарии издаются две научно-философские, а также антирелигиозная и общественно-экономическая библиотеки, масса газет и журналов. Кроме целого ряда газетных и журнальных статей имеется немало оригинальных брошюр и книг на философские темы по вопросам например о спинозизме и диалектическом материализме, о махизме и релятивизме, о бергсонизме и фрейдизме, о теории отражения, о философии имманентов-режкеевцев, о фашистской идеологии, о партийности философии и искусства, о троцкизме, о правом и левом оппортунизме и т. д.

Мы попытаемся иллюстрировать развитие марксистско-ленинской философской мысли в Болгарии, достижения и слабости ее на примере следующих пяти вопросов:

1. Вопросе о спинозизме и диалектическом материализме.
2. О теории отражения.
3. О механицизме и меньшевистствующем идеализме.
4. Об отношении БКП (т. с.) к бывшей БРПСД, resp. к идеологическому наследию тесняческого прошлого партии.
5. О большевистской критике и самокритике.

II

Вопрос о соотношении спинозизма и диалектического материализма не нов в Болгарии. Тридцать лет тому назад у нас имела место полемика между т. Д. Благоевым и Д. Михалчевым (тогда еще социал-демократом-меньшевиком, а впоследствии буржуазным демократом и фашистом) по вопросу о характере и значении диалектического материализма как теоретической основы марксизма. Проф. Михалчев разделял тогда общеидеалистическую точку зрения на Спинозу как нематериалиста. На этой позиции он стоит и сейчас. Для т. Благоева не составило особой трудности разбить эту позицию своего оппонента, но т. Благоев защищал материалистическую позицию с точки зрения Плеханова, считавшего, что марксизм есть особый род спинозизма. И эта именно точка зрения не позволила т. Благоеву побить окончательно врага. После вхождения БКП в Коминтерн перед нами стал вопрос, не ошибся ли Плеханов, определяя марксизм как особый род спинозизма. Нетрудно было понять, что материализм Спинозы ни в коем случае не был и не мог быть последовательным до конца материализмом. В 1926—1927 гг. т. Павлов выпустил свою брошюру «Спинозизм и диалектический материализм». В этой своей работе он выдвинул следующие четыре тезиса: 1) что спинозизм не есть последовательный материализм и что нельзя определять марксизм как особый род спинозизма; 2) что для спинозизма в силу его механистичности и метафизичности сознание является пассивным, недейственным; 3) что Плеханов, будучи материалистом-диалектиком, часто делал большие ошибки и извращал материалистическую диалектику (конкретно: Плеханов, превращая всю материю в ощущающую материю, не понял скачкообразного характера появления и развития сознания) и 4) что в то время как в плехановском материализме имеются эле-

Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, два тома по национальным и антирелигиозным вопросам. Империализм.

Сталин, Об основах ленинизма.

Что касается условий, в которых приходится работать в Болгарии, достаточно указать например, что 90 проц. философской оригинальной продукции (книг), упомянутых в настоящей статье, написаны в тюрьме.

менты созерцательности, абстрактности, недиалектичности, связанные в последнем счете с меньшевизмом Плеханова в области политики, материализм Ленина является действенным, конкретным, диалектичным до конца и органически связанным с большевистской революционной практикой (как иллюстрация приводился спор между Лениным и Плехановым по вопросу о плехановском проекте-программе 1902 г.). Итоги дискуссии в СССР подтвердили в основном правильность этих выдвинутых т. Павловым тезисов¹⁾. К сожалению, в своей работе т. Павлов допустил и целый ряд грубейших ошибок—переоценку непоследовательностей и идеалистически-математических моментов в философии Спинозы, недооценку монизма Спинозы, неправильный исторический подход к Спинозе (не было в достаточной мере указано и подчеркнуто, что развитие Спинозы в условиях Голландии XVII в. шло и не могло не идти по направлению к материалистическому пониманию, хотя Спиноза не пришел и не мог прийти опять в силу тех же самых условий к целостному, последовательному до конца материализму) и т. д. Эти свои ошибки т. Павлов потом полностью признал, но некоторые из них однако были использованы т. Трудиным как аргумент для выступления против всех этих тезисов, выдвинутых т. Павловым, и для попытки защищать во что бы то ни стало позицию Плеханова—Деборина. На страницах журналов «Наковальня» и «Народное воспитание» т. Трудин в 1928 и 1930 гг. выступил с типично деборинской критикой, обвиняя т. Павлова в попытке «ревизовать» марксизм. Тов. Трудин фактически отождествил марксизм со «спинозизмом» Плеханова—Деборина.

В прошлогоднем декабрьском номере журнала «Народное просвещение» в своей статье «300 лет со дня рождения Спинозы», возвращаясь к этой дискуссии, т. Трудин пытался доказать, что дискуссия велась по вопросу, является ли вообще Спиноза материалистом. Тов. Павлов, говорит он, определял Спинозу как идеалиста, а он, Трудин, как материалиста, следовательно, он защищал правильную марксистскую точку зрения, т. Павлов же стоял на механистической точке зрения и ревизовал марксизм по вопросу о спинозизме и материализме. Тов. Трудин прав здесь в том отношении, что т. Павлов в своей критике деборинского понимания соотношения спинозизма и материализма действительно скатывался иногда до того, что, характеризуя спинозовский и вообще всякий гилозоизм как «непреодоленный до конца», только «замаскированный, прикрытый дуализм», примыкал в известном смысле к механистическому пониманию спинозизма. Однако, во-первых, абсолютно неверным является утверждение т. Трудина, что дискуссия началась и велась по вопросу, является ли Спиноза материалистом или идеалистом. Еще в начале своей работы о спинозизме и диалектическом материализме т. Павлов, излагая взгляды Плеханова и Деборина, ставит вопрос таким образом: «Верно ли, что картезианский дуализм превратился у Спинозы в «законченный и целостный материализм». Верно ли, что «спинозизм Маркса и Энгельса и есть новейший материализм», т. е., что новейший материализм, диалектический материализм, есть спинозизм, только «очищенный от теологического привеска»? Не ошибаются ли Плеханов и Деборин в этом пункте?» (там же, стр. 5). Эти слова подчеркнуты не нами, а

¹⁾ Павлов, Спинозизм и диалектический материализм, София, 1929 г., стр. 5, 11, 42, 43, 45.

Надо отметить, что, критикуя ошибки Плеханова (его спинозизм, теорию иероглифов, формально-логические извращения диалектики и т. д.) т. Павлов во всех без исключения статьях и книжках отмечал и подчеркивал, ссылаясь на общеизвестные высказывания Ленина, что мы не отвергаем Плеханова с порога как философа-материалиста, а подходим к оценке его наследства исторически и дифференцированно, признавая его философские взгляды в основном диалектико-материалистическими и не отождествляя их ни в коем случае с ревизионизмом например Бернштейна, Каутского, Богданова и т. д.

в самой работе т. Павлова, вышедшей в 1927 г., а написанной в 1926 г. В этом пункте т. Павлов видел, и вполне правильно, все теоретическое и политическое значение вопроса. Тов. Трудин, критикуя указанные выше ошибки т. Павлова, выступил именно против этой постановки вопроса, причем выступил в полном деборинском вооружении, повторяя в своих статьях дословно все аргументы меньшевистствующих идеалистов. Здесь именно он ошибся. Осознал ли и признал ли т. Трудин свою ошибку? В последней своей статье он пишет: меньшевистствующий идеализм не остался... «без влияния на меня и т. Павлова». И все. Более того, он заявляет, что, хотя и не выступил против ошибок Деборина, он не разделял и не защищал их (там же, стр. 75). Это решительно неверно! Да и сам т. Трудин тут же, тремя строчками выше, признает, что он «отождествлял взгляды Плеханова и Деборина со взглядами классиков марксизма». Но тогда ясно, почему он не только не захотел выступить, но и не мог выступить против ошибок Плеханова и Деборина, ясно, что он в то время стоял на базе меньшевистствующего идеализма, переоценивая Спинозизм и недооценивая тем самым марксизм.

Самым интересным моментом однако в этой теоретической борьбе в Болгарии является то обстоятельство, что была сделана попытка увязать эти проблемы с вопросами революционной практики самой партии. В своей книге «Материализм и идеализм» т. Павлов поставил следующий вопрос. Как известно, в 1923 г. в Болгарии произошло вооруженное восстание, организованное и руководимое БКП (т. с.). Восстание было разбито фашистами, и в связи с этим возник вопрос о причинах его поражения. Несомненно, что ситуация осенью 1923 г. была революционной и массы были готовы пойти и пошли на восстание. В чем тогда причина его поражения? В силе и единстве буржуазных «верхов»? Их тоже не было. Объективно перевес сил не был на стороне буржуазии. Причиной поражения партии могло быть и было, как отмечалось в одной статье журнала «Коммунистическое знамя», непреодоление, «девятоиюньства», непреодоление «внутренних моральных слабостей партии», преодоление наследия теснячества внутри партии, точнее, недостаточная большевизация партии. Отрицательные элементы тесняческого наследия в данном случае проявились конкретно в той прямо контрреволюционной роли, которую сыграли некоторые члены ЦК партии (т. Луканов например) и окружных и местных комитетов, а некоторые из последних в целом, давая во время восстания контрпароли для отсрочки или неподнятия восстания в Софии, Сливене, Руссе и других городах; в саботажной их деятельности во время и после восстания; в отрицании правильности вообще взятого курса на вооруженное восстание и т. д. Поэтому т. Павлов, приводя в своей работе соответствующие выдержки из ЦО партии, писал: «Это — совершенно правильное, не меньшевистское, а подлинно ленинское отношение к этому конкретному вопросу»¹). В брошюре «Идеализм и либерализм» даются критические замечания о деборинской переоценке Спинозы в связи с празднованием 250-летия со дня его смерти. Словом, развитие этого вопроса действительно шло — хотя и с большими ошибками, зигзагами, с недостаточной решительностью — по линии внедрения подлинно марксистско-ленинской философской мысли в Болгарии.

III

Второй вопрос — это вопрос о теории отражения. Он также не нов. Двадцать пять с лишним лет тому назад эмпириокритики и кантианцы атаковали материалистическую гносеологию, а в 1908 г. проф. Михалчев выпустил огромную работу (700 стр.) «Форма и отношение», посвященную специально критике теории отражения. Отождествив гносеоло-

¹) Т. Павлов, Идеализм и материализм, стр. 52, София, 1929 г.

гию французских материалистов с теорией иероглифов Плеханова и эту последнюю — с марксистской теорией отражения, он пытался «сокрушить», «раскритиковать» и «разбить» материалистическую гносеологию. Нетрудно понять, что теория иероглифов Плеханова дала ему действительно известные козыри, которые он ловко использовал в своей «критике». Надо признать, что нам не удалось должным образом отбить атаки этого «критика», действительно специализировавшегося на гносеологических вопросах. «В чем дело?» — спрашивали мы себя (Ленина мы все еще не знали): может быть, вся вина лежит опять-таки в позиции Плеханова? Так ставился вопрос о пересмотре плехановских ошибок в области гносеологии. Тов. Павлов еще в 1923 г. и в особенности после 1926 г. в целом ряде своих статей и книг¹⁾ выступил с тезисом уже на основе «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, что теория иероглифов Плеханова, а также гносеология Деборина и механистов (Сарабьянова например) не представляют собой правильного изложения гносеологических взглядов Маркса и Энгельса и что единственно Ленин дал правильное изложение марксо-энгельсовской теории отражения, но при этом т. Павлов допустил в свою очередь ряд грубых ошибок. Кроме того т. Павловым были вскрыты и подчеркнуты субъективизм, агностические элементы, отрыв от практики, созерцательность и связь с оппортунизмом в теории познания Плеханова, Деборина и Сарабьянова. Во всех своих вышеупомянутых работах он пытался доказать, что Ленин, стоя твердо на точке зрения Маркса и Энгельса, вел борьбу на два фронта — как против имманентно-базаровского отождествления ощущения (образа) с предметом, так и против плехановского отрыва и принципиального противопоставления их друг другу; что Ленин увязывал теснейшим образом теорию отражения с революционной практикой; что он дал дальнейшую и развернутую разработку вопроса о диалектическом взаимоотношении между образом и предметом, определяя отражение как процесс совпадения образа и предмета на основе общественно-исторической практики; что ленинская философия является по существу глубоко партийной, и т. д.²⁾ Вскрыв махинацию проф. Михалчева, он заставил его пойти напятную и признать, что гносеология Маркса—Энгельса—Ленина не тождественна с гносеологией Плеханова. Но зато, замечает на это в своем ответе «критик», они дали только элементарный набросок этой правильной точки зрения, которая была развернута и «гениально» разработана... И. Ремке! В прошлогоднем декабрьском номере своего журнала он идет дальше: перечисляет двадцать — буквально двадцать — пунктов совпадения якобы основных положений философии Маркса—Энгельса—Ленина и философии И. Ремке! Более того, им давно выдвинут тезис, что экономическо-историческую теорию Маркса можно сочетать с философией... И. Ремке, о котором Ленин говорил как об отъявленном реакционере и фидеисте. Не приходится сомневаться, что этой новой вылазке нашего «критика» в Болгарии будет дан соответствующий отпор³⁾. Не стоит рассматривать здесь, на

¹⁾ Кроме указанных выше работ см. «Диалектический материализм и теория отражения», София, 1930 г., «Ремкеанство и материализм», София, 1930 г. «Эйнштейн или Энгельс?», София, 1930 г.

²⁾ См. «Идеализм и материализм», стр. 1—24, 62—87 и др., «Диалектический материализм и теория отражения», стр. 47—107, «Ремкеанство и материализм», стр. 1—5 и 145—198. |

³⁾ В том же самом номере кроме указанной выше передовицы, где «критик» не в состоянии отрицать как количественный, так и качественный рост философской литературы в СССР, мы находим массу лжи и клеветы насчет пролетарской диктатуры, апологию буржуазной «свободы», апологию религии (Бердяев) и утверждение, что Спиноза — не материалист (рецензия на «Переписку Спинозы», под редакцией Вайдека и Тимоско), и т. д.

В журнале «Народное просвещение» №№ 4 и 5, 1933 г., в статье «Фальсификация или заблуждение» т. Р. Найденовым разоблачен реакционно-политиче-

страницах «ПЗМ», детально все эти пункты «совпадения». Достаточно сказать, что проф. Михалчев расписывает гносеологические взгляды Маркса и Ленина в том смысле, что они, строго говоря, не стояли на точке зрения отражения, а на точке зрения имманентно-базаровского метафизического совпадения образа с предметом. Он вообще не признает никакой диалектики и стоит всецело на формально-логической, метафизической точке зрения. Как в своей полемике с т. Павловым, так и в своей книге, вышедшей вторым изданием в 1932 г., он блестяще доказал свою полную и органическую неспособность понять основное в ленинской постановке и решении вопроса, т. е. он не понял и не может понять, что Ленин, не отождествляя метафизически, но и не противопоставляя принципиально образ и предмет, понимает отражение не как мертвое, законченное, целостное и сразу достижимое зеркальное отображение, а как диалектический процесс отражения предмета на основе общественно-исторической (производственной, политической и культурной) практики человека, resp. пролетарского класса. Неслучайно проф. Михалчев решительно отрицает классовый и партийный характер философии и говорит о ней как о «надклассовом, объективном» познании.

В эту полемику между т. Павловым и проф. Михалчевым вмешались и некоторые товарищи-марксисты, но, к сожалению, фактически стали на сторону последнего, точнее, облегчили его положение. Так например т. Киселинчев выступил с открытой защитой Плеханова, утверждая, что у Плеханова были только терминологические ошибки, которые были исправлены им самим, а т. Трудин долго не решался выступить с последовательно ленинской критикой Плеханова. На субъективистической точке зрения стояли также и т. Самодумов и др. Все это являлось лишним доказательством, что в области теории мы далеко еще не преодолели старых тесняческо-плехановских, антиленинских взглядов, и следовательно работа по большевизации философского фронта Болгарии должна идти в неуклонной борьбе на два фронта.

Особо важным обстоятельством является тот факт, что к разработке вопроса о теории отражения толкали сама многосторонняя деятельность и практические задачи партии. Так например правильно решить вопрос о большевизации нашей партийной идеологии и теоретических взглядов нельзя, не внедряя ленинскую трактовку марксистской философии и в частности ленинское развитие теории отражения.

На культурном фронте мы также натолкнулись на необходимость правильно понять и разработать теорию отражения. Не говоря о нашей антирелигиозной пропаганде, скажу только, что еще до и после создания внепартийного «Союза революционных писателей» в Болгарии возник вопрос о взаимоотношении нашего пролетарско-революционного искусства и искусства наших союзников и попутчиков, мелкобуржуазных револю-

ский смысл этой работы болгарского философа. К сожалению, автор статьи не остановился на этих 20 пунктах совпадения, а удовлетворился тем, что, называя правильно Ремке идеалистом, схоластом и реакционером, спрашивает: «Кому и для чего нужна ваша схоластика? Для пустословия и умственных упражнений? Нет, это нужно буржуазии, но не тем, кто борется героически за переделку общества, за построение нового общественного строя. С вашим ремкеанством нельзя положить ни одного кирпича в здание социализма; это — страшный приговор для ремкеанской схоластики». Все это неплохо, но недостаточно! «Философский обзор» рассчитан не только на буржуазные идеологические кадры, но и на мелкую интеллигенцию Болгарии, ставя себе задачу — обработать ее по-фашистски. Если сказанное т. Найденовым достаточно убедительно для оформленного партийца-марксиста, достаточно ли убедительно оно для интеллигентских читателей «Философского обзора», которые составляют большинство его подписчиков? Верно, что мы не должны переоценивать фашистскую идеологическую пропаганду, но верно также, что нельзя недооценивать ее, особенно на данном этапе развития революционного движения в стране.

ционных или революционизирующих писателей. Так как искусство является своеобразным отражением действительности, то, не поставив и не решив вопроса о взаимоотношении искусства как отражения и, скажем, науки как отражения, нельзя решить и вопроса о соотношении искусства и науки как отражения «революционной практики масс».

В нашей кампании против империалистической войны и интервенции в СССР мы также наталкиваемся на следующие контрреволюционные «аргументы»: «В СССР происходит не что иное, как чисто дяляческий эксперимент, не имеющий ничего общего с теорией Маркса. Если вы считаете себя марксистами, почему вы защищаете СССР?». На эти вылазки классовых врагов мы отвечаем, что в СССР проверяется на практике и развивается дальше именно теория Маркса, исходящая из практики и имеющая практику как свою основу, цель и критерий. Таким образом мы опять наталкиваемся на необходимость понять и разработать конкретно в наших условиях марксистско-ленинскую философию в целом и теорию отражения в частности.

Словом, развитие также и этого вопроса показало, что правильное понимание и разработка ленинской теории отражения являются одним из необходимых условий для внедрения марксистско-ленинской философии в наши партийные ряды и тем самым для правильного ленинского руководства революционной борьбой.

IV

Третий вопрос — это вопрос о борьбе против механицизма и меньшевистствующего идеализма.

Буржуазные и социал-фашистские ученые и философы в своем большинстве в области теории являются рьяными эклектиками, идеалистами и механистами. Все они без исключения против материалистической диалектики; все они — сознательные защитники формальной логики, хотя иногда в своих специальных научных исследованиях не могут обойтись без таких категорий, как «мутация», «скачок», «взаимопроникновение» и т. п. Философских теоретиков механицизма мы имеем в буржуазном лагере в лице проф. А. Златарева и других социал-фашистских теоретиков; С. Бранкова и других ренегатов, бывших тесняков, ищущих в механицизме теоретическое обоснование и оправдание своего ренегатства; проф. Консулова, Попова и других открытых фашистов, в особенности в лице проф. Михалчева. Защищаемое им учение Ремке о причинности представляет собою типичное идеалистическо-механистическое понимание причинности как действия только от одного предмета на другой и наоборот. Проф. Михалчев, как и другие буржуазные социал-фашистские «критики», показал свое полное невежество в вопросе о современной марксистской теории развития, о самодвижении, о развитии через внутренние противоречия, которые проф. Михалчев полностью отрицает, признавая противоречия только в области... высказываний и речи! Поэтому в своих работах против буржуазных философских теорий т. Павлов уделил особое место как критике «учения» ремкеанцев о движении, причинности и свободе, так и критике механицизма бывшего «тесняка» С. Бранкова, проф. Златарева и др.¹⁾

Буржуазные механисты неожиданно для них самих нашли косвенную поддержку со стороны целого ряда марксистов, защищающих внутри пролетарского философского фронта позицию механицизма. Типичным представителем этих марксистов-меха-

¹⁾ Т. Павлов, Ремкеанство и материализм, стр. 70, 72 и др. Его же, Материализм и идеализм, стр. 90, 111, 125 и др.

нистов является несомненно т. Самодумов, который не только перевел целый ряд работ современных советских механистов, как например Варьяша, Лубоцкого и других, но и в специальных полемических статьях, предисловиях и рецензиях рьяно защищал тезис, что все они являются «блестящими диалектиками», «последовательно применяющими диалектику Маркса и Энгельса». У т. Самодумова механицизм был не случайным явлением. Коренясь глубоко в его социал-демократическом прошлом и питаясь его отрывом от партийной практической борьбы, он ярко проявился в целом ряде типично оппортунистических взглядов, а также в области работы профоппозиции внутри реформистского союза учителей. Тов. Павловым кроме целого ряда статей, направленных против работ русских механистов, была написана специальная брошюра «Еще раз о механицизме и диалектическом материализме» (1930 г.), где, вскрывая теоретические ошибки механистов и самого т. Самодумова, он попытался выявить, каким образом механицизм последнего послужил методологическим основанием его оппортунизма на практике¹⁾. Характерно, что т. Самодумов и после решения ЦК ВКП(б) о «ПЗМ» не признал и не хочет до сегодняшнего дня признать своих механистических ошибок, выросших у него в целую систему. Все это в конце концов привело к снятию его с руководящей работы в профоппозиции со строгим предупреждением, что если он не ликвидирует своих оппортунистических ошибок, то будет исключен из оппозиции.

Сложнее обстоит дело с меньшевистствующим идеализмом в Болгарии. Благодаря недостаточной большевизации партийной идеологии и теории, благодаря неизжитому влиянию бывшей тесняческой идеологии и философских взглядов, развивающихся под сильным влиянием Плеханова и Деборина, и отсутствию подлинной большевистской критики и самокритики, — меньшевистствующий идеализм имел сильное влияние на болгарских работников в области философии до постановления ЦК ВКП(б) о «ПЗМ». Несомненно, что еще до этого были сделаны попытки критики меньшевистствующего идеализма. Так например т. Павлов в ряде статей и книг подверг критике теорию «отражения» Деборина, его понимание диалектического материализма только как метода, его спинозизм и т. д. Более того, в своей книге «Материализм и идеализм» т. Павлов указал на непоследовательность Деборина, Столярова и Агола в их критике механицизма. Он подчеркивал например, что т. Столяров, не ставя в центре своей критики и вопроса о законе единства противоположностей²⁾, не дает правильной характеристики механицизма; что Деборин и все меньшевистствующие идеалисты вообще не могут «довести до конца своей борьбы с механицизмом, не покончив со своим ошибочным пониманием вопроса о соотношении спинозизма и диалектического материализма³⁾; что т. Агол, критикуя механицизм в биологии, сам делает антимарксистские ошибки, упрощая вопросы биологии, и т. д.⁴⁾. И все-таки до постановления ЦК ВКП(б) меньшевистствующий идеализм не только не был подвергнут критике как система ошибок и извращений, приведшая к полной ревизии марксизма-ленинизма, но и прямо назывался ортодоксальной марксистско-ленинской философией. После постановления ЦК ВКП(б) о «ПЗМ» т. Павлов выступил с самокритикой в «РЛФ», выступили с самокритикой и другие товарищи. Но например Д. Полянов не только не сделал этого, но углубил еще более свои ошибки полной недооценкой Ленина, переоценкой Плеханова как теоретика и апологией теснячества, что и привело его к открытому выступлению против

1) Т. Павлов, Еще раз о механицизме и диалектическом материализме, стр. 9, 10 и др.

2) Т. Павлов, Материализм и идеализм, стр. 106.

3) Там же, стр. 111.

4) Там же, стр. 120.

партии и к исключению из Рабочей партии. Таким образом еще раз подтвердилось, что механицизм и меньшевистствующий идеализм несовместимы в конце концов с качеством передового, активного, творческого деятеля в революционном пролетарском движении.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что борьба против механицизма и меньшевистствующего идеализма и до сих пор не развернулась в конкретных условиях Болгарии в той форме и мере, как это диктуется ростом и задачами революционного движения в стране. Достаточно указать например, что в таких дискуссиях, как например дискуссия по вопросу об идеологии фашизма, о литературоведческих взглядах Плеханова и др., был допущен целый ряд ошибок механистического и меньшевистско-идеалистического характера. Не подверглись также систематической и беспощадной критике как теория исторического материализма Бухарина и популярные беседы по диалектическому материализму Трахтенберга, так и учебник по историческому материализму Ширвиндта, «Критика» Деборина и Стэна бухаринской теории равновесия и другие их работы. Таким образом партийный актив питался механистическими и меньшевистско-идеалистическими теориями. Или же, поскольку они подвергались критике, эта критика имела в большинстве случаев слишком абстрактный характер, слабо, а иногда и вовсе не увязывалась с конкретными вопросами теоретического и практического революционного фронта в Болгарии. На этот основной недостаток партийный журнал «Коммунистическое знамя» уже обратил специальное внимание (ст. т. Братанского и др.). Ему уделено специальное внимание и в резолюции ЗБ и ЦК БКП (т. с.), о которых будет идти речь дальше. Борьба за полное преодоление механицизма и меньшевистствующего идеализма во всех областях теории вообще уже идет в стране, и можно надеяться, что она закончится, как и в СССР, полным разгромом этих двух главных методологических основ правого и «левого» оппортунизма, resp. «правого ликвидаторства и «левого» на словах троцкизма, на деле давно уже проявившего всю свою природу передового контрреволюционного отряда болгарской империалистической и фашистской буржуазии.

Говоря о борьбе с меньшевистствующим идеализмом в Болгарии, нужно наконец отметить, что социал-фашистские идеологи не только взяли под свою защиту как все антимарксистские ошибки Плеханова, так и известные ревизионистские и клеветнические выступления т. Деборина против Ленина, но и договорились до того, что задним числом провозгласили т. Благоева, непримиримого борца против болгарского меньшевизма, ортодоксальным марксистским философом и политиком. При этом они ссылались как раз на его ошибки по вопросам о спинозизме, о характере и возможности болгарской пролетарской революции (о том, что революция в Болгарии зависит на три четверти от внешних международных условий) и т. п. Это говорит конечно только о том, что тесняческие идеологические взгляды, примененные в нынешней обстановке, теряют свой левосоциалистический характер и могут быть использованы, если мы не призовем на помощь ленинскую самокритику, контрреволюционным социал-фашизмом (троцкизмом) против пролетарского революционного теоретического и практического фронтов. Хотя т. Павлов выступил и в специальных статьях и в своих книгах против этих попыток (например против статьи Димитрова—Инжето, Моралиева и др.), но на эту сторону дела все еще не обращено достаточного внимания, тем более, что, разоблачая маневр врага, т. Павлов в своих работах (до постановления ЦК ВКП(б) о журнале «ПЗМ») не вскрыл по-большевистски, а наоборот, замазал отсутствие самокритики у Деборина.

Конечно вряд ли нужно специально подчеркивать здесь, что и сам т. Деборин должен наконец выступить с полной и последовательной до конца

самокритикой не только своих позднейших, но и дореволюционных антимарксистских и антиленинских писаний. Этим он вырвет из рук социалфашистов и троцкистов одно из оружий, которое они часто пытались и пытаются использовать в своей борьбе против ленинизма и пролетарской революции.

V

Вопрос об отношении БКП (т. с.) к бывшей БРПСД, resp. к идеологическому наследию тесняческого прошлого, к его положительным и отрицательным сторонам, является одним из самых актуальных теоретических вопросов, имеющих огромное политическое значение. Конечно мы не можем и не собираемся, как сказали уже выше, ставить его здесь во всей его целостности и сложности. Попытаемся его рассмотреть лишь с некоторых сторон и в самых общих чертах в методологическом разрезе.

Энгельс еще в 80-х годах в одном из своих писем к Э. Бернштейну (тогда еще революционному марксисту) писал, что всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития. Тов. Сталин в своем докладе на VII расширенном пленуме ИККИ, развивая дальше и конкретизируя это положение Энгельса, говорил, что как для ВКП(б), так и для всех сколько-нибудь больших революционных партий законом их партийного развития является преодоление, а не примирение, не затушевывание, внутренних противоречий и неуклонное укрепление рядов партии на основе этого преодоления. Социал-демократические партии, говорил там же т. Сталин, не вскрывают, а прячут эти противоречия и разногласия, и из этого не выходит ничего кроме засорения мозгов и идейного обнищания партии. Источник этого оппортунистического скрывания, а не преодоления противоречий внутри партии т. Сталин в полном согласии с Лениным видит, во-первых, в давлении буржуазии и буржуазной идеологии на пролетариат и его партию в обстановке борьбы классов. Этому давлению нередко поддаются наименее устойчивые слои пролетариата (а следовательно и его партии), который, будучи частью общества, связан многотысячными нитями с разными слоями этого общества. Во-вторых, в разнородности рабочего класса, в котором наряду с основной массой «чистокровных» пролетариев имеется слой недавно вышедших из непролетарских классов, представляющий более благоприятную почву для всякого рода «левого» оппортунизма, и, с другой стороны, слой рабочей аристократии с ее стремлением к компромиссам с буржуазией, с сильными мира, представляющий более благоприятную почву для откровенного реформизма и оппортунизма.

Само собой разумеется, что эти положения т. Сталина находятся в полном согласии с высказываниями Ленина по этим вопросам. Вспомним например сказанное Лениным в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» о революционной немецкой социал-демократии. Это тем более интересно и важно для нас, что теснячество имело много общего с люксембургизмом и гедизмом, хотя и отличалось во многих отношениях от них, и прежде всего тем, что тесняки еще в 1903 г. пошли на раскол с болгарскими оппортунистами, в то время как германские «левые» побоялись и не решились пойти на раскол. Общеизвестно, что из-за этой их боязни «договариваться до конца» и пойти, когда нужно, и на раскол Ленин здорово критиковал левых и специально Р. Люксембург. При этом однако он, как это с классической ясностью и убедительностью доказал т. Сталин в своем историческом письме в редакцию журнала «Пролетарская революция», не

отрицал их больших и серьезных революционных заслуг (дел). Вот например, что писал Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»: «Революционная немецкая социал-демократия,—пишет он там,—ближе всего была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить. Теперь, в 1920 г., после всех позорных крахов и кризисов эпохи войны и первых лет после войны, видно ясно, что из всех западных партий именно немецкая революционная социал-демократия дала лучших вождей, а также оправилась, вылечилась, окрепла вновь раньше других. Это видно и на партии спартаковцев и на лево-пролетарском крыле «Независимой с.-д. партии Германии», которое ведет неуклонную борьбу с оппортунизмом и бесхарактерностью Каутских, Гильфердингов, Ледебуров, Крипинов»¹⁾.

Надо подчеркнуть в данном случае, что Ленин, критикуя революционную социал-демократию по целому ряду основных вопросов революции, считал ее лишь «ближе всего» к большевизму, т. е. он не считал ее большевистской партией. Однако, и это также надо особо подчеркнуть, он критиковал ее совсем не так, как, скажем, национал-шовинистов, Каутских, Шейдеманов и др. В то время как он критикует левых с целью исправить, вылечить, поставить их на большевистские рельсы,—оппортунистов и национал-шовинистов он критикует с целью разгромить, отсесть, выбросить их вообще из рядов революционного движения. Так например о национал-шовинизме Шейдемана, Каутского и других Ленин писал, что его надо рассматривать не как особую форму, в которой конкретизировался марксизм, а как «скверну» II интернационала, как разрыв с марксизмом, как элемент, совершенно чуждый марксизму. И эту «скверну» II интернационала, учил Ленин, надо просто отсечь, не отрицая положительного в деятельности Каутского, Плеханова и вообще II интернационала (например борьба Плеханова, хотя и непоследовательная до конца, против ревизионизма, достижения II интернационала в области создания массовых рабочих организаций и т. п.) до того, как они увязли в болоте оппортунизма и национал-шовинизма.

Только руководствуясь этими принципиальными указаниями Энгельса, Ленина и Сталина и на основе конкретного ленинского анализа об'ективной обстановки и задач борьбы БКП (т. с.) можно поставить и решить методологически правильно вопрос об отношении БКП (т. с.) к БРПСД, resp. к идеологическому наследию тесняческого прошлого. История попытки (вплоть до 1930 г.) поставить и решить методологически правильно этот вопрос чрезвычайно поучительна. Не имея возможности изложить ее здесь, хотя бы в самом сжатом виде, мы приведем основные положения резолюции ИККИ (август 1930 г.) по коммунистическому движению в Болгарии и по текущим задачам БКП (т. с.); где замечательно кратко и точно подведены итоги всех этих попыток и поставлены и решены действительно ленински самые основные проблемы большевизации БКП (т. с.). Резолюция начинается тем, что устанавливает два имеющих основное значение обстоятельства. Во-первых, БКП (т. с.), говорит резолюция, держа в самых тяжелых условиях жестокого террора знамя борьбы за освобождение рабочих и крестьян от гнета фашистской диктатуры и за свержение капитализма, значительно двинула вперед, начиная с сентябрьского восстания 1923 г., дело своей большевизации, преодолевая острые противоречия—ликвидаторство справа и «левые» уклоны, приступая к восстановлению важнейших организаций и развитию их самоинициативы и проводя целый ряд революционных демонстраций и стачек. Во-вторых, однако, вопреки всем этим достижениям, руководящая роль партии в борьбе масс и в особенности

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 181—182.

организационное укрепление ее влияния среди масс значительно отстают от объективных возможностей.

Это отставание резолюция частично объясняет фашистским террором. Причины его нужно искать также в политических и организационных недостатках партии, связанных отчасти с некоторыми неизжитыми традициями тесняческого периода, тормозящими дальнейшую большевизацию партии. И вот здесь именно в резолюции говорится, что партия несомненно не должна отказываться от наследия, завещанного ей прошлыми революционными поколениями. Большевизация партии заключается в том, чтобы, базируясь на ленинизме, сделать ее сознательным носителем и завершителем того, что в этом наследии было революционного и подлинно марксистского (тезисы о большевизации, принятые V расширенным пленумом ИККИ, 1925 г.). Извлечь однако «действительно революционное и подлинно марксистское» из тесняческого прошлого БКП (т. с.) можно лишь при том условии, если партия решительно будет выкорчевывать из своей идеологии и тактики социал-демократические пережитки.

Дальше, во втором пункте, резолюция, указывая, что БКП (т. с.) вошла в Коминтерн как социал-демократическая партия тесняков, одна из лучших организаций левого марксистского крыла II интернационала, говорит, что партия еще в 1903 г. порвала с открыто правыми, явно мелкобуржуазными реформистскими элементами и вела упорную борьбу против них, твердо стоя на почве классовой борьбы. Потом два раза, в 1905 и 1907 гг., она выбрасывает из своих рядов элементы, оказавшиеся оппортунистическими («либералы», «прогрессисты»). Однако вопреки этой ранней дифференциации партия совсем еще не стала большевистской партией. Теснячество отличалось от большевизма по ряду основных вопросов революции. Оно не ставило конкретно вопроса о борьбе за власть, за диктатуру пролетариата в Болгарии, не рассматривало и не строило партию рабочего класса как организатора и вождя революционной борьбы и будущего вооруженного восстания, не понимало взаимоотношений партии как организованного авангарда и класса и взаимоотношений партийной организации и массовых беспартийных организаций. Не ставя вопроса о революционном союзе рабочего класса с основной массой крестьянства и трудящимися массами угнетенных наций, теснячество не видело в лице пролетариата гегемона революции, и вследствие этого в его деятельности преобладали парламентские средства борьбы над внепарламентскими и отсутствовало сочетание легальных и нелегальных методов борьбы.

В следующих своих пунктах резолюция указывает на целый ряд революционных достижений и заслуг (например на мужественную интернационалистскую позицию в начале войны, против гражданского мира и защиты отечества, за создание нового Интернационала) и подчеркивает историческое значение сентябрьского восстания, означающего «решающий шаг» по пути большевизации партии, а также переломный пункт в том смысле, что внутри партии началась новая дифференциация, т. е. дифференциация уже на большевистской, а не тесняческой основе. Но вместе с тем резолюция вскрывает целый ряд унаследованных от тесняческого прошлого социал-демократических недостатков (например преобладание методов агитации и пропаганды, несоответствие между старым организационным партстроительством и революционными задачами партии и т. д.). Этот факт, говорится дальше в резолюции, является тем более опасным для практической работы партии, что независимо от влияния традиций экономическая отсталость страны и мелкобуржуазное окружение снова и снова рождают мелкобуржуазное реформистское давление на отдельные звенья партии как в форме оппортунистическо-хвостистских уклонов и ликвидаторства, так и в форме «левых» течений и «рево-

люционной» фразеологии. Таким образом одно из самых важных условий для решения основных задач БКП заключается в преодолении меньшевистских пережитков теснячества для того, чтобы она могла дальше от роли агитатора и пропагандиста революции перейти окончательно на позицию революционного организатора и вождя масс в их борьбе за диктатуру пролетариата.

Что касается истории самой дискуссии по вопросу о прошлом партии и тесняческих пережитков, резолюция в последней (IV) главе, подчеркивая, что партия ни в коем случае не должна допускать увлечений историческими дискуссиями, не диктуемыми актуальными вопросами и задачами ее, указывает прежде всего на тот факт, что в этих дискуссиях всегда наблюдалось известное смазывание и подкрашивание прошлого, и что часть товарищей еще не сознает, что тесняческому прошлому присущи все черты меньшевистского крыла II интернационала. Отсутствие большевистской критики теснячества приводило к тому, что теснячество часто приравнивалось к большевизму или же изображалось как большевизм прошлой эпохи в специальных болгарских условиях (т. Кабакчиев, который хотя и делал неоднократные попытки признать свои ошибки и дать критический анализ теснячества, но до сих пор не сумел сделать решительного шага от теснячества к большевизму); часть товарищей (тг. Коларов и Димитров) чересчур долго терпели эту неверную концепцию и проявили нерешительность в самокритике вообще и в критике тесняческого прошлого в частности. Сектантские традиции прошлого выразились в узкой и односторонней критике этого прошлого, оторванной от актуальных вопросов и задач партии (Искров).

Вот как ИККИ еще в своей августовской резолюции 1930 г. с подлинно ленинской глубиной и точностью, не оставляющими желать ничего лучшего, решил вопрос об отношении БКП (т. с.) к бывшей БРПСД, resp. к тесняческим идеологическим пережиткам в БКП.

Казалось бы, что после этой резолюции вопрос должен быть вполне ясным для болгарских теоретических партийных работников и что дело большевизации партийного теоретического фронта должно было пойти дальше действительно большевистскими темпами, без больших колебаний и рецидивов теснячества. К сожалению, хотя несомненные сдвиги в этом отношении уже имеются, можно сказать, что большевизация теоретического фронта БКП (т. с.) все еще сильно отстает от большевизации партии в политической практической области. Это можно показать на целом ряде примеров как в области экономической теории, где все еще мы не имеем серьезного исследования по вопросам экономической структуры и конкретного развития страны, так и в области истории БКП (т. с.), где также не имеется сколько-нибудь целостных и подлинно ленинских теоретических работ, в особенности по вопросам истории происшедших трех восстаний. Вопросы о характере и движущих силах предстоящей революции в Болгарии, нашедшие свою ленинскую формулировку как в резолюциях ИККИ, так в особенности в резолюции ЦК БКП о положении в Болгарии и задачах БКП (февраль, 1933), также все еще не разработаны нами конкретно и детально в связи с объективной обстановкой и политическими и теоретическими задачами БКП (т. с.) на данном этапе. Развернутую, подлинно ленинскую, конкретную теоретическую критику фашистских, социал-фашистских, аграрных, шовинистическо-националистических и расовых теорий в Болгарии мы также все еще не дали. Все еще отстает наша теоретическая мысль и в области литературоведения, где предстоит полная критическая переоценка литературных взглядов т. Д. Благоева и всех остальных деятелей в этой области, как например т. Бакалова и др.

Основным недостатком всей нашей философской и вообще теоретиче-

ской продукции является то, что вопреки несомненным и немалым сдвигам в этом отношении нам все еще не хватает подлинно ленинской диалектики. Все еще в постановке и решении конкретных теоретических вопросов допускаются большие ошибки как механистического, так и меньшевистско-идеалистического характера. Не имея возможности остановиться на этих недостатках детальнее, рассмотрим те колебания и ошибки, которые имели место в дискуссиях по вопросу о прошлом и тесняческих пережитках в БКП (т. с.), о рождении и характере БКП (т. с.) и т. д.

VI

В теоретической литературе БКП (т. с.) и других балканских секциях Коминтерна августовская резолюция ИККИ по болгарскому вопросу все еще недостаточно освещена со стороны ее методологического значения. Во всяком случае нам неизвестны специальные теоретические работы, ставящие себе задачей разобрать с методологической стороны этот действительно замечательный документ, в котором лишь на нескольких страницах подлинно диалектически разрешен клубок самых важнейших практических и теоретических вопросов пролетарской революции и партстроительства в Болгарии.

Возьмем вопрос об историческом и логическом методе в связи с вопросом о большевистской проработке истории партии. Резолюция ИККИ, как мы видели уже, особо предупреждает и подчеркивает, что дискуссии по истории партии надо всегда увязывать с актуальными вопросами и задачами, что критика теснячества, оторванная от этих вопросов и задач, узка и однобока. Конечно необходимо изучать историю БРПСД и БКП (т. с.). Однако еще Энгельс в своей знаменитой рецензии «К критике политэкономии» Маркса писал, что, изучая историю, надо прежде всего уметь брать ценный материал и отбрасывать «малоценное», надо уметь вести исследование так, чтобы не приходилось «часто прерывать ход мыслей». Где же критерий полноты или малоценности исторического материала, где же гарантия, что мы сумеем освободиться от случайного, несущественного в историческом развитии? Энгельс в той же самой работе¹⁾ отвечает: не кто иной, как сама практика, дает этот критерий и эту гарантию. Исходя из живой практики, говорит также в резолюции ИККИ, мы должны изучать те или иные вопросы прошлого, ставя их в том или ином разрезе. Является ли результат этого нашего исследования теоретически ценным или нет, — ответ на это дает нам опять-таки революционная практика. Это подлинно партийный, а поэтому и подлинно научный, подход к вопросам прошлого. Партийность (пролетарская) истории не только не отрицает научной объективности, но, наоборот, дана в неразрывном единстве с ней, предполагает ее и в то же самое время ею обуславливается. Как блестяще показал т. Сталин в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» и т. Каганович в своей речи об изучении истории ВКП(б), «объективность», «беспартийность», меньшевистско-троцкистская «историчность» в изучении истории партии неизбежно ведут ко всевозможным правым или «левацким» искажениям и фальсификации истории партии, неизбежно следовательно приводят к отрыву теории от практики, к правым или левацким ошибкам и уклонам по вопросам революции и социалистического строительства.

Резолюция ИККИ — блестящий образец такого научно-партийного и подлинно диалектического метода постановки и решения вопросов коммунистического движения в одной из стран капитала, где имеется одна из передо-

¹⁾ К. Маркс, К критике политэкономии, стр. 12—13, Партиздат, 1932 г.

вых секций Коминтерна. В то же самое время в ней дано нагляднейшее доказательство того, что логический метод «есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей» (Энгельс). Словом, резолюция ИККИ, направленная против меньшевистского и троцкистского «историзма», предостерегает от лжедиалектического «логизма», забывающего или отрицающего, что логический метод—это не что иное, как иная форма того же самого диалектического метода, который в силу самой своей глубочайшей природы берет вещи в процессе, в развитии, т. е. по самой своей сути является историческим (без кавычек).

Возьмем вопрос о развитии (БРПСД и самой БКП) и соотношении «внутреннего» и «внешнего».

Общеизвестно, что суть или ядро материалистической диалектики, по Ленину,—это закон саморазвития (самодвижения) всех природных, общественных и духовных явлений. Развитие как внутреннее самодвижение вещей путем раздвоения единого на взаимопроницающиеся противоположности и борьба между ними, а не развитие как уменьшение, и увеличение, как повторение, обуславливаемое толчками извне (в конце концов боженькой),—вот в чем Ленин видел суть диалектико-материалистической концепции развития. Этот основной закон диалектики применен с полной последовательностью в резолюции ИККИ, рассматривающей вхождение БРПСД в Коминтерн и большевизацию БКП (т. с.) не как случайное и «внешне» обусловленное событие, а как глубоко диалектический процесс, обусловленный как международным характером и развитием пролетарской революции, так и характером и развитием революционного движения в самой стране (Болгарии).

И действительно, если допустим, что вхождение БКП (т. с.) в Коминтерн (resp. большевизация ее) является результатом единственно «внутреннего» развития болгарского революционного движения, как понять в таком случае огромное влияние например Октябрьской революции? Если же мы покидаем точку зрения саморазвития, как понять например тот факт, что Октябрьская революция толкнула по пути большевизации не партию болгарских меньшевиков, а партию тесняков; или тот факт, что Октябрьская революция, ВКП(б) и Коминтерн влияли и влияют различным образом на различные компартии или же на самую БКП на разных этапах ее развития? Если между ВКП(б) и Октябрьской революцией, с одной стороны, и бывшей партией тесняков и ее революционной деятельностью до 1917 г., с другой стороны, имелись не только коренные различия (взаимоисключающие стороны), но также имелось и что-то общее (взаимопереходы)¹⁾, то как это понять, не отрицая внутренней связи между ними? Словом, каким образом мы должны понять «внешнее» влияние (Октябрьской революции) и «внутреннее» саморазвитие (тесняков), чтобы не отрицалось принципиальное значение саморазвития как основного закона диалектики?

Развитие дискуссии по данному вопросу как до, так и после резолюции ИККИ показало, что здесь возможны и фактически встречались отклонения от материалистическо-диалектической позиции как в сторону механицизма, так и в сторону меньшевистствующего идеализма.

¹⁾ Интересно указать например на тот факт, что Д. Благоев и партия тесняков в целом хотя по целому ряду вопросов и шли с Плехановым, а не с Лениным, и хотя по известным вопросам и считали Ленина «бланкистом», тем не менее использовали ленинские аргументы («Что делать») в своей борьбе против болгарских ревизионистов и реформистов.

Есть например товарищи, которые не хотят и слышать о «внутреннем развитии» болгарской партии (бывшей БРПСД, настоящей БКП), считая это «метафизикой» и недооценкой влияния Октября. Ясно, что эти товарищи, стоят, хотя бы они этого или не хотят, на методологической основе теории равновесия, механицизма. Есть другие, которые, говоря о «внутренней логике» развития партии, не видят в сущности внутренних диалектических противоречий и на деле стоят также на чисто механистической методологической основе. Противоположную крайность представляет собой сведение всего к «внутреннему» развитию самой бывшей БРПСД. Как можно объяснить однако с этой точки зрения тот факт, что до Октября бывшая партия тесняков, развиваясь как левая социал-демократическая партия, все-таки не пришла к большевизму, не была типом большевистской партии? Отрицая значение саморазвития болгарской секции Коминтерна, мы превращаем Коминтерн во внешне механическое сочетание партий, а руководство Коминтерна — в команду извне, несовместимую с революционной самостоятельностью и инициативностью секций; отрицая, наоборот, роль Коминтерна как штаба мировой революции, который диалектически взаимопроникается с отдельными секциями, но не растворяется в них, а руководит ими, мы отрицаем не только революционный, пролетарский централизм, но вообще отрицаем международный характер, роль и значение Октябрьской революции, resp. международный характер, роль и значение социалистического строительства СССР.

Только подлинно ленинское понимание развития как саморазвития, только подлинно ленинское понимание международного характера пролетарской революции дает возможность поставить и решить правильно, диалектически все вопросы, связанные так или иначе с проблемой взаимоотношения внешнего и внутреннего как в области партийного строительства и идеологии, так и в области экономической. К сожалению, в партийной теоретической литературе этот вопрос все еще не ставился конкретно и правильно в методологическом разрезе, хотя, повторяем, резолюция ИККИ дает все необходимое для подлинно диалектической постановки и решения его¹⁾.

Или возьмем вопрос о характере и возникновении БКП (т. с.) как нового, большевистского типа партии.

Прежде всего, если БКП (т. с.) есть (и должна быть) новый тип партии (большевистская партия), т. е. если она построена на качественно новой основе, возникает вопрос, когда именно и как появилось это новое качество, когда бывшая БРПСД решительно перешла на новую, большевистскую основу, переставая быть старой партией тесняков и превращаясь в тип ленинской партии. Нельзя сказать, что процесс большевизации партии начинается только после вхождения ее в Коминтерн; было бы правильнее рассматривать ее вхождение в Коминтерн как результат начавшегося еще до этого процесса большевизации, хотя вначале этот процесс несомненно шел весьма стихийно, ограниченно, непоследовательно. Нельзя также сказать, что до сентябрьского восстания мы имели решительный переход партии на позиции большевизма по основным, коренным вопросам: о диктатуре пролетариата, о союзе с крестьянством, о роли и значении партии и т. д. Доказательства: антибольшевистская позиция партии во время переворота 9 июня и целый ряд оппортунистических ошибок до 9 июня. В нашей партийной литературе принято, и совершенно

¹⁾ В журнале «Коммунистическое знамя» (№ 4, 1933 г.) мы находим, смело можно сказать, первую методологически углубленную попытку поставить и решить действительно диалектично «вопрос о внутренних силах и международных факторах революции в Болгарии». Статья т. П. Искрова так и озаглавлена: «К вопросу о внутренних...» и т. д.

правильно, считать сентябрьское восстание событием, дающим решительный толчок большевизации партии, переломным моментом перехода ее со старой, тесняческой основы на новую, большевистскую, мощным толчком к глубокой (организационной, политической и идеологической) перестройке ее. Тем не менее партия, хоть и стала уже на деле на большевистскую основу, но как в области организационной и политической, так в особенности в области теоретической, не освободилась еще полностью от пережитков тесняческого прошлого. В особенности отставала партийная теория. Все еще господствовала например тесняческая теория колониального характера страны, вследствие чего сами руководители восстания выступили после его поражения с декларациями, что оно не имело задачи установить советскую, а только переходную рабоче-крестьянскую (буржуазно-демократическую?) власть. Это запаздывание идеологической и теоретической большевизации нашло свое практическое выражение в целом ряде право- и левацко-оппортунистических ошибок партии и отдельных деятелей и затормозило ее большевизацию, которая шла не объективно возможными темпами и сопровождалась рядом крупных недостатков вплоть до августовской резолюции ИККИ, дающей в руки партии могучее политическое и теоретическое орудие для полного преодоления теснячества как системы левосоциалистических, политических, организационных и идеологических взглядов.

К сожалению, мы с большим трудом привыкали применять в решении теоретических вопросов это могучее, отточенное и в то же время гибкое орудие. Ошибки и колебания правого и левацкого характера встречались и встречаются часто после резолюции ИККИ вплоть до настоящих дней, хотя конечно в основном и целом сдвиг в этом отношении также имеется.

Некоторые товарищи например, поставив вопрос о том, что представляет собою БКП, отвечают: БКП—не большевистская, а большевизирующаяся партия¹).

Однако может ли быть большевизация без того, что большевизируется? Что же в данном случае большевизируется? Старая партия тесняков? Ее уж нет. Если большевизирующаяся болгарская партия—не большевистская партия, что же она такое? Может быть какая-нибудь центристская партия? Ясно, что нет. Дело в том, что сам вопрос поставлен методологически неправильно. БКП (т. с.) — большевистская партия, но она не остается неизменной, а растет, развивается именно как большевистская партия, стремясь к своей все более и более полной, законченной большевизации. Молодой член ВКП(б), работающий над своим дальнейшим развитием, перестает ли вследствие этого быть членом ВКП(б), т. е. коммунистом, т. е. большевиком? Товарищи, утверждающие, что БКП есть большевизирующаяся, однако не большевистская партия, вместе с тем признают, что в сентябре 1923 г. партия перешла решительно на большевистскую основу. Но потом, говорят они, партия проявляла целый ряд рецидивов теснячества и наделала массу грубых оппортунистических ошибок. Это верно. Но верно также и то, что ошибки и рецидивы — одно, а переход на новую основу — это другое.

Перешла или нет партия на новую основу? Ясно, что перешла, следовательно ясно, что она уже есть большевистская партия, которая именно вследствие своих ошибок и недостатков должна все-сторонне усиливать свою большевизацию.

¹) Бойков, Что представляет собою партия БКП, журнал «Коммунистическое знамя» № 6, 1932 г.

В связи с преодолением тесняческого наследия БКП (т. с.) возникают и следующие методологические вопросы. Если мы не отвергаем с порога теснячество, а «преодолеваем» или «снимаем» диалектически его новым типом партии (БКП), как надо понимать это «преодоление», это «снятие»? Нет такого вопроса, в котором тесняки не наделали ошибок, например в вопросе о борьбе с оппортунизмом, с империалистической войной, в крестьянском вопросе, национальном вопросе и т. д. Следовательно нужно либо отбросить тесняческое наследие целиком, либо, сходя из всего того, что было ценным у тесняков, диалектически вскрыть и преодолеть (отрицать) их ошибки и непоследовательность, приводящие их часто в болото капитулянтства и оппортунизма. Известно, что Ленин, исследуя причины империалистической войны (как капиталистического способа разрешения экономических и политических противоречий мирового империализма путем вооруженного передела уже поделенного мира между крупнейшими империалистическими хищниками), доказал на основе конкретного анализа, что решение задачи уничтожения противоречий капитализма возможно только одним путем: путем не голого, зряшного, пацифистского отрицания войны вообще, а путем превращения империалистической войны в гражданскую, путем пролетарской революции, свержения капитализма, путем борьбы за создание диктатуры пролетариата и построение социализма, который уничтожает капитализм и вместе с ним в корне уничтожает возможность империалистических войн вообще. Здесь мы имеем классический пример того, как надо диалектически отрицать («преодолевать», «снимать»).

Или вспомним приведенные нами выше положения Ленина о революционной германской социал-демократии и о национал-шовинистах, о «скверне» II интернационала. Можно смело сказать словами Ленина, что болгарская революционная социал-демократия (БРПСД) одной из первых оправилась и окрепла, войдя еще в 1919 г. в Коминтерн и ведя неуклонную борьбу с болгарскими Каутскими и Ледебурами. Неслучайно поэтому в резолюции ИККИ сказано совершенно ясно и категорично, что БКП вошла в Коминтерн как партия социал-демократов-тесняков, как одна из лучших организаций левого марксистского крыла II интернационала (разрядка наша.—П. Д.). Однако в понимании и применении этих положений Ленина и резолюции ИККИ могут встретиться, а пожалуй и встречаются, следующие перегибы и извращения. Говоря о нынешней болгарской революционной партии, т. е. о БКП (т. с.), можно забыть или отрицать, что БКП (т. с.) не упала с неба, что БКП (т. с.) — это «вылечившаяся», «оправившаяся» и «окрепшая» бывшая революционная социал-демократия, мощно выросшая в своей роли авангарда революционной борьбы масс и в конце концов завоевавшая большинство рабочего класса в стране. С другой стороны, говоря о бывшей партии тесняков как о революционной партии, можно забыть или отрицать, что она была «ближе всего» к большевизму, но не была однако большевистской партией (Тов. Зоркий в своей статье о люксембургянстве (весьма сходном, повторяем, с теснячеством) «О путанице, которая науку врагам партии»¹), атакуя беспощадно как левацкую позицию Зауэрланда, превратившего Розу Люксембург, Либкнехта и Меринга в сплошных оппортунистов, так и правооппортунистические позиции т. Альпари, превратившего их в последовательных до конца марксистов, приводит между прочим слова Ленина, что Коминтерн «воспринял плоды II интернационала (создание массовых рабочих организаций), но «отсек его оппортунистическую социал-шовинистическую и мелкобуржуазную скверну»²).

¹ «Коммунистический интернационал» № 2—3, 1933 г.

² Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 247, Лен. сб. IX, стр. 199.

Как надо понимать все это? Недостаточно сказать, что мы отрицаем теснячество как систему политических, организационных и идеологических взглядов. Почему мы говорим не о дальнейшем развитии, а о преодолении теснячества? Дело в том, что национал-шовинизм Шейдемана, Каутского и Плеханова-меньшевика нельзя рассматривать как особую форму, в которой конкретизировался марксизм. Это — не особая форма марксизма, а «скверна» II интернационала, это разрыв с марксизмом, это элемент, совершенно чуждый марксизму. И этот элемент, говорит Ленин, надо начисто отсечь. Национал-шовинизм ни в коем случае не вяжется с марксизмом и может сочетаться с ним только чисто внешним, эклектическим образом. Всякая попытка увязать его глубже, органически с марксизмом ведет только к одному результату: к искажению, ревизии, отрицанию марксизма, точно так же как и теория иероглифов не есть и не может быть особой формой марксистской теории познания, а означает разрыв с ней, и попытка увязать ее внутренне с марксистской гносеологией ведет к искажению и отрицанию этой последней. Наоборот, утверждения Маркса и Энгельса, что социалистическая революция не может победить в одной отдельной стране, и учение Ленина и Сталина, что можно построить социализм в одной стране (конкретно: в СССР), оба верны и оба марксистские. В эпоху Маркса и Энгельса, когда доминирующий капитализм развивался по восходящей линии и закон о неравномерности развития не проявлялся как основной закон капитализма, социализм в одной отдельной стране действительно было невозможно строить. В эпоху империализма, т. е. в эпоху загнивания капитализма, когда неравномерность развития проявляется как его основной закон, социализм можно строить и построить в одной отдельной стране. Здесь мы имеем типичный случай особого, в котором конкретизируется общее (марксизм) и которое в новых условиях заменяется новым особым, что не означает отрицания общего, а дальнейшее развитие и конкретизацию его в новых условиях. Теснячество, содержащее в себе целый ряд элементов, не вяжущихся ни в коей мере и смысле с марксизмом, имело, наподобие люксембургизма и гедизма, эклектический характер, т. е. содержало в себе как несомненно марксистские, так и антимарксистские, оппортунистические элементы. Поэтому именно и преодоление теснячества означает отрицание его как системы, полное, безусловное отбрасывание всех антимарксистских элементов и дальнейшее ленинское развитие и конкретизацию марксистских элементов в нем. Так стоит вопрос о преодолении теснячества как системы политических, организационных, тактических и идеологических взглядов.

Бывший член партии Ив. Клинчаров, троцкисты и другие бывшие и настоящие тесняки выступили в Болгарии с апологией теснячества и с лозунгом «Назад к теснячеству». На первый взгляд получалась диалектика: тезис — теснячество, антитезис — БКП, синтезис — опять теснячество, но уже на более высокой ступени. В действительности получилось только одно: абсолютное ренегатство и контрреволюционность, встреченные громкими аплодисментами всей фашистской и социал-фашистской реакции. Где теоретическая ошибка Клинчаровых и компании? В прениях с проповедниками «новой тесняческой базы» приходилось доказывать, что так понятый закон отрицания является сплошной абстракцией и метафизикой. Ведь буржуазные «критики» марксизма также не раз писали и говорили, что в силу закона отрицания после коммунистического общества придет опять царство частной собственности. С Энгельсом и Лениным в руках приходилось доказывать, что каждая вещь (система) отрицается по-своему в «своем другом» и что на определенном этапе в своем развитии она

необходимо отрицается таким образом, что, начиная с этого момента, мы имеем уже качественно новый цикл отрицаний отрицаний и вещь уже не возвращается (не отрицается) к старой вещи (человек не отрицается в обезьяне, коммунизм не будет отрицаться в частной собственности, БКП не отрицается в теснячестве!). Где ключ загадки в данном случае? Ленин отвечает: в конкретном анализе, в конкретном мышлении, в конкретном заключении! Диалектическая истина действительно конкретна! Этого именно не поняли и не хотят понять наши «диалектики» и «революционеры» в кабинетах, а в действительности сплошные метафизики и контрреволюционеры.

VII

Настоящая работа была бы совсем не полной и не отражала бы действительного положения вещей, если бы мы не изложили хотя в самых общих чертах состояния большевистской критики и самокритики на болгарском философском фронте.

Бывшая партия тесняков не знала большевистской самокритики. Подвергая критике буржуазно-демократическую и меньшевистскую идеологию и теорию, тесняки не применяли внутри партии большевистской самокритики. Первые попытки критически подойти к тесняческим пережиткам в БКП (т. с.) мы имеем после сентябрьского восстания, когда, как было сказано и выше, начинается усиленный процесс большевизации партии и когда произошла первая дифференциация в партии уже не на тесняческой, а на большевистской основе. Эта критика однако, как это было указано еще в августовской резолюции ИККИ (1930 г.), не была подлинно большевистской критикой и самокритикой и не вскрыла основных социал-демократических недостатков теснячества. Мы уже приводили это место из резолюции. Дальше в резолюции сказано, что условием для правильного развития партии является беспрестанная «самокритика со стороны членской массы и низового актива» партии. После этой резолюции, после резолюции ИККИ по решениям III пленума ЦК БКП(б) (1931 г.) и в особенности после исторического письма т. Сталина, в БКП (т. с.) была развернута широкая критика и самокритика. Целый ряд товарищей (тг. П. Искров, В. Коларов, Ф. Бойков, С. Бушуев, Владимиров и др.) выступил с критическими статьями по вопросу о преодолении отрицательных социал-демократических пережитков в БКП (т. с.). Из партийных документов, имеющих непосредственное отношение к вопросу о развитии критики и самокритики в БКП (т. с.), укажем прежде всего на тезисы Заграничного бюро ЦК КПБ (т. с.) по поводу письма т. Сталина¹⁾, воспринятые потом и ЦК КПБ (т. с.). Подчеркивая огромное политическое и актуальное значение борьбы за полное преодоление теснячества и за большевизацию партии как в области практической, так и в области теоретической и давая ленинский анализ развития большевизации КПБ (т. с.) в процессе самой борьбы внутри партии за переход от теснячества к большевизму, которая (борьба) «была поставлена на ленинские рельсы резолюцией ИККИ» (август 1930 г.), тезисы ЗБ уделяют особое внимание вопросу о ленинизации партийной теории. «Ленинская теория,—говорится в тезисах,—приходящая на смену теснячества, становится оружием для решения задачи завоевания большинства рабочего класса и осуществления гегемонии пролетариата, для завоевания союзника путем правильной борьбы в области аграрно-крестьянского и национального вопроса в Болгарии, за революционное разложение вооруженных отрядов буржуазии и т. д.». Раскритиковав известные неправильные установки по вопросу о соотношении большевизма

¹⁾ «Коммунистическое знамя», № 2, 1932 г.

и теснячества и указав на организационный рост и укрепление партии как на главное звено на данном этапе, тезисы особо подчеркивают необходимость повышения партийной бдительности и умения конкретно бороться на два фронта, как и против всяческой контрабанды, примиренчества и гнилого либерализма. Далее тезисы указывают на необходимость укрепить и поднять на более высокий уровень борьбу во всех областях теории на основе теснейшей увязки с практикой.

Надо однако отметить, что на этот раз как в печатных, так и в устных выступлениях некоторых товарищей ясно наметилась тенденция к фактической недооценке «действительно революционного и подлинно марксистского» (резолюция ИККИ) в тесняческом наследии. Так например т. С. Бушув в своей статье «Против ренегатской, троцкистской и социал-фашистской «истории» БКП» (журнал «Коммунистическое знамя» № 7—8, 1932 г., стр. 50—63) писал о первой марксистской работе т. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас», что «её ни в коем случае нельзя назвать марксистской книжкой». Критикуя взгляды т. Кабакчиева, утверждавшего, что эта и остальные работы Благоева представляют собою последовательные (в специфичных условиях Болгарии) марксистские работы, т. Бушув вообще отрицает марксистский характер работы т. Благоева. Мы уже упомянули выше о некоторых ошибках т. Ф. Бойкова. Вообще можно сказать, что полозунгом преодоления отрицательных элементов в тесняческом прошлом партии некоторые товарищи пришли к тому, что только формально и эклектически признавали наличие в нем положительных элементов, а фактически недооценивали его. Наличием этой фактической недооценки положительных элементов в тесняческом наследии можно объяснить тот факт, что в резолюции ЦК БКП (т. с.) (февраль 1933) о положении в Болгарии и задачах БКП на данном этапе имеется специальный абзац, где говорится, что традиция «славной» (разрядка наша. — П. Д.) борьбы партии тесняков в прошлом является несомненно одним из фактов, способствующих завоеванию со стороны БКП большинства рабочего класса». Этим резолюция бьет как раз по всем имевшим уже место и возможным попыткам недооценить «традиции славной борьбы партии тесняков», точно так как следующий непосредственно за этим абзац бьет по всем попыткам переоценить их: «Партия однако не смогла бы завладеть большинством рабочего класса без совершенного ею решительного перехода на позиции большевизма в решительной борьбе против небольшевистских установок теснячества по вопросам диктатуры пролетариата, роли партии, гегемонии пролетариата в революционной борьбе широких трудящихся масс, в неустанной борьбе против оппортунизма справа и «слева».

Специально в области марксистско-ленинской теории вообще и философии в частности большевистская критика и самокритика начала развертываться лишь после сентябрьского восстания, но развивалась она медленно, сопровождаясь рядом ошибок, недостаточной большевистской беспощадностью и последовательностью, массой рецидивов неизжитых установок тесняческой теоретической мысли. Так например т. Павлов еще до тезисов ЗБ БКП (т. с.) выступил в целом ряде своих статей и книг с критикой некоторых взглядов и недостатков Д. Благоева, В. Киркова и вообще теснячества, с критикой механистов (т. Самодумова), тесняков-плекхановцев (Полянова), сектантских ошибок некоторых пролетарских писателей по вопросу о едином фронте с мелкобуржуазными революционизирующимися писателями и т. д.⁴⁾ Кроме того он выступил также в журнале РЛФ и газетах с критикой

⁴⁾ Т. Павлов, На литературные и философские темы, 1931 г., София, см. особо статью о критике и самокритике.

Его же, Трудово-попугическа литература в Болгарии, София, 1930 г.

Его же, Мысль и др., письма из тюрьмы, София, 1931 г.

собственных теоретических ошибок (недостаточная увязка теории с практикой, непоследовательная до конца критика механицизма и меньшевистствующего идеализма и т. д.). Выступили с критикой антиленинских «плекхановских» литературных взглядов Полянова и собственных прежних взглядов также и тт. Трудин, Бакалов и целый ряд товарищей, работающих на пролетарском теоретическом фронте в Болгарии. Надо однако подчеркнуть, что самокритика со стороны всех вышеупомянутых товарищей до появления письма т. Сталина и тезисов ЗБ КПБ (т. с.) была далеко недостаточной, непоследовательной до конца, вообще она не стояла на действительно ленинском большевистской основе, не говоря о новых ошибках, допускаемых в самой этой самокритике. С другой стороны ряд товарищей, например т. Самодумов и другие, и до сегодняшнего дня не выступили с самокритикой своих явно механистических или меньшевистско-идеалистических ошибок и уклонов, а другие, например Полянов, выступили с «самокритикой» так, что углубили свои ошибки, и в конце концов пришлось «отсечь» их от революционного движения.

В прошлом и настоящем году был опубликован т. Омировыми и другими товарищами в журнале «Коммунистическое знамя» ряд критических статей о положении и задачах нашего теоретического фронта вообще и философского в частности. Исходя из письма т. Сталина, т. Омиров правильно вскрыл целый ряд ошибок тт. Павлова, Трудина, Самодурова, РЛФ, заострил вопрос о необходимости борьбы против фашистов и социал-фашистов, очертил, хотя слишком схематично, задачи нашего теоретического и философского фронта в связи с проблемой большевизации нашей идеологии и теории и с необходимостью борьбы на два фронта. В особенности четко он указал на такие грубейшие ошибки т. Павлова, как утверждение последнего, вслед за Дебориным, что Ленин был учеником Плеханова в области философии; рассмотрение Бухарина, как материалиста-диалектика, вопреки данной механицизму критике; недостаточность и местами неправильность самокритики Павлова, и т. п. Тов. Павлов еще до критики т. Омирова безоговорочно признал свои ошибки. Надо отметить одно, что т. Омировым был допущен ряд неточностей и ошибок (например будто т. Павлов «молчаливо» (!) превращал Ленина до 1908 г. в... махиста, и т. п.). Основной тезис его критики состоит в утверждении, что т. Павловым не был поставлен вопрос о ленинском этапе в развитии марксизма, что он отрицает ленинский этап. Между тем именно т. Павловым впервые в Болгарии были поставлены вопросы о ленинском наследстве в развитии марксистской философии в связи с попытками дать проработку целого ряда актуальных в самой Болгарии философских проблем. То, что т. Павловым был при этом сделан целый ряд крупных теоретических ошибок, что у него не было достаточной увязки между теорией и практикой, что тесняческое наследие все еще тяготело над ним и он не смог поставить вопросы последовательно до конца и т. д.,—все это не может уничтожить несомненного факта, что именно им были сделаны, при том в особо тяжелых условиях фашистской диктатуры, конкретные шаги по пути разработки вопросов философского наследства Ленина в связи с задачами и требованиями революционного движения в Болгарии.

Добавим здесь, что в 1930 и 1931 гг. он выступил в РЛФ (Рабочий литературный фронт) с целым рядом статей о партийности философии, о Ленине как философе, о «Материализме и эмпириокритицизме» (по поводу перевода его на болгарский язык), о повороте на философском фронте СССР (и в Болгарии) и т. д. Во всех этих статьях автор, исходя из сталинского определения ленинизма как развитого дальше и конкретизированного марксизма в эпоху империализма и пролетарской революции, ставит вопрос именно о ленинском этапе (о борьбе Ленина на два фрон-

та в философии, о теории отражения, о кризисе в естествознании, о ленинской увязке теории и практики и т. д.).

Подводя итоги всего вышеизложенного, мы можем сказать, что борьба за ленинизацию теоретической мысли болгарской секции Коминтерна, имеющая своим исходным пунктом основу, цель и критерий в революционной практике, сама является одним из первостепенных условий для правильного продвижения вперед и победоносного завершения дела большевизации партии. Если несомненно, что в диалектическом единстве теории и практики примат принадлежит практике, то несомненно также, что подлинно революционная, марксистско-ленинская теория (resp. философия как коренное теоретическое основание марксизма-ленинизма) представляет собою действительно мощную действительную силу, действительно могучее орудие для большевизации партии и следовательно для победы революции и социалистического «изменения мира».

Опыт болгарской секции Коминтерна в этом отношении несомненно поучителен и заслуживает основательного изучения.

Антитехницизм и кризис буржуазного естествознания *)

С. Лившиц

Кризис естественно-научных основ технического прогресса в буржуазном обществе

Буржуазия и буржуазные идеологи об'явили в настоящее время подлинный крестовый поход против техники. Но идеи ненужности техники, машины идут рука-об-руку с идеями ненужности науки, с идеями отказа от естественно-научных основ или предпосылок технического прогресса. Две струи сливаются в этот яростный поток технофобии и осуждения науки. С одной стороны, поход против техники обращается своим острием и против науки, против материалистических естественно-научных основ техники; с другой стороны, кризис естествознания выражается в усиливающемся отходе части естествоиспытателей, бывших раньше материалистами, от материализма и вместе с тем от техники.

Кризис буржуазной естественно-научной мысли усиливается и обостряется под влиянием общего кризиса капитализма, хозяйственного развала в современных капиталистических странах и похода буржуазии против техники, а практика и идеология антитехницизма черпают богатый материал, мотивы и аргументы в кризисе науки. Переворот в естествознании, который произошел в конце XIX и в начале XX в., продолжается еще сейчас. Анализ существа этого переворота, причин, его породивших, и единственного пути подлинного выхода из кризиса естествознания был дан Владимиром Ильичем Лениным, развившим, конкретизировавшим и поднявшим марксизм и марксистскую философию на новую, высшую ступень. Дав мастерски марксистский анализ современного кризиса физики и подвергнув конкретной критике физический идеализм и связанные с ним философские течения, Ленин разработал вместе с тем философские основы современного естествознания. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» и в других работах Ленин выполнил задачу философской «разборки», которая была необходима для пролетариата России непосредственно после великих событий революции 1905 г. и которая была, с другой стороны, выдвинута во всех странах в связи с переворотом в естествознании как задача, с которой должен был «сладить» марксизм¹⁾. Ленин выполнил серьезнейшую задачу «обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина»²⁾.

*) Извлечения из подготовляемой к печати книги «Закат капитализма и поход буржуазии против техники и науки».

¹⁾ Ленин, Наши упразднители, т. XV, изд. 3-е, стр. 89.

²⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, 1930 г., стр. 20.

К концу XIX в. естествознание накопило огромный материал, который настоятельно требовал своего философского осмысливания и вступил в противоречие с эмпиризмом естествоиспытателей. Прогрессирующее содержание науки требовало своего диалектико-материалистического обобщения. Это содержание переросло ту методологическую форму, в рамках которой оно до сих пор двигалось, накоплялось. Противоречие это было доведено до конфликта, до кризиса естествознания вследствие той «крутой ломки» старых представлений, понятий, теорий, которые господствовали до последнего десятилетия XIX в. в естественной науке. Крутая эта ломка была вызвана великими открытиями конца XIX и начала XX в., обусловленными техническими сдвигами в крупной промышленности и известными экономическими стимулами. А на почве роста общей буржуазной реакции и тенденции загнивания ломка старых взглядов, при незнании естествоиспытателями материалистической диалектики и известной боязни ее как философии революционного пролетариата, привела часть естествоиспытателей к отходу от старого материализма в естествознании через релятивизм, идеализм и фидеизм, к реакционным поползновениям в науке, философским обобщением, обоснованием, развитием и пропагандой которых явились новейшие модные и философские течения, как махизм и пр. Если мы возьмем кризис физики, то коренное изменение взглядов на материю и движение вызвано было здесь рядом «неожиданных» революционных открытий, которые подорвали старые теории и законы в механике, физике, химии и вызвали целый «хаос мнений» среди ученых.

Основными тремя факторами, обусловившими новейшие великие открытия в физике и химии, сломавшими старые представления в науке, явились возникновение и бурный рост электротехники, развитие современной химической промышленности, поиски новых источников энергии. Приведем несколько замечаний представителей современного естествознания, которым оно обязано многими из своих блестящих завоеваний. Вот что говорит например известный исследователь радиоактивности Резерфорд о значении практики, техники для развития современного естествознания, для тех открытий, которые сделаны и делаются в нем за последнее время. «Важное взаимодействие между чистой и прикладной наукой может быть иллюстрировано во многих отраслях знания. Оно бросается в глаза в индустриальном развитии радиографии с помощью x-лучей для терапевтических и промышленных целей, область, в которой разработка широкой шкалы специальных трубок для x-лучей дала в руки физику гораздо более действительные орудия для того, чтобы перенести свои исследования на природу самих лучей и на строение атома. В нашем веке никто не может провести резкую разграничительную черту между значением так называемого чистого и прикладного исследования»¹⁾.

Решающее значение новейших технических возможностей в деле осуществления великих открытий физики конца XIX и начала XX в. отмечает и физик Л. Пуанкаре, говоря, что «не бесполезно будет отметить, что успехи находились в прямом отношении к материальным ресурсам, которыми располагали лаборатории»²⁾. Итак, открытия, которые сломали старые взгляды на материю, которые привели к признанию и изучению электромагнитной природы материи, открытия эти обязаны своим происхождением состоянию, возможностям, запросам современной электротехнической промышленности. Открытие и развертывание технического применения электричества в электротехнике создали базу для теоретического обоснования науки

¹⁾ Э. Резерфорд, Электрическая природа материи. В прил. к книге Сведберга «Материя, ее исследования в прошлом и настоящем», Гиз, стр. 133.

²⁾ Пуанкаре, Эволюция современной физики, СПб., 1910 г., стр. 182.

об электричестве, новейшие электрические орудия измерения явились техническими предпосылками в деле изучения внутриатомного мира, открыли небывалые экспериментальные и теоретические перспективы в этой области. Технические методы исследования настолько выросли, настолько улучшились, что то, что казалось фантастическим, сделалось предметом точного исследования. Надежда на верное достижение крупнейших успехов в будущем, говорит Резерфорд, «отчасти обусловлена достигнутым в течение этого периода огромным улучшением технических методов исследования, так что проблемы, некогда представлявшиеся неприступными, теперь кажутся легко разрешимыми с помощью новых методов»¹⁾.

Наряду с электротехникой эти новейшие открытия обязаны также очень многим современной химической промышленности. Если электрометр дал технически совершенные методы для наблюдений явлений в урановых соединениях, из которых был изолирован радий, то техника химической переработки веществ дала в руки исследователей необходимые возможности в трудном деле химической концентрации радия, в деле практического приложения теоретических принципов исследований, которые и привели к открытию радия Кюри. «Если самый принцип, на котором основываются операции радия, замечательно прост, то приложение его, несмотря на это, представляет огромнейшие трудности; приходится перерабатывать целые тонны пород, содержащих уран, чтобы получить несколько дециграммов чистой соли радия»²⁾. Разумеется, этим далеко не исчерпывается кардинальное значение химической техники в возникновении и победном шествии новейших открытий физики и химии.

Развитие техники применения и изучения больших скоростей и напряжений, развитие электротехники, химической промышленности выдвинули новые теоретические проблемы и задачи перед наукой, обусловили разработку электромагнитной теории материи.

Наконец чисто экономические причины в виде поисков новых источников энергии, погони за новыми энергетическими ресурсами в эпоху острой борьбы капиталистических монополий за мировые базы угля и нефти явились могущественными стимулами множества исследований, направленных на изучение явлений радиоактивного распада и т. д., направленных на выяснение законов превращения элементов, разрушения атома и возможности практического использования внутриатомной энергии. Вот что говорит об этом тот же исследователь этих проблем Резерфорд: «Хорошо известно, что общее количество энергии, выделяемой в течение периода полного распада одного грамма радия, во много миллионов раз превосходит то, какое дает полное сжигание равного веса угля. Известно, что эта энергия первоначально извергается в большинстве случаев в кинетической форме быстрых альфа- и бета-частиц, и энергия движения этих телец в конце концов превращается в теплоту, когда они останавливаются при столкновении с материей. Так как полагали, что радиоактивные элементы по своему строению аналогичны обычным неактивным элементам, то, естественно, возникли представления, что атомы всех элементов содержат энергию в подобной же концентрации, что представляло бы практическую ценность, если бы удалось найти какой-нибудь простой способ для того, чтобы вызывать и управлять их распадом. Такая возможность получения новых и дешевых источников энергии для практических целей, естественно, создавала заманчивую перспективу как для профана, так и для человека науки»³⁾. Наряду с попытками, направленными на выяснение возможностей ускорения радиоактив-

¹⁾ Резерфорд, Электрическая природа материи, стр. 161.

²⁾ Пуанкаре, Эволюция современной физики, стр. 154.

³⁾ Резерфорд, Электрическая природа материи, стр. 157.

ных процессов, возникли и широко развиваются исследования в области искусственного разрушения атома посредством его бомбардировки электрическими частицами как способа искусственной трансформации элементов и высвобождения внутриатомной энергии.

Интересно тут же отметить, что вопросы о внутриатомной энергии, в которых смыкаются физико-химические проблемы с гносеологическими и техническими, побуждают к исследованию экономическими проблемами современной эпохи. Через эти физико-химические проблемы часть современных естествоиспытателей все более и более толкается к решению социальных вопросов современности, ибо сама эпоха кризиса капитализма, обострение классовой борьбы и нарастание предпосылок пролетарской революции поднимают эти проблемы естествознания до уровня социально-экономических проблем, до факта несовместимости новейших производительных сил, а также достижений и возможностей науки с узкими рамками капитализма, загнывающего и ставшего оковами для них, толкая естествоиспытателей непосредственно в водоворот политической жизни, классовой борьбы. Но представители буржуазно-научной интеллигенции к этим проблемам и к этим выводам приходят сложным, зигзагообразным путем, путем шатаний мысли, путем односторонних выводов, попадая в плен фидеизма. В настоящее время в этих шатаниях они попадают иногда и в плен фашизма.

Вот что говорит другой крупнейший исследователь радиоактивности, соратник Резерфорда, Фредерик Содди о практических проблемах, связанных с изучением радиоактивности: «Первобытный дикарь, не знакомый с земледелием и с добытием огня, погибал от холода и голода, если ему не удавалось поддерживать свое существование, подобно хищному зверю убивая и пожирая других животных. Приблизительно то же самое происходит и теперь. При всей нашей цивилизации мы все еще существуем, борясь между собой за ограниченный запас свободной физической энергии, тогда как вокруг нас существуют бесконечные средства поддержать существование, которые мы знаем по процессам, происходящим в природе, но которыми мы еще не умеем пользоваться и управлять. Радий научил нас, что в мире нет предела количеству энергии, могущему служить для поддержания жизни, кроме предела, определяемого границами знания»¹⁾. Приблизительно то же говорит Содди и в своем экономическом труде, в котором он дает мелкобуржуазную критику современного финансового капитализма и выступает со своим учением о так называемом «действительном богатстве» с попыткой исправить современное общество²⁾.

От физики автор перешел к социологии, к политической экономии, к политике, обосновываемой однако им на ограниченной почве физикализма, считая, что «вследствие прогресса физики мы находимся на повороте восходящего движения цивилизации... радий принес для разрешения великих задач существования» надежды человечеству. Вот почему, говорит он, «никакое изложение этого нового предмета нельзя было бы считать полным, если бы оно хотя вскользь не сделало указаний в этом направлении»³⁾.

Но производительные силы человечества переросли уже рамки буржуазного строя, который сковывает их. И радиолог Содди вынужден констатировать это. «Настанет этот день или нет, но не следует закрывать глаза на важность задач, ожидающих своего разрешения, а равно не сле-

¹⁾ Фр. Содди, Радий и строение атома, Одесса, 1923 г., стр. 145.

²⁾ Fr. Soddy, Wealth, virtual Wealth and Debt. The Solution of the economic paradox. London, 1926, p. 26—27.

³⁾ Радий, стр. 197. О переходе Содди от физико-химических вопросов к вопросам социально-экономическим см. его Wealth, virtual Wealth and Debt. The Solution of the economic paradox. Chapter I.—The Authors Path from Physical Science to Economics.

дует думать, что такой вклад в физические ресурсы человечества можно безопасно доверить тем, кто в прошлом обратил благословения, уже достигнутые наукой, в проклятие. Так же внезапно и неожиданно, как произошло открытие самой радиоактивности, каждую минуту какой-нибудь счастливцев среди маленькой группы исследователей, занятых этими изысканиями, может найти ключ к раскрытию тайны и воспользоваться им. Тогда целый первичный поток естественной энергии из своего источника был бы отведен в русло, подчиненное человеческому сознанию и целям, и употреблен в пользу или во вред человеку, смотря по тому, будут ли действительные приняты во внимание или нет долгие и горькие уроки прошлого и настоящего»¹⁾.

Уже начинают кое-где пробиваться и расти пессимистические настроения и идеология безверия в благодетельную роль науки и техники. Великие открытия, приведшие к крутой ломке старых взглядов в естествознании, вступив в противоречие со старой методологией и буржуазным способом мышления, одновременно перехлестывают вместе с современными производительными силами, на основе которых они возникли, за рамки капиталистического общества и буржуазной практики. Кризис естествознания, отражая загнивание капитализма и будучи в настоящее время частью общего кризиса капитализма, является кризисом естественно-научных основ капиталистического производства и технического прогресса в капиталистическом обществе. Загнивающий капитализм поставил узкие границы перехлестывающему через его рамки научному исследованию, сковывая его и налагая оковы на возможности решения грандиозных практических вопросов.

Тот же Содди еще в 1920 г. вынужден был отметить тот факт, что, эксплуатируя науку, капиталисты меньше всего заботятся о прогрессе науки, ибо в капиталистических условиях теперь фактически подрывается база для необходимых масштабов научных исследований. Так например то вещество, которое представляет главный интерес в исследовании проблемы превращаемости элементов — радий, стоит страшно дорого. Цена миллиграмма радия, стоившего в 1903 г. 4 р., поднялась в 1912 году до 150 р., дошла во время войны до цены более 200 р. золотом и продолжает расти. «Применение радия в медицине и позднее на войне привело к столь же поразительным результатам в области практической жизни, как в свое время в физической науке. Возникла целая отрасль промышленности. Однако научные исследователи, создавшие эти ценности, открывшие самое вещество и способы его добывания и принесшие в дар обществу все свое с трудом добытое знание, теперь не в состоянии приобретать радиоактивные материалы даже в самых скромных количествах, необходимых для научных исследований»²⁾.

Капиталисты эксплуатируют науку в целях наживы, противопоставив ее рабочему как чуждую, враждебную силу.

Противоречие общественного характера производства и частного характера присвоения в капиталистическом обществе находит свое отражение и в сфере естествознания. Прогресс науки, запросы и возможности ее вступают во все больший конфликт с развитием науки в условиях капитализма. В эпоху империализма процесс обобществления производства вырос до огромных размеров; это ведет и к обобществлению процессов технических достижений, а вместе с ним и к колоссальному росту обобществления процессов научных исследований. «Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований... Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью

¹⁾ Радий, стр. 197.

²⁾ Там же, стр. 18.

небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»¹⁾. Процесс обобществления научных исследований и научных достижений вырос неимоверно, но капиталистическое присвоение и использование науки остались и выросли в господство, в гнет капиталистических монополий над наукой, в капиталистическое загнивание и паразитизм, проникающие и в область «чистой» науки. Изменился характер научной работы, ее организация. Выросли огромные институты, целые научные учреждения при капиталистических объединениях.

Некоторые стороны современного процесса обобществления науки в условиях империализма известный буржуазный философ Макс Шелер изображает как процесс овещствления науки, научных средств производства и т. д. Лаборатории, научные учреждения, аппарат научной работы, овеществляясь, отделяются от личности ученого, от отдельного исследователя, который вынужден пользоваться ими в общественной кооперации с другими учеными. При этом идеалист Шелер специально подчеркивает, что этот процесс экономически не обусловлен, а является формальным законом всякого цивилизованного предприятия и учреждения. В связи с этим процессом овещствления стоит процесс полного или частичного очиновничения исследователей²⁾.

В самом строе научной жизни существуют известные национальные особенности, вытекающие из исторических условий развития той или иной страны. Так Шелер отмечает следующие черты различия. В Германии более сильное обобществление исследования и обучения. В Англии сохранение элементов средневековой системы университетов (Оксфорд, Кембридж) с существованием наряду с этим чрезвычайно распространенного свободного научно-исследовательского любительства. Во Франции сильное разделение исследования и обучения, распределение их между специальными государственными институтами, — система, которой соответствуют новейшие немецкие «исследовательские институты». Наконец в САСШ мы видим преимущественное распространение системы университетов, учреждаемых под опекой промышленности, капиталистических монополий. Но совершенно ясно, что общим явлением для всех капиталистических стран стало широкое распространение крупных, часто грандиозных лабораторий и научно-исследовательских институтов, принадлежащих и служащих капиталистическим монополиям. известный процесс «сращивания» науки и ученых с капиталистическими монополиями. Эта новая фаза в капиталистическом присвоении науки означает однако наряду с усилением науки и промышленности и следовательно с прогрессом науки и через посредство их фактическое закрепощение науки, гнет над наукой, рост капиталистического растления ее, внедрение в нее элементов растущего загнивания и паразитизма. С одной стороны, «понятно, что и технический прогресс миллиардные предприятия крупных банков могут двигать вперед средствами, не идущими ни в какое сравнение с прежними. Банки учреждают, например, особые общества технических исследований, результатами которых пользуются конечно только «дружественные» промышленные предприятия. Сюда относится «общество для изучения вопроса об электрических железных дорогах», «центральное бюро для научно-технических исследований» и т. п.»³⁾. С другой стороны, капиталистическая монополия порождает неизбежно стремление к застою и загниванию, «исчезают до известной степени побудительные причины к техни-

¹⁾ Ленин, т. XIX, стр. 89.

²⁾ M. Scheler, Die Wissensformen und die Gesellschaft, 1926, Leipzig.

³⁾ Ленин, т. XIX, стр. 105.

ческому, а, следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед» (Ленин). Техническое загнивание естественно сопровождается и тенденциями загнивания в науке. Уже технический прогресс, который двигают миллиардные предприятия крупных банков, организующих различные общества технических исследований, оборотной своей стороной, как указал Ленин, имеет тенденцию загнивания, поскольку например результаты технических и научных исследований монополизуются и держатся в тайне. Далее, монополистические организации не только «скупают» ученых, но пользуются широким подкупом, перетягиванием на свою сторону исследователей и т. д. Они кладут под сукно патенты не только на технические изобретения, но и на научные открытия. Они внедряют в науку дух паразитизма, превращая ученых зачастую в рантье, отрывая их от производства вообще и от сферы научного производства. Приведем пример последнего, очень знаменательного явления. «Техника химической промышленности, содержащаяся в тайне, меняется с бешеной скоростью. Руководящие химики германского красочного треста сохраняют за собой жалование при оставлении ими службы в течение трех лет при условии, что они в течение этого срока не поступят в иное химическое предприятие. Я спросил как-то одного из директоров этого треста: а если по истечении трех лет он пойдет на работу в Англию или Америку? На это мне было отвечено: за три года наша техника сделает такие успехи, что он может пойти к нашим конкурентам, вредить он нам уже не сможет»¹⁾. Техника меняется с бешеной скоростью, но держится в тайне. Ученые химики отдают свое знание, свое творчество практике, технике, но оплачиваются за это в виде награды рентой, на годы отстраняющей их от научных исследований и от служения практике, технике, превращающих их в составную часть слоя рантье, оторванного от производства и живущего стрижкой купонов. Буржуазия растлевет и паразитически влияет на науку.

В условиях же мирового экономического кризиса выдвигаются прямые препятствия для научной работы, сокращаются и отнимаются финансовые средства у институтов, растет безработица среди технической и ученой интеллигенции, университеты вынуждены сами агитировать против поступления молодежи в высшие учебные заведения и т. д. Наконец высшего своего проявления достигает техническое загнивание и загнивание в области науки в форме прямых выступлений буржуазных идеологов против техники и науки, в форме выступлений, проповедующих не только моратории на технические изобретения, но и запрет научно-исследовательской работы. Один английский епископ например выдвинул предложение об объявлении «десятилетних каникул в науке» с целью устранения возможности новых изобретений и задержания прогресса техники. Религия, церковь идет спасать «человечество», т. е. капитализм, от науки и техники, и конечно лучшего времени, лучшей ситуации для этого крестового похода не найти, а капиталистические дельцы и их газетные рупоры поддерживают этот крестовый поход, доказывая этим только, до какой остроты дошло противоречие научного прогресса и общественного характера науки с капиталистическим присвоением ее. «Не будет преувеличением сказать,—пишет орган финансовых кругов Уолл-стрита («Уолл-стрит джорнел»),—что в мире нет ни одной важной отрасли промышленности, интересам которой не угрожала бы наука. В любой момент наука может превратиться в смертельного врага промышленности. Наука, при помощи которой строится завод, уничтожает старый».

Ширится и обостряется кризис социально-экономического базиса развития естествознания в капиталистическом обществе. А в научной над-

¹⁾ Варга, Экономика капитализма в период заката после стабилизации, 1929 г., стр. 40.

стройке буржуазного общества в качестве отражения и дополнения ширится и растет кризис естественно-научных основ технического прогресса.

Приведем материал, более детально рисующий антитехнические умонастроения среди ученых в капиталистических странах и умонастроения скептицизма по отношению к науке. Несколько лет тому назад между двумя английскими учеными — биологом Д. Холденом и математиком-философом Б. Ресселем — происходила любопытная дискуссия. Тема этой дискуссии сформулирована в следующих словах Ресселя: «Явится ли в конце концов наука благословением или проклятием для человеческого рода? Вот вопрос, на мой взгляд далеко не разрешенный»¹⁾. В этой дискуссии выступили представитель научного оптимизма и представитель научного пессимизма. Оба они проблему будущности науки рассматривают как социальную проблему, связывая ее с экономическими и политическими вопросами судеб капитализма. Оба они близки к английской обуржуазившейся давно рабочей партии, — Рессель даже одно время был левым в ней, — и оба не выходят за рамки буржуазного либерализма.

Оптимист Холден рассматривает науку как орудие социального прогресса человечества и как инструмент освобождения его от всех современных социальных зол. «Поскольку по крайней мере речь идет о биологии, труд является лучшим хозяином, нежели капитал» — говорит он. Но именно наука призвана избавить человечество от бесхозяйственности капитализма, притом особенно биология. Холден развивает идеи своеобразного автоматического устранения прогрессом науки всех зол капитализма без устранения самого капитализма. «В общем я полагаю, что прогресс науки сделает в конце концов всякую несправедливость в экономической области столь же саморазрушительной, сколь вредными являются ныне международные правонарушения»²⁾. И дальше: «Всяма вероятно, что прогресс биологии окажется столь же несовместимым с некоторыми из наших общественных зол, сколь несовместимым оказался промышленный прогресс с войной или с некоторыми формами частной собственности»³⁾. Что промышленный прогресс в условиях капитализма с неизбежностью порождает войны, что империализм с неизбежностью ведет к новым войнам, еще более грандиозным, чем война 1914—1918 гг., этого автор не видит, так же как не видит он и того заколдованного круга, в который он попал, считая, с одной стороны, что наука биология только страдает от бесхозяйственности капитализма, а с другой, полагая, что зло, порождаемое капитализмом, будет устранено автоматически прогрессом науки. Наконец из этого заколдованного круга автор пытается найти некоторый «выход», превращаясь в то же время из оптимиста в пессимиста. «Последняя война отнюдь не обособленное явление; это лишь пример разрушительных результатов, которых всегда можно ожидать от прогрессов науки»⁴⁾. Но вывода о том, что нужно разрушить тот социально-экономический строй, который из прогресса науки делает разрушительную силу, — этого вывода автор опять-таки не делает. Вместо этого автор набрасывает утопическую картину будущей, якобы социалистической, городской жизни, покоящейся на достижениях биологии, преподнося в сущности антисоциалистическую теорию урбанизации, окончательного переселения человечества в города. «Я склонен думать, — пишет он, — что через 120 лет удастся поставить на коммерческих началах добывание искусственного питания... Это приведет к тому, что земледелие ста-

¹⁾ Д. Холден и Б. Рессель, Дедал и Икар (Будущее науки), изд-во «Петроград», стр. 56.

²⁾ Там же, стр. 23.

³⁾ Там же, стр. 59.

⁴⁾ Там же.

нет ненужной роскошью и человечество окончательно переселится в города».

Является ли это окончательным ответом автора на вопрос о будущем науки и о будущей ее социальной роли? Отнюдь нет. У автора есть другой ответ, другое «решение», другой «выход», который автор находит в выходе за пределы науки вообще. «Вопрос о том, что будет делать человечество с этими силами (силами науки. — С. Л.) является главным образом вопросом религии и эстетики»¹⁾.

Скептик и пессимист Бертран Рессель, как мы увидим, далеко не разрешил вопроса, «явится ли в конце концов наука благословением или проклятием для человеческого рода». «Наука не дала, — полагает он, — человечеству ни большего самоконтроля, ни большей доброты, ни большей силы в обуздании своих страстей при выборе тех или иных решений. Общественным отношениям она дала скорее средства для усиления коллективных страстей... Коллективные человеческие страсти являются по преимуществу источником зла... поэтому-то наука представляет опасность для нашей цивилизации». Источник социальных зол, по Ресселю, заключается в существовании «частной собственности на экономические источники» и в слишком большой силе государственной власти. Математик Рессель пытается крупнейшие социально-политические проблемы разрешить средствами математического расчета. Дело не в том, говорит он, нужна или не нужна государственная организация, дело главным образом в ее размерах.

«Наука, — говорит Рессель, — является опасной для человечества силой. Она служит разжиганию коллективных страстей (каких? — С. Л.) и становится орудием угнетения в руках государства». Рессель указывает в качестве примера на влияние дарвинизма, «из которого вышла аргументация за свободную конкуренцию, а равно национализм»²⁾. Ему невдомек, что все великое, созданное Дарвином, является наследием пролетариата, в то время как шовинистический неodarвинизм совершенно извращает это великое наследие и отказывается от него.

Наконец Рессель, набрасывая перспективы будущего науки и ее социальной роли, рисует такую безотрадную картину: «Физиология со временем откроет пути влияния на эмоциональную деятельность, в чем вряд ли можно сомневаться. Когда это время настанет, мы будем обладать эмоциями, желательными нашим правителям... Люди, которые будут руководить этой системой, приобретут власть, далеко превосходящую мечтания иезуитов, но нет основания думать, что у них будет больше здравого смысла, чем у людей, ведающих делом воспитания в наши дни».

В последней своей книге «Научные перспективы» Бертран Рессель рисует утопическую картину общества, управляемого наукой. Если эта тенденция господства науки в обществе победит, то будущее общества ужасно. Масса человечества будет находиться под непомерно тяжелым гнетом, орудием которого явится власть науки. Развиваясь просто как техника, наука перестает быть преследующей цели истины ради истины и становится преследующей цель власти ради власти, а это как раз самая большая опасность, на которую обречена жизнь человечества. «С осуществлением краха науки, рассматриваемой как метафизика, власть, дарованная наукой как техникой, входит в моду подобно поклонению сатане при отречении от любви»³⁾. Сила и могущество науки и счастье человечества обратно пропорциональны друг другу, — к такому выводу приходят как Рессель, так и многие другие

¹⁾ Д. Холден и Б. Рессель, Дедал и Икар (Будущее науки), изд-во «Петроград», стр. 56.

²⁾ Там же, стр. 67.

³⁾ Bertrand Russell, The Scientific Outlook, 1931, p. 273.

скептически настроенные буржуазные философы и ученые. И развивая прежний свой тезис об использовании власти имущими наукой против масс, Рассель предсказывает печальную судьбу подавляющему большинству человечества, которое, если победит тенденция прогресса науки, толкаемая импульсом власти, очутится под безраздельной властью и гнетом немногочисленного господствующего класса и его правителей, вооруженных всеми средствами господства над массами и подавления масс, которые предоставляет в их руки наука.

Физика и химия дадут этим господствующим элементам оружие для быстрого и легкого подавления физических возмущений масс.

Физиология и психология предоставят им средства духовного подавления и подчинения масс путем управления психологическими реакциями и вызывания по произволу соответствующих интересам правящего меньшинства эмоций, а также методами психологического «внушения»¹⁾.

Чрезвычайно модным является в кругах буржуазных философов и ученых учение, которое раздробляет науку на две принципиально антагонистические части: «науку как технику» и «науку как метафизику». Первая связана с категорией практики и власти, вторая — с категорией познания и истины. И вот оказывается, как это утверждают философские и естественно-научные идеалисты, что первая, торжествуя, несет человечеству гибель, а вторая вообще потерпела банкротство.

Рассель указывает на парадоксальное обстоятельство, характеризующее современное состояние естествознания, которое заключается в том, что «наука потерпела крах как метафизика, но празднует триумф как техника и представляет в настоящее время опасность для цивилизации»²⁾.

Шелер рассматривает естествознание, с одной стороны, «как формальное учение о природе», — как таковое оно в известных границах «обладает неотъемлемым правом, будучи «технологией всех технологий», руководительницей человеческого господства над природой. С другой стороны, как метафизическое учение и препятствие на пути всех других родов познания природы и возможного знания о мире вообще, оно столь же необходимо ведет к умерщвлению духа и к уничтожению всякой свободы»³⁾. Но поскольку положительная материальная техника природы подавила собой «внутреннюю технику души», постольку Шелер трактует и «технологическую» науку как вредную и отрицательную силу.

Ю. Гольдштейн, выступивший в 1911 г. с заявлением о «крахе рационализма» в науках и о «новом пути», который проложили мистики В. Джемс, Бергсон и Эйкен, считает, что научной истины нет, наука не есть объективное познание природы, а техника власти над ней. «Мы не можем понять природу, хотя мы господствуем над ней» — говорит Гольдштейн. Это господство над природой — техника допускает снова внесение «суммы иррациональностей» в наше собственное, культурное существование. Это и есть тот «радикальный эмпиризм», который «предоставляет также место» для «чудес» «подсознательного» и для религиозных феноменов⁴⁾.

Это учение о науке как метафизике и о науке как технике является насквозь реакционным учением, которое опровергается всем прогрессом науки и техники. Наука только потому может торжествовать на практике, что она дает нам объективную истину, и истинность научного знания практикой проверяется, воплощается и обогащается. А факт антитехнических выступлений современных естественно-научных идеалистов, математических

¹⁾ Bertrand Russel, The Scientific Outlook.

²⁾ Там же.

³⁾ M. Scheler, Die Wissensformen und die Gesellschaft.

⁴⁾ Julius Goldstein, Wandlungen in der Philosophie der Gegenwart mit besonderer Berücksichtigung des Problems von Leben und Wissenschaft, 1911, Leipzig.

идеалистов, физических идеалистов и биологических идеалистов великолепно доказывает единство науки, неразрывную связь между наукой как теорией и практическим приложением науки в технике, доказывает это однако отрицательным порядком.

Математический и физический идеализм против техники

Особым выражением кризиса и формой его развития является в частности то, что прогресс наук и рост их связи в современных условиях капитализма ведут к своеобразным противоречиям между отдельными отраслями буржуазного естествознания. Этот конфликт выражается в том, что математический идеализм ополчается против материалистической физики, биологический идеализм — против математики, физики и химии, а математический, физический и биологический идеализм все вместе — против материалистической науки вообще и против техники.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» указывал в качестве первой причины физического идеализма на завоевание физики духом математики. «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. «Материя исчезает», остаются одни уравнения»¹). Прогресс науки в виде развития математической обработки современных проблем структуры материи, в виде развития математической физики, обращается в отрицание частью буржуазных ученых-математиков самих материалистических основ физики.

Но и сама математика переживает в настоящее время огромный кризис, начало которого относится приблизительно к той же эпохе, что и начало кризиса физики. Небывалый рост математического аппарата, связанный с ростом всего естествознания и техники, возникновение новой отрасли — математической физики, возникновение новых областей математики, как учение о множествах и открытие противоречий этого учения, — так называемых «парадоксов теории множеств», и т. д. — все это поставило перед математикой острейшие вопросы принципиального порядка, «проклятые» вопросы, над «простыми» ответами, на которые бьется буржуазная математическая мысль, запутывающаяся в сетях идеализма. Такими решающими вопросами являются: проблема логических основ математики, отношение математики к формальной логике, вопрос об отношении математического мышления к бытию, математической теории к практике, и др. Кризис современной математики ярчайшее свое выражение находит в борьбе двух основных идеалистических течений в математике — формалистов (Д. Гильберт, Б. Рессель и др.) и интуиционистов (Броуэр, Вейль и др.) против материализма. Формалисты строят математику на так называемом аксиоматическом методе как теории чисто формальных отношений логических форм, не зависящих совершенно от реального содержания, не связанных с той или иной возможной содержательной интерпретацией математических уравнений. Аксиоматика ставит задачу построить систему математики, истинность которой зависит только от независимости (независимость одной аксиомы от других, замена одной аксиомы противоположной ей не приводит к противоречиям), от полноты системы аксиом (логическая дедукция дает на любой вопрос отрицательный или положительный ответ, исходя из данной системы аксиом, и определяет таким образом принципиальную «разрешимость» математических проблем, задач, разрешимость чисто формальную), наконец,

¹) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII.

от формально-логической непротиворечивости (исходя из подобной системы аксиом, нельзя прийти как к выводу «а», так и к выводу «не-а»).

Математические и всякие иные отношения Рессель совершенно отрывает от мира объективных вещей, рассматривает как покоящиеся в платоновском мире логических универсалий, «который может быть описан как мир бытия неизменный, строгий, точный, увлекательный для математика, логика, творца математических систем и для всех возлюбивших совершенство больше жизни». По Д. Гильберту «в начале есть знак». Материалистическая теория отражения совершенно отвергается, а вместе с ней отбрасывается и критерий практики в математике, которая, по выражению Ресселя, должна «возлюбить совершенство больше жизни», которая, по мысли Гильберта, должна исходить из априорной системы знаков как начала всякой реальности. Формалисты верят в абсолютное могущество математического мышления, но именно как такого чистого, формально-схематического мышления, которое не должно ни исходить из жизни, из бытия, из практики, ни быть направленным к ней. Тем не менее, по мысли формалиста Гильберта, должна существовать некая «предустановленная гармония», какая-то формальная возможность воплощения, реализации математической мысли. Но дело в том, что как раз формальный аппарат безжизненной аксиоматики должен явиться «инструментом, который обуславливает опосредование между теорией и практикой, между мышлением и наблюдением»¹⁾. В своей путанной статье о познании природы и логике Гильберт пытается показать, что он придает какое-то значение опыту, что он ограничивает кантовский априоризм, но заканчивает статью панегириком чистой априорной математике и связь с опытом софистически сводит к абсолютной формальной значимости математической аксиоматики. Так «освобождается теория априоризма от антропоморфического шлама», имевшегося в теории Канта. Исходя из своего формалистического учения и справедливо считая, что «неразрешимых проблем вообще не существует», Гильберт формально отрешивается от всех, кто провозгласил закат культуры. «Кто почувствует истину того великого типа мышления и мировоззрения, которое выступает в свете этих слов Якоби (о значении чистой теории чисел в противовес словам Фурье относительно того, что главная цель математики лежит в объяснении природы. — С. Л.), тот не предастся ведущему вспять и бесплодному сомнению, тот не поверит тем, которые сегодня с философской миной и глубокомысленным тоном пророчат закат культуры и которые впали в «игнорабимус»²⁾. А на деле математический формализм как научное и гносеологическое течение прямо направлен против материальных практических основ культуры и знания. Сам Гильберт провозглашает связь теории и практики, мышления и бытия, но воплощением этой связи, по его мнению, является чистая математика, т. е. чистая мысль. Не сумев сразу подняться от отрицания агностицизма и старого эмпиризма к диалектико-материалистическому утверждению абсолютной истины в ее единстве с истиной относительной, на основе единства теории и практики, ряд математиков скатился к математическому и философскому идеализму.

Недаром Бертран Рессель в ряде своих работ, посвященных проблемам культуры, проблемам будущности науки и ее социальной роли, приходит к чрезвычайно пессимистическим выводам относительно практического значения и роли научного знания.

Эту враждебность математического идеализма естествознанию, практике, технике мы видим и у интуиционистов. Интуиционисты — против схо-

¹⁾ Hilbert, Naturerkennen, und Logik, Naturwissenschaften, 1930, Н. 47—49, S. 969.

²⁾ Hilbert, Naturerkennen und Logik, S. 963.

ластики формалистов, против формально-логической аксиоматики, но, отрицая формальную абстрактную разрешимость математических проблем и универсальное значение принципа противоречий и принципа исключенного третьего, они, вместо того чтобы подняться сразу до диалектического материализма, отступают от материализма вообще, делают реакционный, идеалистический вывод о принципиальной неразрешимости целых областей математических проблем, о недоказуемости простейших законов целых чисел, которые могут быть лишь схвачены интуицией. Тем самым интуicionисты ограничивают и отрицают рациональное точное математическое познание, впадают в агностицизм, отрицают критерий практики, отрицают технику, техническое применение математики. «Не-математик, — рисует этот кризис математики Р. Балдус, — может относиться к математике как он хочет, — он может, как Шопенгауэр, отклонить ее как не имеющую ценности, прославлять в дифирамбах, как Новалис, или, как Кант, принести ей глубоко обоснованное признание; он может оставить ее в стороне без дальнейшего интереса, как непонятную, или пытаться приблизиться к ней с более или менее напрасными усилиями, но одно он всегда будет признавать за математикой: ее безусловную достоверность, ставшую поговоркой математическую точность. Именно эта точность дает точному естествознанию, дает многим отраслям техники прочнейшую опору, и можно понять без дальнейшего разъяснения, что в результате серьезного сомнения в этой достоверности большинство из того, что до сих пор покоилось прочно в науке и технике, должно поколебаться. И, повторяем, не туманные мечтатели дали простор этому сомнению; нет, математики, которые показали значительные достижения, повернули резким образом против логической правомерности большей части нынешней математики»¹⁾.

Математические идеалисты интуicionистского толка, не сумев подняться к более глубокому материалистическому обоснованию математики и ее предметного характера, не сумев подняться от старой формальной логики к новой диалектической логике в математике, скатились перед лицом того крупного прогресса и тех сдвигов, которые претерпела математическая мысль на пороге XX века, на позиции расшатывания познавательных основ естествознания, расшатывания предпосылок техники и технического прогресса. Недаром поэтому Борель, отрицающий объективный критерий в математике, как и все интуicionисты, выступает вместе с тем с обвинением науки в порождении империалистической войны 1914—1918 гг., современного экономического кризиса и вообще всех социальных бед капитализма.

Нечто вроде интуicionистской теории принципиальной неразрешимости в математике представляет теория принципиальной неопределенности и ненаблюдаемости физического идеализма, в связи с которой находится принцип или теорема неточности измерения физических величин в микрофизике. Идея принципиальной ненаблюдаемости заключается в том, что задача науки ограничивается изучением только тех величин, которые прямо могут быть наблюдаемы, что существуют величины, принципиально не наблюдаемые, с которыми физика не должна иметь дела.

Гносеологический смысл и корни этой теории заключаются в агностицизме и в отрицании причинности. Всякое предположение или гипотеза о первоисточниках, внутренних причинах наблюдаемых явлений, свойственные классической механике и физике, запрещаются. Всякие попытки заглядывания за кулисы запрещены, как излагает это учение О. Д. Хвольсон²⁾.

Находящаяся в связи с этим учением, которое выдвинуто Гейзенбергом,

¹⁾ R. Baldus, *Formalismus und Intuitionismus in der Mathematik*, 1924, Karlsruhe, i. B., S. 5.

²⁾ Хвольсон, *Физика наших дней*, изд. 2-е, стр. 326 и след.

Борном и другими, теорема неточности измерения физических величин говорит о принципиальной неточности измерения, не зависящей от степени совершенства методов измерения, следовательно не могущей быть ни уменьшенной вследствие технического прогресса, ни устраненной, неточности, безусловно коренящейся в сущности внутриатомных явлений. Эта принципиальная неточность возникает вследствие того будто бы, что эксперимент, наблюдение, измерение величин внутриатомного порядка влияет на внутриатомное явление, что наблюдатель, экспериментатор, связанный с внешним миром, вмешивается в ход явлений внутриатомного мира и неизбежно сильно меняет явление и результаты измерения. Акт измерения положения электрона в данный момент неизбежно меняет сопряженную с этой величиной величину скорости движения электрона. Чем точнее измеряется одна из этих величин, тем более неточной, принципиально неизмеримой делается другая. Для стационарных состояний атома энергия может быть измерена точно, но указания на движение электрона во времени теряют в таком случае всякий научный смысл. Ясно, что это учение о принципиальной неточности и ненаблюдаемости связано с отказом от каузального изучения явлений, от каузального изучения динамических состояний электрона и т. д. Ясно, что трудности, связанные с новым предметом современной физики, этим не преодолеваются, что этим закрывается путь к разрешению объективных противоречий новой формы движения материи, изучаемой микрофизикой. Наоборот, наука заводится этим в тупик бызыходных противоречий, наука низводится, поскольку под нее подводят заранее базис гносеологически неверной, принципиально антиматериалистической, следовательно антинаучной, теории, до некоторой системы абстрактных символов и только.

Но в том аспекте, в котором мы рассматриваем эти вопросы, интересующие нас в связи с гносеологической и социально-экономической проблемой отношения к технике, напрашивается также тот неизбежный вывод, что изложенные принципы микромеханики по существу означают уход буржуазной науки в микрокосм от материалистического естествознания, от практики и от техники. Эксперименты, технический аппарат, технические методы исследования микроскопических явлений расцениваются не как орудия точного познания, отображения объективного мира, не как критерий истины, а как инструмент неопределенности, неточности, принципиально не устранимой никаким прогрессом техники, даже наоборот, ею порождаемой.

Известным логическим и практическим завершением этих гносеологических принципов ненаблюдаемости и неточности, этих пессимистических взглядов относительно непознаваемости деталей внутриатомных процессов являются взгляды о невыполнимости задачи практического использования внутриатомной энергии в принципе или по крайней мере на долгие годы; подобный вывод не критически воспринят и высказан например и нашим советским физиком Гамовым.

Новейший переворот в физике вскрыл представленное физическим идеализмом в извращенном виде «ограничение механических законов движения одной только области явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений»¹⁾. В то же время и «диалектика материяльных превращений, продельваемых в лаборатории и на заводе, служит в глазах идеалиста (как и в глазах широкой публики, как и в глазах махистов) подтверждением не материалистической диалектики, а доводом против материализма»²⁾. Явления, служащие предметом изучения электродинамики и вызываемые в процессе, заводской работы и лабораторной работы, служат, в современных условиях всеобщего кризиса капитализма и

¹⁾ Ленин, т. XIII, стр. 214

²⁾ Там же, стр. 230.

углубляющегося кризиса естествознания, для некоторых физиков-идеалистов доводом против этой практики, против техники вообще. Подчинение законов механики более глубоким законам электромагнитных явлений используется идеологами загнывающей реакционной буржуазии как довод против механики и против техники, за мистику. При этом пользуются некоей анти-механистической демагогией. Так например физик П. Грунер в своей ректорской речи, посвященной изложению «новой ориентации физики», говорит, что эта новая ориентация вырывает последние основы из здания механистически-материалистической физики прошлого и ставит на ее место «феноменологическую картину мира». Теория относительности,—говорит далее автор,—на деле освобождает наше познание природы от всего релятивного посредством своего учения об инвариантности, в котором энергия образует единый четырехмерный мир, неподвижный, неизменный континуум; в этом континууме то, что мы воспринимаем как временное движение энергетических узлов, есть неизменяющаяся мировая линия, в которой содержится вся пространственно-временная мировая история узла энергии — электрона или атома. И когда будут преодолены некоторые противоречия и трудности, связанные с проблемой поля и «материи» (поля тяготения и электромагнитного поля), непрерывности и прерывности, тогда будет выполнена старая мечта Гегеля о конституировании мира в систему логических понятий, так как все сводится к отношениям, подчиненным одному закону. Отсюда,—говорит Грунер,—страстное стремление к абсолютной истине.

«Однако, — делает он вывод,—естествоиспытатель должен честно признать, что полное познание истины невозможно посредством познания физической картины мира, но возможно лишь в совершенно иной области— в области этически-религиозной... Ибо хотя наука ведет к прогрессу культуры, но куда сама эта современная культура нас заводит, — это мы пережили и переживаем еще сейчас... Интеллектуальный прогресс человечества без нравственно-религиозной основы является для него роковым»¹⁾.

Истолковывая электромагнитную картину мира в духе махизма как феноменологическую, почтенный ректор и профессор теоретической физики в порыве благочестия и страха перед пролетарской революцией предает анафеме интеллектуальный и технический прогресс, притязания которого на приближение к абсолютной истине должны быть ограничены и пресечены нравственно-религиозными мерами.

Возникновение новой электромагнитной картины мира в физике пытался использовать и философ Макс Шелер в качестве доказательства необходимости отказа от эпохи материальной техники и положительной науки и перехода к эпохе восточной мистики и чистой метафизики, представляя дело так, что эта картина мира есть продукт релятивирования западноевропейского мышления, ведущего к этой новой эпохе.

Геростратовски знаменитый философ Шпенглер указывает как на признак близкого конца западноевропейской цивилизации на уход «от практических проблем и наук к чистой спекуляции»²⁾.

Итак, среди части буржуазных ученых существует и растет определенная тенденция ухода от трудностей и противоречий познания природы путем отказа от техники.

Не сумев сразу подняться от старого механистического мировоззрения к диалектическому и от старой, ограничившейся известными исторически-узкими рамками, связи естествознания и техники к новой, более глубокой, требующей гносеологически порвать с метафизикой и идеализмом, а со-

¹⁾ P. Gruner, Die Neuorientierung der Physik.—Rektoratsrede, gehalten an der 87. Stiftungsfeier der Universität Bern 26. Nov. 1921, Berl. 1922, S. 20.

²⁾ Oswald Spengler, Der Mensch und die Technik, 1931, S. 82.

циально-экономически — с капиталистическими оковами прогресса, связи естествознания и техники, часть естествоиспытателей скатилась не только к идеализму, но скатилась и скатывается в буржуазных странах, особенно в настоящий период хозяйственного хаоса капитализма, к прямому отрицанию техники, к теоретическому отказу от критерия практики в области науки, к переложению на технику вины за разрушительную силу капиталистических отношений, за кризис капитализма и буржуазной культуры и за кризис естествознания. Наблюдается гносеологический уход от служения науки практике, технике и от критерия технической практики в научном исследовании.

В массе своей конечно естествоиспытатели еще придерживаются стихийно-материалистических взглядов, механистических и колеблющихся позиций. Но борьба партий расслаивает все больше и больше эту массу.

Биологический идеализм против техники и науки

Антитехническими устремлениями в очень яркой и резкой форме характеризуется кризис биологии. Биология переживает острый кризис приблизительно с того же времени, что и физика. Конец XIX и начало XX в. ознаменовали собою ряд крупных сдвигов в развитии этой науки. Накопленный в предыдущую эпоху под знаменем триумфального шествия дарвинизма колоссальный материал вместе с некоторыми не решенными Дарвином проблемами — все это потребовало своего методологического обобщения путем сознательно-диалектической обработки этого материала. Идеи Дарвина вскрыли и развернули стихийно-диалектически широкую картину развития органического мира и его законы. Встала задача сознательно диалектического и материалистического истолкований всего накопленного материала и дальнейшего развития идей Дарвина в этом направлении. На почве накопленного и объясненного дарвинизмом материала с новой силой встали такие нерешенные еще вопросы, как вопросы о причинах изменчивости и законах, управляющих наследственностью. Но именно Дарвин, собственно говоря, и дал толчок этому направлению новейших исследований, создал предпосылки для их разрешения. «Для Дарвина прежде всего было важно найти не столько эти причины, которые до сих пор частью не известны, частью объяснимы лишь в самых общих чертах, — сколько ту рациональную форму, в которой упрочиваются их результаты, сохраняя долговременное значение. Что Дарвин при этом приписывал своему открытию чрезмерную сферу действия, что он сделал его исключительным рычагом изменчивости видов и пренебрег вопросом о причинах повторяющихся индивидуальных изменений ради вопроса о форме их обобщения, — это недостаток, который Дарвин разделяет с большинством людей, сделавших действительный шаг вперед в науке... Наконец кто же дал толчок к исследованию вопроса, каким образом происходит изменение в организмах, как не тот же Дарвин?»¹⁾ Эти нерешенные раньше вопросы разрабатывает современная генетика, широко развившаяся с начала 1900-х гг., когда «во второй раз» были открыты законы наследственности Менделя. И на основе роста буржуазной реакции в эпоху империализма при незнании биологами материалистической диалектики отсюда выросла одна сторона кризиса современной биологии — часть биологов ударились, через извращенно трактуемую генетику, в антидарвинизм и антиэволюционизм вообще (напр. Лотси и др.). Вместе с тем механистическое мировоззрение, господствовавшее среди биологов XIX в., стало оковами для решения новейших проблем и задач, стало опорой для дальнейшего теоретического и практического прогресса биологии. Вместе с развитием экспериментального исследования причин развития организма, про-

¹⁾ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, отд. первый, гл. V, изд. 1922 г

цесса формообразования во весь рост встают общетеоретические проблемы определения сущности жизненных процессов, взаимоотношения целого и частей, внутренних и внешних факторов изменчивости и т. д. И опять-таки в условиях новейшей эпохи развития капитализма отсюда вырастает другая сторона кризиса биологии, находящая свое выражение в борьбе между механицизмом и неовитализмом. Подымает голову потерпевший когда-то, в середине XIX в., крах витализм, загложший, сошедший почти совсем со сцены, отодвинутый кое-где агностицизмом и позитивизмом, а теперь появившийся в новом виде, в виде неовитализма — реакционной идеологии, являющейся отражением общего фронта буржуазной, поповской реакции. А наряду с механицизмом и неовитализмом появляются промежуточные эклектические попытки решения методологических вопросов теоретической биологии, попытки примирить первый со вторым, а биологию с обоими, путающиеся в сетях неразрешимых противоречий различные течения биологической мысли, отражающие в конечном счете определенную социальную дифференциацию.

Идеалистическая реакция в буржуазной биологической науке уже выросла прямо и открыто в антинаучное и антитехническое направление. Не сумев и не желая, боясь подняться от старого, механистического материализма к диалектическому, часть буржуазных биологов ударились в идеализм, а биологический идеализм под видом антимеханицизма пошел ныне в открытый поход против научно-технического прогресса.

Вот как изображает пути и перепутья биологии и ее современное положение биологический идеалист Штехе. В прошлом, до эволюционной теории Дарвина, развитие биологической науки на основе физико-химического естествознания привело к механистическому пониманию жизни, к замене наблюдения динамических процессов жизни морфологическим анализом статического в живой материи, — развились анатомия и систематика, в то время как физиология, по оценке Штехе, регрессировала. Научный анализ, — говорит он, — атомизировал все больше и больше живое вещество. Обоснование исторического взгляда в биологии не изменило дела, оно действовало в том же направлении, объясняя явления преобразования приспособлением к окружающим условиям жизни. (Автор, как это модно среди современных идеалистов, материалистическое объяснение развития влиянием среды отождествляет с механистически односторонним пониманием этого влияния). Результатом всего этого предшествующего развития биологической науки было то, что жизнь представлялась как сложная механически-физическая система, происхождение которой совершенно логично искали в неорганическом. (Автор опять выкидывает софистически-идеалистический фокус, борясь с материализмом и желая изобразить дело так, что борется с механицизмом, совершенно обходя в частности тот факт, что «логически» бывало и бывает и так, что механистическое понимание жизни сочетается последовательно с идеалистическим учением, с верой в божественное происхождение ее, либо с агностициским затемнением всего вопроса, особенно распространенным в прошлую эпоху).

Наконец, — подводит итог автор, — о становлении говорилось тогда много, но в действительности оно не исследовалось, и историческое направление, хотя и под иным углом зрения, работало теми же методами статической биологии. Эмбриология, столь интересная с точки зрения теории отбора, восполнила лишь анатомию, возникли чисто морфологически конструированные родословные древа, наследственность была построена Вейсманом в косную, статическую систему. Прогрессировало атомизирование организма и притом в полном соответствии с общим прогрессом техники, влиявшим на биологию.

Штехе, правильно отмечая факт господства механицизма среди прежних биологов, который уже стал оковами для дальнейшего развития науки,

совершенно пренебрегает фактом стихийно-диалектических завоеваний учения Дарвина и представляет развитие биологии в каком-то мрачном свете, затушевывающем самый прогресс этой науки. Вместе с тем, желая подняться над механистическим пониманием жизни, он однако уходит в самый недвусмысленный идеализм, поповщину и наконец в откровенный антитехницизм.

«Атомизация шла дальше,— пишет он.— Результаты технического прогресса принесли с собою гистологию и цитологию, живой организм оказался растворенным в бесконечном числе несвязанных между собой безжизненных кирпичей, которые поддаются исследованию в консервированном и окрашенном состоянии»¹). Прогресс техники, стало быть, вместе с материализмом виноват в механистическом изображении органического мира — вот основная идея автора, который оправдывает и методологически освящает в своей статье всяческую мистическую чертовщину вроде новейшей астрологии, антропософии, паропсихологии и т. п. продуктов гниения буржуазной культуры.

А вот как переплетаются проблемы биологии с проблемами естествознания вообще и с социально-экономическими проблемами техники и культуры современной эпохи у представителя так называемой органистической биологии — Людвига Берталанфи. Берталанфи пытается преодолеть односторонность как механицизма, так и витализма, но это преодоление ему не удается,—такое преодоление возможно только на пути диалектического материализма; иных путей нет, иные «выходы» означают лишь шатание мысли и пленение ее сетями, расставленными буржуазной идеалистической реакцией. И Берталанфи попадает в плен этой реакции. Проблему развития он толкует в телеологическом духе, по отношению к дарвинизму он занимает явно реакционную, отрицательную позицию. «Преодоление» механицизма и витализма он мыслит как эклектическое колебание между ними. «Общее теоретико-познавательное исследование и понимание специальной проблемы формообразования привели нас,— пишет он,— к точно такому же результату, который дает и фактический материал,— к занимающей середину между механицизмом и витализмом «органистической» биологии»²).

Автор констатирует кризис в биологии и во всем естествознании и пытается из этого кризиса в биологии найти выход путем создания новой теоретической биологии. «Мысль,— указывает он в предисловии,— что все науки находятся сегодня в состоянии кризиса, преобразования, не есть настолько собственность автора, чтобы сердиться на него: это общеизвестный факт, просто исследуемый здесь ближе по отношению к одной области, именно к биологии»³). Кризис биологии автор характеризует так: «Дарвинизм потерпел крушение». Биология до последнего времени не вышла за рамки «нащупывания фактов». Выросши под сенью физики, она должна была зачахнуть, как растение, которому недостает света. Если бы она была свободна от влияния физики, «мы стояли бы сегодня дальше». Отсюда задача создания новой теоретической биологии, которой до сих пор не было. И выходом из кризиса должна явиться предлагаемая автором «органистическая биология». Такова «новая ориентация биологии», которую провозглашает Берталанфи.

Но эта новая ориентация биологии означает, по мысли автора, вместе с тем общекультурную ориентацию. Этот выход из кризиса биологии должен явиться также выходом из общего кризиса культуры.

¹) Otto Steche, Die Stellung der Biologie im Naturwissenschaftlichen Denken der Gegenwart, «Naturwissenschaften», 1930. Н. 40, S. 842.

²) Ludwig Bertalanffy, Kritische Theorie der Formbildung. Abhandl. z. theor. biol. her. v. J. Schaxel, Н. 27, 1928, Brl. S. 227.

³) Там же, S. III.

«Нам кажется, что необходимая новая ориентация в биологии является больше нежели чем-то специально научным, что она является общекультурным делом. Мы думаем, что многочисленные выступающие сегодня попытки обоснования теоретической биологии указывают на коренную перемену картины мира, которая сегодня совершается после того, как физическая картина мира достигла своих границ; в этом именно ее глубочайший, ее общекультурный смысл». Эмансипация биологии от физики, стало быть, есть не только методологическое, теоретико-познавательное и научное дело, но также дело общекультурное, — это есть, мол, эмансипация человечества от практического воплощения механики и физики в культуре, это уход от машинизма, от техники. Смена физической картины мира новой органической картиной мира, которую предлагает Берталянфи, есть вместе с тем смена эпохи машинной техники эпохой «органистической». «Колоссальное развитие физики, эпоха техники с ее триумфами и разочарованиями — что касается действительного прогресса человечности — механистика биологии и пренебрежение индивидуальной жизнью в современном обществе — все это различные выражения одного и того же духа времени. Мы знаем, что современная физика потрясена гигантскими кризисами. В практическом отношении мировая война показала нам, как удивительно далеко зашли мы со средствами, которые наука о неживой природе предоставила в наше распоряжение.

Возможно, что перипетии этой эпохи были перипетиями механики».

Новый поворот в науке о жизни к специфичности и автономности жизни является симптомом общего поворота духа эпохи, другим выражением которого является новая оценка человеческой жизни, бывшей до сих пор средством для цели. Вот эта оценка: «Машина, которую мы научились так изумительно владеть, в конце концов низвела самого человека до чего-то ей подобного. Наше господство над органической природой находится только вначале, потому что мы с трудом можем привыкнуть понимать ее не как механическое, искусственное орудие. Когда же мы поймем ее специфичность и автономность, тогда она не сможет быть закрытой ни для нашего познания, ни для нашей воли. Тогда познание и господство над органической природой окажется в состоянии исправить вред, нанесенный односторонним принесением себя в жертву неорганическому нашему миру и нам самим. Техническая эпоха стала наконец пресыщаться сама собой, и мы надеемся, что на смену ей последует органистическая эпоха, которая откроет в будущность человечества новые ворота»¹⁾.

Итак, новая теоретическая биология может возникнуть только за счет физики, только посредством отрицания физики, посредством замены физической картины мира вообще некоей органистической картиной мира. Эта эпоха должна утвердить самоценность человеческой жизни и покоиться на господстве над органической природой. Но что это за самоценность человеческой жизни?

Что это за господство над органической природой? Разве не ясно, что истинный прогресс в деле дальнейшего мощного развития сельского хозяйства лежит как раз на пути социалистической переделки его. Этот прогресс и развертывается во всем своем всемирно историческом значении в СССР — стране победоносного социализма, и биология вносит свою немалую лепту в строительство социализма, помогая развитию социалистического растениеводства и животноводства. Но такая биология — это уже ни неовиталистическая, ни механистическая и ни органистическая и т. п. биология. Такая

¹⁾ Ludwig Bertalanffy, Kritische Theorie der Formbildung. Abhandl. z. theor. biol. her. v. J. Schaxel, H. 27, 1928, Erl. S. 229—230.

биология все больше и больше проникается методологией революционной материалистической диалектики.

Таким образом мы видим, что добродетельная попытка преодоления односторонности механицизма и витализма со стороны Берталанфи, идущая мимо и против диалектического материализма, привела прямоком к откровенному отрицанию техники, а вместе с ней физико-химических основ биологии, научных основ познания природы вообще.

Противопоставление биологии физике и вооружение идеалистически извращенной, испорченной биологии против физико-математического естествознания, против всей материалистической науки и против современной техники можно наблюдать и у других современных буржуазных ученых, скатившихся к биологическому идеализму, причем особенно это характерно для биологических идеалистов бергсонистского толка.

В английском журнале «Природа» не столь давно дано было под заголовком «Наука и человеческая жизнь» изложение нескольких произведений, посвященных вопросам о социальной роли и судьбах науки. Философ-математик Бертран Рассель, психолог Мак-Дугал и биолог Джулиан Гексли одинаково пессимистически отвечают на эти вопросы. «При общем мнении, — констатирует рецензент, — что науки создали огромный материал для блага человечества, как это отмечает третий автор в отношении биологии, у всех трех писателей проявляется чувство беспокойства, что наука в конце концов получает слишком много власти и влияния, пагубного для гармонического развития человеческого разума и характера»¹). Сей пессимизм, выросший из бьющих в глаза противоречий современного капитализма, из растерянности и разочарования в нем, из попытки переложить вину на технику, питается идеалистическим мировоззрением, питается современной идеалистической реакцией в буржуазной науке. Так автор статьи пишет, что биолог Гексли «согласен с психологом Мак-Дугалом, что громадный рост научного знания и распространение научного духа, понимая под этим доминирующий материалистический метод, больше всего ответственны за хаос в мышлении, который характерен для наших дней». Итак, наука или материализм, — Гексли и Мак-Дугал справедливо отождествляют их, — виновны в кризисе буржуазного мышления и в экономическом кризисе, переживаемом капиталистическими странами.

«Вывод заключается в том, — говорит биолог Гексли, — что в сфере контроля над нашей окружающей обстановкой и судьбой человек получил от науки баснословные и никогда не снившиеся силы, которые никакими способами однако он не может использовать, и что в сфере мышления, в то время как научная картина вселенной, в которой господствуют натурализм и детерминизм, росла со все большим триумфом и со все большей полнотой, получился еще более резкий контраст по отношению к миру ценностей, в котором человеческий дух неизбежно имеет свое существование. Одним словом, как во внешней, так и во внутренней жизни наука выступила в противовес человеческой природе и каждая из них чрезвычайно запутанным путем задерживает прогресс другой. Наука и человеческая природа — вот главная неразрешимая антиномия современной стадии нашей цивилизации»²). Поставив на место прикрытых и затемненных антиномий капиталистического общества фантастическую, навеянную всеобщим кризисом капитализма и современным хозяйственным хаосом антиномию науки и таинственной человеческой природы, и считая под влиянием резкого обострения социальных

¹) Science and Life. E. S. R. Nature, 1932, Febr. Nr. 27, p. 225.

²) What Dare I Think? The Challenge of Modern Science to Human Action and Belief including the Henry La Barre Joyne Fondation Lectures (Philadelphia) for 1931, by, Jyl. Hekxley. L. 1931, p. 124.

противоречий эту антиномию неразрешимой, автор находит однако некоторый внутренний «выход» в «не-теистической религии, совместимой (?!—С. Л.) с эволюционной теорией».

Психолог В. Мак-Дугал в своей книге «Мировой хаос: ответственность науки»¹⁾ прямо утверждает, что «физические науки более всего ответственны за современный мировой хаос, так как они создали сложность нашей цивилизации, которая далеко превзошла наше нынешнее понимание и способность контроля».

Цвет буржуазной интеллигенции, как мы видим, вынужден констатировать бессилие капитализма, полную неспособность буржуазии «справиться с богатством содержания», как выразился бы Гегель, содержания, накопленного прогрессом капиталистической цивилизации. Но, как это полагается, как это в моде ныне среди буржуазных идеологов, вина и ответственность перекладываются с господствующего класса на величайшие достижения этого прогресса — науку и технику. Биологический идеализм и проповедует отрицание, разгром техники и физико-математических наук, идеалистическая психология вместе со всей общественной наукой и философией буржуазии все более и более проповедует отказ от техники, от физико-математического естествознания и от материалистической научной биологии.

Мак-Дугал ищет лекарство от мирового хаоса, якобы порожденного материалистическим естествознанием, «тоже в науке», но в науке «иного рода»: «в основательном изучении социальных и экономических проблем с определенной психологической точки зрения, которая совершенно отлична от точки зрения физической науки». Отвергая механистическую трактовку жизни и разума, он заменяет ее «целестремительной концепцией». Лекарство от мирового экономического кризиса, которое ищут представители буржуазной науки в отказе от технического и научного прогресса и во всяких целестремительных концепциях идеализма, должно явиться также лекарством и от «хаоса мышления», от кризиса буржуазной науки, выходом из которого для этих представителей буржуазной мысли начинает казаться отказ от техники и даже от самой науки.

Вернемся однако после этого краткого отступления в область психологии к биологическому идеализму и биологическому антитехнизму. С биологическим идеализмом связана целая школа философии жизни (Зиммель и др.) и философия интуитивизма А. Бергсона. Биологическая расовая теория «структуры влечений» лежит в основе философии Макса Шелера. Циничный империалистический биологизм свойственен идеологу германской фашистской буржуазии и юнкерства О. Шпенглеру. Идеалистический мистический биологизм и расовые теории служат хорошую службу как делу империалистического шовинизма фашистов, так и делу нынешнего похода буржуазии против техники и науки. В трех направлениях разветвляются реакционная роль и деятельность современного биологического идеализма: в направлении отрицания физико-математических основ естествознания и отрицания вообще всякой рациональной науки, в направлении «естественно-научного обоснования» империализма и фашизма, в направлении «органического отрицания техники». Биологический идеализм является, стало быть, поставщиком идей для обскурантизма и мистики, он является поставщиком расовых теорий империалистической и фашистской буржуазии, он поставляет идеи для антитехнической идеологии.

Возвратимся на минуточку к Бергсону, чтобы помимо того, что мы знаем об антитехнической сущности всей его интуитивистской философии жизни, особо подчеркнуть еще одну сторону, еще одну яркую черту его мракобесия, нашедшую свое выражение в его последнем труде и являющуюся хо-

¹⁾ W. Mac-Dougal, World Chaos: the Responsibility of Science, L. 1931.

рошим дополнением к галлее выступлений биологических идеалистов против физико-химических наук и техники. Уже в «Творческой эволюции» Бергсон развивает теорию биологического мистицизма, предметом которого является жизнь, не поддающаяся анализу физических наук, которые якобы вообще не способны постичь сущности явлений. В последнем труде Бергсона антинаучная и анитехническая суть этой теории говорит уже прямо языком открытого отрицания физики и химии именно как «виновниц» технического и интеллектуального прогресса, «под тяжестью которого стонет полураздавленное человечество». Вот что пишет он по поводу, так сказать, культурно-исторического взаимоотношения физики и химии, с одной стороны, и биологии — с другой. Наука, — пишет он, — сама позаботилась о том, чтобы показать нам путь возврата от усложненной прогрессом жизни к простой жизни. «Между тем как физика и химия помогают нам удовлетворять наши потребности и вместе с тем побуждают нас таким образом умножать их, можно предвидеть, что физиология и медицина наконец изобличат нам ту опасность, которая кроется в этом умножении потребностей, и ту обманчивость, которая существует в большей части их»¹⁾. Мы уже знаем, что это значит. Биология и медицина призваны Бергсоном вылечить человечество от прогресса и вернуть его к состоянию дикаря, питающегося растительной пищей, эмансипированной от физики, от химии и от техники. Не таково ли «господство над органической природой», которого хочет и поборник новой биологии Бергаланфи?

Применяя и развивая идеи бергсоновской философии, снаряжает биологию в поход против физико-математического естествознания и против техники также и Коттье, выдвигающий претенциозный лозунг: назад, к органическому по ту сторону техники. Предметное (имеется в виду материалистическое) мышление в биологии, — заявляет Коттье, — обанкротилось. Что же касается физико-математического мышления, на котором покоилась эта обанкротившаяся биология, то оно вместе с современной техникой дошло до своих праниц, исчерпало себя и завело человечество в тупик хозяйственного и культурного хаоса. «Доказав» таким образом «полное бессилье интеллекта», Коттье проповедует философию иррационального биологического или органического мышления, т. е. средневековую мистику, провозглашающую: «Органическое по ту сторону всякой технической конструкции»²⁾.

Если прежняя биология находилась под вредным влиянием пространственного количественного мышления физики и химии и под влиянием технической конструкции, то отныне, наоборот, основные проблемы физико-химического изучения материи могут быть решены только за пределами технической конструкции, т. е. и за пределами математического и физического мышления, за пределами физики и химии и даже вне поля электродинамического понимания.

«Только в биологической и душевной сфере выступает подлинное качество, ибо здесь мы имеем чисто качественно-морфологические структуры». Собственно говоря, «чувственное качество выступает не в неорганическом мире, а в сфере отношения материи к жизни; но так как «бытие», «действительность» вещей — не что иное, как внитреннее понятие ее (жизни) с ее связью, т. е. с ее действиями, — то эти чувственные качества точно так же хорошо принадлежат к «сущности» пространственной действительности, как количественные отношения»³⁾. Значит, неорганическая материя, пространственная действительность вообще обладает качествами лишь по-

¹⁾ Les deux sources de la morale et de la religion, 1932, Paris, Alcan, p. 325.

²⁾ F. Kottje, Illusionen der Wissenschaft. Eine notwendige Selbstbesinnung zur heutigen Kulturkrise, 1931, Brl. St. z. k.

³⁾ там же, стр. 43, 45, 50.

стольку, поскольку она существует в отношении к жизни и субъекту и ими определяется.

Наконец структура протона выявляет огромную и удивительно устойчивую концентрацию энергии, которая, по Коттье, не может быть объяснена ни из тяготения, ни из электродинамических противоречий, стоящих в полярном отношении к тяготению. «Здесь выступает идея качества, возвышающаяся в полярностях энергетической дифференциации», здесь «пуповина, связывающая органическую действительность с неорганической». Энергетическая структура следовательно необъяснима средствами физики и химии, объяснение ее следует искать в мистическом, субъективно-органическом источнике энергетической дифференциации.

Качественная определенность и специфичность, источник противоречий и развития переносятся в сферу мистического, доступного лишь интуитивному переживанию биологического фактора, биология идеалистически уродуется; она должна отказаться от своей собственной химико-физической предпосылки.

Отрицание старого, механистического мировоззрения в биологии совершается здесь не посредством перехода к более глубокому, диалектико-материалистическому пониманию, а наоборот, путем отказа от материалистического фундамента всего естествознания, путем изуродования и уничтожения научной биологии, путем изнасилования физико-химических основ биологии. Но тем самым в результате получается не подлинно анти-механистическая наука, а мистическая каша средневекового качественного мышления, в которой средневековое понимание качества сочетается с остатками механистической методологии в форме например той же теории равновесия, которую развивает Коттье.

Вообще современный естественно-научный идеализм, борясь против науки и техники, действует в конечном счете очень часто рядом с механицизмом и в союзе с ним. Возьмем еще один пример с Берtrandом Расселем. Формализм и механицизм совместно с идеализмом являются у него методологической основой пессимистического отношения к естествознанию и технике, которые ведут якобы человечество к катастрофе и которые становятся орудием безысходного гнета немногих власть имущих над остальным человечеством.

Идеи противопоставления биологии физике, идеи отказа от последней в пользу первой имеют хождение и у таких людей, которые, как например английский биолог Холден, не отрицают технического прогресса как такового и в общем оптимистически смотрят на перспективы развития наук, но оптимизм которых на базе идеалистической методологии и механицизма пропитывается иногда довольно острым душком реакционного, бесперспективного пессимизма.

Говоря о перспективах науки, Холден в своей брошюре «Дедал» замечает по поводу взаимоотношения физики и биологии следующее: «Впрочем, придет время, когда физиология завоюет и разрушит математическую физику подобно тому, как последняя разрушила геометрию».

Какова же будет эта грядущая биология? Биология, которая разрушает свою собственную теоретическую (и практическую, поскольку речь идет о значении физико-химического момента в экспериментальной биологии и о роли механической и химической техники, построенной на принципах математической физики и химии) предпосылку, — такая биология не может быть материалистической, она должна заранее порвать со всем тем, что представляет материалистическую рациональную научную основу биологии.

Такой вывод Холден и делает, заявляя, что «основной метафизической рабочей гипотезой в науке и практической жизни будет тогда, как я пола-

гаю, нечто вроде бергсоновского активизма. Наряду с этим «перед нами рисуется в будущем несколько столетий, в течение которых многие практические вопросы, по всей вероятности, будут решаться на основе кантовского критицизма».

Что касается перспектив нравственно-культурного развития, — говорит Холден, — то прогресс означает усиление могущества человека как в области добра, так и в области зла, а результатом развития капитализма будет восхождение в новой форме чего-то подобного старому феодализму¹⁾. Такова непритязательная картина будущего, которую Холден скрашивает беспочвенно оптимистическими, «лейбористскими» идеями автоматического уничтожения всякой несправедливости прогрессом науки.

В чем однако заключается этот «прогресс науки», мы уже знаем: это такой прогресс, который основывается на разрушении математической физики и химии и который на место материалистической биологии ставит бергсонистски-мистический биологизм или биологический мистицизм, сочетаемый с огромной дозой механицизма.

Кризис естествознания в освещении буржуазной философии

Анализ кризиса естествознания в буржуазной философии вполне согласуется с тем антитехническим и антинаучным «выходом», который прокламируется рядом естественно-научных идеалистов. Анализируя сущность и причины кризиса, одни находят их в губительном господстве материализма, другие прибавляют сюда банкротство стремлений извлечь из вещей последнюю объективную абсолютную истину посредством индукции, эксперимента и математизма и указывают в качестве выхода из «хаоса мнений» на «чистый синтез», «свободное отношение к движению реальности как основу взаимоотношения рационального и иррационального»²⁾. Есть и такие остервенелые шовинисты, фашистские исследователи кризиса науки, которые ищут причины кризиса в иудаизме и выход из него в антисемитизме; «есть люди (особенно такие, которые сами не принадлежат к специальной науке), которые этот процесс истолковывают, так сказать, морально, которые идут настолько далеко, что делают ответственной за него еврейскую расу с ее привычной энергией, прилежностью и остроумием естественно принявшей сильное участие в этих работах»³⁾. Ширится и растет число тех, кто главную причину кризиса наряду с господством материализма видит в служении науки технике, практике, в техническом духе, которым проникнуто естествознание, в ее механизации и наконец в духе массовости, в проникновении «масс» в науку.

Вот например какой анализ кризиса — не только естествознания, но и всей науки (а мы знаем, что вся буржуазная наука переживает острейший кризис) — дает философ Карл Ясперс, печально прославившийся в недавнее время тремя мрачными и безотрадными томами своей «Философии»⁴⁾. Исследуя «духовную ситуацию нашего времени», Ясперс пишет о состоянии современной науки следующее: «Ни бурный прогресс естествознания, ни расширение источников наук о духе не могли препятствовать тому, чтобы сомнение в науке вообще росло».

Кризис науки состоит, — замечает он, — собственно не в границах ее способностей, но в сознании ее смысла и сущности. «Следовательно имма-

¹⁾ J. B. S. Haldane, *Deдалus*, 1923; русск. пер.: «Холден и Рессель», Дедал и Икар (Будущее науки), стр. 19, 23.

²⁾ H. Dingle, *Der Zusammenbruch des Wissenschaften und das Primat der Philosophie*, S. 118, 122 и др.

³⁾ Там же.

⁴⁾ K. Jaspers, *Philosophie*, 3 B. B. Brl. J. Spinger, 1932.

нентное развитие наук не делает еще кризис достаточно понятным. Только человек, которого затрагивает научная ситуация, объясняет его. Не наука для себя, но именно сам человек в ней находится в кризисе. Исторически-социологическая основа этого кризиса лежит в наличии масс. Факт превращения свободного исследования отдельных личностей в научное производство имел следствием то, что каждый стал делать вид, что способен к участию в науке, лишь бы он имел рассудок и прилежность. Народились ученые плебеи; изготовляют пустые работы, построенные на аналогиях, чтобы проявить себя как исследователя, делают произвольные утверждения, вычисления, описания и выдают их за эмпирическую науку. Бесконечность принятых точек зрения настолько велика, что во все учащающихся случаях они сами себя не понимают, что является единственно результатом того, что каждый осмеливается высказать безответственно свое мнение, которое он вымучил из себя, чтобы тоже что-нибудь значить. Имеют дерзость «выставлять только в дискуссионном порядке» все, что любому вздумается. Бесчисленное количество напечатанной рациональности становится наконец во многих областях выставкой хаотического переплетения в голове массового человека, непонятных уже больше *capita mortua* когда-то живого мышления. Если таким образом наука стала функцией тысяч, как в свое время специальностью любителей, отдававших ей как призванию, тогда, соответственно свойствам среднего человека, могут совпадать смысл исследования и смысл литературы. В большинстве наук поэтому литературная сенсация в виде лжежурнализма стала уже средством к мгновенному успеху. Результатом всего этого является сознание бессмысленности.

Итак, кризис науки—это кризис человека, здесь есть верный момент. Но для аристократа Ясперса это не кризис мышления, отражающий социально-экономические сдвиги, классовые противоречия, — это кризис, объясняемый тем, что наука стала достоянием массы людей, тем, что выросла огромная армия ученой интеллигенции. Однако проникновение духа массовости в науку, появление широких кадров ученых не упало с неба, а явилось следствием развития капиталистической крупной промышленности и всего общественного и научного прогресса. И реакционное отрицание Ясперсом массовости в науке (хотя о подлинной массовости в отношении буржуазной науки речи быть не может, так как наука в буржуазном обществе не только недоступна трудящимся массам, но превращена в руках капиталистов в силу, противопоставленную рабочему и служащую орудием его (порабощения), естественно, не ограничивается указанными моментами, а идет дальше, к отрицанию технической основы этой «массовости». Помимо этого однако надо отдать должное Ясперсу: клевета на прогресс науки, он нарисовал картину состояния буржуазной научной мысли, картину морального распада буржуазной науки в столь мрачных красках, в таком безотрадном свете, что почти ощутимы становятся гнилые испарения загнивающей буржуазной культуры, измельчание и вырождение культурно-идеологической жизни капиталистического общества.

«Там, где в науке, — продолжает Ясперс, — еще есть непрерывность продолжающихся открытий, она становится возможной часто лишь посредством критерия технического сбережения, потому что никакой первичной воли к знанию, которая побуждала бы к цели. В таком случае одна лишь премия на технические изобретения обуславливает ход научного исследования, несмотря на то, что первоначальный пульс его перестал биться. Тем самым стало возможно сознание, которое рассматривает как объективный кризис то, вина чего лежит исключительно в субъекте. Процесс духовного самоопустошения науки последовал ради механи-

зированной бытия масс, способного выставлять такие премии, которых квалифицированные головы могут добиться при планомерном изобретательстве и без всякого иного смысла науки.

Существование масс в высших школах имеет тенденцию уничтожить науку как науку. Она должна приспособиться к массе, которая стремится лишь к своей практической цели — к экзамену и связанному с ним правовому положению; исследование должно при этом побуждаться лишь настолько, насколько оно дает практически ценные результаты». Теряется свободный дух научного творчества, самостоятельность, смелость в научном исследовании. «В итоге остается одна виртуозная техника в специальной области и вероятно также большое знание; ученый, но не исследователь, задает тон. То, что начинают принимать обоим за одно и то же, есть симптом этого упадка».

Для Ясперса зло этого вырождения науки заключается не в том, что господство буржуазии, прогрессирующая дробность специализации, растущая узость профессиональных рамок, отражающееся в сфере обучения и науки капиталистическое разделение труда, что все это уродует, калечит научный и культурный кругозор, отрывает людей умственного и научного труда от живого общественного целого, от политики, от глубокой внутренней связи с современной промышленностью; его возмущает не то, что современное капиталистическое применение науки порабощает свободный дух научного исследования, сужает, сковывает его, паразитирующе влияет на науку,— а именно факт массового развития, некоторой «демократизации» науки вместе с фактом служения науки практике, технике, факт сам по себе прогрессивный и благодетельный для науки, что, как мы видели уже, признают крупнейшие представители теоретического естествознания. Вот что например говорит Э. Резерфорд по поводу роли массовости, коллективизма в научных исследованиях: «Неизвестное подобно густому туману перед глазами человека. Желая проникнуть в эту темноту, мы не можем взывать к помощи сверхчеловека, но должны полагаться на соединенные усилия группы соответствующим образом воспитанных обыкновенных людей с научным воображением. Каждый в своем специальном поле исследования может с помощью научного метода продвинуться вперед на короткое расстояние, и его работа отзывается и влияет на всю группу прочих работников. От времени до времени возникает точно луч света обобщающее представление, обоснованное на накопленном знании, которое освещает обширную область и обнаруживает связь между этими индивидуальными усилиями. Таким образом достигается движение вперед. Атака возобновляется на более широком поле и зачастую с улучшенным техническим оружием»¹⁾. В капиталистическом обществе подобное научное творчество есть идеал, к которому приближаются через антагонизм, через анархию, конкуренцию, раздробление сил, беспланоно, зачастую вразброд.

Критика безотрадного состояния научной работы в капиталистических странах Ясперсом ведется не с точки зрения будущего, а с точки зрения прошлого, с точки зрения аристократически-индивидуалистического понимания состояния и направленности науки. «Подлинная наука, — пишет Ясперс, — есть аристократический задаток тех, которые сами себя выбирают для этого. Первоначальная воля к знанию, которая одна только и могла бы сделать невозможным кризис, есть удел отдельной личности, ее личного риска. Теперь же является исключением, если кто-нибудь посвящает свою жизнь исследованию».

Далее Ясперс изображает превратности, которые претерпел смысл науки, «извращения смысла науки, которые распространяются сейчас в

¹⁾ «Материя», стр. 162—163.

мире». Прежде существовало огромное уважение к науке. «Так как строй жизни масс возможен был лишь через технику, а техника лишь через науку, то в эту эпоху господствовала вера в науку». Но так как наука требует методического образования и т. д., то эта вера со стороны в науку, собственно говоря, была «суррогатом веры», т. е. суеверием, как говорит Ясперс. «Содержанием этого суеверия явились: утопическое предметное понимание всего, мастерство и техническое преодоление каждой трудности, польза, как возможность общего бытия, демократии, как правильного пути свободы, всех через большинство. Вообще вера в мыслительное содержание рассудка, как догмы, верной без дальнейшего рассуждения».

Власть этого суеверия господствовала почти над всеми людьми, в том числе и над учеными; она «вырыла пропасть между человеком и критическим разумом». Но «научное суеверие переходит легко во вражду к науке, в суеверное отношение к силам, которые отрицают науку, ибо научное суеверие вообще «родственно деятельности аферистов». Наконец «суеверие, направленное против науки, принимает со своей стороны форму науки как подлинной науки против школьной».

Нашу эпоху мутит от астрологии, лечения молитвами, теософии, спиритизма, ясновидения, оккультизма и т. д. Эта сила встречается ныне у всех партий и во всех высказанных в области мировоззрения взглядах. Она разрушает везде субстанцию разумного человеческого бытия... Сообщение становится невозможным, — заканчивает Ясперс, — в тумане этой сети суеверия, которое уничтожает возможность как чистого знания, так и действительной веры¹⁾. Так меланхолично заканчивает Ясперс свой анализ распада и «возможностей» духа, науки. Выхода из кризиса Ясперс и не видит и не может указать. Все, на что оказывается способным сей аристократ мысли и лакей буржуазии, — это бессильные потуги на выход путем отрицания техники и массовости.

Для того, чтобы показать, что такого рода оценка современного кризиса науки и вообще положения и характера научной деятельности не одинока и не случайна, приведем выдержки из уже знакомой нам книги Коттье. Согласно Коттье не только ньютоновская механика, но и самые основы точной науки столкнулись со своими последними границами, с границами своего значения и возможностей своего применения. Все закладывающие тон идеалы исследования будто бы разоблачены в качестве иллюзий науки и чистого мышления. «Этот кризис основ точных наук проявляется и внешне во все растущей искусственности и неустойчивости теоретических символов, которые резко несоразмерны по отношению ко все более колеблющейся и суживающейся вещественной базе наук». Выдумав таким образом абсолютные границы ненавистной ему науки, Коттье изображает в дальнейшем процесс вырождения самого научного творчества и притом в не менее ярких или, вернее, мрачных красках, чем Ясперс.

«Одновременно, — пишет он, — и жизненный нерв чистого исследования поставлен сегодня под угрозу процессом разложения, который вырастает частью из охозяивления современной жизни, частью из усиливающейся механизации научного производства». Вместо страстной, фанатической веры в науку в XIX в. установилась американско-утилитаристская оценка научного исследования. Вместо страстных боев между наукой и религией, какие происходили еще во времена Э. Геккеля, наступило равнодушие (Коттье конечно за фанатическую борьбу с наукой против равнодушия к вере). Все короче становятся газетные заметки о «науке и искусстве» (надо бы прибавить, что все чаще пестрит газетная хроника «науки и искус-

¹⁾ K. Jaspers, Die geistige Situation der Zeit, 1932, Brl. Leipz. IV Teil, Verfall und Möglichkeit des Geistes... Wissenschaft, S. 118—124.

ства» заметками о походе буржуазии против науки). Все меньше внутреннее участие широкой публики в научном исследовании, которую теперь гораздо больше интересуют мировые состязания по боксу. Все больше отходят на задний план среди массы ученых чисто идеальные научные интересы перед стремлением к внешнему успеху. «Замечательно также, насколько велико уже стало участие научно-исследовательской работы непосредственно на службе хозяйства и техники. Вспомним только о множестве основанных индустрией и поддерживаемых ею исследовательских институтов, о лабораториях крупных химических заводов например, с их штабами в сотни ученых специалистов, которые уже потому имеют большее значение в научной работе, чем университеты, что они обладают несравненно более богатыми средствами».

Наука и ученые в современном буржуазном обществе широким фронтом пошли в промышленность на службу гигантским монополистическим предприятиям капитала. Наука и ученые все непосредственнее становятся слугами капитала. Процесс обобществления технических и научных исследований, а вместе с тем и процесс слияния науки с промышленностью, с техникой достиг грандиозных размеров, создал новые формы организации научной работы, новое положение ученых в обществе и т. д. Этот процесс представляет собой несомненно огромный прогресс, и притом в направлении нового общественного порядка и нового общественного строя работы, навязываемый независимо от воли не только ученых, но и всего класса буржуазии. Но этот прогресс, совершаемый в эпоху империализма, идет путем обострения противоречий, путем роста тенденций загнивания, паразитического влияния на науку, порождая еще более резкие формы разрыва теории и практики, и т. д. Этот процесс есть известный и даже огромный прогресс, но идет он путем роста принципиально антитехнических и антинаучных выступлений. Как раз самая тенденция тесного смыкания науки и промышленности, именно этот факт вызывает среди современных буржуазных идеологов обратную реакцию полного отрицания критерия практики в науке и материалистической науки вообще, и в анализе причин кризиса современной буржуазной науки, как мы видим, большое место отводится этой «механизации» научной работы, а наряду с ней и росту массовости в науке.

Профессора и исследователи, пишет Коттье, потеряли свой общественный ореол. «Отупляюще и опрощающе действует также убивающее всякие идеальные стремления и всякое свободное образование личности массовое производство в университетах и в высших школах, которое в сочетании с доведенной до пределов специализацией и методизацией исследования воспитывает академических поденщиков, лишенных всякого широкого и глубокого духовного образования». Исчезло былое монашеское отречение людей науки, меланхолично ведет свой рисунок автор. Научная лабораторная работа получила характер фабричного производства, установился некий духовный автоматизм. Даже крупнейшие ученые потеряли в результате усиления дробности специализации способность обозрения того, что лежит вне их узкой области. Во всем этом конечно виноват, согласно Коттье, не капитализм, а техника и массы. «Массовость подавила и размолочила все. В результате и работа ученых становится все более обезличенной, неприятной, механической, и вместо чистого огня воодушевления установилась тупая рутина, а у иных натур наступила и усталость от науки». Современная наука, так же, как и современное цивилизованное общество, это, говорит учитель Коттье — Евгений Дизель, некая «империя абстракции», царство автоматического человека, стандартного человека¹⁾.

¹⁾ Illusionen der Wissenschaft, S. 14—19.

Отрицание науки и техники—вот тот выход, который находят и пропагандируют буржуазные философы, анализируя кризис естествознания. Существует однако и иной подлинный и в конечном счете единственный и неизбежный выход из этого кризиса—это революционный выход из капиталистической клоаки и диалектико-материалистический выход из буржуазного способа мышления, из идеалистической и метафизической методологии, — выход, который завоевывает естествознание в СССР.

Естествознание повернуло и поворачивает лицом к практическим задачам социалистической реконструкции. Задачи эти настолько грандиозны и новы, что этот поворот в свою очередь подымает науку на новую, высшую ступень, ставя перед ней ряд крупных не только технических, но и теоретических проблем. Служение практике социалистической перестройки хозяйства СССР поставило на очередь и вопрос о перестройке характера и форм научной работы. Плановая промышленность потребовала планирования научно-исследовательской деятельности, а планирование в науке, в свою очередь, создает колоссальный импульс к под'ему теоретического уровня науки и темпов ее развития в противовес тому обезличению, которое, по словам Коттье и Яспера, распространяется в буржуазной науке. Поворот к грандиозным задачам социалистического строительства и планирование настоятельно требуют проникновения в естествознание материалистической диалектики как подлинно научной методологии, являющейся итогом, суммой, выводом всей истории познания. Это же требование одновременно выдвигается самим прогрессом науки как единственный выход из ее кризиса. Проникновение материалистической диалектики есть процесс, идущий путем преодоления всех и всяческих трудностей, рутины, непривычности к философскому, диалектическому мышлению, предубеждения к материализму и диалектике, реакционно-философских вылазок наших врагов и механистической ревизии. С другой стороны, он идет путем преодоления упрощенчества, вульгарного диалектизаторства, меньшевистствующе-идеалистической ревизии — базы такого упрощенчества. Естествознание все же «идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика (указание Ленина верно и по отношению ко всему естествознанию и для нашего времени.—С. Л.) лежит в родах! Она «рождает диалектический материализм» (Ленин). В борьбе за сознательную материалистическую диалектику естествознание выйдет из кризиса.

Некоторые вопросы истории науки и техники

Н. Волков

I

Решение ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) в 1929 г. о введении преподавания в высших учебных заведениях марксистской истории техники было вызвано растущими требованиями народного хозяйства к техническим кадрам.

Вопрос о создании истории техники был впервые поставлен Марксом в «Капитале». «Критическая история, технологии вообще показала бы,—говорит Маркс,—как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному отдельному лицу. Но до сих пор такой работы не существует. Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т. е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации»¹⁾. Ленин также утверждал, что «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»²⁾. В другом месте Ленин показывает, почему для истории важно знать технику. «Техника механическая и химическая, — говорит Ленин, — потому и служит целям человека, что ее характер (состав) состоит в определении ее внешними условиями (законами природы)». И дальше Ленин цитирует Гегеля: «Средство труда есть нечто высшее, чем конечные цели внешней целесообразности, плуг почтеннее, чем непосредственные наслаждения, которые подготовляются им и служат целям. Орудие сохраняется, между тем как непосредственные наслаждения проходят и забываются. В своих орудиях человек обладает силою над внешней природой»³⁾.

Чрезвычайно интересно ставил вопрос о создании истории техники такой выдающийся историк-марксист, как покойный М. Н. Покровский. «Не без удивления,—говорил он,—наши «практики» слушали, как в Германии в технических вузах огромное место отводится такому «академическому» предмету, как история техники, и что вообще хорошим инженером нельзя сделаться, не получив очень хорошей теоретической подготовки»⁴⁾. И тут же, предостерегая от узкого практицизма при разработке

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 281, изд. 1932 г.

²⁾ Лен. сб. IX, стр. 139.

³⁾ Там же, стр. 217.

⁴⁾ «Вестник Ком. академии» № 22, стр. 7.

истории техники, он едко высмеивает «уродства» в научной работе. «Одно время — к счастью, время прошлое — этот «практический» уклон в наших школьных программах свирепствовал: зоологию изучали исключительно на предмет успешного разведения свиней, ботанику — на предмет улучшения урожаев, а историю Октябрьской революции можно было и вовсе не изучать, поскольку это дело прошлое, а из летошнего снега шубы себе не сошьешь»¹⁾. А сколько еще сейчас «практиков» пытается изгнать историю техники под предлогом ее несозвучия эпохе?

Историю техники надо изучать не с точки зрения истории прошлого, а для исторического понимания современного состояния техники и ее будущих путей. Главное внимание поэтому должно быть направлено на освещение проблем реконструкции советской техники и в особенности проблемы освоения новой техники во второй пятилетке. Насколько эта проблема злободневна и в то же время не изучена, показывает следующий пример. Американский журнал «Инжинир ньюс рекорд» поместил заметку под таким любопытным названием: «Овертейк Раше» (т. е. в переводе на русский язык, дословно: «догнать Россию»), где сказано следующее: «На заводе АМО (Москва) есть станок для очистки изделий из серого чугуна, который под давлением в 60 атмосфер очищает эти изделия. Машина является непревзойденной». Американцы призывают «догнать Россию». Когда этот журнал с фотографией станка попал на завод им. Сталина (б. АМО), то там не смогли сначала даже найти этого станка. Это частный случай незнания наших достижений, но он чрезвычайно характерен.

Марксистская история техники не может ограничиться одним только выяснением значения техники в развитии производительных сил и экономики или, наоборот, роли экономики в «техническом прогрессе». Необходимо подвергнуть анализу конкретное развитие «производительных органов общественного человека» (Маркс), показать классовый характер техники и общественную обусловленность всякого частного проявления технического развития. Большое внимание должно быть уделено также и внутреннему процессу развития техники и машины.

II

Любопытно проследить то своеобразное отношение к истории науки и техники, которое наблюдается сейчас в капиталистических странах. Буржуазные ученые, захваченные врасплох глубочайшим кризисом всей капиталистической системы, начинают «консультироваться» у истории техники насчет неизбежности капитализма или же ищут выход в движении назад. По существу это две стороны одного и того же процесса загнивания капитализма. С одной стороны, появились всевозможные «планы кирки и лопаты», т. е. проекты замены механизации ручными процессами, с другой стороны, известно так называемое «технократическое» движение инженерных и экономических кругов, особенно в Америке, которое в качестве лекарства умирающему капитализму предлагает жалкие иллюзии в виде передачи власти техникам и энергетикам.

Буржуазная история техники существует на Западе, особенно в Германии, давно, но она либо рассматривает техническое развитие как откровение человеческого разума, либо скатывается к описанию отдельных машин и процессов без какой бы то ни было попытки вскрыть движущие силы развития техники.

Впрочем кризис мирового хозяйства заставил буржуазную инженерно-педагогическую мысль серьезно призадуматься над самыми принципами современного образования. На международном конгрессе по инженерному образо-

¹⁾ «Вестник Соц. академии» № 22, стр. 7.

ванию (Париж, 1931 г.) специальная секция пришла к выводу, что «инженер и как технический и как социальный работник испытывает острую нужду в углубленном историческом знании. Быстрые темпы технического прогресса приводят к тому, что знания, выносимые инженером из высшей школы, быстро стареют. Для того, чтобы приноровиться к изменяющимся условиям, инженер должен знать не только факты, но и тенденции их развития». Крупные германские авторитеты в этой области проф. Прион и Улих склоняются к той же мысли. В частности проф. Прион указывает, что «инженер должен знать важнейшие отрасли техники в их историческом развитии: строительство, машиностроение, электротехнику, металл, химию и горное дело».

Среди буржуазных концепций истории техники заслуживают внимания высказывания В. Зомбарта и О. Шпенглера. Зомбарт, автор многочисленных трудов по истории и экономике капитализма, — типичный эклектик и апологет капитализма. Тем не менее он дает нередко интересный фактический материал по истории техники. Мы однако предостерегаем от ошибочного восхваления его системы, как это делают иногда советские критики Зомбарта. Так например гг. Варга и Герценштейн, критикуя экономические взгляды Зомбарта, берут на веру главы о технике. «Весьма ценны, — говорят они, — блестяще изложенные и богатые фактическим материалом главы о развитии техники. В этих художественных по мастерскому описанию очерках Зомбарт вскрывает объективную предпосылку появления в свет технических изобретений — стремление к увеличению прибыли»¹). На самом деле эту мысль проводит не Зомбарт, а Энгельс в «Анти-Дюринге»: «Капиталист не только стремится совершенствовать технику для получения сверхприбыли. Он должен осуществлять это независимо от своего желания».

Зомбарт же считает, что только наука определяет расцвет капитализма. «Не быстрое усовершенствование рабочих машин, — говорит Зомбарт, — и не изобретение паровой машины придали второй половине XVIII в. то действительно историческое значение, какое имеет она для развития техники. Ибо я в этом развитии, которое ведет свое начало от первого орудия, вижу в сущности только одно событие, которое делит историю до него и после него на два принципиально различных периода и притом так, что мы вообще можем различать только две главных эпохи в развитии человеческой техники. Первую — от начала человечества до XVIII столетия и вторую — со времени наступления этого события до последних дней существования человеческого рода. То, о чем я думаю, есть применение науки в технике, т. е. замена эмпирических процессов рациональными или научными»²).

Во-первых, неверно, что приложение науки к технике ведет свое начало только с промышленного переворота. Спорадическое применение машин имело место уже в мануфактурный период. Мельница и часы дали основу для развития точных наук еще в XVII столетии. Во-вторых, открытия XVIII в. были результатом практической потребности и плодом почти столетней работы изобретателей, а не следствием приложения науки к технике. Такой подход определяет и взгляды Зомбарта на существо капитализма вообще. Начало капитализма определяется периодом «первоначального накопления». Зомбарт же считает, что капитализм родился то в результате войны, то в результате любви к роскоши или что его создала горстка людей, возжаждавших денег.

И наконец последнее: Зомбарт доводит историю капитализма до войны 1914 г., стыдливо опуская вопрос о гибели капитализма. Он не верит в обострение капиталистических противоречий. Он верит в долговечность капитализма, в его медленную и «скучную» (слова Зомбарта) эволюцию. «Мы

¹) «Современный капитализм», т. III, второй полутом, послесловие.

²) Там же.

видим,— говорит Зомбарт,— спасение только в том, чтобы отвернуться от капитализма, повернуть в сторону от него», и дальше: «Наш взор обращен назад». Куда именно? Очевидно, к новому феодализму.

III

Философию техники фашистской Германии представляет Освальд Шпенглер. Недавно он выпустил книгу «Человек и техника», которая цинично и громогласно возвещает о человеке-хищнике и оправдывает удушение рабочего движения. Первая книга Шпенглера «Закат Европы» вышла из печати в момент величайшего унижения Германии, ограбленной версальским договором. Военная катастрофа Германии изображалась им тогда на фоне кризиса и гибели всей «европейской культуры». От «заката культуры,— говорил Шпенглер,— не могут уйти и страны-победительницы»¹). В период частичной стабилизации капитализма слава Шпенглера померкла. Его работы «Прусский дух и социализм» и «Реконструкция немецкого государства» не имели успеха. «Человек и техника» вышла из печати в период всеобщего кризиса капитализма и стала евангелием фашизирующей Германии. Мы разберем только взгляды Шпенглера на философию и историю техники, изложенные им в книге «Человек и техника» («Der Mensch und die Technik». Beiträge zu einer Philosophie des Lebens, 1931).

Шпенглер считает, что человечество делится на две группы: на людей, которые должны приказывать, и на людей, которые должны повиноваться,— на вождей и исполнителей. «Само собой понятно,— говорит он,— что природой даны приказывающие и подчиняющиеся, субъекты и объекты политической и общественной деятельности». Так как «царствовать, решать, руководить приказывать есть искусство», то деятельность вождей-предпринимателей возводится Шпенглером на высокий пьедестал. Кто же думает иначе, тот, по мнению Шпенглера, подобен ребенку. К таким детям он относит «подчеловеков (Untermenschen—фашистский термин) больших городов, марксистов и литераторов». Шпенглер утверждает, что все беды человечества происходят от техники. «Технику нельзя вывести из орудий труда,— говорит он.— Техника не есть часть войны или политики» (стр. 9). «Для того, чтобы понять сущность техники, не надо исходить из машинной техники и меньше всего из той предательской (!) мысли, что создание машин и орудий является целью техники». И заключает: «Техника есть безбрежная тактика всей жизни».

Эта обезличенная формула техники уживается у него рядом с биологической фашистской трактовкой всей истории человечества. «Жизнь—жесткая борьба, и притом борьба без пощады и милосердия»... «Благородство человечества и его техника есть просто тактика разбоя» (стр. 2)—заключает Шпенглер, давая оружие в руки гитлеровским молодцам. Отсюда антимашинизм и призывы к биологическому упрощению жизни. «Машина,— утверждает автор,— переросла своего творца... Цивилизация сама сделалась машиной, которая все делает или хочет делать на машинный образец. Думают только в лошадиных силах» (стр. 79). «Машина начинает даже противоречить хозяйственной практичности: скопление автомобилей на улице мешает движению; в Аргентине, на Яве и в других местах простой плуг оказывается хозяйственно выгодней тракторов и снова их вытесняет».

¹) Насколько актуальна в фашистской Германии работа Шпенглера «Закат Европы», показывает например то обстоятельство, что представитель правящей германской клики Гугенберг в своем меморандуме на Лондонской экономической конференции (лето 1933 г.), направленном против Советского союза, неоднократно ссылается на это произведение Шпенглера для обоснования своих интервенционистских планов.

Чем это не американский план кирки и лопаты? Если Зомбарт еще воспеваает красоты техники, то Шпенглер уже является апостолом антимашинизма. Интересен вывод, к которому приходит Шпенглер. «Наступает,— говорит Шпенглер,— утомление от механизации... Начинается бегство прирожденных вождей от машин»... Происходит, с другой стороны, «измена технике». Благородные белые расы очень неконспиративно обращались с техникой, обучили ей «цветных» (к которым Шпенглер относит и жителей Советского союза, а вместе с ними и часть жителей юга и юго-востока Европы). К передовой технике приобщаются все новые и новые народы и слои человечества. «Поэтому техника обречена на гибель»... «Остается только конец в рыцарской позе»...

Для «цветных», по мнению Шпенглера, техника не является внутренней потребностью. «Только «фаустический» человек думает, чувствует и живет в ее формах. Она ему душевно необходима; она не столько орудие хозяйства, сколько победа человека над природой». «Для цветных же техника только оружие в борьбе против «фаустической» цивилизации, оружие вроде сука дерева в лесу, который выбрасывают, когда его используют».

Шпенглер понимает, что пролетариат, овладев техникой, направит ее на борьбу с капиталистическим миром, но делает отсюда логически неожиданные выводы. С переходом техники к «цветным», вещает Шпенглер, она идет к концу и будет со временем разрушена и забыта— «железные дороги и пароходы так же, как некогда римские улицы и китайская стена, наши огромные города с их небоскребами так же, как дворцы старого Мемфиса и Вавилона».

Загнивание капитализма приводит Шпенглера к безнадежному пессимизму в суждениях о судьбах техники вообще. Свою книгу он заканчивает следующей тирадой: «Оптимизм — это трусость. Мы родились в это время и должны храбро пройти до конца путь, который нам предназначен. Нет никакого другого. На потерянном посту выжидать без надежд на спасение — это обязанность. Выжидать, как тот римский солдат, кости которого были найдены у ворот Помпеи, который умер, так как при извержении Везувия позабыли сменить караул. В этом — величие, это значит иметь достоинство расы. Этот почетный конец есть единственное, чего нельзя отнять у человека».

Шпенглер не одинок. Такое отношение к технике характерно для ряда реакционных мыслителей Запада. Например французский академик Борель считает, что налицо банкротство современной науки и техники. Он сваливает на науку ответственность за приближающийся крах капитализма.

Профессор Матчос, стоящий во главе германской ассоциации инженеров, призывает молодежь не поступать в высшие технические учебные заведения. Сейчас мы имеем в фашистской Германии 50 тыс. безработных инженеров и техников, причем из оканчивающих инженеров только 10 проц. получает работу по специальности, 30 проц. работает не по специальности, а остальные остаются безработными.

Эти примеры ясно показывают, в какое противоречие стали производственные отношения капитализма к производительным силам и технике. Новым по сравнению с интернациональным хором буржуазных гонителей техники у Шпенглера являются явный призыв к насилию и стремление исправить ошибку, т. е. «экспорт секретов, методов, процессов инженеров» к «цветным».

Для биологизирования общественных явлений и характерна теория изобретательства Шпенглера, где он «подводит итог» новым достижениям мировой техники. «Такие изобретения, как синтетический индиго или синтетический каучук, разрушают условия жизни целых стран; электрические и гидротехнические установки обесценивают старые угольные районы»

(стр. 8). «Но разве такого рода размышления привели к тому, чтобы изобретатель уничтожил свои изобретения? Изобретения все больше и больше исходят из чувства победы, из индивидуальности изобретателя, а не из пользы для массы. Масса остается наблюдателем и вынуждена принимать вещи такими, как они есть».

IV

Совершенно иные требования к истории науки и техники предъявляет Советский союз. Огромная творческая работа по строительству социализма ставит перед наукой и техникой грандиозные задачи. Изучение марксистской истории техники у нас имеет целью раскрыть на основе указаний классиков марксизма о технике исторические закономерности ее развития, вскрыть в ней пережитки далекого прошлого, мешающие движению вперед, и выделить ведущие звенья в техническом развитии. Планирование науки и техники, являющееся достижением одного только Советского союза, требует внимательного изучения прошлого технического опыта.

Историю техники как науку мы строим на основе гениальных высказываний основоположников марксизма. В блестящих главах о производительных силах и технике в «Капитале» Маркс анализирует развитие капиталистического общества, особенно в эпоху крупного машинного производства, и дает яркую картину того, как переворот в одной отрасли промышленности вызывает такие же перевороты и в других отраслях. Свои взгляды на технику Маркс развивает, начиная с самых ранних работ. Наличие к этому времени крупной промышленности и богатые историко-технические познания Маркса и Энгельса дали им возможность показать основные линии развития капиталистической техники. Уже в одной из своих ранних работ, в «Немецкой идеологии» (написана совместно с Энгельсом и полностью опубликована только в 1933 г.), Маркс, исследуя законы развития капитализма, устанавливает, что для понимания истории той или другой эпохи необходимо изучать непосредственные условия производства, а не надуманные схемы. Вот что писал об этом Маркс в «Немецкой идеологии»: «Пресловутое «единство человека с природой» всегда имело место в промышленности, видоизменяясь в каждую эпоху в зависимости от большего или меньшего развития промышленности. точно так же, как «борьба» человека с природой имела место до развития его производительных сил на соответствующем базисе. Промышленность и торговля, производство и обмен потребных для жизни средств, со своей стороны, обуславливают и, в свою очередь, обуславливаются в своих формах распределением, расчленением различных общественных классов. И вот в результате Фейербах видит, например, в Манчестере одни лишь фабрики и машины, между тем как 100 лет тому назад там можно было видеть только самопрялки и ткацкие станки, или же находит в римской Кампаньи только пастбища и болота, между тем как во времена Августа он нашел бы там сплошные виноградники и виллы римских капиталистов. Фейербах все время говорит о созерцании естествознания, упоминает о тайнах, которые доступны только глазу физика и химика, но чем было бы естествознание без промышленности и торговли? Ведь даже это «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, лишь благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей. Эта деятельность, это непрерывное чувственное творчество, это производство до такой степени служит основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах не только нашел бы колоссальные изменения в физическом мире, но очень скоро не нашел бы всего человеческого мира, собственной способности созерцания и даже своего собственного существования»¹⁾.

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 34—35.

Работы Маркса содержат блестящий анализ технического развития буржуазного общества. В 1882 г. в первых опытах Дебре Маркс и Энгельс с величайшей прозорливостью разглядели контуры новой электрической техники. Только сейчас победа социализма открыла дорогу техническим тенденциям, которые не могли быть осуществлены при капитализме.

Первые опыты Дебре по передаче электричества на большое расстояние, как известно, окончились неудачей и вызвали большие сомнения относительно возможности в о б щ е передавать электрическую энергию на большое расстояние.

Уровень техники того времени тоже не мог внушить особых надежд относительно скорой реализации замыслов Дебре. Немало поэтому нашлось техников и ученых, которые весьма скептически отнеслись к этой затее. Основоположники марксизма сразу сумели оценить не только революционное значение опытов Дебре, но с гениальной прозорливостью предвидеть все его технические и социальные последствия.

Энгельс уже на основании первых опытов Дебре четко сформулировал основные свойства электричества и дал им ту оценку, которая многим из буржуазных ученых и техников еще не ясна и теперь. Вот что Энгельс пишет по этому поводу в своем письме к Бернштейну:

«Дело это имеет чрезвычайно революционный характер. Паровая машина учит нас превращать теплоту в механическое движение, но пользование электричеством открывает нам путь превращения всех форм энергии, теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света, одной в другую и обратно, промышленного пользования. Круг замкнут. И новейшее открытие Дебре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей сил могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор расстояния и быть примененными на конечном пункте, — дело это находится еще в зародыше, — окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водяных сил. И если даже вначале этим воспользуются только г о р о д а, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно»¹).

Энгельс таким образом отмечает, что 1) электричество является наиболее общей формой энергии, замыкающей круг ее полезных преобразований, 2) электрический ток высокого напряжения может быть со сравнительно слабой потерей силы передан на большие расстояния, 3) электрический ток позволяет объединить и использовать все энергетические ресурсы, в том числе даже самые отдаленные водные силы, и централизованно их распределять, освобождая этим самым промышленность «почти от всех местных границ».

Энгельс вместе с тем показывает, что использование электричества как общей формы энергии может быть последовательно проведено лишь в пролетарском государстве.

Неменьший интерес к электричеству и к опытам Дебре проявил и Маркс, который, собственно говоря, и привлек к ним внимание Энгельса.

В. Либкнехт в своих воспоминаниях о Марксе рассказывает, что Маркс еще в 1850 г., «весь охваченный пламенем энтузиазма, рассказывал ему, что «вот уже несколько дней на Риджент-стрите выставлена модель электрической машины, приводящей в движение поезд железной дороги». «Теперь, — говорил Маркс, — проблема решена: результаты неисчислимы. За экономической революцией должна неизбежно последовать политическая, так как вто-

¹ Письмо Ф. Энгельса к Э. Бернштейну (от 27/II 1883 г.). «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1-я, стр. 342.

рая только служит выражением первой». Маркс, по рассказу Либкнехта, уже тогда считал, что «его величество «пар», который в прошлом столетии все на свете перевернул вверх дном, сходит теперь со сцены и уступает свое место несравненно более сильному революционеру—электрической искре»¹⁾.

При самых первых известиях об опытах Дедре по передаче тока высокого напряжения по проводам, на заре широкого промышленного использования электричества, Маркс 8 ноября 1882 г. пишет Энгельсу:

«Что скажешь ты об опыте Дедре на Мюнхенской электрической выставке? Уже около года Лонге обещал достать мне работы Дедре (специально для доказательства, что электричество допускает передачу силы на большое расстояние при посредстве простой телеграфной проволоки)».

Энгельс на это отвечает:

«Меня очень интересуют подробности о произведенных в Мюнхене опытах Дедре... Открытие делает возможным использование всей колоссальной массы водяной силы, пропадавшей до сих пор даром».

Интересно в связи с этим отметить что Энгельс, а впоследствии и Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» и в ряде других работ не в малой степени содействовали научной разработке вопросов электричества, борясь с тем «односторонним эмпиризмом», который превращается в нечто противоположное «действительной эмпирии», господствовавшей в то время в учении об электричестве.

Наконец исключительно актуальны именно теперь слова Маркса о перерастании техники существующих производственных отношений капитализма. Говоря о развитии крупной промышленности, Маркс подчеркивает, что «повсюду, куда она (крупная промышленность.—Н. В.) проникла, она разрушила ремесло и вообще все прежние ступени промышленности. Она завершила победу торгового города над деревней. Ее первая предпосылка — автоматическая система. Ее развитие породило множество производительных сил, для которых частная собственность является такими же оковами, какими цеховой строй был для мануфактуры и мелкое деревенское производство для развивающегося ремесла. При господстве частной собственности эти производительные силы получают лишь одностороннее развитие, становясь для большинства разрушительными силами, и множество подобных производительных сил вовсе не может найти себе применения при частной собственности»²⁾.

Последнее замечание Маркса о «производительных силах, становящихся разрушительными», как нельзя лучше характеризует состояние капитализма сегодня.

Вообще, анализируя движущие силы в развитии техники, Маркс и Энгельс, а в наши дни Ленин и Сталин постоянно подчеркивали антагонистический характер капиталистической техники. Ленин утверждал, что «прогресс науки и техники означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот».

V

История технической политики нашей партии показывает, как социализм создавал и создает адекватную себе техническую базу. Ленинский этап в развитии учения Маркса о технике как раз и заключается в определении и построении материального базиса социалистического строя. В одной из своих первых работ в 1901 г. Ленин писал: «Экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо, кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом».

¹⁾ «Воспоминания В. Либкнехта», 1918 г.

²⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 51.

Именно на основе анализа передовых путей развития мировой техники Ленин определил одно из ведущих звеньев в построении нового общества—электрификацию.

Ставя вопрос о едином хозяйственном плане и условиях его построения, Ленин тесно связывает создание плана с развертыванием и проведением в жизнь плана электрификации. Так, отмечая, что в комиссию по планам не вошли представители Гоэдро, он пишет т. Кржижановскому:

«Не вошло вовсе Гоэдро. По-моему, это неправильно: чего стоят «все» планы и «все плановые комиссии» и «плановые программы» без плана электрификации. Ничего не стоят»¹⁾.

Тов. Сталин писал Ленину по поводу выпущенного комиссией Гоэдро «Плана электрификации России» следующее:

«Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерской набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы («трудармии»? Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гоэдро. Средневековый кустарь, возмнивший себя ибсеновским герцем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам,—детский лепет приготишишек... Или еще: «обывательский реализм (на самом деле—маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» Гоэдро и по уши погрязшего в рутине...».

Мы видим полное совпадение взглядов Ленина и Сталина в оценке «левацкого» прожектерства Троцкого и обывательского реализма Рыкова и других.

Напомним, что предлагал Троцкий для восстановления России. В 1920 г. в докладе на IX съезде партии он проповедывал следующую концепцию истории техники: «Человек это довольно ленивое животное, и на этом качестве в сущности основан человеческий прогресс, потому что если бы человек не стремился экономно расходовать свою силу, то не было бы развития техники». И дальше Троцкий продолжает: «Принуждение играет и будет играть еще большую роль. Мы стоим перед необходимостью применения сложнейшей системы средств и методов и духовного, и организационного, и даже карательного характера для того, чтобы повышать производительность труда на тех принудительных (!) основах, на которых строится все наше хозяйство».

Мы привели этот бред потому, что в области технической политики еще не все сделано для систематического и полного разоблачения методологии контрреволюционного троцкизма.

В своей исторической формуле «Техника в период реконструкции решает все» т. Сталин подчеркнул решающее значение техники. Оппортунистическим теориям «невмешательства» в технику т. Сталин противопоставил лозунг овладения техникой. В докладе на январском пленуме ЦК (1933 г.) т. Сталин снова подчеркнул это: «Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой на рельсы новой, современной техники». Отсюда новый лозунг вождя нашей партии: «Пафос нового строительства дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники».

¹⁾ «Записки Института Ленина», т. III.

Особо актуальное значение приобретает история науки и техники именно в период второй пятилетки. Лозунг т. Сталина об освоении новой техники предполагает серьезное изучение всего ее предшествующего развития. Вот почему курс истории техники должен не только изложить историю технического развития, но также показать историческую ограниченность капиталистической техники и критическое ее освоение в СССР.

Часто нам незачем ездить в Америку изучать процессы изготовления автомобилей у Форда или получения стали на заводах Гери. Опыт Сталинграда или Кузнецка является тому порукой. Надо только наряду с общей «историей заводов» создать техническую историю производства и сократить тем самым «детские болезни» пусковых периодов.

VI

Марксистская история техники преподается уже во многих втузах, но опыт этого преподавания еще недостаточно учтен. Также нет еще стабильного учебника и развернутой программы. Наш теоретический фронт в этом отношении явно отстает.

Вот почему необходимо наметить хотя бы в общих чертах размеры курса по истории техники и осветить некоторые принципиальные вопросы.

Характерно, что по истории техники мы имеем ряд программ. Сколько втузов, столько же и вариантов программы. По основным программным вопросам существуют две ошибочных установки.

«Нам нужно изучать не сам по себе бессемеровский процесс, а экономические условия, вызвавшие его появление. При построении курса истории техники надо исходить от фактора социально-экономического и надо бояться акцентировать на технической стороне изобретения» — таков смысл высказываний т. Мишулина¹⁾.

В результате такой установки получаются рассуждения по поводу техники, а не марксистская история техники.

Как известно, Маркс вел борьбу с двумя уклонами: с одной стороны, с «технизмом» и, с другой стороны, с «экономизмом» — ошибкой Прудона, который считал машину экономической категорией. Не надо думать, что ошибки Прудона в «Философии нищеты» стали достоянием истории. Остатки взгляда на машину и технику как на экономические категории мы наблюдаем как раз у т. Мишулина. Напомним, как резко ставил вопрос об этом Маркс:

«Ведь это же поистине нелепость возводить машину в экономическую категорию наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. п. Машина не в большей мере является экономической категорией, нежели бык, который тащит плуг. Современное применение машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин есть нечто совершенно отличное от самих машин».

Не кажется ли т. Мишулину, что указание на нелепость, бессмысленность возведения машины в экономическую категорию бьет не в бровь, а прямо в глаз рассуждениям об экономической «сути» бессемеровского процесса?

Противоположную установку защищает т. М и л о н о в, пионер истории техники в СССР. Программа по истории техники, подготовленная бригадой т. Милонова, при всех ее коренных пороках представляет единственную серьезную попытку составить действительно научную программу. Но эта программа руководствуется по существу лишь двумя идеями: 1) в пределах каждой отрасли показать логическую связь отдельных изобретений, 2) в отношении общего развития техники показать взаимообусловленность тех-

¹⁾ Академия материальной культуры, цит. по газ. «Техника» от 30/V, 1933 г.

нического развития по отдельным отраслям. А этого для науки явно недостаточно. Необходимо дать понятие об общественной обусловленности технического процесса как результате трудовой деятельности общественного человека.

Точка зрения т. Милонова сводится к тому, что «задача марксистской истории техники — изучать конкретные изобретения, историю технических идей»¹⁾.

Правильно намечая основные вехи курса, т. Милонов остается в плену у фактов. Вся его программа является сплошным набором конкретных примеров, не соединенных анализом. А между тем нам необходимо подлинно научное освещение истории технического прогресса и развития его отдельных звеньев.

Учебник по истории техники должен иметь крепкий методологический остов. Но для того, чтобы он не носил абстрактного характера, требуются конкретный показ и анализ ведущих отраслей техники, причем естественно, что в отдельных втузах ударение делается на тех отраслях техники, которые составляют специальность данного втуза.

Энгельс в «Диалектике природы» указывает путь построения всякой точной науки. «Мы все согласны с тем, — пишет Энгельс, — что в любой научной области — безразлично, в естествознании или в истории — надо исходить из данных фактов, т. е., что в естествознании надо исходить из различных объективных форм движения материи (мы, социалистические материалисты, идем гораздо дальше естествоиспытателей...) и что, следовательно, в теоретическом естествознании нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а надо извлекать их из последних и, найдя, доказывать их, поскольку это возможно, опытным путем»²⁾.

Марксистская история техники в отличие от буржуазной должна вскрыть на основе метода диалектического материализма классовую обусловленность технического прогресса, показать, в чем заключается технологический принцип каждой экономической формации.

В своем теоретическом анализе мы должны исходить из данной К. Марксом установки: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»³⁾. Не все с этим однако согласны.

Например т. Иваницкий, первым в СССР выпустивший учебник по истории техники, утверждает, что «среди орудий труда наибольшее значение имеет костная и мускульная системы производства» в противоположность «сосудистой системе производства», предназначенной только для хранения предметов труда... Сосудистая система (трубы, бочки, корзины, сосуды) представляет лишь необходимое дополнение труда, служа для хранения и передвижения предметов труда⁴⁾.

Это глубоко неверно, так как здесь полностью смазывается роль химии, служащей не только «для хранения и передвижения». Автор как будто цитирует Маркса. Но на самом деле Маркс подчеркивает, что «средства труда, совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства... в химической фабрикации играют важную роль»⁵⁾. Полезно также напомнить указание Энгельса, что механическая техника отражает наиболее простые формы движения природы и что поэтому по мере развития техники, в частности техники химических реакций, механические методы заменяются на ряде участков методами химическими. То же положение мы находим и у Маркса. «По мере овладения человечеством химическими методами и

¹⁾ «Техника» от 30/V 1933 г.

²⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 91, изд. 1930 г.

³⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 121, изд. 1932 г.

⁴⁾ Иваницкий И, Введение в историю техники, стр. 7, Л., 1933 г.

⁵⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 12.

реакциями,—пишет он,—механическая обработка будет все более уступать место химической обработке».

VII

Перейдем теперь к вопросу о том, что должно быть положено в основу классификации курса по истории техники и разбивки его по темам.

Некоторые ретивые теоретики решили строить курс соответственно материалам орудий труда и в зависимости от них давать названия векам: каменный, бронзовый, железный и т. д. Но тогда теряется специфика капиталистической и советской техники. Другие, в частности энергетики, предлагают строить курс соответственно двигательным силам: человек, вода, век пара, век электричества. Но и это ничего нам не дает.

К сожалению, не дает ответа на этот вопрос и т. Иваницкий. Глава вторая его курса носит нелепое название «Домашинная техника». Здесь свалено все: происхождение орудий, овладение металлами и мануфактурное разделение труда. И что особенно странно, в главе «Домашинная техника» есть целый раздел, носящий название «Машины мануфактурного периода», и целый ряд высказываний о доменном производстве и механическом транспорте. Собственная беспечность привела автора к логическому абсурду, и поэтому самое содержание текста не соотнобразуется с заголовками.

Законы развития техники могут быть вскрыты лишь исходя из естественнонаучных основ техники (законы природы) и общественного характера техники (создание и применение машин в данных социальных условиях). При этом надо решительно подчеркнуть, что универсальных для всех эпох законов развития техники не существует и развитие техники как элемента производительных сил в каждой социальной формации совершается по особому, присущему только данной формации закону. Поэтому всякие надуманные схемы деления истории техники по материалам или по применению двигательных сил терпят фиаско, так как не исходят из какого-нибудь общего критерия для определения эпохи.

Ключом к пониманию схемы истории техники является прекрасное положение Маркса: «Производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и её технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, природными условиями»¹⁾.

Маркс дает здесь полное описание всех сторон производственного процесса. Наша задача состоит в том, чтобы проследить, какие видоизменения приобретают эти условия в отдельных экономических формациях. В другом месте мы находим и самую схему развития «производительных органов общественного человека». «Простые орудия; собрание простых орудий; сложные орудия; приведение в действие сложного орудия одним двигателем—руками человека; приведение этих инструментов в действие силами природы; машина, система машин, имеющая один двигатель... вот,—говорит Маркс,—ход развития машин»²⁾. Поэтому всякий курс марксистской истории техники (общий или отраслевой) должен строиться по общественным формациям (доклассовое общество, античное, феодальное, капиталистическое, социалистическое). Изложение технологического развития должно также давать общую характеристику производительных сил и техники каждой общественной формации и анализ отдельных этапов технического развития, связанного с возникновением, расцветом и гибелью классовых формаций и развитием социализма.

Боевым, актуальным вопросом современности является вопрос о взаимодействии науки и техники. Эта проблема имеет свою историю и до сих пор

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, гл. I, стр. 5.

²⁾ Маркс, Ниццета философии, стр. 128.

не сходит со страниц технических журналов. Проф. Агафонов например в книге «Итоги науки» (т. III, стр. 114) заявляет, что «область электричества представляет нам один из блестящих примеров того, как научная мысль, движимая главным образом интересами чистой любознательности, создает целую научную дисциплину, которая порождает огромную область техники». Это идеалистическое положение сознательно скрывает зависимость открытий от практики. Еще Энгельс в письме к Штаркенбергу 25 января 1894 г. писал, что «если... техника в значительной степени... зависит от состояния науки, то, обратно, наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники... Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его».

VIII

Нельзя не остановиться также на материальных предпосылках преподавания истории техники. Как известно, решение ЦИК СССР о высшей школе (сентябрь 1932 г.) требует внимания к учебно-материальной базе педагогического процесса. Этот вопрос особенно остро стоит в области истории науки и техники, так как в наследие от царского строя мы здесь ничего не получили, а западные образцы можно заимствовать лишь очень и очень критически. Громадным практическим подспорьем в преподавании истории техники являются музеи. Огромное, все более растущее в стране значение музейного фонда легко установить не только по бурному росту сети обычных краеведческих музеев и гигантскому увеличению их посещаемости, но и по росту специальных технических музеев. Кроме большой созидательной работы, связанной с организацией Всесоюзного дворца техники, согласно решению ЦК ВКП(б) от 25/III 1933 г. целый ряд учреждений приступает к созданию сети технических музеев непосредственно на предприятиях (Днепрогэс, Кузнецк и т. д.).

Общим для всей сети технических музеев является их зависимое положение от вузов и научно-исследовательских институтов, которые смотрят на музей как на свои «дочерние» предприятия. Отчасти поэтому наблюдается упорное, активное и пассивное, сопротивление при реорганизации музеев в историческом разрезе. «Осознательные» музеи техники являются сокровищницами фактического материала. Поэтому не случайно, что именно с ними связано издание целого ряда трудов по истории науки и техники. Особенно интересен в этом отношении опыт Мюнхенского музея техники. Система поощрений со стороны немецких предпринимателей вызвала появление целого ряда конструкторских предложений, а также работ по истории машин. Недавно переведенная с немецкого «История естествознания» Фридриха Даннемана (том I, под редакцией О. Ю. Шмидта и М. Левина, 432 стр.) является также результатом изучения работ этого музея. Сам автор признается, что в его распоряжении «была обширная библиотека, перешедшая к Мюнхенскому музею образцовых произведений естествознания и техники».

IX

Слабое знакомство педагогического и научного молодняка с историей науки в большой мере объясняется крайним недостатком соответствующей литературы. Издание «Истории естествознания» Даннемана восполняет этот пробел, но только отчасти, так как несомненно богатый фактический материал по истории науки пропитан эклектическими взглядами автора. Редакторам это должно было быть известно, как и прямые указания В. И. Ленина о книге Даннемана. К сожалению, надо отметить, что редакционное предисловие и многочисленные подстрочные примечания не могут служить хорошей страховкой от идеалистической мешанины книги.

«История естествознания,—пишут редакторы книги,—достаточно ярко вскрывает зависимость развития естественно-научной мысли от развития

производительных сил, производственных отношений, от потребности технически овладеть силами природы для того, чтобы заставить даже буржуазного историка, смотрящего на историю естествознания сквозь очки классово-и национальной ограниченности и предубежденности, говорить материалистической прозой, когда ему хотелось бы говорить языком идеалистической лирики».

Редакторы книги Даннемана проявили и гн о р и р о в а н и е м а р к с о л е н и н с к о г о н а с л е д с т в а по вопросам истории науки и техники. Ленин, ставя проблему диалектической обработки истории науки и техники, проработал богатейший материал. Знаком был Ленин и с трудами Даннемана. В Институте Ленина имеются требовательные листки Бернской и Цюрихской библиотек. В них значится и книга Даннемана «Естественные науки в их развитии и взаимной связи» (4 тома).

По поводу книги Даннемана Ленин пишет следующее:

«Книга «Как создавалась наша картина мира?». Автор в этой брошюре дает вроде резюме своей 4-томной работе: «Естественные науки в их развитии» (Много популярничанья). Автор небрежно, важничая, фельетонно намечает философские вопросы, пошло. Книжечка ни то, ни се: для философской книги небрежно, фразисто, мелко, пошло; для популярной — претенциозно»¹⁾.

А наши редакторы ухитрились забыть эти руководящие указания Ленина и не упомянуть о них хотя бы одним словом.

В обильных примечаниях редакции нет ни одной ссылки на «Диалектику природы» Энгельса, труды Маркса и Ленина. Эта теоретическая беспечность более чем непонятна, и она погубила ценность многих примечаний. Возьмем например центральный вопрос древности—объяснение происхождения науки. По поводу зарождения астрономии Даннеман пишет: «Древнейшие народы занимались астрономией не только ради практической пользы, приносимой ею, она являлась в то же время наукой предзнаменований и таким образом в связи с фаталистической и подвластной воображению природой восточного человека очень скоро выродилась в астрологию» (стр. 35). Редакторы поясняют: «Конечно «природа восточного человека» здесь не при чем, суеверия на определенной стадии встречаются во всех странах... Тесно связанное с религией суеверие используется жрецами, как это правильно указывает автор, и возводится последними в систему, в которую вкраплены и зачатки подлинного научного знания». Ответа на вопрос о происхождении науки не дано и здесь. Все завуалировано никчемными рассуждениями о суевериях.

А между тем у Энгельса дается единственно правильный ответ по существу: «Необходимо изучить,—говорит он,—последовательное развитие отдельных отраслей естествознания. Сперва астрономия уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов. Астрономия может развиваться только при помощи математики. Следовательно, пришлось заняться и последней. Далее, на известной ступени развития земледелия и в известных странах (Египет), а в особенности вместе с возникновением городов и развитием ремесла развилась и механика... Таким образом уже с самого начала возникновение и развитие наук обусловлено производством»²⁾.

Приведя замечание Даннемана, что «существенным недостатком древних, которые хорошо справлялись с математикой, было то, что они не оказались в такой же степени способными к производству опытов» (стр. 85), редакция считает позицию автора «более трезвой (!) и осторожной», чем позиция идеалистов, и пускается в пространные объяснения промышленного

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 376—381.

²⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 48, изд. 1930 г.

переворота. «Буржуазная культура нового времени,— утверждает редакция,— усилила экспериментальное исследование, когда промышленность стала работать на широкий рынок и требовала более интенсивного производства. Сравнительная дороговизна рабочих рук (особенно в таких странах, как Италия, Голландия, затем Англия) толкала к изобретению машин и к улучшению процессов производства, вместе с которыми развилось и современное естествознание» (стр. 85). Но разве только дороговизна рабочих рук толкала к изобретению машин в XVII и XVIII столетиях? Утверждать это— значит ничего не понимать в существе промышленного переворота. В письме к Анненкову в 1846 г. Маркс писал следующее: «До 1825 г., эпохи первого всеобщего кризиса, потребности потребления вообще росли быстрее производства и развитие машин было неизбежным последствием потребностей рынка... Но это правильно только для Англии, что же касается европейских наций, то применять машины их заставляла конкуренция Англии, как на их собственном, внутреннем, так и на мировом рынке». Поэтому сначала Англия, а потом Голландия и Италия, а не наоборот, как думает редакция. «Дороговизна рабочих рук» относится больше к Америке и притом к другому периоду.

Кроме того в книге Даннемана есть ряд явно неверных, идеалистических утверждений, которые совершенно не отмечены редакторами. «Заслугой пифагорейцев (500—400 лет до нашей эры),— утверждает например автор,— является то, что они отделили математику от непосредственных жизненных потребностей и смотрели на нее как на чистую науку». В чем тут заслуга? Здесь открыто протаскивается старая идеалистическая теория о «чистой науке», а редакторы ни слова. Или еще: «Истории всех точных наук приходится очень мало считаться с Индией и Китаем, так как население этих стран жило очень замкнуто и потому имело ничтожное влияние на развитие естественно-научных знаний в передней Азии и Европе» (Даннеман, стр. 14). Это ясно противоречит фактам. Последние сообщения знаменитого английского ученого Сартона (см. «Сорена» № 9-10 за 1932 г.) опровергают эту ходячую теорию «замкнутости Китая и Индии». Сартон показывает, как в XIII столетии в Индии наступает «алгебраический ренессанс» и как «яркий расцвет алгебраического творчества в далеком Китае происходит не без влияния арабской и индийской алгебры» и т. п.

Для Даннемана вообще характерен националистический подход. Говоря например о последствиях великих географических открытий XV в., автор пишет: «Внутри белой расы постепенно получал преобладание германский элемент, ибо германские народы превосходили романские энергией, по умственной одаренности будучи по меньшей мере им равноценны, и наконец благодаря местожительству у открытого океана были особенно побуждаемы к дальнейшему развитию мировой торговли» (стр. 418).

* * *

Заканчивая, необходимо отметить, что на фронте истории науки и техники предстоит еще огромная работа. За прошедшие четыре года со дня опубликования решения ЦК ВКП(б) нами сделано чрезвычайно мало.

Эта работа должна во что бы то ни стало быть поднята во второй пятилетке на более высокую ступень. Перед нами неотложная потребность— создать действительно марксистскую историю техники. Эта потребность диктуется прежде всего практикой. Для инженера например, если он не хочет работать впустую, слепо, совершенно необходимо знание основных закономерностей в развитии техники. Труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина должны служить образцом того, как надо применять в области техники метод диалектического материализма, как надо связывать вопросы техники с задачами пролетариата. Эти труды необходимо изучать для того, чтобы знать подлинную диалектически-противоречивую историю техники капитализма и понять до конца тенденции ее дальнейшего социалистического развития.

Ленин о социальных и гносеологических корнях религии

П. Федосеев

I

Ленин придавал решающее значение вопросам материалистического понимания корней религии в деле обоснования политической линии пролетарской партии по отношению к религии, в деле разработки научной действенной тактики антирелигиозной пропаганды. «Мы должны бороться с религией,—писал Ленин.—Это—азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс»¹⁾.

Считая величайшим завоеванием марксизма распространение материалистической философии на область истории, на область общественных наук, Ленин показал, что это завоевание дает возможность вскрыть социальные корни религии, научно обосновать пропаганду атеизма, обосновать борьбу с религиозным мракобесием. В соответствии с учением марксизма о том, что не сознание определяет бытие, а наоборот, общественное бытие определяет собою сознание, Ленин учил о необходимости объяснения религии из материальных условий жизни людей, из их общественных отношений.

Буржуазные атеисты в период молодости своего класса весьма решительно выступали против религии, зло издевались над нелепостью ее учений. Однако их понимание религии целиком держалось на идеалистической основе, исходило из представления о религии как об известном продукте сознания, именно—невежественного сознания, как о продукте обмана невежественной массы кучкой хитрых управителей.

«Когда люди задумали жить сообща,—говорил Ламетри,—им пришлось выработать систему политических нравов с целью обеспечения своих взаимоотношений. А так как эти люди были непокорными животными, с трудом поддающимися укрощению, и стихийно всеми правдами и неправдами стремились к своему благополучию, то те, кто вследствие своего разума или способностей был признан достойным стать во главе других, предусмотрительно призвали на помощь правилам и законам, слишком прозаичным, чтобы пользоваться безусловным авторитетом для своенравного воображения беспокойного и грубого народа, религию. Она появилась со священной повязкой на глазах и скоро оказалась окруженной чернью, слушающей с разинутым ртом и с изумленным видом рассказы о чудесах, до которых чернь всегда

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 70.

падка и которые—странное дело!—производят на нее тем большее впечатление, чем меньше она их понимает»¹⁾.

Представление о религии как продукте невежества Ленин считал поверхностным, буржуазно ограниченным культурничеством, недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняющим корни религии.

Не менее резкую отповедь Ленин дал другому буржуазному пониманию источников религии, переносящему их в природу человека. Примером такого понимания является трактовка религии, которая развивалась в свое время богостроителями и рассматривала религию как комплекс идей, организующих социальные чувства людей, связывающих личность обществом. Ленин подчеркивал, что эта трактовка насквозь буржуазна и реакционна, ибо она подкрашивает поповскую идею «обуздания» зоологии.

Общие корни религии Ленин выразил в следующем замечании о сущности бога: «Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,—идей, закрепляющих эту придавленность, усыпающих классовую борьбу»²⁾. Придавленность человека гнетом несовершенной общественной жизни достигает высшей напряженности в капиталистическом обществе. Эта придавленность становится особенно чувствительной потому, что капиталистический способ производства в силу господствующей в нем товарной формы окутан непроницаемым туманом, окружен тайнами, недоступными уразумению не только забитых масс, но и высокоученых буржуазных экономистов.

Основное противоречие буржуазного строя—противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения,—порождая все столкновения и конфликты внутри общества, давит невыносимой тяжестью на все население, усиливает в ходе своего развития эксплуатацию пролетариата, систематически ухудшает его положение и обостряет непримиримую противоположность между пролетариатом и буржуазией. И чем резче выступает несоместимость общественного производства с капиталистическим способом присвоения, тем сильнее гнет несовершенной общественной организации тяготеет над эксплуатируемым трудовым народом, тем сильнее ощущается бессилие самих эксплуататоров справиться с непреодолимыми препятствиями, конфликтами и столкновениями, развивающимися в недрах капиталистического общества. «В современном буржуазном обществе люди подчинены созданным ими самими экономическим отношениям, произведенным ими самими средствам производства как какой-то чужой силе. Фактическое основание религиозной рефлексивной деятельности продолжается таким образом существовать, а вместе с нею и самый религиозный рефлекс. И если буржуазная экономия «даже начинает немного понимать» причины этого внешнего господства, то дело ничуть не изменяется. Буржуазная экономия не в состоянии ни противодействовать кризисам вообще, ни спасти отдельного капиталиста от убытков, от безнадежных долгов и банкротства, ни избавить отдельного рабочего от безработицы и нищеты: попржнему человек предполагает, а бог (т. е. внешнее господство капиталистического производства) располагает»³⁾. Порабощенное, эксплуатируемое большинство капиталистического общества поставлено в безграничную зависимость от игры стихийных сил капитала в условиях полуголодного, необеспеченного существования, подвержено постоянной угрозе быть выброшенным в ряды безработных, бездомных, обречено на вечные заботы о завтрашнем дне. Забитость, придавленность, угнетение и эксплуатация широких масс населения, их неуверенность и беспокойство, постоянно поддерживаемые и

¹⁾ Ламетри, Избр. соч., стр. 4—5, изд. 1925 г.

²⁾ Лен. сб. I, стр. 150.

³⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 302, изд. 1931 г.

подогреваемые стихией капиталистического строя, составляют основу религиозности этих масс. Религия является отражением в сознании масс непосильного гнета буржуазного строя, вынуждающего искать утешения в иллюзии, в фантастических образах загробной жизни. Корни религии даны самой системой буржуазного строя. «В современных капиталистических странах это—корни, главным образом, социальные. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.,—вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть,—вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса»¹⁾.

Иначе рассуждают о социальных корнях религии представители механистической ревизии марксизма-ленинизма. Считая религию результатом невежества, механисты утверждают, что прогресс науки и техники в буржуазном обществе кладет конец религиозным предрассудкам. Сарабьянов например считал, что основные классы капиталистического общества в силу своего общественно-экономического положения не нуждаются в религиозной вере; освобождены от необходимости преклоняться перед сверхъестественными силами. «Рабочий сам собственными руками, собственными глазами и ушами пускает машину в ход, видит ее работу, слышит ее перебой и лечит ее болезни... Пролетариат имеет много дела с чудесами науки, о происхождении которых он узнает от инженера, механика, от своего старшего товарища. И эти чудеса куда чудеснее тех, о которых слышал, читал верующий человек»²⁾.

Если в положении пролетариата не содержится источника религиозной веры, то тем более его не существует, по мнению Сарабьянова, в положении буржуазии. «Промышленный буржуа обычно не верует ни в бога, ни в чорта, так как, опираясь на технику, на машину, на пар, на электричество, он создал себе и своей семье полное благополучие, а в машине или в паровом котле едва ли капиталист будет искать нечистую или чистую силу»³⁾. Таким образом выходит, что буржуазные общественные отношения не только не порождают религиозной веры, но, напротив, рассеивают существовавший ранее религиозный туман, и следовательно проблема борьбы с религией снимается уже в недрах буржуазного общества. Рассуждения механистов о социальных корнях религии смазывают задачу борьбы с религией как важнейшим духовным оружием эксплуататорских классов, затушевывают классовый смысл этой борьбы.

Не менее вредное понимание истоков религии развивалось в работах представителей меньшевистствующего идеализма. Меньшевистствующий идеализм рассматривал религию как некое идеологическое образование, сохраняющее свое содержание при всех общественных изменениях и передающееся в качестве традиции от одного общественного строя к другому. Так например Деборин, рассуждая об истории католической церкви, заявляет, что

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 71.

²⁾ Сарабьянов, Об антирелигиозной пропаганде, стр. 84, 1926 г.

³⁾ Там же, стр. 84—85

«при всех общественных и идейных переворотах она остается однако верной себе, заботясь лишь об интересах бога, церкви и христианской морали»¹⁾).

Выхолащивая классовое существо католичества, Деборин утверждает, что католическая церковь может приспособить свое основное содержание к социализму. «Представляя собою идеологию феодальных классов, католическая церковь после победы буржуазии над старым феодальным обществом сумела устроиться и при новом хозяине. Она верою и правдою служила и служит буржуазии. Ныне же, когда рабочий класс готовится свергнуть иго буржуазии, по крайней мере в наиболее передовых странах, наиболее дальновидные представители католицизма начинают «приспосабливать» католицизм к социализму»²⁾). Приняв «социалистические» маневры церкви за ее действительную сущность, Деборин смазал враждебность религии делу борьбы пролетариата за социализм, смазал коренную противоположность социализма и религии. Церковь превратилась у него в равнодушный к классовым силам аппарат, заботящийся лишь о сохранении религиозных учений, одинаково способный служить всем классам, как эксплуататорским, реакционным, так и эксплуатируемым, революционным. Истоки религии лежат следовательно не в классовых отношениях, а в исторической традиции, в идеальности и устойчивости религиозных учений о «боге, церкви и христианской морали».

Извращенное представление об истоках религии, отрыв их от социальной основы, от классовых взаимоотношений связаны у механистов и меньшевистствующих идеалистов с непониманием классовой сущности религии, ее роли «опиума для народа», т. е. с непониманием «краеугольного камня всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии». Представляя собою идеологию бессилия, беспомощности, примиряя забытые, угнетенные массы с эксплуататорским общественным строем, давая им утешение в загробной жизни, усыпляя их сознание и волю к борьбе, религия всегда выполняла роль опиума для народа, род духовной сивухи,—и в этом состоит ее классовая эксплуататорская сущность. Все содержание религиозных учений пронизано духом покорности по отношению к эксплуататорам, духом примирения со всеми мерзостями негодного общественного строя. Именно это отупляющее, одурманивающее значение религии придает ей притягательную силу в глазах буржуазии, и вследствие этого своего значения она становится составной частью буржуазного арсенала для духовного пленения масс.

Подчинение религиозных учений интересам капитала облегчается и тем, что разработка их обычно ведется представителями господствующих классов. Учение Маркса о том, что идеи, господствующие в обществе, есть идеи господствующего класса, относится также и к содержанию религиозных учений. Религиозные верования и предрассудки держатся не только среди трудящихся масс. Господствующие классы буржуазного общества имеют также основания исповедывать и поддерживать религию. Отдельные капиталисты не ограждены от действия стихийных сил капитала, способных разорить, пустить по ветру их предприятия и их самих столкнуть вниз с вершины социальной лестницы. Периодически повторяющиеся кризисы делают эту угрозу особенно реальной. Современный всеобщий кризис капитализма, взрывая крупнейшие капиталистические предприятия, мировые фирмы, ежедневно доказывает шаткость, непрочность положения отдельных буржуа, подогревает среди них религиозную веру. Религиозность среди буржуазии поддерживал также и поддерживает больше, чем что-либо другое, постоянный страх перед революцией, перед потерей экономического и политического господства. Нарастающее революционное движение пролетариа-

¹⁾ Деборин, *Философия и марксизм*, стр. 88, изд. 1926 г.

²⁾ Там же, стр. 79.

та вселяет ужас в сознание буржуазных классов, заставляет их трепетать перед грядущей революционной грозой. Богомольная буржуазия ищет и находит в религии не фантастическое утешение, а реальное средство для упрочения своего господства, реальную узду для бунтующих масс народа. Неудивительно поэтому, что буржуазия всего мира «сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии»¹⁾. Оформление, толкование содержания всех религиозных учений проводилось обычно учеными прислужниками господствующих классов.

Религиозные догмы, обряды в руках представителей эксплуататорских классов принимали всегда именно такое содержание, какое наиболее соответствовало интересам этих классов. Характеризуя служебную роль христианской религии в отношении буржуазного общества, Маркс писал, что она религиозно осуждает те же самые преступления, которые уголовное уложение осуждает юридически, т. е. преступления против основ буржуазного строя. И здесь дело не только в том, что буржуазные теологи сознательно подгоняют религиозные учения к интересам капитала. Сознательный обман в религиозном «творчестве» всегда имеет место, и его роль тем значительнее, чем ближе конец старого общества, чем реальнее угроза его разрушения. Поповские провокации эпохи всеобщего кризиса капитализма на каждом шагу подтверждают это положение. Однако кроме сознательного обмана здесь действует общий закон формирования идеологии господствующего класса.

Буржуазные идеологи, убежденные в том, что интересы буржуазии тождественны с интересами общества в целом, выдвигают идеи своего класса как всеобщие, надклассовые идеи всего общества. Религиозные учения и обряды, господствующие в буржуазном обществе, выражают в религиозной форме интересы господствующих классов, и религиозные организации являются составной частью общей системы буржуазных учреждений и организаций. И здесь дело не меняется от того, что среди разных классов и разных слоев населения распространены различные религиозные представления, соответствующие положению этих классов или слоев в обществе. «Одно дело — идея бога у дикаря зырянина и т. п. (полудикаря тоже), другое — у Струве и К^о. В обоих случаях эту идею поддерживает классовое господство (и эта идея поддерживает его)»²⁾. Диалектика религиозной идеологии такова, что, возникая на почве эксплуатации, угнетения, непосильной придавленности трудящихся масс как фантастическое утешение, как пассивный протест против действительной нищеты, она становится орудием укрепления породивших ее условий, направляется против самих же этих масс. Реакционное, эксплуататорское существо религии, ее роль опиума для народа в том и состоят, что она, являясь иллюзорным средством утешения, фантастическим якорем спасения забитых масс народа, в силу внутренней логики, по своей внутренней сущности выступает как орудие господствующих классов в деле одурачивания, духовного пленения этих масс.

Понимание религии как опиума для народа — это, с точки зрения Ленина, есть краеугольный камень всего мировоззрения марксизма в вопросе о религии. И Ленин развивал, конкретизировал классическое изречение Маркса о религии как об опиуме для народа, неопровержимо разъясняя, что «все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса»³⁾.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 185.

²⁾ Лен. сб. I, стр. 151.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 68.

Ленин с необычайной четкостью вскрыл, что политика буржуазии в религиозном вопросе направлена на раскол, на разложение революционного движения пролетариата. Буржуазия искусственно взвинчивает религиозные разногласия, выпячивает на первый план религиозные вопросы, пытаясь исключительно к ним свести интересы пролетариата.

Особое внимание Ленин уделял разоблачению классового существа буржуазной демократии, ее позиций в отношении религиозного мракобесия. Официальное отделение церкви от государства в странах буржуазной демократии не только не мешает, но и содействует укреплению фактической всесторонней связи религии с капиталом, связи служителей церкви с господствующими классами и их государственным аппаратом. «Чрезвычайно важны, — писал Ленин, — все материалы, относящиеся к Соединенным штатам Северной Америки, в которых меньше проявляется официальная, казенная государственная связь религии и капитала. Но зато нам яснее становится, что так называемая «современная демократия» (перед которой так неразумно разбивают свой лоб меньшевики, с.-р. и отчасти анархисты и т. п.) представляет из себя не что иное, как свободу проповедывать то, что буржуазия выгодно проповедывать, а выгодно ей проповедывать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.»¹⁾

Ленин разоблачил классовый смысл реформаторских тенденций в религиозном лагере, попыток подновить и подчистить религиозное мракобесие. Религиозное «обновленчество» так же, как и лицемерную буржуазную болтовню о демократии, Ленин рассматривал как попытки новыми, утонченными средствами укрепить позиции буржуазии.

Потому-то Ленин страстно напал на богостроительство, что оно объективно выполняло буржуазную задачу одурачивания масс наиболее тонкой «идейно» религией.

Развив и конкретизировав в новых условиях, условиях империализма, марксистское учение о религии как опиуме для народа. Ленин четко определил политическую линию партии в вопросе о религии, разработал тактику борьбы с религиозным мракобесием. Борьба с религией, учил Ленин, должна быть поставлена на почву классовой борьбы, подчинена задачам борьбы за диктатуру пролетариата. «Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии»²⁾. Только борьба против корней религии, против господства капитала во всех формах может обеспечить освобождение масс от пут религии.

Ленин решительно бичевал как героев «левой» фразы, анархистов, отрывающих борьбу с религией от хода классовой борьбы и придающих войне с богом первостепенное значение, так и оппортунистическое примиренчество по отношению к религии.

Ленин неоднократно указывал на то, что политическая линия марксизма в вопросе о религии неразрывно связана с его философскими основами. Люди, не понявшие или не желающие понять основ диалектического материализма, не могут охватить существо гибкой, подлинно диалектической тактики марксизма по вопросу о борьбе с религией, представляют себе эту тактику как колебание между «революционной» войной с богом и пассивным отношением к религии. «Но кто сколько-нибудь способен серьезно отнестись к марксизму, вдуматься в его философские основы и в опыт международной социал-демократии, тот легко увидит, что тактика марксизма по

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 186.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 70.

отношению к религии глубоко последовательна и продумана Марксом и Энгельсом, что то, что дилетанты или невежды считают шатаниями, есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма»¹⁾.

II

Социальные и гносеологические корни религии не являются двумя самостоятельными, независимыми источниками религиозного сознания. Своей социальной основой религия имеет несовершенные, разорванные общественные отношения, придавленность людей антагонистическим эксплуататорским общественным строем и противостоящей им внешней природой. Но как определенный вид идеологии религия не может возникнуть иначе, как только через деятельность сознания общественного человека, через извращенное отражение в головах людей их несовершенного бытия. Религия не прирождена человеку и не дается ему в готовом виде извне, скажем в виде божественного откровения, как тому учат попы всех религий. Она возникает лишь на определенной ступени общественного развития и отмирает при вступлении общества в «царство свободы», в коммунистическую фазу своего развития. Лишь на известном отрезке исторического развития религия властвует над умами людей, подчиняя их эксплуататорам, обрабатывая в духе уважения эксплуататорского строя, освящая порабощение, угнетение человека человеком.

Религия, как и всякая идеология, невозможна без деятельности человеческого сознания. Но эта деятельность не есть процесс «чистой мысли», управляемый лишь законами мышления. Деятельность сознания, порождающая религиозную идеологию, определяется, направляется и закрепляется условиями общественной жизни, классовыми отношениями.

Всякое сознание есть сознание окружающей реальной обстановки, сознание, понимание внешней природы и общественной жизни. Потребность практической деятельности толкает человеческое познание к раскрытию законов, свойств материального мира. Но познание не есть прямолинейное, всегда неуклонное и творческое шествие разума, а сложное, противоречивое зигзагообразное отражение в сознании объективного мира. «Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»²⁾. Эта противоречивость, зигзагообразность познания опять-таки определяется условиями общественного бытия познающего человека. При определенных общественных, классовых отношениях из сложной кривой человеческого познания растут и оформляются религиозные идеи, познание становится питательной почвой для религии. Гносеологические корни религии заключаются таким образом в обусловленном общественным бытием особых формах человеческого познания, в формах отражения в сознании людей постоянно развивающегося материального мира.

«У поповщины (= философского идеализма), конечно, есть гносеологические корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»³⁾.

Общественная практика толкает к познанию материального мира. Но познание не сразу и не прямо подходит к истине, не безошибочно и всесто-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 70.

²⁾ Лен. сб. IX, стр. 209.

³⁾ Лен. сб. XII, стр. 326.

ронне раскрывает законы и свойства объективной действительности. Далеко не все полученные истины соответствуют реальным отношениям. Человеческие понятия «объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹⁾. Они, наоборот, ложны, субъективны там, где классовый интерес эксплуататорских классов извращает эти понятия, закрепляет негодные отбросы познания, оформляет, растягивает их в целое мировоззрение, стоящее в противоречии с конкретной действительностью. Отбросы, обломки познания не приносятся в сознание извне, а порождаются в ходе самого познания, вырастают в качестве его бесплодных ответвлений. «Познание человека не есть (respectively не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видать леса) ведет тогда в болото, в поповщину, где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов»²⁾.

Идеалистическая философия, эта важнейшая опора поповщины, есть яркий образец выхватывания, вырывания отдельного кусочка, обломка из общих результатов познания и превращения, раздувания этого кусочка в целую систему мышления. Сознание как продукт материи отрывается от материи, выхватывается из связи с его материальной основой, превращается в начало и содержание всего реального мира. «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное (*überschwengliches—Dietzgen*) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный»³⁾.

Забвение сложности кривой, зигзагообразной линии человеческого познания, стремление идти кратчайшим, прямым путем, упростить и смазать разнообразие, богатство связей, отношений, превращение первой попавшейся черточки, грани познания в абсолют ведут неизбежно к извращенному представлению о мире, а в конечном счете — в болото поповщины. «Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота — вот гносеологические корни идеализма»⁴⁾.

Ленин наглядно вскрывает, как окостенелость, односторонность могут вести и ведут в непроходимые дебри идеалистической философии.

Абстрактные понятия, оторванные от конкретной действительности, метафизически, односторонне оторванные от целого, превращаются в мистические сущности, в идеалистические причуды. «Раздвоение познания человека и возможность идеализма (= религии) даны уже в первой элементарной абстракции («дом» вообще и отдельные дома). Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, в к л ю ч а ю щ и й в с е б я возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете=бога)»⁵⁾.

Но идеалистическая философия, выросшая в ходе человеческого познания как продукт раздувания, непомерного преувеличения одной из граней, черточек познания, — разбухания, обусловленного и закрепляемого интере-

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 231.

²⁾ Лен. сб. XII, стр. 236.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же, стр. 337 — 339.

сами эксплуататорских классов,— в свою очередь является питательной гносеологической почвой и гносеологической опорой религиозного мракобесия. «Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть («вернее» и «кроме того») дорога к поповщине через один из оттенков в бесконечно сложного познания (диалектического) человека»¹). Ставя дух над материей и выводя из него материю, признавая дух творцом материи, считая природу лишь инобытием или производным духа, идеализм полностью стоит на почве поповского учения о сотворении мира. Основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию — может в конечном счете иметь только два решения. «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конце концов признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые первичной считали природу, принадлежат к различному школам материализма»²). В зависимости от решения этого основного вопроса определяется отношение философов к религии, положительное или отрицательное отношение к идее сотворения мира. «Уже в средневековой схоластике игравший большую роль вопрос о том, как относится мышление к бытию, вопрос о том, что является изначальным: дух или природа, этот вопрос, на зло церкви, принял более резкий вид вопроса о том, создан ли мир богом или он существует от века»³).

Еще в работе Дицгена ярко показано, что идеалистическая философия является утонченной формой поповщины и перерастает в открытую поповщину и что именно свои гносеологические вопросы поповщина стремится превратить в свою базу. «Научная поповщина,— писал Дицген,— серьезнейшим образом стремится пособить религиозной поповщине... В особенности область теории познания, непонимание человеческого духа является такой вшивой ямой, в которой «кладет яйца» и та и другая поповщина»⁴).

Идеалистическое утверждение о превосходстве духа над материей, о производном и подчиненном характере материи есть не что иное, как подогретая, взятая на прокат вера в идею творения мира и загробной жизни. Наоборот, материалистическая теория познания является прямым противоядием религии, систематическим опровержением всех религиозных легенд.

Признавая материальный мир единственно реальным миром, рассматривая сознание, мышление как продукт высокоорганизованной материи, материализм наносит сокрушительный удар религиозному мракобесию. Недавно еще епископ Беркли, ополчаясь против атеистов, прежде всего считал необходимым для защиты религии разрушить ненавистное ему учение о материи. «На основе учения о материи, или о телесной субстанции,— говорит он,— воздвигнуты были все безбожные построения атеизма и отрицания религии... Нет надобности рассказывать о том, каким великим другом атеистов во все времена была материальная субстанция. Все их чудовищные системы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее, что раз будет удален этот краеугольный камень,— и все здание неминуемо развалится»⁵).

Если идеализм и религия взаимно поддерживают друг друга, не нарушая своих исходных принципов, то попытки соединить материализм с религией неизбежно приводят к извращению материализма, к его фальсификации. Фейербах например, будучи крупным материалистом, изменил материалистической философии, скатился на рельсы идеализма прежде всего там, где он

1) Лен. сб. XII, стр. 326.

2) Энгельс, Л. Фейербах, стр. 17—18, изд. 1933 г.

3) Там же, стр. 17.

4) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 278.

5) Там же, стр. 22.

пытается сохранить религию, хотя бы в измененном виде, очистив ее от грубой поповской грязи и казенщины. Маркс—Энгельс и вслед за ними Ленин ставили Фейербаху в вину, что он воюет с религией не ради ее полного уничтожения, а для ее утончения, очищения, изменяя тем самым всему духу материализма.

Метафизический материализм вообще не может быть совершенным, последовательным орудием в борьбе с религией. Неумение объяснить вопросы развития мира, неумение удержаться на позициях материализма при рассмотрении общественной жизни, уступки идеализму в ряде существеннейших вопросов представляют его уязвимые места в борьбе с религией, которые используются поповщиной для укрепления ее позиций. Лишь диалектический материализм, освободившись от недостатков и непоследовательности метафизического материализма, является решительным и победоносным оружием в борьбе со всеми видами идеализма и поповщины.

В зависимости от решения основного вопроса философии—об отношении мышления к бытию—определяется отношение философов к религии. Но необходимо отметить, что этот основной вопрос имеет и другую сторону, а именно: как относится наше сознание к окружающему миру, может ли наше мышление познать существующий мир? Решение этой стороны вопроса имеет также существенное значение для определения позиции философов по отношению к религии.

Философы, отрицающие познаваемость мира, ограничивающие силу человеческого разума, так или иначе открывают лазейку поповщине, приводят к утверждению бытия бога там, где отрицаются способности нашего познания. Крупнейшим философом такого толка являлся, как известно, Кант. Разделив существующий мир на мир явлений и мир «вещей в себе», Кант считал невозможным познание второго, сделал «вещь в себе» недоступной тайной для разума. Непознаваемый мир вещей в себе оказался предметом веры, вместилищем потусторонних сил, надежным прибежищем поповщины. Эту сторону своей философии Кант четко выразил в предисловии ко второму изданию своей «Критики чистого разума». «Таким образом,— писал он,— там я не могу даже предположить бога, свободу и бессмертия, которые необходимы для практических целей моего разума, без того, чтобы вместе с этим не лишить спекулятивный разум его чрезмерного притязания на пронизательность... я должен был уничтожить знание для того, чтобы очистить место вере».

Отрицание познаваемости мира или ограничение возможности познания неизбежно ведут к примирению с религией и к поддержке поповщины. Это отчетливо вскрыл Ленин и показал, что агностикам, сторонникам линии Канта и Юма, присуща «терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах». Диалектический материализм, напротив, утверждая объективное существование и познаваемость вещей в себе, переход их в вещи для нас, т. е. переход от незнания к их познанию, не оставляет места для идеалистически-поповских ухищрений, направленных на защиту религии. Философские измышления о непознаваемости мира марксизм-ленинизм опрокидывает введением критерия практики в теорию познания.

Отрицание познаваемости внешнего мира, ведущее в конечном счете к отрицанию объективного существования этого мира и примирению с религиозной идеологией, нашло наиболее четкое выражение в философии махизма. На примере махизма можно отчетливо проследить связь идеализма и агностицизма, с одной стороны, и религии — с другой, вскрыть их взаимную поддержку и переход друг в друга.

Мах, как известно, рассматривал весь существующий мир как комплекс элементов, под которыми он понимал ощущения. Разнообразие мира

есть, с его точки зрения, различные сочетания комплексов ощущений. Материальность мира Мах считал фикцией, порождаемой дурной привычкой рассудка. Философия махизма есть не что иное, как субъективный идеализм. Объявив материю фикцией, а вопрос о действительности внешнего мира недоступным познанию и бесполезным, Мах поставил под сомнение возможность различения факта от иллюзии, т. е. признал равное право на достоверность и науки и религии. «В повседневном мышлении и обыденной речи противопоставляют обыкновенно кажущееся, иллюзорное действительности... Но на каком основании мы называем один факт действительностью, а другой низводим до значения иллюзии?.. Когда мы совершаем ту естественную ошибку, что в случаях необыкновенных все же ждем наступления явлений обычных, то наши ожидания, конечно, бывают обмануты. Но факты в этом не виноваты. Говорить в подобных случаях об иллюзии имеет смысл с точки зрения практической, но ничуть не научной. В такой же мере не имеет никакого смысла с точки зрения научной часто обсуждаемый вопрос, существует ли действительно мир или он есть лишь наша иллюзия, не более, как сон»¹).

Отсюда неудивительно утверждение Маха, что «религиозные мнения есть частное дело». Здесь полностью вскрывается примиренчество махизма с религией, его капитулирование перед ней, ибо «нейтральность философа в этом вопросе уже есть лакейство пред фидеизмом, а дальше нейтральности не поднимаются и не могут подняться Мах и Авенариус в силу исходных пунктов своей гносеологии»²).

Вполне понятно поэтому, что когда после подавления революции 1905 г., в период черной реакции, часть интеллигенции отошла от революции, когда среди контрреволюционной буржуазной интеллигенции усиленно развивались религиозные настроения, махизм пышно расцвел на русской почве и явился философской основой богостроительских тенденций отдельных социал-демократов. Ленин ярко вскрыл, что богостроительские выверты являются логическим выводом из махистской философии, развивавшейся Богдановым, Луначарским и др. В соответствии с учением Маха Богданов утверждал, что физический мир есть социально организованный опыт, что «элементы опыта», т. е. психические переживания, являются основанием физического мира. Но выведение материи из психического означает повторение старых басен идеализма и стало быть защиту исходных позиций поповщины. Созидаемая богостроителями религия опиралась следовательно на их философско-махистские воззрения. «Надо быть слепым, чтобы не видеть идейного родства между «обожествлением высших человеческих потенций» Луначарского и «всеобщей подстановкой» психического под всю его физическую природу Богданова»³).

Выяснению гносеологических корней религии большое внимание уделял Г. В. Плеханов. В его работах содержится весьма ценный анализ логической и исторической связи идеализма и религии. Идеалистическую философию Плеханов рассматривал как историческое развитие первобытных анимистических идей, первобытного представления о господстве духа над всем материальным. «Раз утвердилась вера в сотворение мира тем или другим духом, то этим была подготовлена почва для всех тех философских систем, в которых дух (субъект) является точкой исхода и, стало быть, так или иначе определяет собою существование природы (объекта). Вот в каком смысле мы можем и должны признать, что спиритуалистическая — да и всякая идеалистическая — философия, в ее противоположности

¹) См. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 112—113.

²) Там же, стр. 281.

³) Там же, стр. 282.

материализму, происходит от первобытного анимизма»¹). Достаточно четко выяснена Плехановым и другая, обратная сторона вопроса — вопрос об идеализме как теоретическом источнике религии. Плеханов неоднократно указывал, что идеалистическая философия является теоретической основой религиозных построений, одним из средств упрочения религии. У Плеханова имеются также замечания, вскрывающие классовый смысл борьбы буржуазных философов против материализма, борьбы, направленной на сохранение и упрочение религии. «Если класс, господствующий в данном обществе, выдвигает из своей среды людей, занимающихся вопросами теории вообще и вопросами философии в частности, то эти люди, наверно, будут заклятыми врагами такого философского учения, которое, распространяя понятие естественной законосообразности на все миропонимание, подрывает самую основу религиозных верований»²).

Однако Плеханов не мог до конца материалистически разработать вопроса о социальных и гносеологических корнях религии, вскрыть классовую сущность религиозного мракобесия, показать связь религиозного понимания с ходом человеческого познания и классовое содержание этой связи. В его понимании источников религии содержится немало элементов идеализма и механицизма. В вопросе возникновения религиозных представлений Плеханов следует за позитивистско-идеалистической точкой зрения Тейлора — Спенсера. Происхождение так называемых анимистических идей Плеханов выводит из ложного толкования дикарем сновидений, обмороков, смерти организма. «Не зная строения своего тела и не умея объяснить сновидения, люди создают представление о душе»³). Так Плеханов формулирует свою точку зрения на происхождение первобытных религиозных идей. Его общая приверженность к формальной логике проявилась в вопросе о религиозных идеях в том, что он отвел непомерно преувеличенное значение суждению по аналогии. Этот логический принцип Плеханов признал основой формирования дикарем религиозных представлений «В своей борьбе за существование он совершает известные действия, которыми причиняются известные явления. Таким образом он привыкает смотреть на себя как на причину этих явлений. Судя по аналогии с собою, он думает, что и все остальные явления вызываются действиями существ, подобно ему имеющих известные ощущения, потребности, страсти, рассудок и волю. Но он не видит этих существ и потому считает их «духами», при обычных условиях недоступными его внешним чувствам и только в исключительных случаях непосредственно действующими на них. На почве этого анимизма возникает религия, дальнейшее развитие которой определяется ходом общественного развития»⁴). В оценке характера первобытного мышления Плеханов также следует за Тейлором, который на первое место выдвигает суждение по аналогии. «На более ранней ступени знания люди полагались гораздо больше нашего на умозаключение путем аналогии или путем простой ассоциации представлений. При переходе от того, что уже известно, к чему-нибудь новому аналогия, или умозаключение по сходству, всегда была и остается еще и теперь естественным проводником для ума в его поисках за истиною»⁵). Для первобытного общества Плеханов считал возможным игнорировать связь религиозных представлений со строем общественных отношений и выводить эти представления из фактов фи-

¹) Плеханов, Предисловие к книге Деборина «Введение в философию диалектического материализма», стр. 12, изд. 1931 г.

²) Там же, стр. 16.

³) Плеханов, т. XVII, стр. 205.

⁴) Плеханов, Предисловие к книге Деборина «Введение в философию диалектического материализма», стр. 11.

⁵) Тейлор, Антропология, стр. 252.

физиологического и психологического порядка. «Смерть, сон и обморок относятся к числу тех явлений, которые наиболее способствовали возникновению понятия о душе. Но сон, смерть и обморок обуславливаются не социальными противоположностями, а физиологической природой человека. Поэтому объяснять социальными противоположностями возникновение понятия о душе,— а следовательно и о духе,— значит злоупотреблять тем методом, который сулит нам чрезвычайно ценные открытия в будущем»¹⁾. Но и в «будущем», т. е. на дальнейших ступенях общественного развития, Плеханов не вскрыл с достаточной ясностью зависимость религиозных идей от хода общественной жизни, сводя их обычно по аналогии к техническим моментам процесса труда. А отсюда и социальное содержание религии осталось нераскрытым, смазалась ее реакционная роль опиума для народа. Четкое и глубокое определение религии как опиума для народа, данное Марксом, Плеханов заменил формальным определением, указывая, что под религией нужно понимать форму, в коей человек осуществляет свои отношения к сверхчеловеческим и таинственным силам, от которых он считает себя зависимым.

Вскрывая реакционное содержание религии и борясь против религиозного мракобесия, Плеханов однако не пошел дальше уразумения противоречия между логикой науки и логикой религии и несовместимость религии и социализма выяснял только на этой же логической почве. В его понимании религия реакционна лишь в познавательном смысле, в смысле тормоза развития научного познания законов природы и общественной жизни. Теоретические воззрения Плеханова не могут быть последовательным и безупречным оружием в борьбе с религией. В них существует ряд уязвимых мест, открытых для атак поповщины. Сюда прежде всего относятся элементы агностицизма. Теория иероглифов, противопоставляемая ясной материалистической теории отражения Маркса — Ленина, есть уступка кантианству, есть дорожка к отрицанию познаваемости мира, есть следовательно уступка поповщине. Такое же значение имеет заявление Плеханова о том, что «мы только верим в атом», что «пространство и время суть формы сознания и что поэтому первое отличительное свойство их есть субъективность».

Уступки кантианству занимают значительное место в работах Плеханова. А какую неоценимую услугу оказывает «критическая философия» религии, выяснено достаточно хорошо самим же Плехановым. «Когда область религиозного верования оказывается значительно суженной под влиянием опыта, тогда на выручку религии является та философия, которая учит, что наука и религия лежат в совершенно различных плоскостях, так как религия имеет дело с потусторонним миром, а наука, опыт только с явлениями, и что поэтому расширение области опыта не может сузить область религии»²⁾.

III

«Коммунистическая революция,— писали основоположники научного коммунизма,— это самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого имущественными отношениями; не удивительно, что в ходе ее развития совершается самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого идеями»³⁾. Пролетарская революция в России явилась блестящим подтверждением этих предначертаний Маркса — Энгельса. Революция не только сбросила власть капиталистов и помещиков, не только разрушила старые производственные отношения, но и нанесла решительный удар идеологии ста-

¹⁾ Плеханов, т. XVII, стр. 144.

²⁾ Там же, стр. 323.

³⁾ «Коммунистический манифест», стр. 35—36, изд. 1933 г.

рого общества, положила начало для расцвета новой, пролетарской культуры. В отличие от ранних буржуазных революций, развертывающихся в форме столкновений и борьбы различных религиозных идей, пролетарская революция решительно порывает с религиозными традициями, впервые с необычайной ясностью вскрывает действительные цели и задачи борьбы, размежевывая борющиеся классы в соответствии с их материальными интересами. «Вместе с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит одновременно и переворот в воззрениях и представлениях людей и в их религиозных представлениях. Но современный переворот отличается от всех предшествующих именно тем, что люди, наконец, разгадали секрет этого исторического процесса переворота и поэтому отбросили всякую религию, вместо того чтобы снова представить себе этот практический «внешний» процесс в трансцендентной небесной форме новой религии»¹). Уже Парижская коммуна решительно отмежевалась от религиозного мракобесия, отделила церковь от государства и раскрыла эксплуататорское существование религии, заявив, что «духовенство было сообщником монархии в ее преступлениях против свободы».

Октябрьская революция, разрешив мимоходом демократические задачи в религиозном вопросе, расшатала материальные основы религии, завоевала предпосылки для движения к социалистическому обществу, к освобождению трудящихся от пут религии. В ожесточенных классовых битвах гражданской войны, в развернувшейся последующей классовой борьбе в период построения фундамента социалистической экономики религия раскрыла полностью свое эксплуататорское существование, религиозные организации выявили себя полностью перед широкими массами как агентуру контрреволюции. Основные массы пролетариата и значительные слои трудящегося крестьянства отошли от религии, порвали связь с религиозными организациями. Разрыв трудящихся масс с религиозным мракобесием, убедившихся на опыте классовой борьбы в контрреволюционной сущности религии, еще раз подтвердил правильность указаний Ленина о том, что «только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную практику, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии»²). Однако с религией далеко не все еще покончено, и религиозные организации, поскольку они сохранились, не складывают своего оружия, а вместе с остатками враждебных классов продолжают вести подрывную, вредительскую деятельность, переходя от одних форм наскоков к другим, изменяя свою тактику в соответствии с происходящими социальными сдвигами в нашей стране. В переходный период, в особенности на его первых этапах, еще сохраняются известные социальные корни религии. Революцией эти корни были расшатаны, но еще не выкорчеваны. Поскольку в стране еще сохранялись остатки старых экономических укладов, постольку оставались еще и социальные основы религиозного мракобесия. Характеризуя переходную экономику, Ленин в 1918 г. указывал на наличие пяти элементов различных экономических укладов в нашей стране. Эти элементы следующие: 1) Патриархальное, преимущественно натуральное крестьянское хозяйство. 2) Мелкое товарное производство. 3) Частнохозяйственный капитализм. 4) Госкапитализм. 5) Социализм. Мелкотоварные и частнокапиталистические хозяйства являлись главной материальной питательной почвой для религии. Известное оживление и частичное возрождение частнокапиталистических элементов с введением напa вызвали оживление деятельности религиозных организаций, что в частности нашло выражение в значительном росте сектантства. Если мелкото-

¹) «Мысли Маркса — Энгельса о религии», стр. 351.

²) Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 69.

варное хозяйство ежедневно, ежечасно рождало капитализм (в рамках, ограниченных диктатурой пролетариата), то оно же порождало соответствующие ему формы идеологии. Религия, как легальная форма буржуазной идеологии и буржуазного влияния, усиленно поддерживалась и пропагандировалась остатками эксплуататорских классов, а религиозные организации являлись легальными центрами сосредоточения контрреволюционных сил. Имея в виду живучесть религиозной идеологии и некоторое частичное укрепление ее социальных корней с введением нэпа¹⁾, глубоко понимая классовое, контрреволюционное существо религии, Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» со всей резкостью поставил задачу «всестороннего развертывания антирелигиозной пропаганды, усиления борьбы с религиозным мракобесием».

Совершенно иная постановка вопроса о религии в переходный период давалась механистами, меньшевистствующим идеализмом и контрреволюционным троцкизмом. Механисты отрицали наличие социальных корней религии в переходный период и существование религии объясняли недостаточным уровнем культуры, невежеством масс. Степанов например писал следующее: «Все отношения так просты и ясны, что только безнадежно искалеченные рабы умы не сумеют в них разобраться и в самом начале остановят работу своего познания смиренным преклонением перед какой-то божественной или бесовской силой и властью»²⁾. Отрицание социальных корней религии увязывалось с непониманием классовой сущности религии и ее организации, вело к неправильному, оппортунистическому толкованию задач и методов борьбы с религией. Политически заостренная антирелигиозная пропаганда, направленная на разоблачение классовой сущности религии, подчиненная задачам классовой борьбы пролетариата, подменялась голым культурничеством. «Как лучше всего можно выбить из головы верующих людей их представления о сверхъестественном?—спрашивал Сарабьянов.—Конечно лучше всего систематическим изложением естествознания»³⁾. Распространение естествознания, как одно из средств (и притом подчиненных) антирелигиозной пропаганды, выдвигается здесь на первый план, классовое же содержание борьбы с религией совершенно смазывается. Механистическое понимание религии явилось теоретической основой правооппортунистической тактики антирелигиозной пропаганды, основой рассуждений об отмирании религии в порядке самотека и о том, что трактор «убьет» религию, независимо от социальных отношений в деревне, и т. д.

Представители меньшевистствующего идеализма в силу своих идеалистических установок не могли понять актуального политического значения борьбы с религией, стояли в стороне от антирелигиозной работы. Для них, как и для механистов, характерно непонимание социальных корней религии и ее классового эксплуататорского существа. Меньшевистствующие идеалисты представляли себе религию только как некий идеологический пережиток, выражающийся в несовершенной методологии, в старых формах логики. Именно такое понимание выпирает в следующем рассуждении Преображенского: «Год великого перелома» в нашей экономике есть вместе с тем год перелома в религиозной идеологии, от которой остаются лишь жалкие, но вместе с тем и наиболее трудно преодолимые остатки прежней метафизической логики «здравого смысла, заменяемой логикой материалистической диалектики»⁴⁾. Сводя религию к «жалким остаткам метафизической логики», Преображенский выдвигал и соответствующую

¹⁾ При одновременном росте безбожия в массах.

²⁾ Степанов-Скворцов, Благочестивые размышления, стр. 109.

³⁾ В. Сарабьянов, Об антирелигиозной пропаганде, стр. 31.

⁴⁾ «Революция и культура» № 22, стр. 12—13.

тактику борьбы с религией. «Борьба с религией перерастает в борьбу со всеми возможными видами идеалистических выводов и извращений, сопутствующих естественной логике «здравого смысла»¹⁾.

Подмена классового содержания антирелигиозной пропаганды отвлеченным философствованием, методологизированием — такова позиция меньшевистствующего идеализма в вопросе о борьбе с религией. Логика обязывает! Если у механистов естествознание заменяло и заслоняло собой все марксистско-ленинское мировоззрение, то понятно, что в их представлении естествознание являлось универсальным средством и в борьбе с религией. Наоборот, меньшевистствующие идеалисты, философствуя для философии, отрывая теорию от практики классовой борьбы, иначе и представить не могли борьбу с религией, как только в форме философской, логической борьбы и только на философской почве.

Но непонимание социальных корней и классовой сущности религии, перенесение борьбы с религией исключительно на философскую почву вели к игнорированию массовой антирелигиозной пропаганды, к администрированию, т. е. к «левому» оппортунизму в вопросе о религии.

Близкую к позициям меньшевистствующего идеализма точку зрения в вопросе антирелигиозной пропаганды развивал Троцкий. Источник религии Троцкий видел не в социальных отношениях, а в субъективных переживаниях и потребностях человека. «Элемент рассеяния, отвлечения и развлечений играет в церковной обрядности огромную роль. Церковь действует театральными приемами на зрение, слух и обоняние (ладан!), а через них на воображение. Потребность же человека в театральности — посмотреть и послушать необычное, яркое, выводящее из жизненного однообразия — очень велика, неискоренима, требовательна с детских лет и до глубокой старости»²⁾.

Если религия вырастает из потребности в театральности и своими обрядами и богослужениями удовлетворяет эту потребность, то ясно, что ликвидация религиозности может быть достигнута при помощи замены религиозной театральности театральностью светской. К этой замене Троцкий и предлагал свести борьбу с религией — «безыдейную обрядность, которая ложится на сознание косным грузом, нельзя разрушить одной лишь критикой, а можно вытеснить новыми формами быта, новыми развлечениями, новой, более культурной театральностью»³⁾.

Ясно, что сведение антирелигиозной пропаганды к одной лишь театральности, отказ от борьбы с религией как классово враждебной идеологией развязали бы руки поповщине, означали бы капитуляцию перед религиозным мракобесием. Троцкистское понимание религии и троцкистские рецепты борьбы с ней вместо вооружения безбожного движения привели бы к укреплению религиозных организаций. Все эти оппортунистические и примиренческие по отношению к религии установки стоят в прямом противоречии с указаниями Ленина и партийных съездов о борьбе с религией в переходный период. XII съезд партии в развитие партийной программы дал развернутую характеристику задач и содержания антирелигиозной пропаганды. «Работа партии по окончательному разрушению религиозных верований во всех видах среди рабочих и крестьянских масс неизбежно приобретает прежде всего характер углубленной систематической пропаганды, наглядно и убедительно вскрывающей каждому рабочему и крестьянину ложь и противоречие его интересам всякой религии, разоблачающей связь различных религиозных групп с интересами господствующих классов и ставящей

¹⁾ «Революция и культура» № 22, стр. 12—13.

²⁾ Троцкий, Вопросы быта, стр. 36.

³⁾ Там же.

на место отживающих остатков религиозных представлений ясные научные взгляды на природу и человеческое общество»¹).

Вопреки всем оппортунистическим и ревизионистским установкам партии под руководством т. Сталина неуклонно проводила и проводит ленинскую линию в отношении религии и достигла громадных успехов в деле освобождения трудящихся масс от пут религии, в деле развития массового безбожного движения. В беседе с американской делегацией об отношении партии к религии т. Сталин еще раз подчеркнул необходимость развертывания антирелигиозной пропаганды. «Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано. Антирелигиозная пропаганда является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства. Бывают случаи, что кое-кто из членов партии иногда мешает всемерному развертыванию антирелигиозной пропаганды. Если таких членов партии исключают, так это очень хорошо, ибо таким «коммунистам» не место в рядах нашей партии»²). Отнюдь не считая религию «частным делом», проводя неуклонно ленинскую политическую линию в вопросе о религии, партия всегда придавала важное значение антирелигиозной пропаганде, мобилизуя широкие безбожные массы на борьбу с религией.

XVI съезд партии, отметив значительные успехи в деле освобождения трудящихся масс от реакционного влияния религии, предложил закрепить и развить эти успехи.

На основе гигантских побед социализма и роста материально-культурного уровня трудящихся отход широких слоев рабочих и крестьян от религии принял характер массового движения. Вступив во вторую пятилетку, пролетариат Советского союза может гордиться громадными успехами на идеологическом фронте и в частности в деле рассеивания религиозного дурмана. Распространение научного, марксистско-ленинского мировоззрения и широкая антирелигиозная пропаганда разоблачают классовую сущность и корни религии, ускоряя процесс освобождения трудящихся от религиозных предрассудков. Религиозные организации, выявляя в ходе классовой борьбы свое контрреволюционное существо, все более и более теряют свое влияние среди трудящихся масс.

Все это конечно не значит, что религия уже похоронена и борьба с религиозным мракобесием становится излишней. Было бы странно думать, что остатки враждебных классов откажутся от использования религиозных пережитков в качестве орудия контрреволюции. В соответствии с неизбежным обострением классовой борьбы в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, с неизбежным в силу этого сохранением и даже усилением буржуазных и мелкобуржуазных влияний на отдельные отсталые слои трудящихся и в дальнейшем религия будет оказывать известное влияние на массы, а религиозные организации активизировать свою подрывную, вредительскую деятельность.

Вышибленные из колеи остатки враждебных классов не только не складывают оружия, но и усиливают свою подрывную, вредительскую деятельность, перестраивая методы и формы борьбы с советской властью, изменяют свою тактику в соответствии с изменившейся обстановкой.

Пролезая в наши предприятия, учреждения и в особенности в колхозы и совхозы, остатки враждебных классов пытаются изнутри подорвать основы советского строя путем разложения труддисциплины, организации вредительства, саботажа и организации воровства общественной собственности в особенности.

¹) ВКП(б) в резолюциях, т. I, стр. 619.

²) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 369—70, изд. 4-е, 1932 г.

Изменение тактики классового врага нашло свое отражение в деятельности религиозных организаций. Массовое снятие попами санов, формальный отход сектантских главарей от общин, проникновение их в учреждения, колхозы и совхозы для ведения там вредительской деятельности—таков один из важнейших моментов в перестройке религиозного фронта. Поповская армия также изменяет приемы борьбы, усиленно расширяя антисоветскую пропаганду вне церкви, через поповский актив, перенося направление удара на решающие участки социалистической стройки.

В соответствии с решением ЦК и ЦКК вторая пятилетка должна быть пятилеткой освоения новых предприятий, новой техники, пятилеткой организационного укрепления колхозов и совхозов. Остатки враждебных классов оказывают ожесточенное сопротивление в разрешении этих задач, используя в качестве одного из средств сопротивления и религиозную идеологию. Будучи враждебна науке и технике, религия тормозит борьбу за овладение этими могущественными рычагами социалистического строительства, мешает следовательно борьбе за освоение новых предприятий, новой техники.

Особенно серьезным препятствием религия является для организационного укрепления колхозов и совхозов. Корни религии в деревне значительно прочнее, и она там оказывает большее влияние. Освещая мелкобуржуазные привычки, всевозможные мелкобуржуазные предрассудки, религия служит оправданием расхлябанности, рвачества, воровства общественного имущества, примиренческого отношения к врагам народа, пытающимся подорвать колхозный строй. Религиозные учения и религиозная мораль используются для прикрытия контрреволюционной деятельности.

Являясь пережитком капитализма в сознании людей, религия переплетается со всеми буржуазными понятиями и привычками и освещает их своим авторитетом. Задачи преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей, задачи социалистического перевоспитания трудящихся масс встречаются на пути своего разрешения серьезное препятствие в лице религиозной идеологии.

Важнейшим звеном в системе социалистического перевоспитания трудящихся является воспитание коммунистического отношения к труду. Пленум ЦК и ЦКК на первое место выдвинул вопросы повышения качества всей работы, вопросы повышения производительности труда. В этом же направлении следует и декрет правительства о борьбе с прогулами. Но можно ли от верующего ждать коммунистического отношения к труду, когда религиозные учения идут в разрез с самой элементарной дисциплиной труда, вызывают массовые прогулы в дни религиозных праздников, освещают рвачество, разгильдяйство, воспевают юродствующее безделье. Ясно, что борьба за воспитание коммунистического отношения к труду должна включать в себя и борьбу с религиозными предрассудками, ибо они мешают развертыванию социалистических форм труда.

Решающим звеном в системе социалистического перевоспитания масс является также воспитание социалистического отношения к общественной собственности, воспитание постоянной заботы об ее сохранении и умножении. Борьба с расхищением общественной собственности есть решающий участок классовой борьбы. Тов. Сталин с исключительной ясностью показал, что остатки враждебных классов свой главный удар направляют на основу социалистического строя — на общественную собственность.

Религия в руках этих бывших людей является одним из орудий организации расхищения общественной собственности. Освещая частную собственность, угрожая земными и небесными карами виновникам ее нарушения, религия в отношении собственности общественной проповедует откровенно воровские правила. «Если общественное — значит ничье. А если ничье, так и взять не грех» — такова позиция поповщины. «Раньше, — говорил

т. Каганович на Всесоюзном съезде колхозников, — считали священной частную собственность. Она вроде как бы от бога дана. Кулак всегда выступал в роли боготворца. «Как же, братцы, моя собственность, она от бога», теперь тот же кулак, поп и антиколхозные люди, наши враги, организуют воровство и не боятся «греха божьего». Они считают, что общественная собственность не от бога, а от дьявола. Мы же должны показать, что почище всякого бога и дьявола боремся с врагами колхозов, расхищающими нашу общественную собственность»¹). Ясно, что борьба за охрану и укрепление общественной собственности не может обойти вопросы борьбы с религиозной идеологией, идущей в разрез с принципами общественной собственности.

Социалистическое перевоспитание трудящихся масс предполагает замену старого, буржуазно-религиозного мировоззрения научным, марксистско-ленинским мировоззрением. Борьба за вооружение трудящихся масс марксистско-ленинской теорией встречает решительного врага в лице религии и ее союзника — философии идеализма. Эта борьба не может быть успешной без решительного удара по религиозной идеологии и питающим ее социальным и гносеологическим корням. Борьба с религией должна быть поднята на принципиальную теоретическую высоту, поставлена на прочную базу марксизма-ленинизма и увязана с борьбой против всех и всяких проявлений механистических и идеалистических извращений на различных участках теоретического фронта.

Если истоки религии весьма разнообразны, если она просачивается из самых различных пор, то построение антирелигиозной пропаганды должно быть разносторонним, богатым по своему содержанию. Однако разносторонность антирелигиозной пропаганды ни в коей мере не должна смазывать ее классового содержания. Антирелигиозная пропаганда должна быть сосредоточена вокруг ее главного ядра — разоблачения классовой эксплуататорской сущности религии.

В соответствии с учением Ленина безбожное движение должно быть подчинено задачам классовой борьбы пролетариата, направлено на уничтожение социальных корней религии, т. е. на борьбу за ликвидацию и уничтожение классов, за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, за построение бесклассового социалистического общества. Пока существуют классы, существуют, стало быть, социальные корни религии, оппортунистические рассуждения о свертывании антирелигиозной пропаганды представляют сугубую опасность и главную на данном этапе. Ничего общего не имеют с ленинизмом и должны быть подвергнуты решительному обстрелу также и «левацкие» попытки покончить с религией административными мерами. Вслед за Энгельсом Ленин едко высмеивал рассуждения Дюринга о необходимости законодательного запрещения религии в социалистическом обществе. «Энгельс требовал от рабочей партии уметь терпеливо работать над делом организации и просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией»²).

Основоположники марксизма-ленинизма прекрасно вскрыли условия отмирания религии, но они же и обосновали, что эти условия должны быть революционным образом завоеваны. «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мисти-

¹) Каганович, Доклад на съезде колхозников, стр. 34.

²) Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 69.

ческое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободно обобществившихся людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»¹⁾). Партия под руководством т. Сталина неуклонно ведет пролетарские и колхозные массы к полной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, к бесклассовому социалистическому обществу, к преодолению пережитков капитализма не только в экономике, но и в сознании людей, а следовательно и к освобождению трудящихся масс от тяготевающего над ними веками религиозного гнета.

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 37.

РАБОТЫ СЕМИНАРОВ ИКП

ФИЛОСОФИИ

„Докритический“ Кант

Б. Сливкер

Вряд ли найдется философ, о котором в буржуазной литературе было бы написано столько, сколько о Канте. Кант ею почти канонизирован. Десятки лет существуют специальные общества, толстые журналы, действующие во славу кантиады. Но все это относится к Канту, основоположнику трансцендентальной философии. «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения» — вот три евангелия идеалистов-неокантианцев.

Но Кант писал на протяжении почти 60 лет (от первой работы в 1746 г. до последних дней жизни — до 1804 г.). Если принять во внимание, что «Критика чистого разума» появилась только в 1781 г., то окажется, что значительная часть деятельности Канта относится к так называемому «докритическому» периоду. Буржуазная философия особенно превозносит «критицизм» Канта. С точки зрения диалектического материализма «критицизм» Канта сам является худшим видом догматики, ибо он лишен всяких элементов историзма. Как раз в ранних работах Канта исторический подход получил значительное развитие. Но об этом периоде буржуазная неокантианская и ревизионистская историография говорит всегда менее охотно и подробно. Этот период преподносится под видом раннего этапа биографии с его «детскими болезнями» и «грехами молодости»¹⁾.

Мы постараемся показать, что и в этом периоде Кант не свободен от дуализма. Но мы исходим из необходимости соблюдения одного из важнейших требований материалистической диалектики — требования историчности. В особенности это относится к изучению такого философа, как Кант. Это требование теснейшим образом связано с вопросом о партийности в философии и является важнейшим условием подлинной научности.

В борьбе с учителями немецкой буржуазии, которые «потопили всякое воспоминание о великих немецких философах и созданной ими диалектике в болоте безотрадного эклектизма», Энгельс заявлял, что «мы гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля»²⁾. Энгельс, подходя к Канту с точки зрения истории диалектической мысли, считал, что было бы «без нужды утомительным занятием» изучать после Гегеля диалектику в трансцендентальной философии, но Энгельс придавал исключительно большое значение Канту — автору «Космогонической теории происхождения мира». Исторически ценное у Канта в развитии диалектической мысли бесспорно так или иначе

¹⁾ Употребляя далее на протяжении всей статьи термин «докритический», мы прежде всего должны указать на его условность с нашей точки зрения. Под этим периодом мы понимаем период в развитии Канта до 1781 г., т. е. до «Критики чистого разума».

²⁾ Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 13, изд. 1926 г.

связано с материалистическими элементами кантовского дуализма, которые без докритического периода не могут быть поняты.

Неокантианцы, махисты вместе с загнивающей буржуазией и реакционным социал-фашизмом десятки лет «очищали» кантовскую философию от материализма, критикуя Канта справа, превращая Канта в стопроцентного идеалиста.

Восстановить подлинную историческую перспективу в эволюции Канта значит показать неокантианцам, что «вещь в себе», которую они с таким усердием вытраивают, у Канта не только была, но и имела свои глубокие исторические корни; это значит показать, что сама эволюция Канта к априоризму и агностицизму и дальнейшая эволюция к чистейшему идеализму неокантианства есть все более усиливающийся, реакционный по своей сущности, процесс извращения науки в соответствии с потребностями классово-эксплуататорских интересов буржуазии.

Извращения внутри марксизма-ленинизма всегда были проводниками влияния буржуазной идеологии на пролетариат.

Механицизм, выбрасывающий за борт философию, игнорирующий вместе с диалектикой историю развития диалектической мысли, историю борьбы материализма с идеализмом, никогда не ставил, да и не мог ставить перед собой задачу борьбы за марксизм-ленинизм в истории философии и в частности в вопросе о Канте. Этим самым он не только льет воду на мельницу всякой буржуазной, неокантианской, социал-фашистской историографии, но и разоружает в борьбе с ней пролетарскую теорию. Изучение докритического Канта неинтересно для нас и в точки зрения разоблачения современного механицизма, поскольку это изучение должно открыть нам некоторые страницы из истории борьбы проблем диалектической мысли с господствовавшим тогда механицизмом.

Яркий образец извращения исторической перспективы в изучении «диалектики у Канта» дал меньшевистствующий идеализм, в особенности в лице Деборина¹⁾ и Асмуса²⁾. Грубо насилуя историю и диалектику, они «задним числом» ищут и «отыскивают» у Канта все современные нам диалектико-материалистические категории. Нечего и говорить, что при этом стираются все грани не только между докритическим и критическим Кантом, но и между Кантом, Гегелем и Марксом.

Такое положение с разработкой проблемы докритического Канта является пробелом в нашей марксистской истории философии как в области научной, так в особенности в области учебной, тем более, что большинство докритических работ Канта оставалось до сих пор непереуверенным³⁾. Настоящая работа, далекая, разумеется, от задач всестороннего охвата темы и литературы, является попыткой постановки в отношении докритического Канта некоторых проблем, существенных с точки зрения истории борьбы материализма с идеализмом.

* * *

«Основная черта кантовской философии есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных противоположных философских направлений». В этих немногих словах Ленин дает исчерпывающую характеристику сущности философии Канта и вместе с тем ключ к определению действительной роли, значения и места в истории этой системы, с которой весь буржуазный мир вот уже второе столетие связывает начало новой эры человечества.

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», статья «Диалектика у Канта», стр. 11—75.

²⁾ Асмус, Диалектика Канта.

³⁾ Сейчас готовятся к печати Институтом философии Коммунистической академии.

Ленин прежде всего указывает здесь на отношение Канта к тому коренному вопросу, который разделяет философов на два больших лагеря. Здесь ключ к пониманию и сложности кантовой системы, ибо эта своеобразно сложившаяся классовая идеология стремилась к примирению и компромиссу таких по существу непримиримых партийных лагерей—материализма и идеализма, которые могут находиться между собой только в борьбе.

Для системы, которая складывалась на протяжении большей части XVIII столетия и оформилась в таких вершинах буржуазной культуры, как три «критики» Канта, примирение и компромисс материализма и идеализма нельзя ни в коем случае понимать как статическое равновесие различных сил, а как идеологическое отражение сложного процесса борьбы старого с новым на одном из поворотов истории от феодализма к капитализму.

Философия Канта уходит своими глубокими корнями в социально-экономическую историю Германии, а также в современный ему XVIII в. и может быть понята только в этой связи вопреки буржуазной философии, пытающейся сделать из кантианства откровение «вне времени».

Германия XVIII в. является продуктом ее своеобразного предшествующего развития.

Общая закономерность европейского, а затем и мирового развития с конца средних веков—рождение из недр феодальной новой, капиталистической формации—получила благодаря целому ряду причин свое специфическое преломление на той части территории бывшей Священной римской империи, которая носит название Германии.

После первых зачатков капитализма в XIV и XV вв., главным образом в городах по Средиземному морю, в XVI столетии начинается капиталистическая эра, и наиболее интенсивно там, где уничтожено уже крепостное право и пришли в упадок средневековые свободные города. «Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина составляет основу всего процесса... Его история в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии...¹⁾».

Провозвестник нового способа производства—буржуазия с ее беспредельной жадной прибылью бурно ворвалась в замкнутую, застойную жизнь средневековья, разрушая «все феодальные, патриархальные, идиллистические отношения», разрывая «все пестрые феодальные нити», топя «в холодной воде эгоистического расчета священный порыв набожной мечтательности, рыцарского воодушевления и мещанской сентиментальности» («Коммунистический манифест»).

Открытие Америки и морского пути в Индию расширило пределы известного до тех пор мира.

Под всемогущим действием обмена и рынка падали перегородки характерного для средних веков партикуляризма, разлагалось натуральное хозяйство.

Под революционно преобразующим действием капитала изменялась география Европы, ее экономическая и политическая карта.

Мелким самодовлеющим общинам феодализма было противопоставлено требование образования и усиления национальных государств как экономических организмов с сильными узловыми пунктами транзита, обмена и сбыта товаров. Эти узловые пункты становятся центрами, втягивающими страну в товарное производство. Здесь же складываются центры культуры, закрепляющие в национальных рамках интересы вновь призванного к господству класса.

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 708—709, изд. 1923 г.

Экономической необходимостью для капитала была послушная и вместе с тем сильная централизованная власть, которая могла бы с оружием в руках как внутри, так и вне страны расчистить далеко еще непроторенные тогда, а подчас и небезопасные для капитализма пути.

Мы отмечаем особое значение этой экономической необходимости, поскольку это крайне важно для понимания различия в развитии Англии и Франции, с одной стороны, и Германии — с другой.

Вместе с тем эта тенденция образования сильной централизованной национальной власти, пробивавшая себе дорогу сквозь дебри и заросли феодального средневековья, влияла на реальную расстановку классовых сил, сложный переплет которых вуалируется религиозным маскарадом католицизма и различных национальных оттенков протестантизма.

Реформация, наиболее резко и ярко проявившаяся в Германии, стала до некоторой степени поворотным пунктом истории последней.

Еще в первой четверти XVI столетия Германия была не в последних рядах начавшегося капиталистического развития. Этому способствовало благоприятное тогда экономико-географическое ее положение на великом торговом пути из Индии на Север, хотя вековая морская монополия Ганзы была уже поколеблена конкуренцией Англии и Голландии, а также открытием Васко-де-Гамы морского пути в Индию. Северные немецкие города Аугсбург и Нюрнберг выдвинулись как крупнейшие центры торговли Европы с Востоком. Расцвет городов дал толчок дальнейшему развитию уже ранее начавшейся добычи сырья горного и рудного дела.

О XIV и XV вв. Энгельс прямо говорит как о периоде значительного подъема немецкой промышленности. «Место феодальной, сельской, местной промышленности заняло городское, цеховое ремесло, производившее на более широкие круги потребителей и даже на отдельные рынки. Изготовление грубых шерстяных сукон и полотна становится постоянной, широко распространенной отраслью промышленности»¹⁾. Особого развития как в области ткачества, так и в области ювелирной, оружейной, граверной, токарной и т. п. достигает в отдельных местах производство, связанное с удовлетворением потребностей светской и церковной роскоши. Все это сопровождается рядом более или менее важных открытий и изобретений, среди которых особенно выделяется изобретение пороха и книгопечатания.

И все же Германия отставала от передовых стран—Англии, Нидерландов, Италии. Это отставание в области земледелия, промышленности и торговли стало усиливаться с начала XVI в. благодаря двум дополнявшим друг друга обстоятельствам.

Вызванное рождением и развитием капитализма открытие в конце XV в. Америки и Ост-Индского пути привело к перемещению мировой торговли с берегов Средиземного моря на берега Атлантического океана. Это в свою очередь вызвало в положении европейских государств в мировой торговле крупнейшие перемещения, в результате которых Германия была значительно оттеснена.

Экономическое ослабление Германии помешало ее политическому объединению и сильно отразилось на ее внутреннем развитии. При редком все еще населении началось вовлечение Германии в русло капиталистического развития сосредотачивалось вокруг отдельных промышленных и торговых центров, часто расходившихся в своих интересах. Север и Юг, Запад и Восток ничем экономически не были связаны между собой. Преобладающая часть мелких городов, расположенных в стороне от торговых путей, не говоря уже о крестьянской массе, прозябала в узком кругу местных отношений. В таких

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр., соч. т. VIII, стр. 115.

условиях «ни один город не мог сделаться промышленным и торговым центром, средоточием страны, каким для Англии был уже Лондон» (Энгельс). «В то время как в Англии и Франции развитие торговли и промышленности привело к сцеплению интересов всей страны и тем самым к политической централизации, в Германии этот процесс привел лишь к группировке интересов по провинциям, вокруг местных интересов и поэтому к политической раздробленности, которая вскоре должна была окончательно закрепиться благодаря исключению Германии из мировой торговли»¹⁾.

Феодальная империя все больше распадалась на ряд независимых княжеств, стремившихся превратиться в независимые государства; обособлялись отдельные города и имперские рыцари.

Занявшие командные высоты князья выступали как «представители централизации в самой раздробленности» (Энгельс), как носители местной и провинциальной централизации. Полный произвол в управлении принимал неограниченные размеры в деле выкачки налогов и поборов, падавших главным образом на скованного по ногам и рукам крепостной зависимостью и феодальным бесправием крестьянина. На него «ложилась своей тяжестью вся иерархия общественного здания: князья, дворянство, попы, патриции, городские бюргеры»²⁾.

Отчетливо вырисовывается классовая дифференциация городов. Городской-аристократической верхушке патрицианских родов противостоит своя городская оппозиция, которая в свою очередь дифференцируется. С одной стороны, бюргеры, богатые, средние и отчасти мелкие горожане, — «умеренная», «лояльная», «зажиточная» интеллигентная оппозиция, в которой Энгельс уже видит «предтечу позднейших либералов». С другой стороны, оппозиция «плебейская»: ремесленные подмастерья, поденщики и многочисленные зачатки во всех отношениях неимущего и бесправного люмпен-пролетариата. «Они были живым симптомом разложения феодального цехового городского общества и в то же время предшественниками современного буржуазного общества» (Энгельс). Здесь у Томаса Мюнцера и его партии мы видим то «предвосхищение коммунизма фантазией», которое «стало в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений».

Все эти классы — сословия Германской империи начала XVI в. — «образовывали чрезвычайно запутанную массу с чрезвычайно разнообразными во всех направлениях перекрещивающимися потребностями»³⁾.

Вся последующая история Германии сложилась так, что этот классово-сословный профиль начала XVI столетия предreshал в основном ее общественные отношения и движущие силы не только для всего XVIII в., но и для значительной части первой половины XIX в. Недаром Энгельс характеристику классовых интересов периода крестьянской войны строит на исторических параллелях и сопоставлениях этих двух разделенных промежутком в три столетия эпох. Маркс подчеркивает, что именно со времени реформации немецкое развитие получило чисто мелкобуржуазный характер.

Реформация в Германии была первой из трех решительных битв европейской буржуазии против феодализма задолго до английской революции XVII в. и Великой французской революции конца XVIII столетия.

Два политических восстания реформации связаны с призывом Лютера к борьбе против католической церкви — восстание низшего дворянства под предводительством Франца фон-Зиккингена и Великая крестьянская война. Оба они были подавлены главным образом «вследствие нерешительности на-

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 117.

²⁾ Там же, стр. 125.

³⁾ Там же.

ибо более заинтересованной партии, городской буржуазии»... Крупные феодальные владельцы пожали все плоды своей победы, а «Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политических активных наций Европы»¹⁾.

Экономически отсталое среднее городское бюргерство, а также консервативное земское дворянство получили свою долю в виде немецкой формы протестантизма — лютеранства. На арене борьбы за власть остались только две способные на это силы: князья и император. Аусбургский религиозный мир пытается еще стабилизировать создавшееся половинчатое компромиссное положение. Но вскоре объективная обстановка решительно складывается в пользу князей. Экономический упадок Юго-западной Германии к концу XVI в. окончательно подрывает значение городов и крупных центров банковского капитала. Вместе с тем исчезает и та сила, на которую опирались императоры. Укрепляется княжеский мелкoderжавный абсолютизм, а с ним усиливается политическая раздробленность, парализовавшая и приостановившая развитие той силы — формирующейся буржуазии, — которая на более благодарной почве западных соседей так бурно и властно поднялась.

Эти условия если и позволили еще в начале XVII столетия хотя и медленно поднимать экономический уровень Германии, то вместе с тем не могли предотвратить той катастрофы, которая вошла в историю Германии под именем 30-летней войны. Дата Вестфальского мира, который был результатом скорее истощения, нежели договора сторон, совпадает с рождением Лейбница и на сто лет отделена от первого литературного выступления Канта. Германия превращена в глухую провинцию Европы, потеряв $\frac{3}{4}$ своего населения. Полный упадок промышленности и торговли, возрождение средневековой схоластики в науке, крайняя степень нравственного одичания нашли свое отражение в единственном литературном памятнике эпохи — «Симплициссимусе» Гриммельсгаузена.

Все это предредило закрепление феодального режима на весь XVIII век, тот XVIII век, который Англия наполнила огромным содержанием экономического развития от мануфактуры до образцового капиталистического буржуазного строя, тот век, в течение которого Франция подготовила и совершила свою Великую революцию.

Германия — это несколько сот самостоятельных мелких владений, каждое из которых стремится уподобиться блестящему версальскому двору Людовика XIV. «Лакеи Франции, с гордостью носившие ливрею своего господина», строили свое управление на организованном грабеже. «Всеобщее восстановление крепостной зависимости является одной из причин, почему в Германии XVI и XVII вв. не могло возникнуть никакой промышленности». «Сравнительно с фактическим положением крестьян в XIII и XIV вв. новое крепостное состояние было всем чем угодно, только не смягчением. И особенно после 30-летней войны»²⁾.

Упадок бывшей прежде передовой Западной и Южной Германии выдвинул на политическую арену окраинную Пруссию. В состав ее кстати входил и захолустный тогда городишко Кенигсберг, родина Канта, с которой он не расставался всю свою жизнь. Здесь в Пруссии Гогенцоллерны, и в особенности современник Канта «Великий» Фридрих, приспособляли военный феодализм к передовым веяниям века, экономическую отсталость к меркантилизму, деспотизм «самой рабской в Европе страны» (Лессинг) к просвещенному абсолютизму. Здесь культивируется образцовая школа военной муштры — образец для русской «аракеевщины».

Маркс не может равнодушно говорить о Пруссии того времени, так

¹⁾ Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 21, изд. 1931 г.

²⁾ Маркс и Энгельс, Переписка, стр. 341—342.

же как впрочем и о германской буржуазии. «Мелкие мошенничества, подкупы, прямая купля, погоня за наследствами и т. д. — к подобной мерзости и сводится прусская история. Все, что есть интересного в феодальной истории—борьба сюзерена с вассалами, история с городами и т. д.—все это здесь в карикатурно-карликовом виде, потому что города здесь мелочно скупы, феодалы — ничтожное дубье, а верховный господин страны — сам мелочь. Притом в списке правителей встречаются всего лишь три характерные фигуры... ханжа, унтер-офицер... и пошлый шут»... «Господство поддерживалось умеренной посредственностью, аккуратным счетоводством, отсутствием крайностей, пунктуальностью военного устава, известной доморощенной пошлостью и «церковным уставом». Это отвратительно!» — заключает Маркс свое письмо Энгельсу (2/XII 1856 г.).

Наиболее значительным результатом всей предшествующей истории было полное обесиление в Германии городской буржуазии, того класса, с именем которого в других странах были связаны революционные потрясения нового времени. «Тот раскол всей нации на 2 больших лагеря, который имел место в начале первой революции во Франции» (Энгельс) и который характерен для буржуазных революций, был в Германии совершенно невозможен.

Здесь немецкие буржуа, по выражению Маркса, дошли только до «доброй воли» Канта. «Эта добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, подавленности и ничтожеству немецких буржуа, мелочные интересы которых никогда не были способны развиваться до общих национальных интересов класса и которые благодаря этому эксплуатировались буржуазией всех остальных наций. Этим мелочным местным интересам вполне соответствовали: с одной стороны — действительная местная и провинциальная ограниченность немецкого буржуа, а с другой — его космополитическая спесь»¹⁾.

О рабочем классе, который формировался из своей «предпролетарской» стадии, Энгельс справедливо говорит, что он «по своему общественному и политическому положению настолько же отстал от рабочего класса Англии или Франции, насколько германская буржуазия отстала от буржуазии этих стран».

Характерным для Германии было то, что благодаря хилому развитию в ней класса крупных капиталистов и промышленников наиболее многочисленным был класс мелких ремесленников и торговцев с его промежуточным положением между «буржуазией в собственном смысле слова», как говорит Энгельс, и пролетариатом.

Ход развития Германии, как мы пытались показать, наложил и на «буржуазию в собственном смысле слова» мелко-буржуазный отпечаток. Это дало повод Деборину сделать Канта, «сына седельника», «идеологом мелкобуржуазии»²⁾. Нам представляется эта трактовка грубо ошибочной. Такая «радикализация» социально-классовых корней Канта понадобилась очевидно Деборину для того, чтобы подвести «базис» под «диалектизирование» Канта. Но зато это измышление Деборина находится в явном противоречии с известными типично буржуазными взглядами Канта, в частности на роль цензовой собственности, как на единственный критерий гражданства, в котором Кант отказывает поденщикам, прислуге, женщинам, приказчикам и всем экономически несамостоятельным элементам.

И действительно Кант был идеологом буржуазии и, как говорит Маркс, «адвокатом немецкого буржуа» с его «мелкими делами» и «большими иллюзиями», с его «честным чиновничьим образом мыслей», с его «кажущейся не-

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 174.

²⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 73.

зависимостью теоретиков от бюргеров и бегством от практики энергичного французского буржуазного либерализма».

Не находивший применения своей политической активности, недоразвившийся до способности борьбы с действительностью, немецкий буржуа трусливо уходил в тень этой действительности.

Веками изгоняемый из политической и гражданской деятельности, классовый заряд буржуазии переключался в область абстракции. «Германия сопровождала развитие новых народов лишь абстрактной деятельностью мышления, не принимая активного участия в действительных боях этого развития», говорит Маркс. «Абстракция и высокомерие ее мышления шли всегда параллельно с односторонностью и низменностью ее действительности». В политике «немцы размышляли о том, что другие народы делали». Они — «философские современники действительности, не будучи ее историческими современниками». А потому «немецкая философия есть идеальное продолжение немецкой истории»¹⁾, а «философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции»²⁾.

Это хорошо выразил Г. Гейне, обращаясь к французам: «У нас были возмущения в мире мысли, точно так же, как у вас в мире материальном, и при разрушении старого учения мы горячились так же, как вы при штурме Бастилии»³⁾.

Так сложилась одна из важнейших черт немецкой классической философии — этой своеобразной идеологии буржуазии в эпоху ее революций. С этим оторванном от революционной практики «возмущением в мире мысли» связано несомненно указание Маркса на то, что действительную сторону в противовес материализму созерцательному развивал идеализм, но развивал абстрактно, так как не знал действительной, чувственной деятельности как таковой (первый тезис о Фейербахе).

В период подготовки и развертывания решающих для нового класса в Европе боев германская буржуазия, бессильная и трусливая, стремилась выразить в теории то, что другие делали на практике. Но оторванность этой теории от практики не могла пройти безнаказанно. И если французские материалисты были настоящими философами буржуазной революции, то «в немецкой философии от Канта до Гегеля проглядывает буржуазный обыватель то положительно, то отрицательно» (Энгельс).

Эту двойственность отразили и крупнейшие мировые имена в литературе и поэзии, которые выдвинул современный Канту просвещенный абсолютизм в его немецкой форме. Двойственную и противоречивую природу немецкой буржуазии чрезвычайно ярко выражает уже Лессинг. От «плоского убожества» действительности Шиллер ищет спасения в «высокопарном убожестве» кантовского идеала. Гете двояко относится к современному ему немецкому обществу. Он то вреждебен ему и восстает против него, то примиряется с ним. В нем постоянная «борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с ним перемирие и привыкнуть к нему. Так Гете то колоссально велик, то мелочен; то непокорный и насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный узкий филистер... Его темперамент, его силы, все его духовное направление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, которая его окружала, была жалка»⁴⁾.

¹⁾ Маркс, К критике гегелевской философии права.

²⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 212.

³⁾ Г. Гейне, т. III, стр. 76, изд. А. Ф. Маркса.

⁴⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 142.

Если французские пропагандисты материализма дали высокие образцы атеистической борьбы с остатками средневековья, то Кант, поднявшийся выше их в постановке некоторых вопросов философского обобщения реальных интересов движения, должен был одновременно выразить заботу об увязке и согласовании знания с верой. На пороге XIX в. он довершил дело, начатое Лютером.

Необходимый новому способу производства стремительный подъем уровня науки явно грозил затопить так уютно расположенные всей предшествующей германской историей равнины пиетизма и веры. Паульсен с удивлением говорит о том, как Кант вывел современников из мучительного состояния напряженности. «Его философия дала возможность быть честно мыслящим и в то же время искренне верующим; тысячи сердец с страстным энтузиазмом отблагодарили его за это»¹⁾. А позднейшая мировая буржуазия, прибавим мы, торжественно перенесла его в свой пантеон.

* * *

«Философия каждой эпохи,—говорит Энгельс,—располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей предшественниками и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны экономически-отсталые могут играть в философии руководящую роль» (Письма, стр. 384).

Несмотря на экономическую отсталость по сравнению с Англией и Францией, Германия, начиная с Канта, играет в философии руководящую роль. Это происходит от того, что Кант отражает, преломив сквозь призму охарактеризованной выше Германии, общеевропейское воздействие экономических влияний на имеющийся философский материал, доставленный предшественниками.

Канту принадлежит виднейшее место в истории философии второй половины XVIII в. Кант пытается подвести итог и дать обобщение огромного накопленного фактического материала. Кант не может быть правильно понят без вскрытия связи с мыслительным материалом не только ему современным, но и с традицией уходящей в глубь средневековья теологии. Поднявшись на высшую для своего времени ступень научной мысли, он наиболее консервативно хранит предания метафизической старины.

Кант, с одной стороны, — последний натурфилософ всего того предыдущего периода, когда естествознание с метафизикой шли слитно с философией, когда, как говорит Маркс, «метафизика еще заключала в себе положительное земное содержание, делая открытия в отдельных научных областях, которые казались связанными с ней». Кант, с другой стороны, стоит на том повороте, когда «к каждой науке пред'является требование выяснить свое место в общей системе вещей и знаний, а из прежней философии сохраняет свое значение наука о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика» (Энгельс).

В «мыслительном материале» предшественников Канта особенно заметны три струи. Если мы обратимся к самой Германии, то условия, породившие Канта, примыкали к условиям, породившим как его великого предшественника — Лейбница, так и карикатуру на Лейбница — вольфовскую метафизику.

Ленин в своем конспекте о Лейбнице (см. Лен. сб. XII) отмечает, что Лейбниц в отличие от Спинозы к понятию субстанции прибавляет понятие деятельной силы, таким образом, делает вывод Ленин, «Лейбниц через теологию подходил к принципу неразрывной (и универсальной, абсолютной) связи материи и движения».

¹⁾ Паульсен, Имм. Кант, его жизнь и учение.

С этих проблем, как мы увидим дальше, начинает Кант свою первую работу и развивает их в своей натурфилософии в целую систему «динамизма» (см. его *Metaf. Anfangsgründe des Naturwissenschaft*).

Особенно подчеркивает Ленин связь с Лейбницем кантовского априоризма. Последний по существу дан уже в известной поправке Лейбница к Локку. Критикуя локковский принцип: «Ничего нет в интеллекте, чего не было бы ранее в ощущении», Лейбниц готов даже принять его, но с одной оговоркой: «За исключением самого интеллекта». В «Новых опытах о разуме», которые впервые были опубликованы в 1765 г., Лейбниц как бы превосхищает важнейшие моменты и даже терминологию трансцендентального идеализма. Любопытны рассуждения Лейбница.

Происходят ли наши познания «из чувства и опыта или наша душа искони содержит в себе начала различных понятий и положений, которые только пробуждаются при случае внешними объектами», «подобно тому, как удар вызывает искры из ружья»? Все ли истины зависят от опыта, т. е. от индукции, и отдельных фактов или есть такие, которые имеют иное основание? «Хотя чувства необходимы для всех наших действительных познаний, однако они не могут дать нам всего познания, так как они не дают ничего кроме примеров, т. е. частных или индивидуальных истин. Но и все примеры, которые подтверждают общую истину, сколько бы их ни было, не могут дать этой истине характера всеобщей необходимости, так как из них вовсе не следует, что то, что произошло, будет всегда происходить таким же образом»¹⁾ (разрядка наша.—Б. С.). Ленин по поводу вывода Лейбница о «лежащих в нас» принципах «необходимых истин» отмечает: «Ср. Кант тоже» и особенно подчеркивает в феербаховском изложении следующее место: «Основная мысль» «Новых опытов» — подобно основной мысли «Критики чистого разума» — заключается в том, что всеобщность и неотделимая от нее необходимость (особо отмечено Лениным) выражают собственную сущность рассудка или способности создавать представления и поэтому не могут иметь своими источниками органы чувств или опыт, т. е. приходиться извне». Интересно, что Лейбниц сам считает себя в этом вопросе только последователем плеяды идеалистов, идущей от Платона через св. Павла, схоластиков и т. д. Этим подтверждается вывод Ленина по поводу априоризма, что «кантианство — старый хлам».

О философии Юма Кант говорит, что она «прервала его догматическую дремоту». Несомненно, что Юм немало способствовал утверждению агностицизма и феноменализма Канта и его отрыву явлений от вещей в себе и связанному с этим ограничению разума. С точки зрения основного вопроса в философии, о познаваемости внешнего мира, важно конечно общее у них — их агностицизм. Но, прослеживая развитие Канта в докритический период, мы не можем не отметить, что философия Юма послужила Канту в значительной мере оружием для критики старой метафизики («Грезы духовидца» и др.).

Не менее важное значение однако имеет и другое признание Канта о том, что он «далеко не последовал за Юмом в его заключениях»²⁾. И причина этого связана с тем положительным значением, которое не может не быть признано за Кантом в истории. Последовательно проведенный феноменализм и солипсизм, из которого исходил Юм, приводил к отрицанию всякой науки. Кант же пришел к философии от естествознания и математики. Призванные наступающим капитализмом на службу потребностям роста производительных сил, естествознание и математика особенно бурно

¹⁾ Лейбниц, Новые опыты, Избр. соч., стр. 188.

²⁾ Кант, Прологомены, стр. 8.

развиваются в течение XVII и XVIII вв. Уже в предшествовавший период в результате длительной осады такими силами, как Коперник, Дж. Бруно, Галилей, Кеплер, пала твердыня средневековья — геоцентрическое представление о планетной системе. Пытливому взору открылись новые области знания в физике, механике, астрономии, физиологии, анатомии, которых при всем желании на одном богословии не об'едешь. Поэтому требование Канта: «В естествознании все должно быть объяснено естественным образом» было требованием, которое еще раньше было выражено как Лейбницем, так и Ньютоном, хотя при этом никем из них не снималась с бога ответственность за «общее руководство».

Освобожденный от гипноза потустороннего мира взгляд человека капиталистической эры сосредоточился на фактах мира реального. Телескоп и микроскоп чрезвычайно расширяют горизонт. Уже в конце XVII в. через открытие дифференциального и интегрального исчисления в математику стихийно врывается движение, которое нужно выразить, заковать в четкие, ясные формулы. Наблюдение и эксперимент накапливают огромный материал, нуждающийся в обработке, осмысливании, обобщении. Уже одно описательное естествознание, которое достигло значительного развития, подсказывает связь не только явлений, но и отдельных областей между собой и заставляет наиболее передовые умы делать смутные догадки о происхождении и генетическом эволюционном понимании природы. Огромную работу по классификации растений и животных продельвает Линней. Он сам сознает, что его система, пока еще искусственная, учит лишь распознавать растения; она служит только пока не найдена естественная система, которая научит самой природе растений. Но вместе с тем он пришел пока только к тому выводу, что «мы насчитываем столько видов, сколько сначала было сотворено различных форм». Кювье и Ляйель уже к концу века начинают догадываться, что, «несмотря на видимый беспорядок... есть известная правильность» в геологических наложениях горных пород и пластов, «указывающих на их эпоху».

Замечательным популяризатором описательной естественной истории эпохи был Бюффон, пользовавшийся большой симпатией Канта. Последнего несомненно привлекал широкий исторический обзор, которым Бюффон картинно охватил все стадии земли до появления и изменения растений и животных на ней, вплоть до человека, «который должен занять свое место среди животных».

XVIII в. начинает уже обогащаться данными, которые не укладывались в рамки механистических обобщений, — данными химических превращений, статического электричества, физиологии органов чувств и нервной системы.

Все это делает предметом своих постоянных занятий и считает важным Кант натуралист-наблюдатель. По книгам, картам, описаниям путешественников, пользуясь сравнительным методом исследования, Кант строит курс физической географии, который впоследствии дополняется антропологией. Охватываемое им царство природы, начиная с образования земли, минералов, ископаемых, — эта лихорадочно-кропотливая работа века находит свое отражение у Канта, — проходит через мир растений, животных, добирается до нравственного мира человека. Во всем этом пестром, хаотическом на первый взгляд, разнообразии Кант стремится найти закономерность и выявить ее. Под конец своей деятельности в «Критике практического разума» Кант говорит о двух вещах, занимавших постоянно его воображение, это — «звездное небо над нами и моральный закон внутри нас. Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем мире и в необозримой величине, расширяет мое единение среди миров над мирами и системами из систем в безграничном времени их периодического движения»... Второе занимает в докритический период Канта гораздо меньшее

место и нашло свое выражение в огромном интересе, проявленном Кантом к Руссо за то, что он «открыл под разнообразием человеческих форм глубоко затаенную природу человека и скрытый закон...¹⁾. Гораздо большее место у докритического Канта занимают «звездное небо над нами» и властитель дум тогдашнего естествознания Ньютон, «который впервые увидел чрезвычайный порядок и правильность там, где до него находили беспорядок и плохо об'единенное разнообразие,— вот с тех пор кометы обращаются по геометрически правильным орбитам»²⁾. Гипотеза всемирного тяготения и основанное на ней логически-исчерпывающее математическое объяснение механического порядка природы представлялись идеалом точного знания. Поскольку не знали еще «капризов» своенравных молекулярных явлений, казалось, был найден образец сведения в с е х наблюдаемых явлений к «всеобщим и необходимым» геометрическим законам, к механической схеме. Идея Ньютона о «божественном первом толчке» не только была религиозным оправданием его системы, но способствовала замечательному упрощению в применении механических законов к явлениям природы, которое казалось крайне заманчивым для всеобщего их приложения и обусловило господство механического, метафизического материализма.

Идея развития

Дуализм Канта, отражавший двойственную природу немецкой буржуазии, привел его в конечном счете к субъективно-идеалистической метафизике. Но для докритического Канта и в частности для его натурфилософских работ начального периода характерно в значительной мере отражение материалистических тенденций борющейся или симпатизировавшей борьбе за новый способ производства буржуазии. Докритический период Канта проливает свет на то, как Кант в своей философии отталкивается от грандиозной попытки дать обобщение всех добытых знаний, поднять на наибольшую для своего времени высоту вытекавшие из них вопросы, хотя сам он не дал и не мог дать на них удовлетворительного ответа.

Первая работа Канта «Мысли об истинной мере живых сил» (1746 г.) при всей ее незрелости характерна тем, что бойко и с задором подхватила огромного значения вопрос, бывший предметом векового спора между Декартом и Лейбницем. Декарт, опираясь на не вполне последовательно выведенную из закона падения теорему Галилея, определил меру движения тела как произведение его массы (m) на скорость (v). Лейбниц первым обнаружил эту непоследовательность и в соответствии с законом падения установил для живой силы формулу mv^2 . Что этот спор касался в сущности вопроса о сохранении энергии, разъяснил только Энгельс (см. в «Диалектике природы» главу «Мера движения—работа»). Бросая упрек Даламберу в том, что он свел этот спор между Декартом и Лейбницем к «бесполезной словесной грызне», Энгельс отмечает, что Кант придавал ему большое значение, «хотя и неясно разбирался в вопросе». Все же нужно отметить, что Кант, отвергая огульное противопоставление mv — mv^2 , пытался преодолеть односторонность как Декарта, так и Лейбница, хотя явно склонялся к Лейбницу, признав формулу mv справедливой для мертвых сил, а формулу mv^2 — для живых сил. В этом же сочинении мы видим то различие начал математического (декартовского) и динамического (лейбницевского), которое будет играть заметную роль в «Критике чистого разума» (мир как математическое целое и природа как динамическое целое; первые пары категорий и

¹⁾ «Из литературного наследия» см. также его «Наблюдения над чувством возвышенного и прекрасного».

²⁾ Кант, Из литературного наследия.

антиномий — математические и вторые — динамические). Математическое выражает протяженность, об'ем, величину и агрегат; динамическое — силы, движение, взаимодействие, отношение.

Наконец здесь мы видим зачатки того динамизма, который представляет своеобразную переработку ньютоновских двух сил — притяжения и отталкивания — под сильным влиянием лейбницевской деятельной монады. Этот динамизм Канта имеет большое значение для его натурфилософского понимания материи, для научной разработки вопроса о строении и происхождении вселенной. «Материя есть движущееся и заполняющее пространство, т. е. противодействующее всему движущемуся, что стремится проникнуть в данный об'ем через свое движение», — формулирует впоследствии Кант в «Метафизическ. основопол. естествознания» (1786 г.). Но уже в одной из ранних работ, в сочинении 1758 г. «О новом учении о движении и покое», Кант говорит о всеобщей относительности движения и об отсутствии абсолютного покоя: «Тело, по отношению к которому другое находится в состоянии движения, само тоже находится в движении по отношению к нему».

Понимая движение не только как механическое перемещение под действием внешних сил, а как результат взаимодействия двух противоположно направленных и противоречивых, первоначальных, внутренне присущих материи сил, Кант пытался выйти за пределы механицизма своего времени. Упрощенное, грубое, механистическое представление о силах видело в них нечто внешнее материи и друг другу. Уже Лейбниц пытался выйти за пределы механицизма, исходя из одной отталкивательной силы, но выдвинув, как указал Ленин, «принцип самодеятельности» («монада не имеет ни окон, ни дверей») на теологической основе. Попытка Канта выйти за пределы механицизма уже опиралась на взаимодействие двух сил с устранением, как мы увидим дальше, первоначального толчка Ньютона. Это был некоторый шаг вперед, далекий однако от преодоления механицизма вообще.

Преодолеть механический материализм может только материализм диалектический. Гегель с точки зрения диалектики понятий (как он сам требует этого) подробно рассматривает кантовские силы¹⁾, но его идеализм не позволяет ему определить настоящее место Канта в этом вопросе.

Меньшевиствующий идеализм Деборина чрезвычайно ярко сказался в том, что он, через гегелевские очки рассматривая Канта, натягивает на него и закон единства и борьбы противоположностей и переход количества в качество²⁾ для того, чтобы притти к выводу о «своеобразной механистической диалектике» у Канта. Вот до какого опошления диалектики договорился меньшевиствующий идеализм. В этом же сказывается беспомощность гегельянского эпигонства подойти к Канту и развитию диалектики с подлинно исторической точки зрения.

Деборин совершенно игнорирует то, что так выпячивает Энгельс в «Диалектике природы», когда говорит о Канте. Именно Энгельс указывает, что «уже Кант рассматривал материю как единство притяжения и отталкивания» («Основные формы движения»).

Это понимание сил было исходным для построения знаменитой космогонической гипотезы. Характерно развернутое название этого сочинения Канта: «Общая естественная история и теория неба или опыт об устройстве и механическом происхождении всего мироздания на основе ньютоновских законов». Надо однако сказать, что Кант опирался как на достижения своего времени, так и на предшествовавший ему материал, в котором видное место занимают космогония и физика Декарта.

¹⁾ «Наука логики», стр. 106 и след.

²⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 19.

Ньютон, «соединивший небо с землей», открыв законы, управляющие механическим порядком небесных сил, не мог дать научного объяснения возникновению вселенной. Он сам закрыл себе к этому путь ссылкой на всемогущество божье как на причину этого возникновения, приняв отталкивательную форму движения, называемую в современной физике энергией, за таинственную тангенциальную силу, которая могла только привести к идее о сотворении и уничтожении движения «волей Творца».

Историю неба Кант начинает заявлением: «Дайте мне материю, и я построю из нее мир, т. е. ... покажу вам, как из нее должен образоваться мир». Материя же здесь имеет для Канта значение «не только поскольку она существует, а поскольку она действует».

Читая «Историю неба», мы как бы переносимся в грандиозный планетарий с тем условным масштабом, что в течение минут, пока мы переворачиваем страницу за страницей, вселенная переживает, как выражается Кант, «горы миллионов лет». Идеей развития, глубоким историзмом пронизана вся «История неба». Кант начинает с характеристики первоначальной природы как «самой грубой и бесформенной, какая только возможна». Вся материя, из которой состоит наша нынешняя солнечная система с ее планетами и кометами, разложена на ее самые простые части и заполняет все пространство вселенной. Но «в существенных свойствах элементов, из которых состоял хаос, можно сыскать уже признак того совершенства, которое они имели с самого начала их образования»¹⁾... Материя, которая как же т с я совершенно инертной, бесформенной и неупорядоченной, имеет в своем простейшем состоянии стремление преобразоваться в более организованную путем естественного развития. Элементы по существу обладают способностью приводить друг друга в движение и сами по себе суть источники жизни. Бесконечное разнообразие частей основной материи в соответствии с беспредельностью природы, различие в родах элементов способствуют возбуждению движения в материи и организации хаоса, так как вследствие этого нарушается покой, который царил бы при полной однородности рассеянных элементов, и хаос начинает формироваться около частиц, притягивающих сильнее других.

Так как «материя представляет собой вещество для образования всех миров, а распространение во всем бесконечном пространстве божеского присутствия неравномерно», но происходит по некоторому определенному закону плотности частиц, то элементы, имеющие большую полноту и силу притяжения, которые сами по себе занимают меньший объем, будут в мировом пространстве более рассеяны, чем более легкие.

Эти более плотные рассеянные элементы собирают посредством притяжения окружающую материю меньшего удельного веса и сами вместе с этой присоединенной материей концентрируются там, где находятся еще более плотные частицы.

Эти последние в свою очередь подвергаются такому же действию еще более плотных частиц. Так, нарастая, образуются комки, которые при завершении их образования остались бы навсегда неподвижными вследствие равенства притяжения, если бы в природе не было других сил, которые обнаруживает разложенная на мелкие частицы материя.

«Вследствие этих сил частицы отталкиваются друг от друга, и от борьбы этих сил с притяжением происходит то движение, в котором заключается длительная жизнь природы»²⁾. Эта отталкивательная сила, которая обнаруживается в действии паров и в расширении всяких газов, есть, как

¹⁾ Цит. по перев. изд. «Классические космогонические системы». М.—Л. Гиз, 1923 г. Имеется также перевод в журнале «Научное слово» № 2—5, 1902 г.

²⁾ Кант, История неба, стр. 42.

говорит Кант, «несомненное явление природы», и действие ее сказывается в том, что все элементы, падающие к их центрам притяжения, отклоняются в сторону от их прямолинейного движения и их отвесное падение преобразовывается в круговые по отношению к центру падения движения.

Так свел Кант весь видимый мир к эволюционному процессу, в котором, по строгим законам механики, из туманности — первичного хаоса — образуются звездные и планетные системы, выделяются солнца, планеты, кометы, космические тельца и космическая пыль. И наша солнечная система как одно из образований безграничной природы возникла из вращающейся, крайне разреженной газовой массы путем постепенного сжатия ее, причем наиболее сильное вращательное движение газового шара на экваторе отрывало от массы отдельные газовые кольца, которые сгущались в планеты, планеты и т. п. и стали вращаться вокруг центрального тела в направлении первоначального вращения.

«Таким образом, — говорит Энгельс, — процесс существования какой-нибудь солнечной системы представляется в виде взаимодействий притяжения и отталкивания»... «Так мы избавляемся от тангенциальной силы, которая превращается в особую форму проявления некоего, происходящего в центральном направлении, движения»¹⁾.

И Кант действительно заявляет, что он «для развития великого порядка природы не применял никаких других сил, кроме силы притяжения и силы отталкивания, двух сил, одинаково несомненных, одинаково простых и в то же время одинаково начальных и общих».

Вместе с тангенциальной силой и ньютоновским первоначальным толчком, казалось, выпадал из научно объясненного «великого порядка природы» и их божественный носитель.

Если бы Кант был последовательным, он мог бы с большим основанием, чем кто-либо другой в его время, дать известный ответ Наполеону по вопросу о боге в том смысле, что он «не нуждался в этой гипотезе». «История неба» говорила об этом научно убедительнее даже непревзойденной пропаганды французских материалистов. Но Кант был дуалистом и «адвокатом немецкого буржуа». Поэтому он в предисловии заявляет, что план своего исследования он наметил «лишь после того, как увидел себя спокойным и уверенным перед требованиями религии»... Устранение затруднений, которые, казалось, угрожали его тезисам со стороны религии, он видит в том, что его теория согласуется с богом или, точнее, с тем лейбницевским богом, который сотворил мир по принципу предустановленной гармонии и управляет этим миром по закону достаточного основания. «История неба» должна якобы рассеять тот туман, за которым обнаруживается «в полном блеске величие высшего существа». «В существенных свойствах элементов, из которых состоял хаос, можно уже сыскать признак того совершенства, которое они имели с самого начала их образования, так как сущность их есть следствие вечной идеи божественного Разума» (стр. 40).

Но в «Истории неба» всего меньше от бога, всего больше от науки. Здесь не только грандиозное применение математически сформулированных Ньютоном законов, но и обобщение космогонических работ Райта над строением звездного свода, главным образом «его идеи о млечном пути как о проекции на наш небесный свод слоя или диска звезд, составляющих одну определенную мировую систему»²⁾.

«История неба», одна из первых работ Канта (1755 г.), была случайными причинами на несколько десятков лет задержана выходом в свет и вышла вначале анонимно, незадолго до того, как независимо от Канта при-

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 167, изд. 1931 г.

²⁾ «Вопросы философии и психологии» за 1905 г., кн. 76-я, ст. Вернадского.

шел к той же гипотезе Лаплас, что дало повод Гельмгольцу назвать ее канто-лапласовской. Насколько она опередила свое время, можно судить по тому, что она прочно вошла в последующее научное понимание вселенной и оказала огромное влияние на научную работу в геологии, астрономии и смежных областях.

Злоключения этой работы Канта, а в большей мере то обстоятельство, что Кант сам поднял ее все более нарастающим у него идеализмом, привели к тому, что даже Чернышевский ничего не знал повидимому об этом докритическом периоде у Канта. Совершенно справедливо возмущаясь трансцендентальным идеализмом, он всецело противопоставляет Канта как идеалиста материалисту Лапласу¹⁾.

Характерно также отметить в шестом номере «Мироведения» (издание Академии наук СССР за 1932 г.) граничащую с «сенсацией» статью Поллака, доказывающую, что современники канто-лапласовской гипотезы, а с их легкой руки и последующая наука неправильно и недостаточно усвоили ее содержание. Поллак доказывает, что гипотеза, говоря об отделении от вращающейся, сжимающейся туманности мощных колец, каждое из которых потом превратилось в планету, имеет в виду не просто прерывное отделение колец через определенные промежутки времени, а два почти независимых одновременных процесса: 1) непрерывное отделение частиц атмосферы, продолжающих кружиться вокруг солнца, и 2) непрерывное соединение отделившихся частиц в несколько концентрических колец.

Отсюда вывод, что авторам гипотезы была совершенно чужда идея «катастроф», что «мир, управляемый законом тяготения, представляется им чем-то вроде гигантского, идеально работающего часового механизма».

Нам представляется эта трактовка механической и выхолащивающей из кантовской гипотезы то, что в ней самое исторически значительное — идею развития.

Только у основоположников марксизма мы находим правильную историческую оценку Канта.

Энгельс говорит об ограниченности механического материализма, неспособного взглянуть на мир как на процесс развития. Это черта, наиболее характерная для естествознания того времени.

Что «природа находится в вечном движении, это знали и тогда, но по тогдашнему представлению это вечное движение совершалось в одном неизменном круге и таким образом оставалось, собственно, на одном месте». В противовес этому отсутствию исторического взгляда на природу, «которого не чужд был даже Гегель», Энгельс отмечает, что «появившаяся тогда кантовская теория возникновения солнечной системы казалась простым курьезом» («Диалектика природы»).

Кантовскую теорию Энгельс считает величайшим завоеванием со времени Коперника. «Впервые было поколеблено представление о том, будто природа не имеет никакой истории во времени».

Глубокое понимание идеи развития выражено у Канта в смелой для того времени постановке проблемы постоянного возникновения и уничтожения. Кант выдвигает задачу проследить через всю бесконечность времени и пространства «этот феникс природы, который лишь затем сжигает себя, чтобы вновь молодым возродиться из своего пепла», и обращает внимание на то, «как природа даже там, где она распадается и стареет, неисчерпаема в новых образованиях». Поэтому он пришел уже к тому выводу, на который обращает внимание Энгельс, что возникновение солнечной системы предполагает ее исчезновение.

¹⁾ Чернышевский, Письма сыновьям, «Летописи марксизма», т. VII—VIII.

Этот принцип изучения с точки зрения постоянного изменения и развития Кант переносит и на изучение земли и всего, связанного с ее развитием. К «Истории неба» примыкает ряд развивающихся в разных направлениях эту проблему более мелких работ: «О переменах в обращении земли вокруг оси», «Старее ли земля с физической точки зрения?»; статьи «О землетрясениях», «По поводу теории ветров», и т. п.

Рассматривает ли Кант в этих работах значение морских приливов и отливов под влиянием притяжения солнца и луны как факторов, изменяющих скорость вращения земли вокруг оси; изучает ли он значение для возраста земли и ее истории процессов обнажения горных пород разрушительным действием дождя, ветра, льда (вопрос был вызван распространенной тогда идеей об уменьшении плодородия земли); обращает ли внимание на постоянное разрушение твердой земной коры реками и текучими водами или заинтересовывается под влиянием лиссабонского землетрясения вулканическими процессами,—он всегда исходит из значения огромных промежутков времени, в течение которых мелкие, незаметные на первый взгляд явления и происходящие на каждом шагу процессы, мимо которых мы вследствие их незначительности проходим, накаплиются и в конце концов производят самые грандиозные перевороты. Так, Энгельс отмечает, что открытием влияния морских приливов на замедление вращения земли Кант предвещал ее гибель.

От изучения земли Кант в своем стремлении найти «один общий закон», понять многообразие природы как единство, «проследить многообразие одной вещи во все времена» переходит к тому, что на земле («физическая география»), и особо к человеку («антропология»). История земли есть, по мнению Канта, «непрерывная география».

Наука о земле, по словам Бауха, «сделалась для Канта, теми стовратными Фивами, из которых ему открывались пути во всю область науки о природе».

Но закономерности развития органического мира и человека могут быть выведены на основе конкретного материала, сравнивающего и изучающего изменения жизни на земле. Кант далек от того, чтобы механически переносить законы развития неорганического мира на органический. В «Истории неба» после заявления: «Дайте мне материю, и я покажу вам, как из нее должен образоваться мир», Кант останавливается перед вопросом: «Но можно ли хвастаться этим, имея перед собой крошечное растение или насекомое? В состоянии ли мы сказать: дайте мне материю, и я покажу вам, как можно было бы произвести гусеницу! Не остановимся ли мы здесь на первом же шагу ввиду неизвестности истинных внутренних свойств предмета и ввиду сложности заключающегося в нем разнообразия?». И поскольку другие законы в естествознании не поддаются таким математическим рассуждениям, как законы образования небесных тел, постольку последние оказались легче узнать, «чем отчетливо из механических оснований вывести зарождение и развитие какой-нибудь травки или гусеницы».

Исходя из идеи развития, Кант подходит к важнейшим, основным биологическим законам настолько близко, насколько это возможно было задолго до Дарвина и его непосредственных предшественников. Он говорит о видоизменяемости или выделяемости видов, о «применяемости» (приспособлении), о том, как некоторые водные животные по чистым законам природы мало-помалу переродились в болотные, а из этих через поколения перешли в земные. Он высказывает мысль о действительном родстве «от человека до пслипа и от полипа даже до мхов и лишаяв и, наконец, до самой низкой видимой нами ступени природы, до грубой материи».

Он требует от «археологов природы», чтобы они поняли великую

семью творений по законам преобразований и свели ее к «основному корню» («Критика способности суждения»).

Правда, чем больше подходит Кант к «живой жизни» и в особенности к человеку, тем больше он сходит с рельсов естественно-исторических познаний на телеологические и метафизические, идеалистические.

Здесь он не только не сумел подняться на точку зрения Спинозы и французских материалистов — «объяснение мира из него самого», но довел в последующем до крайнего метафизического совершенства ту плоскую вольфовскую телеологию, «согласно которой кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши — чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа — чтобы доказать мудрость творца» (Энгельс).

Но даже в период «Истории неба», как мы показали выше, дуализм знания и веры никогда полностью его не покидает. Кант сам далек от тех крайних выводов, к которым со всей необходимостью объективно подводят им же самим обоснованные положения о развитии природы. Энгельс как-то заметил, что отношение натурфилософов к сознательно-диалектическому естествознанию такое же, как отношение утопистов к современному коммунизму. Среди этих натурфилософов — на первом месте автор «Истории неба». Это потому, что «природа есть пробный камень диалектики». «Точное представление о вселенной, — говорит Энгельс, — об ее развитии и о развитии человека, равно как и об отражениях этого развития в головах людей, может быть приобретено только путем диалектики, только принимая постоянно в соображение общее взаимодействие между возникновением и исчезновением, прогрессивными изменениями и регрессивными. На такую точку зрения стала новейшая немецкая философия. Кант начал свою ученую карьеру с превращения неизменной и вечной солнечной системы Ньютона в исторический процесс»¹). И в этом отношении Гегель, как говорит Энгельс, стоит далеко позади Канта.

Эту основную характеристику Энгельс высказывает неоднократно.

В противоположность Энгельсу Деборин (и вслед за ним Асмус), игнорируя требование историчности в подходе к Канту, недооценивает того, что с точки зрения развития диалектической мысли действительно заслуживает быть отмеченным у докритического Канта, в особенности в связи с его материалистическими моментами. В то же время меньшевистствующий идеализм грубо, вульгарно переоценивает диалектику трансцендентальной философии, стирая всякие грани между Кантом, Гегелем и в особенности между Кантом и материалистической диалектикой.

Деборин ищет во что бы то ни стало у Канта «диалектики», хотя бы «своеобразной», хотя бы механистической, и неизбежно попадает пальцем в... метафизику. Поэтому он меньше всего замечает то, что больше всего заслуживает быть отмеченным. Деборину нельзя конечно не упомянуть об идее развития, говоря хотя бы мимоходом об «Истории неба», но при этом не делается никакой разницы между подлинно величественным ее пониманием и пошлым пониманием прогресса в позднейших кантовских «Идеях всеобщей истории».

Критерий у Деборина один — там и здесь «антагонизм сил», там и здесь «своеобразная диалектика»²).

Энгельс в связи с интересующим его вопросом о развитии диалектической мысли берет у Канта-натурфилософа в его обобщениях данных есте-

¹) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 17.

²) См. «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 66—68. Излагая классически выраженную теорию равновесия Гердера, Деборин заключает: «У Гердера таким образом мы тоже видим своеобразную диалектику».

ствознания рациональное зерно на определенном историческом этапе. Сознательная диалектика есть идеология и вооружение единственного в «предистории» человеческого общества класса — пролетариата, — призванного быть могильщиком классового общества. Только этот класс может разработать «наиболее глубокое и свободное от односторонностей учение о развитии всех природных материальных и духовных вещей». Кант стихийно, со стороны естествознания, приблизился к пониманию некоторых моментов идеи развития и этим пробил «первую брешь в насквозь пропитанном метафизическим способом мышления существовавшем до него естественно-научном понимании». Но историческая ограниченность эпохи, а главное, непоследовательность, продиктованная классовым интересом, не дали этим рациональным зернам у Канта взречь и выйти за определенные рамки.

Поэтому от Канта же идет и другая идея развития, хотящая идея эволюции буржуазного «прогресса», о котором Ленин говорит, что она в наше время вошла в общественное сознание «иными путями, не через философию Гегеля». «С принципом развития, — говорит Ленин, — «согласны все» (кавычки Ленина). Да, но это поверхностное, необдуманное, случайное филистерское «согласие» есть того рода «согласие», которым душат и опощляют истину. Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный рост, увеличение... и т. д.». Отсюда надо, во-первых, «точнее понять эволюцию, как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы, а во-вторых, если все развивается, то относится ли сие к самым общим понятиям и категориям мышления? Если нет, значит мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятий и познания, имеющая объективное значение. Кроме того всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи и т. д.: I. Принцип развития; II. Принцип единства»¹⁾.

Здесь Лениным дан глубочайший анализ принципа развития, каким он должен быть с последовательных диалектико-материалистических позиций, в противовес вульгарной, механистической трактовке. Здесь Ленин показывает, как единственно правильное понимание развития «относится и к самым общим понятиям и к категориям мышления».

В целом же принцип развития, правильно понятый, не может не подводить к принципу единства, закономерности, происхождения и всеобщей связи, возникновения и уничтожения. И Кант, начав с обобщения огромного материала эпохи и в меру этого обобщения придя к идее развития, выразил потребность эпохи в поисках этого единства, закономерности, выразил потребность найти в многообразии опытного материала всеобщность и необходимость.

Но когда он решил для этого искать в нашей познавательной способности «абсолютное целое всего возможного опыта»... до опыта, он изменил своей идее развития, оторвав познание от объекта познания, сделав объект непознаваемым, а содержание познания феноменальным, и пришел к непревзойденной по своей метафизичности теории познания. Важнейший вывод ее — агностицизм и феноменализм — прочно вошел в арсенал ставившейся все более реакционной, а затем загнывающей буржуазии, уходящей и уводящей от познания сущности вещей.

Только диалектический материализм, исходя из того, что единство мира заключается в его материальности, смог преодолеть односторонность эмпиризма и вскрыть диалектический переход от материи к сознанию, от ощущения к мысли. Кант в поисках единства мира оторвался от его материальности и пришел к его идеальности. Отсюда противопоставление эмпи-

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 185.

рическому опыту чистых форм чувственности, чистых понятий рассудка, чистых идей, чистого практического разума, — одним словом, всего априоризма и кантовского «объективного» смысла трансцендентального опыта. Все это предназначено для того, чтобы вносить единство, упорядочивать, диктовать природе законы разума, но с таким расчетом, чтоб ограничить знание, «очистив» место для веры.

Кант сам сравнивает свое открытие (в предисловии ко 2-му изд. «Критики чистого разума») с методом Коперника. Это дает повод Гейне продолжить аналогию. «В былые времена, — говорит он, — когда думали, что земля стоит, а солнце обращается вокруг нее, астрономические вычисления не особенно бывали согласны между собой; тогда Коперник заставил солнце стоять неподвижно, а землю обращаться вокруг солнца, и вмиг все пошло отлично. Прежде разум, подобно солнцу, вращался вокруг мира явлений и старался их освещать. Но Кант остановил разум, и мир явлений вращается вокруг него и освещается по мере приближения к этому солнцу».

Период «Истории неба» и родственных произведений — спутников — не был, как мы показали, свободен от дуализма, но в этом дуализме временами преобладали материалистические позиции на наиболее высоком для того времени уровне. Процесс перехода Канта от этих позиций к трансцендентальному идеализму — один из поучительнейших эпизодов в истории борьбы материализма с идеализмом. Ареной, на которой в значительной мере этот переход может быть прослежен, является наряду с другими вопросами проблема пространства.

Проблема пространства

Проблема пространства и времени — одна из коренных проблем и категорий — неразрывно связана с основным вопросом философии об отношении мышления к бытию. Эта проблема занимала всегда видное место в философских системах наряду с проблемой движения и т. п. При элементарной последовательности «коренное расхождение и в этом вопросе двух основных философских линий вполне отчетливо сознается писателями самых различных направлений» (Ленин). И это не случайно. Ибо, являясь действительно формами существования движущейся материи в объективной реальности, категории эти не могут конечно быть обойдены, хотя во всех случаях, которые исходят из отрицания их объективной реальности, они неизбежно становятся объектами величайших извращений. Значительную роль сыграли проблемы пространства и времени в трансцендентальной философии Канта. Это подтверждает и сам Кант в статье «Об успехах метафизики», где он называет учение об идеальности пространства и времени наряду с учением о реальности понятия свободы краеугольными камнями своей системы. Трансцендентальной эстетикой открывается «Критика чистого разума». Таков был и путь Канта. В течение 12 лет, которые отделяют «Критику» от диссертации 1770 года¹⁾, Кант разрабатывает трансцендентальную логику — аналитику и диалектику, бьется над дедукцией чистых понятий рассудка и т. д., но трансцендентальная эстетика дана уже в диссертации, как это легко можно убедиться из сопоставления. Вместе с тем на идеалистической разработке априорности пространства и времени как чистых форм наглядного созерцания возможного опыта дана методология априорности чистых категорий рассудка и трансцендентальных идей чистого разума.

Однако к диссертации 1770 г. Кант пришел не сразу и не просто. Заполняющая этот «докритический» путь борьба материализма с идеализмом, в попытке примирения которых и состоит кантовский дуализм,

¹⁾ «О форме и началах мира чувственного и умопостигаемого».

осложняется нагромождением доставшегося Канту «мыслительного материала», подчас, со собственному его признанию, достаточно запутанного.

Позиции Декарта, Спинозы, Локка, Юма, Лейбница и Ньютона с Кларке в вопросе о пространстве и времени были довольно разноречивы между собой. Наиболее влиятельные и авторитетные из них по тому времени сопро-вождались интерпретацией и комментариями их догматических школьных последователей, мало способствовавшими уяснению вопроса.

Картезианцы исходили из реальности пространства и отождествления его с протяженностью тела; пространство имеет части, т. е. тела, его составляющие, или модусы; оно движимо и делимо до бесконечности; не имеет границ и пустоты и познается, как врожденная идея, разумом.

Лейбниц исходил из того, что пространство не существует реально, а является абстрактной идеей отношений сосуществования вещей, поэтому оно не имеет частей и пустоты, непрерывно, неподвижно, бесконечно в смысле безграничности и может быть безгранично делимо. Пространство, по Лейбницу, познается как вечная истина об идеальном порядке отношений вещей в их взаимных положениях.

По Ньютону (и его ученику Кларке) пространство существует как вместительница для вещей и есть атрибут или орган бога. Абсолютное пространство, по Ньютону, не имеет частей и пусто (наполнено только богом, т. е. выражает его вездесущность); оно неподвижно, бесконечно, неделимо и вечно.

Вопросы пространства затрагиваются и разрабатываются Кантом в той или иной связи в докритический период довольно часто, в отличие от проблемы времени, которую он в этот период специально не выделяет и почти не затрагивает. В проблеме пространства Кант в этот период колеблется между Лейбницем и Ньютоном.

В первом сочинении («Мысли об истинной мере живых сил») Кант вслед за Лейбницем ставит в связь «наше пространство» (т. е. мир, к которому мы принадлежим) с силами субстанций в нашем мире. При соединении последних друг с другом действия их простираются обратно пропорционально квадрату расстояний. «Происходящее от того целое» имеет в силу этого закона свойства тройкого измерения. Но если бы «бог избрал» другой исходный закон, например притяжение обратно пропорционально кубу расстояний, то из него произошло бы пространство других свойств и измерений.

И Кант мечтает о науке обо всех этих возможных видах пространства, которая «была бы бесспорно самой высшей геометрией, вряд ли доступной ограниченному человеческому уму». Вывод, к которому приходит Кант в отношении пространства, состоит в том, «не было бы пространства, ни протяжения, если бы субстанции не обладали силой действовать вне себя, но без этой силы нет связи, без связи нет порядка, без порядка, наконец, нет пространства».

В работе 1754 г. «Размышления по поводу уклонения, вызванного зажженным огнем», которая непосредственно предшествует «Истории неба», дуализм Канта сказывается в том, что он декартовское физическое понимание материи сочетает с лейбницевским пониманием пространства. Правда, это вызвано у него желанием привести в соответствие картезианское учение о материи с «движущей силой природы вещей» (последующий динамизм Канта), которая одна только может объяснить различия в физическом состоянии тел. Материя, как упругая эластичная масса, сплошь заполняет пространство.

Вслед за этим в своей «Истории неба» Кант, отправляясь в основном от материалистических естественно-научных позиций, говорит о пространстве, как сплошь заполненном материей. Но при этом он различает материю с разным удельным весом и в зависимости от этого считает пространство

наполненным материей с бесконечно малым удельным весом. Поскольку мы, люди, имеем перед собой материю с удельным весом, «в тысячу раз большим», чем удельный вес материй пространства, постольку нам кажется, что пространство пусто. На самом деле оно относительно пусто; оно заполнено «легкой» материей; оно «почти пусто», как говорит Кант.

Годом позднее Кант свою «Физическую монадологию» начинает с выявления двух точек зрения на пространство — метафизической и геометрической, которые, по его словам, труднее сочетать, чем «запрячь грифов вместе с конями». «В то время как первая упорно отрицает, что пространство делимо до бесконечности, вторая защищает это с той же достоверностью, с какой имеет привычку оберегать остальное. Первая настаивает, что пустое пространство необходимо для свободных движений, вторая его решительно изгоняет. Первая вместе с тем указывает на то, что притяжение или всеобщее тяготение едва ли объяснимо механическими причинами, но что оно имеет свое начало в силах, присущих телам в покое и действующих на расстоянии, вторая же — действие на расстоянии относит к пустым обманам воображения».

Кант выдвигает задачу «привести в порядок эти противоположные мнения». При этом Кант исходит, во-первых, из того, что всякое тело состоит из первичных, абсолютно простых частей, т. е. монад, из которых составляется сложное, и, во-вторых, из принципа самой природы, приводящего в движение сосуществующие элементы. Это принцип двух сил, отталкивательной (непроницаемость) и притягательной, так как «при одной только притягательной силе понятна, правда, связь, но не определенное протечение и пространство». Монада определяет пространство, в котором она находится, не множественностью своих субстанциональных частей, но объеме своей деятельности, который удерживает близлежащие монады, находящиеся по обе стороны от нее, от дальнейшего приближения. Кант различает место, физически занимаемое монадой, от пространства, которое наполнено сферой ее деятельности. Заполненное телами пространство делимо до бесконечности и потому не состоит из первичных и простых частей. Отсюда Кант приходит к характеристике пространства как такого, «которое не обладает никакой субстанциональностью, но есть лишь феномен внешнего отношения монад, связанных между собой в некое единство». Здесь заложены уже первые предпосылки позднейшего идеального понимания пространства.

Этот же более строгий лейбнизианский смысл в понимании пространства как порожденного связью субстанций имеется в диссертации 1755 года, «Новое разъяснение первых начал метафизического познания».

Дуализм Канта сказывается в изложенном понимании тогда Кантом пространства в том, что у него субстанцией в отличие от идеальной монады Лейбница, является физическая монада, а взаимодействие их в его натурфилософских работах есть реальное взаимодействие. Поэтому он в своих натурфилософских работах говорит о пространственной материальности тел как критерии пространства. Так, в работе 1758 г. «Новая теория движения и покоя», интересной для характеристики динамизма у Канта, он говорит о том, что в представлении математического пространства, не занятого никакими существами, «как некоторое вместилище тел» нельзя было бы различить частей такого пространства и различных мест в нем, если бы они не были заняты ничем телесным.

Мы просмотрим еще коротко высказывания Канта о пространстве в работах 60-х годов (до 1768 г.). Этот период обычно рассматривается историей философии с точки зрения взаимоотношения и взаимодействия эмпиризма и рационализма у Канта и сводится ко все усиливающемуся преоблада-

нию первого за счет второго. Этим однако не исчерпывается значение этого периода.

Нам представляется более существенным подчеркнуть перенесение Кантом центра тяжести на гносеологические проблемы, критику метафизики в связи с различием реальных и логических оснований, разоблачение невозможности выведения реального из логического, законов реального из формально-логических законов мышления путем перехода от смутных понятий к отчетливым и ясным, как этого придерживалась школьная метафизика. В связи с этим Кант говорит здесь о «понятиях» пространства и времени.

Так, в «Исследовании об отчетливости основоположений естественной теологии и морали» (1762 г.), говоря о том, что в метафизике нам даны смутные понятия, которые мы должны анализировать и определить, Кант приводит в пример «понятие времени, которое каждый знает и которое должно быть объяснено». Метафизика, говорит он, имеет дело с понятиями, которые часто могут подлежать еще и философскому объяснению, как например понятие пространства, но только оно принимает таковое понятие как данное в его ясном и обычном представлении. То же—о понятии времени, что оно каждому знакомо, поскольку дано смутно, но «что касается его определения и объяснения, то хотя много истинного и остроумного сказано о времени, а все-таки никогда не было дано его реального определения». И Кант предлагает исходить «из несомненных аргументов геометрии». В этом же сочинении Кант впервые выдвигает положение об априорном синтетическом характере математики, что, по его мнению в то время, отличает ее от метафизики и философии. Если мы хотим познать не вещи в пространстве, а само пространство, мы можем достигнуть этого путем наглядного созерцания, интуиции, а не путем доказательства. «Ибо откуда бы могло такое доказательство отправляться, раз эти положения представляют самые первоначальные и простые мысли, которые я вообще могу иметь об объекте, когда начинаю мыслить о нем». Пространство вместе с другими понятиями Кант считает неразложимыми в математике. Кант предлагает исходить из метода, который Ньютон ввел в естествознание и который дал особенно плодотворные результаты.

В сочинении того же времени («Единственно возможное основание для доказательства бытия бога») Кант говорит о том, что можно иногда пользоваться понятиями, не пытаясь их определять и объяснять, если только их общее значение ясно и не дает повода к недоразумениям. Так «геометр открывает с величайшей достоверностью самые сокровенные свойства и отношения протяженного, хотя он пользуется при этом только общим понятием пространства... Я сомневаюсь, чтобы кто-либо определил правильно, что такое пространство, а между тем, не пускаясь в это определение, знаю достоверно, что, где бы оно ни было, там должны быть внешние отношения, должно быть не более трех измерений» и т. д. Если в метафизике понятие пространства вследствие незнания всех его признаков представляется смутным, то это не мешает ему в математике быть «ясным представлением», пригодным для открытия всех геометрических законов, которым подчинено все бесконечное разнообразие отношений, линий, поверхностей, тел. Эти геометрические законы, обуславливающие «гармонию, порядок и единство во всем этом разнообразии сущности вещей», зависят только от свойств единства пространства, в свою очередь зависящего от единства божественной первоосновы мира.

В качестве важнейшего вывода из рассмотрения отношения Канта к пространству за весь этот период мы считаем необходимым обратить внимание на то, что при всяческих шатаниях Кант в конечном счете рассматривает пространство как нечто, хотя объективно-реальное, но

метафизически оторванное от вещей, предшествующее его вещам, независящее от них. Противоположные лейбнизианские моменты первого периода не могли быть особенно настойчивыми и так резко противопоставляться у Канта ньютоновским в силу отличия лейбницевской монады от кантовской физической, на которое мы уже указывали. Последняя была ближе к вольфовским «*atomī naturae*», которые уже находятся в готовом пространстве. Также и Кант, объясняя тогда пространство действием субстанций, уже поместил их в пространстве: понятия расстояния, пропорционально которому действуют субстанции, уже предполагает пространство. Приводившаяся уже выше мысль Канта о наполнении пространства элементами тел — непроницаемостью и отталкивательной силой, предполагающей уже пространство, повторяется и в последнем сочинении всего рассмотренного периода — «Грезах духовидца». Простые элементы тел, «соединенные в пространстве, составляют протяженное и непроницаемое, следовательно материальное целое, тогда как соединение духовных субстанций не могло бы произвести такого целого». Ньютоновское абсолютное, предшествующее вещам вместилище играет большую роль в натурфилософских сочинениях, в особенности в «Естественной истории неба». Кант пользовался отличием геометрического мирового пространства от относительных пространств, образующихся вследствие отношений вещей друг к другу, в своей теории бесконечного развития вселенной с ее бесконечным круговоротом разрушения миров в одном месте для возникновения их в другом¹⁾.

Но ввиду того бесспорно большого значения, какое имело ньютоновское учение о пространстве и времени для обоснования исходных позиций кантовского априоризма, присмотримся к нему несколько ближе.

Ньютон исходил из эмпирической потребности определять движение по отношению к чему-нибудь по возможности неподвижному или хотя бы условно считающемуся неподвижным, как мы например движение на земле относим к земле. Но так как любое тело, в отношении которого мы изучаем движущееся тело, само в свою очередь может двигаться, то возникает вопрос об основной системе отсчета, к которой в конечном счете могут быть отнесены движения.

Для этого Ньютон вводит понятие абсолютного пространства. То же — в отношении времени. «Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью». От него отличается относительное, кажущееся или обыденное время как мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни. «Абсолютное пространство по самой своей сущности безотносительно к чему бы то ни было внешнему остается всегда одинаковым и неподвижным²⁾. Порядок частей времени и пространства одинаково неизменен. «Если бы они переместились из своих мест, то они продвинулись бы, так сказать, в самих себя, ибо время и пространство составляют как бы вместилище самих себя и всего существующего».

Ньютон был и считал себя сугубым эмпириком. В экспериментальной науке он не оставлял места для «гипотез метафизических, физических, механических»³⁾. Главную обязанность натурфилософии он видел в том, чтобы «делать заключения из явлений, не измышляя гипотез»⁴⁾. Он стремился к выражению результатов своих опытов в точных, строгих математических формулах. Он предпочитает даже не говорить о силе тяготения, поскольку

¹⁾ См. об этом также у Козлова: «Генезис трансцендентальной эстетики Канта», Киевские Университетские Известия, 1882—1883 г.

²⁾ Ньютон, Математические начала натуральной философии, стр. 30.

³⁾ Там же, стр. 591.

⁴⁾ Там же, стр. 592.

ему не удалось экспериментально доказать ее причину. Об этой силе говорят его ученики, начиная с предисловия к «Началам» Коттэса.

Ньютон принадлежал к тем естествоиспытателям, о которых говорит Энгельс, что «они воображают, что освобождаются от философии, когда игнорируют ее». На самом деле «в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, только по большей части самой скверной»¹⁾. И Ньютон заканчивает свои «Начала» очень ярко сформулированным агностицизмом: «Мы видим лишь образы и цвета тел, слышим лишь звуки, ощущаем лишь наружные поверхности, чуем лишь запах и чувствуем вкусы, внутреннюю же сущность никаким чувством, никакими действиями мысли не постигаем»²⁾.

Выдвинутые Ньютоном абсолютные пространства и время имели большое эмпирическое значение для научных и практических вычислений, в особенности в тот период, когда еще можно было принять за абсолютные пространство и время, считавшиеся для нас предельно известными, относительные пространства солнечной системы или пространства неподвижных звезд, а для времени — скорость света в секунду³⁾.

Ньютон и исходил из этого, когда выдвигал абсолютные пространства и время как истинные, а относительные как кажущиеся и неистинные. Вместе с тем он считал, что «может оказаться, что в действительности не существует покоящегося тела, к которому можно было бы относить места и движения прочих». Теоретико-познавательная сторона этих абсолютов, пространства и времени, его совершенно не интересовала. «Совершенно невозможно, — говорит он, — ни видеть, ни как-нибудь иначе различать при помощи наших чувств отдельные части этого пространства одну от другой, и вместо них приходится обращаться к изменениям, доступным чувствам».

А между тем отсюда вытекают чрезвычайно важные философские выводы, связанные с независимостью и отрывом пространства и времени от материи, с признанием реальности вне материи.

И вот там, где кончается естествоиспытатель Ньютон, начинается философ Кант. Мы находим у Канта интересные показания о ходе этой его работы. Кант одновременно разрабатывал эту проблему и со стороны натурфилософской и со стороны гносеологической. В более поздней работе критического периода⁴⁾ Кант описывает, так сказать, «критическое преодоление» им Ньютона в этот период. Он анализирует три понятия движения: в относительном пространстве, в абсолютном (неподвижном) и понятие относительного движения в отличие от абсолютного. «В основу всех их кладется понятие абсолютного пространства. Но как мы приходим к этому странному понятию и на чем покоится необходимость его употребления?» Кант приходит к выводу, что оно есть только идея, необходимое понятие разума, поскольку оно, как пространство без материи, не может быть ни предметом восприятия, ни объектом опыта. «Пространство вовсе не есть свойство, принадлежащее какой-нибудь вещи вне нас, а составляет субъективную форму нашего чувственного восприятия, форму, под которой мы воспринимаем предметы, которые находятся вне нашей внутренней природы, которых мы не знаем, но явление которых мы называем материей»⁵⁾.

К этим выводам Кант пришел через еще один интересный этап. Сочинение 1768 г. «О первом основании различия сторон в пространстве» Кант начинает с того, что подчеркивает именно философскую постановку проблемы и высказывает предположение о «родственности» ее тому, что разра-

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 25.

²⁾ Ньютон, Математические начала натуральной философии, стр. 591.

³⁾ См. ст. Максимова, «ПЗМ» № 4, 1927 г.

⁴⁾ Кант, Метафизические основоположения естествознания, 1786 г.

⁵⁾ Kant's Werke (herausgeg. von Kassirer), 1913, B. IV, S. 411.

бывал «Великий Лейбниц» в сочинении, об утере которого так сожалеет Бюффон.

Кант исходит из того, что положение частей в пространстве в их отношении друг к другу предполагает определенную сферу, соответственно природе которой эти положения частей упорядочены в таком именно, а не в ином отношении. Сама же эта сфера, взятая в наиболее абстрактном смысле, состоит не в отношении какой-либо вещи в пространстве к другой вещи, что собственно составляет понятие положения, но в отношении системы этих положений к абсолютному мировому пространству как к некоторому единству. Совершенно равные и подобные тела, как например правая и левая рука у человека, имеют тем не менее различия, которые Кант называет инконгруэнтными и которые зависят от оформления их со стороны основного первоначального абсолютного пространства. Таким образом не тела делают возможным пространство, а скорее наоборот, абсолютное пространство является тем основным определенным, которое делает впервые возможным все предметы; и так как суждения о протяжении, содержащиеся в геометрии, говорит Кант, опираются на созерцание, то источником нашего познания пространства служат не понятия, а интуиции. Итак, два вывода, подчеркнутых Кантом, являются этапом для дальнейшего перехода к трансцендентной эстетике: 1) «абсолютное пространство обладает собственной реальностью независимо от конкретного бытия всякой материи» и 2) это абсолютное пространство «выступает даже в качестве первого основания конструкции» (*Zusammensetzung*) явлений этой материи» (Сочинение 1768 г.).

Нам представляется особенно важным для Канта второй вывод, за который он ухватился, поскольку здесь на идеалистической основе он мог искать ответа на важнейший, интересовавший его, вопрос. С этого вопроса и начинается Кант разработку пространства и времени в диссертации 1770 г. («О форме и началах мира чувственного и умопостигаемого»). «Формальное начало вселенной, — пишет он, — есть то, что содержит в себе основание всеобщей связи, в силу которой все субстанции и их состояния принадлежат к одному целому, называемому миром. Формальное начало чувственного мира есть то, что содержит в себе основание всеобщей связи вещей, как феноменов»... Мир явлений, чувственно воспринимаемый, предполагает «субъективно-формальное начало, т. е. известный закон души, в силу которого необходимо, чтобы все, что может быть объектом чувств, непременно представлялось относящимся к одному и тому же целому». И Кант выдвигает два формальных начала мира феноменов: «абсолютно первые, всеобщие, составляющие как бы схемы и условия всякого чувственного человеческого познания, — время и пространство».

Тут Кант с идеалистической точки зрения вполне последовательно вносит решительный «корректив» в его первый вывод 1768 года. Метафизическую реальность абсолютного пространства (и времени по аналогии), которая всегда у него вместе с Ньютоном и Лейбницем была абстрактно оторвана от материи, он перенес целиком в субъективный мир. И тогда оказалось, что и пространство и время «не есть что-либо объективное и реальное, ни субстанция, ни атрибут, ни отношение», но субъективное условие, необходимое по природе человеческого ума, как бы «схема для координаций всех внешних ощущений».

За непонимание этого Кант тут же резко критикует и ньютонианцев и лейбницианцев. Вместе с перенесением метафизической реальности пространства в субъективный мир Кант ликвидировал для себя диалектические затруднения, выраженные позднее в математических антиномиях «Критики чистого разума».

Исключающие друг друга, одинаково доказуемые и одинаково опровергаемые понятия целостности и бесконечности, предела и бесконечной делимости пространства, — от всех этих «неприятностей» и беспокойств освобожденный ныне осчастливленный объективный мир. Перенести же противоречие в субъективный мир не опасно, потому что наша способность познания всегда может ограничить знание, заместив его соответствующей порцией веры.

Чудесное превращение Кантом пространства в абсолютное первое формальное начало чувственного мира послужило краеугольным камнем трансцендентального идеализма, поскольку через это все объекты внешнего мира были не менее чудесным образом превращены в явления, оторванные от «вещей в себе». В мире утвердился феноменализм, чувственный мир оторвался от умопостигаемого для того, чтобы в «Критике чистого разума» превратиться в умнепостижимый. Но Кант удовлетворен тем, что добрался до основания вселенной, потому что «пространство по существу заключается в себе все предметы внешних чувств и таким образом составляет основание вседенной (подчеркнуто автором), т. е. целого, которое не составляет части чего бы то ни было другого»¹).

Эпоха Канта в связи с предшествующим развитием и бурным натиском капитализма, как мы знаем, действительно ставила перед ним, как ее крупнейшим философом, задачу обобщения огромного конкретного материала, в области естествознания в особенности.

Чем больше накапливался этот материал, тем больше требований предъявлял он для дальнейшего движения вперед, требование установления единства, отыскания наиболее общих законов развития. И это единство подсказывалось теми же самыми данными, которыми подсказывалась идея развития.

Но только самый последовательный революционный класс мог на основе диалектической теории развития установить это единство там, где оно действительно находится: единство мира — в его материальности.

Кант, изменив своим же принципам идеи развития, которыми он намного опередил свое время, оторвался от материала, который он был призван обобщить, нашел искомое им единство мира в его идеальности. Он тем самым скатился к субъективному идеализму и феноменализму Беркли и Юма. Напрасно он пытается отмежеваться от Беркли, связывая через «опыт» субъективные представления пространства с предметами внешнего мира, «о которых мы ничего не знаем, но явления которых мы называем материей» (M. A. d. N., VIII, § 432), раз возможность явления заключается в нас самих, связь и единство их существует только в нас. С точки зрения ответа на основной вопрос в философии разрешение Кантом проблемы пространства целиком субъективно-идеалистическое. «Признавая априорность пространства, времени, причинности и т. д., Кант направляет свою философию в сторону идеализма»²).

Неудовлетворительность разрешения Кантом проблемы пространства и времени подвергается первой серьезной критике со стороны объективного идеалиста Гегеля. «Когда идеалист критикует идеалиста, от этого выигрывает материализм» (Ленин), а в данном случае эта критика велась хотя и на идеалистической основе, но все же на основе признания диалектического единства пространства и времени как форм материи. Пространство и время у Гегеля — «формы бытия», «формы природы», и хотя сама природа для него «инобытие духа», все же здесь «гениально угадана» диалектика вещей. Когда Гегель в «Истории философии» говорит, что «сущность времени и пространства есть движение, потому что оно всеобщее», Ленин отвечает: «верно». И прибавляет: «два основных понятия выражают эту сущность:

¹) Кант, Диссертация 1770 г., стр. 23.

²) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 162.

«бесконечная непрерывность и... прерывность». Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства)»¹⁾.

Фейербах, материалистически преодолевая и Канта и Гегеля, говорит, что «пространство и время не простые формы явлений, а коренные условия бытия».

Гносеологические (а вместе с тем классовые) корни идеалистических извращений пространства и времени вскрывает Энгельс: «Это старая история. Сперва сочиняют абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать их чувственно, желают видеть время и обонять пространство! Точно время есть не что иное, чем сплошь одни часы, а пространство не что иное, чем сплошь одни кубические меры!». Агностицизм здесь «лишь утверждает, что мы при помощи своей головы сочиняем себе сперва абстракции, отвлекая их из реального мира, а затем не в состоянии познать этих сочиненных нами абстракций»²⁾.

Ленину в эпоху загнивания капитализма пришлось столкнуться с реставрацией в буржуазной науке всего, что было реакционного у Канта, в том числе конечно учения о времени и пространстве.

Махисты и их, выдававшие себя за марксистов, последователи, исходя из изменения наших понятий о времени и пространстве, пришли к тому, что последние суть «упорядоченные (гармонизированные) системы рядов ощущений» (Мах, «Механика»). И Ленин разъясняет, что как бы ни были относительно человеческие представления о времени и пространстве, которые, развиваясь, все более приближаются к абсолютной истине, в основе их всегда лежит признание объективной реальности пространства и времени.

«В этом и только в этом состоит основной гносеологический вопрос, разделяющий действительно коренные философские направления»³⁾.

О реальных и логических основаниях

Мы уже указывали на одну из характерных черт эпохи. В течение XVII и XVIII вв. наступавший капитализм для развития производительных сил пред'являл огромные требования призванным к жизни естествознанию и науке вообще. Накопавшийся материал пред'являл все большие требования обобщению, осмысливанию, освещению, словом, тому, что может быть названо философией методом для дальнейшего движения вперед. Но именно здесь особенно сильны были пережитки средневековья. Даже передовой, революционный класс — буржуазия — только в лице отдельных своих представителей — Спинозы, французских материалистов — становился на путь разрыва с религией. Подавляющее большинство естествоиспытателей ощущало перед мышлением тот страх, который Ньютон выразил своим предостережением: «Физика, берегись метафизики!». В такой же стране, как Германия, Лейбниц сочетает открытие дифференциального и интегрального исчисления со средневековой теологией. Это сочетание покоится на своеобразно восстановленной применительно к новым условиям предпосылке «двойственной истины». Лейбниц заявляет, что охотно соглашается с материалистами в том, что при объяснении телесных явлений не следует «без нужды прибегать ни к богу, ни к какой-либо нематериальной вещи, и что все, насколько возможно, следует выводить из природы тела и его первичных свойств»⁴⁾. Но дело в том, что, по Лейбницу, в природе нельзя найти начал этих первичных свойств. Они не могут существовать в телах самих по себе уже потому, что

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 189.

²⁾ Энгельс, Дialeктика природы, стр. 107.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 144.

⁴⁾ Лейбниц, Избр. соч., стр. 3.

их нельзя вывести из определения тела. Следовательно «в последнем составе тел природа не может обойтись без помощи бога, который дает прочность этим последним основам мира вещей».

Так, весь внешний физический мир, от изучения законов которого зависит на этом этапе степень подчинения его себе со стороны эксплуататорских классов, признается важным объектом изучения, но обьявляется миром явлений, миром опытных, случайных, фактических истин. Подлинный же мир—мир сущностей и вечных истин—там, за пределами чувственного мира, управляется божественным разумом по законам формальной логики—тождества и отсутствия противоречий. Случайные истины, истины факта могут найти себе последнее обьяснение не в бесконечном причинном ряде выведенных из причин следствий, а в законе достаточного основания, базирующегося на необходимом, «которое одно успокаивает разум».

Так, спекулятивная метафизика видела в философском мышлении средство проникновения за пределы чувственно-воспринимаемых явлений для того, чтобы постигнуть истинную сущность вещей и при помощи чистых понятий доказать действительность существования бога, бессмертия души и свободы воли. Мир явлений различался от мира «вещей в себе», но не отрывался от него, а логически выводился из последнего. Основы бытия сводились к основам познания. Это отождествление бытия с мышлением под суверенитетом формально-логического закона противоречия свойственно было спекулятивной метафизике.

Выродившаяся ко времени деятельности Канта в руках вольфовского элигонства в застывшую систему формально-логических понятий, эта метафизика считала себя единственной обладательницей всех ключей к первопричинам и сущностям мира. В отличие от прежнего периода, когда метафизика заключала в себе положительное содержание и связана была с открытиями в математике, физике и т. п., сейчас «метафизика стала плоской. Все богатство ее ограничилось только миром идей и божественными предметами, и это как раз в то время, когда реальные сущности и земные вещи начали сосредотачивать на себе весь интерес»¹⁾.

Этот унаследованный Кантом «мыслительный материал» доставлял ему в докритический период немало хлопот. Кант никогда не выходил из плена метафизического круга, хотя временами пытался потрясать его ограду, и помирился на том, что нашел здесь свою «свободу». «Моя судьба,— говорит Кант в «Грезах духовидца»,—быть влюбленным в метафизику, хотя я редко могу похвалиться знаками милости с ее стороны».

Кант с самого начала понимал, какое огромное значение для научного познания имеют накопление и обработка эмпирического материала. Он мог это видеть на примере и методе ньютоновых обобщений в области оптики и небесной механики. Кант и сам сделал смелую попытку раздвинуть круг применения ньютоновских обобщений до пределов Вселенной в значительной мере благодаря тому, что он, по собственному признанию, «с крайней осмотрительностью избегал всяких произвольных выдумок». Конкретному эмпирическому материалу из различных областей природы и истории Кант с самого начала отводит большое место в своей научной и учебной работе.

Характерно, правда, и неслучайно для виднейшего представителя абстрактнейшей агностической и априорной философии, что знакомство с этим внешним миром ведется в пределах частотокола захолустного городишки, дальше окраин которого он никогда не выезжал. Но Кант придает этому изучению большое методологическое значение.

Интересно с этой стороны его «Извещение о чтении лекций», в котором он говорит, что с самого начала своей академической деятельности по-

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 156.

нял недостатки обучения молодежи, заключающиеся в том, что она «рано начинает умствовать, не обладая еще достаточными историческими познаниями, могущими заменить умудренность опытом». Поэтому он обратил особенное внимание на «историю теперешнего состояния земли или географию в самом широком смысле слова». Лекции по физической географии, которые он всегда читал наряду с философскими дисциплинами, охватывали отдели о современном состоянии земли, о человеке в его естественном состоянии, а также о состоянии государств и народов. Сюда присоединилась антропология, которая вместе с эмпирической психологией предпосылалась изложению метафизики. «Наряду с физической географией антропология может быть названа знанием мира», говорит Кант, и, по мысли его, «эти эмпирические науки должны быть упражнением в умении жить, рассудительности и даже мудрости для студенчества» (письмо к Герцу). «Приходится у философа отделять то, что он наблюдает, от того, что составляет мудрствование, ибо временами опыта философа гораздо поучительнее, чем мнимые доводы его ума» — поясняет Кант ту же мысль в «Грезах духовидца» (стр. 95, 96).

Можно было бы значительно умножить иллюстрацию того, как материалистические позиции «Истории неба» должны были толкать Канта на преодоление метафизики, на разоблачение выведения реального из формальной логики, если бы это понимание реального было им последовательно материалистически проведено. Недаром Энгельс говорит, что при условии этой последовательности из гениального открытия Канта должны были бы быть извлечены такие следствия, которые сберегли бы естествоиспытателям «бесконечные блуждания по кривопутьям и колоссальное количество потраченного в ложном направлении труда».

Но Кант крепко держится за метафизику.

Свою «Физическую монадологию», написанную через год после «Истории неба», Кант начинает с изображения гносеологически-методологического перепутья, на котором он стоит. Он вместе с исследователями природы согласен, что нельзя в естественную науку допускать ничего вымышленного «без согласия опыта и без толкования геометрии». Но некоторые до того привязались к этому закону, что совсем не решаются пускаться в плавание и не допускают ничего кроме того, что узнали непосредственно из опыта. «Верно конечно, что таким путем мы можем изъяснить законы природы, но мы не можем изъяснить происхождения и причин законов. Ведь эти философы остаются только при явлениях природы, всегда одинаково далеки от скрытого для них понимания первых причин и не более достигают когда-нибудь до науки о самой природе тел, чем те, которые бы убеждали себя, что, взбираясь на более и более высокую вершину горы, они наконец нащупают рукой небо». Это значит — данные опыта, эмпирической действительности имеют значение, поскольку дают нам представление о явлениях этой действительности, но не могут привести к познанию ее закономерности. Здесь уже явственно звучит юмовский мотив, который привел затем и Канта к агностицизму.

В этом же сочинении, повторяем, почти одновременно с «Историей неба» Кант приходит к выводу, что «метафизика, которой с-удобством, по мнению многих, можно не заниматься в физических проблемах, здесь (т. е. в познании «первых причин») одна только является на помощь и зажигает свет».

К данной выше краткой характеристике спекулятивной метафизики надо добавить, что Канту пришлось иметь дело именно с метафизикой вольфовской школы, выхолостившей все живое из Лейбница и эклектическими уступками приспособлявшейся к картезианству, с одной стороны, к английскому эмпиризму — с другой.

Упрощением и схематизацией реального мира, исходя из старых, до-ньютоновских представлений об одной отталкивательной силе, вольфовская метафизика цепко держалась за свой исходный пункт отождествления бытия с мышлением. Отсюда убеждение в том, что знание вещей достигается ясным и отчетливым мышлением; метафизика строится средствами логики, так как «логическое и реальное основание («основание и причина») тождественны, т. е. отношение основания и следствия (равнозначнее с отношением причины и действия) связывает вещи и явления таким же образом, как понятия и суждения».

Из этого исходит еще Кант в своей первой диссертации «Новое освещение первых принципов метафизического познания». Он еще верит в возможность приобрести познание внешнего мира путем логического мышления и рационалистического выведения понятий о метафизической действительности из логических возможностей и невозможностей. Но эта работа интересна тем, что здесь уже Кант под влиянием повидимому тех воззрений, которые привели его к «Истории неба», не может не видеть несоответствия между реальностью и логическим обоснованием. Здесь уже он приходит к различению между основанием бытия и основанием познания, что было совершенно невозможно для вольфовской метафизики.

Отсюда отправной пункт Канта для критики формальной логики. Мы знаем, что на путях трансцендентальной логики ему не удалось выйти из замкнутого формально-логического круга, но эта критика ставила вопрос о связи познания с предметом познания, о содержательном познании.

В специальной работе (1762 г.) «О ложных тонкостях 4 фигур силлогизма, раскрытых И. Кантом» он говорит «о бесполезном деле, на которое было затрачено много проницательности и расточено много мнимой учености». «Так называемые модусы, возможные в каждой фигуре, обозначенные странными словами, да еще содержащие в себе искусственно подобранные, таинственным значением преисполненные буквы,— все это для будущих времен послужит ценным и редкостным примером особого способа мышления человеческого рассудка. Наступит время, когда, рассматривая эту почтенную ржавчину древности как некоторого рода пережиток, более просвещенное потомство научится удивляться и сожалеть о кропотливых и напрасных усилиях его предков».

Он говорит о фигурах формальной логики как о детской забаве, «в отношении ясности ничего нового не достигающей, а увеличивающей только степень неясности». Но «такова уже, видно, судьба человеческого рассудка: либо он склонен к фокусам, либо... строит воздушные замки, один избирает себе предметом своих изысканий число 666, другой — первоисточник возникновения животных и растений или сокровенные пути продвижения».

А между тем эпоха пред'являет другие требования. «Вещи, достойные знания, накаплиются в наши дни во множестве. Скоро наша способность к познанию окажется слишком слабой, а жизнь наша слишком короткой для усвоения хотя бы только наиболее полезной части их. С другой стороны, в изобилии открываются перед нами и такие богатства, овладев которыми, мы бываем вынуждены тотчас же выбросить их, как ненужный хлам; было бы конечно лучше никогда и не обременять себя ими».

Игнорируя применение силлогистики как «атлетики ученых словопрений», Кант выдвигает задачу «ниспровержения колосса, голова которого скрывается в облаках древности, а ноги сделаны из глины».

В намеках на «таинственную силу, делающую возможным суждения», «способность, принадлежащую только разумным существам, на которой зиждется верховная сила познаний», в указании на «единство человеческого

познания» можно уже видеть некоторую наметку плана дальнейших работ, подготовлявших «Критику чистого разума».

Однако бичующая, подымающаяся до пафоса критика формальной логики приводит только к логике... трансцендентальной.

Смысл этой критики силлогизма нам станет понятным, если мы вспомним, что с ускорением развития, столь характерным для нового времени по сравнению с феодальным средневековьем, и обогащением новыми понятиями не могли не обнаружиться бессодержательность и бессилие в познании их со стороны формальной логики, этой служанки средневекового богословия. Уже Лейбниц, стихийно отразивший движение в математике, должен был поставить на процветавшей формальной логике заплату в виде закона достаточного основания. Кант на более высоком этапе общего развития, и в особенности естествознания, выражает заботу не столько о том, чтобы выбросить заржавленное оружие, сколько о том, чтобы отточить его и заставить служить дальше¹⁾.

Преодолеть формальную логику может только логика диалектическая, которая есть «учение не о внешних формах мышления, а о законах развития всех материальных, природных и духовных вещей, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира»²⁾.

Кант пытался противопоставить бессодержательной, формальной логике трансцендентальную как содержательную, но содержание это оказалось субъективно идеалистическим, а вся эта логика — грандиозным метафизическим сооружением, снизу доверху построенным из кирпичей формальной логики.

Работы 60-х годов, после «Истории неба» и включительно до диссертации 1770 года, этой прелюдии «Критики чистого разума», разрабатывают главным образом гносеологические проблемы, подготавливая их для «Критики». В центре этих работ стоит, несомненно, «Опыт введения в мировую мудрость отрицательных величин». Здесь в особо сложном сочетании скрещиваются пути дуализма. Правда, сам Кант сознается, что «положения ему самому еще недостаточно ясны» и он не может их «с достаточной достоверностью обосновать». Но в свете дальнейшей разработки Кантом этих положений нам они представляются более ясными.

Кант отталкивается здесь от материалистических позиций, разоблачающих несовпадение логического и реального основания. Логически противоположные, одновременные утверждения об одном и том же предмете в одном и том же смысле несовместимы, и согласно закону противоречия не могут существовать в одном и том же субъекте, а потому представляют собой абсолютное ничто. Но реальными противоположностями полон объективный мир, хотя в случае немеханических изменений, происходящих например в нашей душе, этого рода «следствия, как и их основания, не могут быть представлены так отчетливо и наглядно, как явления физического мира». Две силы, действующие на тело в противоположных направлениях, хотя и нейтрализуются в теле, но не превращаются в нуль, а остаются реальными. Отсюда вопрос: как логическое может адекватно выразить изменение? Как понять, «каким образом перестает существовать то, что существует», поскольку «всякое исчезновение есть отрицательное возникно-

¹⁾ Так же надо понимать и резкие подчас выпады Канта против метафизики. Вопрос о некотором «усовершенствовании» ее применительно к новым условиям был вопросом, который «носился в воздухе». Это видно по темам, которые для научных работ выдвигает Берлинская академия наук и на которые откликается Кант: «Об очевидности метафизических наук по сравнению с математическими», «Какие успехи сделала метафизика со времени Лейбница и Вольфа» и т. п.

²⁾ Лен. сб. IX, стр. 41.

вание»? Об этом говорила нам в своих выводах «История неба». Кант считает необходимым, чтобы реальные силы, «отличные от логической противоположности, постоянно применяемые в математике, нашли свое применение и в философии».

Логически можно понять, как известное следствие вытекает из основания по закону тождества, говорит Кант, так как по расчленении понятий мы находим, что первое уже содержится во втором; так например сложность есть основание делимости, и т. п. Эта связь основания со следствием ясна, «ибо следствие совпадает с частичным понятием основания, и так как оно уже содержится в последнем, то оно неразрывно связано с ним по закону тождества». Но весь вопрос заключается в том, «как что-нибудь вытекает из чего-нибудь не на основании закона тождества?»

Первое основание Кант называет логическим; второе реальным, «ибо это отношение принадлежит к числу моих истинных понятий, но характер его никак не может быть логически обоснован. Можно ли объяснить и сделать понятной реальную противоположность, а именно: каким образом что-нибудь исчезает потому, что что-нибудь другое существует?» Кант, указав на то, что «это не совершается по закону противоречия», несомненно в отличие от объективного идеализма подошел к различению бытия и мышления. За это ухватывается Деборин и, не замечая (вернее, не желая замечать) ничего другого, объявляет все это своеобразной диалектикой Канта¹⁾. Понятие реального основания связывается им при этом с опытом (имеется очевидно в виду диалектико-материалистическое, а не трансцендентальное понимание опыта), а все содержание опыта выводится из принципа единства реальных противоположностей (там же).

Эта «своеобразная диалектика» (у Деборина без кавычек, а вполне серьезно) относится уже не только к механистическому в основном принципу «единства противоположностей» (механистическая диалектика, по Деборину), о чем мы говорили выше. Здесь меньшевистующий идеализм сказался в извращении основного вопроса в философии. Если бы Кант, подойдя к различению бытия и мышления, стал на точку зрения теории отражения мышлением «реального основания», то это был бы материализм. Но надо обладать меньшевистующе-идеалистической слепотой, чтобы не видеть, что именно здесь уже заложены основы кантовского агностицизма и априоризма — разрыв в реальном основании и его противоположностях явлений и непознаваемых вещей в себе.

Прежде всего Кант исходит здесь из юмовской, феноменалистической постановки вопроса: «Как понять, что что-нибудь существует потому, что существует нечто другое?»²⁾ Тут Кант ставит себе целью доказать, что отношение реального основания к тому, что им производится или уничтожается, может быть выражено «посредством понятия», которое «может быть посредством расчленения сведено к более простым понятиям реальных оснований, чье отношение к следствию абсолютно не может быть рационально понято»³⁾.

Трудность рационального понимания, оказывается, для Канта заключается в том, что «божественная воля содержит реальное основание существования мира. Божественная воля есть нечто, существующий мир есть нечто совсем другое. И тем не менее второе есть следствие первого». «Сколько бы вы ни расчленяли понятие божественной воли, вы никогда не найдете, чтобы понятие существующего мира в нем содержалось и было бы связано с ним по закону тождества».

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 26.

²⁾ Цит. по «Книге для чтения по истории философии» А. Деборина, ч. 2-я, стр. 169.

³⁾ Там же, стр. 171.

Поэтому Кант отказывается от рационального познания этой вещи в себе и ограничивается понятиями, которые «покоятся на внутренней деятельности нашего духа, как на своем основании. Внешние предметы могут конечно предстать собой условия, при которых эти понятия в той или иной форме вступают в действие, но эти внешние предметы не являются той силой, которая эти понятия производит. Мыслительная способность души должна содержать реальные основания всех их, сколько бы их ни возникло естественным путем в ней, и явления возникающих и исчезающих познаний должны, по всему видимому, рассматриваться как результат согласованности или противоречивости всей этой деятельности»¹).

Мимо всего этого прошел меньшевистствующий идеализм, а между тем здесь, на более раннем этапе, надо видеть не только элементы диалектики, но и намечение основных гносеологических контуров трансцендентальной философии тем характерным для «Критики чистого разума» слогом, который Гейне назвал «серым, оберточно-бумажным».

Ближайшие другие работы этого периода прямо готовят отдельные разделы «Критики чистого разума».

Сочинение «Единственно возможное доказательство бытия бога» (1763 г.) — ярчайший дуалистический документ. Средневековая схоластическая метафизика, удерживая в своем подчинении науку или, вернее, то, что тогда ее заменяло, могла без особых опасений изоциряться в логическом доказательстве бога. Но уже в то время у Канта должны были быть все основания опасаться за исход поединка между наукой и религией. Недаром он начинает «Историю неба» с этих предчувствий. Сейчас уже небезопасно предоставлять науке доказательство бога, ибо доказательство может быть о двух концах. Канту надо поэтому изъять бога из необходимости доказывать его существование. А для этого постулируется, что необходимость и единство божественного происхождения мира уже доказаны связью и общностью вещей. В это сочинение Кант включает в виде специальной главы (гл. VII) сжатый очерк «Истории неба» под названием «Космогонии» для того, чтобы показать, что в основе механизма природы лежит разум и что механическое понимание природы предполагает необходимость единого телеологического принципа. Для того, чтобы обнять в мышлении связь и взаимодействие реальных явлений, надо рассматривать их как исходящие из одной общей основы, как их реального основания, т. е. бога. «Идея единой абсолютной основы мира есть первоначальная форма мышления, при помощи которой только и может осуществляться познание фактов». Поэтому, заключает свое сочинение Кант, «необходимо быть уверенным в существовании бога, но вовсе не так необходимо, чтобы это было логически доказано».

Эти мысли в качестве теологической идеи вошли в основном в III главу трансцендентальной диалектики (об идеале чистого разума) так же, как и в «Критику практического разума» и в «Критику способности суждения».

Одновременно Кант разрабатывает другой, поставленный проблемой о логических и реальных основаниях, вопрос — об априорном и синтетическом. В сочинении «О степени отчетливости основоположений естественной теологии и морали» Кант впервые проводит различие аналитических и синтетических суждений априори. Первые (аналитические), уже знакомые нам выведения понятий из формально-логического основания, не дают познания действительности и причинности. Вторые — это те обещанные в сочинении «Об отрицательных величинах» «первоначальные», «истинные»,

¹ Цит. по той же книге А. Деборина, ч. 2-я, стр. 166.

ни на что более не сводимые, простые понятия реальных оснований, которые «покоятся только на внутренней деятельности нашего духа, как на своем основании». Они оказались синтетическими, априорными суждениями. Кант нашел их в математике.

Еще Пифагор обозначил начала вещей числами, и Кант разделял вместе с предшественниками и современниками пристрастие к простоте математических истин. Но в отличие от других, в том числе и от Лейбница и от Юма, которые считали их аналитическими, Кант возводит их в ранг синтетических, и притом априорных, а в своих «*Метафизических началах естествознания*» провозгласил, что «во всяком отдельном учении о природе собственно науки заключается лишь настолько, насколько в ней математики».

В рассматриваемый нами период Кант исходил из того, что математика ко всем своим определениям приходит синтетически, а философия — аналитически. И Кант ставит перед последней задачу обзавестись преимуществами первой. Нужно только «приобрести ясные и подробно развитые понятия для того, чтобы подчинить простейшим познаниям сложные».

Уже Гегель с позиций идеалистической диалектики разоблачил метафизический разрыв анализа и синтеза. Кант пришел к образцу синтетического априоризма через математику. В ней он увидел интуитивную науку, понятия которой «не даны до определения, но возникают впервые через него» (известные примеры с конструкцией конуса, трапеции, $5 + 7 = 12$ и т. п.). Однако полная ненаучность этого измышления, находящегося в вопиющем противоречии с фактами действительной истории, давно уже дискредитировала этот исходный пункт Канта даже в глазах буржуазных ученых (см. статью Гельмгольца в сб. «*Философия науки*», ч. 1-я, вып. II).

Исчерпывающую критику дал Энгельс по поводу Дюринга, который вполне в духе кантианства думал, что он всю чистую математику может вывести априорно, т. е. прямо из головы, не прибегая к опыту из внешнего мира. «Понятия фигуры и числа,—разъясняет Энгельс,—заимствованы именно из внешнего мира». «Прежде чем люди пришли к мысли выводить форму цилиндра из вращения прямоугольника вокруг одной из его сторон, нужно было исследовать немало реальных прямоугольников и цилиндров... «Как и прочие науки, математика возникла из потребности человека... Выведение же «математических величин как будто бы друг из друга доказывает не их априорное происхождение, но только их рациональную связь... Однако, «как и во всех областях мышления, отвлеченные из действительного мира законы на известной ступени развития отрываются от действительного мира, противопоставляются ему, как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, по которым должен направляться мир».

Так же, как и с чистой математикой, заключает Энгельс, было с обществом и государством...

* * *

Философия Канта в целом представляет наиболее яркий в истории пример дуализма. Идя, с одной стороны, от природы, от объективного мира, Кант приблизился к выводам, на целый век опередившим современность. Но, с другой стороны, мы в системе Канта видим наиболее яркий пример того, как, оторвавшись от этой действительности, изменив идее развития, она стала метафизической системой, утонченностью и «совершенством» затмившей всю предшествовавшую метафизику. Она как бы призвана была разрывать все объективные встречавшиеся на ее пути связи и взаимодействия — сущность и явление, форму и содержание, познание и объект познания, анализ и синтез, эмпирическое и рациональное и т. д. и т. п. Объединив все в божьей, она как бы грозила всеобщим распадом связей всякому, кто посягнет на эту «высшую первооснову».

Исходные формы кантовского дуализма лежат в отрыве явлений от «вещей в себе», который обусловил и подготовил переход от докритического периода к «Критике». В докритических работах подготовка этой тенденции становится все заметнее по мере того, как Кант переносит центр тяжести своей философии с натурфилософских проблем на гносеологические.

Шатания, извилистые, зигзагообразные пути характерны для всякой непоследовательной философской системы. Для дуалистической кантовской системы они являются законом ее развития.

Чем ближе к «Критике», тем все усиливается основной мотив разрыва явлений и «вещей в себе». «Кантианство начинается тогда, когда философ говорит: «вещь в себе» существует, но она непознаваема» — отмечает Ленин¹).

Два сочинения — «Грезы духовидца» и «Диссертация 1770 года», уже упоминавшиеся нами, — являются как бы введением в «Критику» и представляют вместе с тем образец извилистого, зигзагообразного утверждения одной и той же дуалистической сущности кантовской философии.

Основной вывод блестящего памфлета «Грезы духовидца» не просто эмпиризм, как хотят представить это буржуазные историки, а ограничение разума, как в свою очередь вывод из феноменальности мира (в этом родство с Юмом) и непознаваемости «вещей в себе».

Основное назначение диссертации 1770 года «О форме и началах мира чувственного и умопостигаемого» — обосновать разрыв этих двух миров. Под этим углом зрения Кант критикует здесь Вольфа за то, что он, «признавая только логическое различие между чувственным и умственным познанием... оставил в стороне... различие свойств феноменов и ноуменов» (стр. 11, разрядка Канта). В этом сочинении Кант, правда, допускает «умопостигаемость» мира «вещей в себе», что дает повод буржуазным историкам²) высказывать догадки о «взрыве платонизма» и т. п. На самом же деле для дуализма это было временной непоследовательностью, исправленной в «Критике чистого разума», ибо разрыв единого мира на мир явлений и «вещей в себе» как важнейший вывод «Диссертации» не может не привести к непознаваемости этого объективного единого мира, к агностицизму.

* * *

Ленин говорит, что гносеологические корни идеализма, агностицизма закрепляет классовый интерес господствующих классов.

Каким классовым интересом эксплуататорских классов закрепляется феноменализм, агностицизм?

Прекрасный ответ на это дает Маркс, указывая на вульгарную буржуазную науку, которая думает, что она делает великое открытие, когда «раз'яснению внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях вещи имеют иной вид. И выходит, что она гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимая видимостью за конечное объяснение. К чему же тогда вообще наука?

«Но этот вопрос, — продолжает Маркс, — имеет еще другую сторону. Раз понята связь вещей, — рушится всякая теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике. Следовательно, тут уж безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы...»³).

¹) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 90.

²) См. Виндельбанд, «Философия Канта».

³) Маркс, Письмо к Кугельману, 11/VII, 1868 г.

КРИТИКА

И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Тарадин, „Классовая борьба в медицине“

(Книгоизд-во „Коммуна“, Воронеж, 1932 г.)

И. Тарадин в своей довольно об'емистой брошюре (почти 100 страниц) делает попытку осветить пройденный этап борьбы на два фронта в области медицины и здравоохранения, а также наметить перспективы дальнейшего развития и наши задачи.

Нужно сказать, что кроме отдельных статей, методразработок по этому вопросу, помещенных в журналах «За марксистско-ленинское естествознание», «ПЗМ», в специальных научных журналах и пр., мы к настоящему дню все же не имеем, так сказать, сводной солидной литературной марксистской работы в этой области. Но, к сожалению, брошюра И. Тарадина ни в какой степени не восполнила этого пробела. В лучшем случае мы имеем здесь пережевывание высказываний по этому вопросу различных авторов, а в худшем, что является существенным недостатком брошюры И. Тарадина, необычайную путаницу, эклектическую мешанину разбираемых им вопросов и просто неверные установки. За горой авторов (И. Тарадин называет около 250 имен и фамилий!) и непроходимым лесом цитат (сплошной «цитатник»!) совершенно не видно пути-дороги, по которой идет сам И. Тарадин и которую рекомендует читателю. Вся наша живая действительность не нашла своего отражения ни в той, ни в другой форме в разбираемой нами работе И. Тарадина. Он как бы застыл на одной точке, сделал лишь одно-сторонний снимок, показал лишь темную, беспросветную сторону зашедшей в тупик реакции в области науки на Западе, а также продемонстрировал ряд примеров из нашей действительности и в частности из той, где ему приходится работать. Не говоря уже о правильности или неправильности сделанных автором снимков, мы считаем, что его лозунг «Карфаген реакции должен быть разрушен» (см. стр. 44) является безусловно неправильным и вредным, ибо своей исходной позицией он имеет ту беспросветную картину реакции, о которой упоминалось выше, забывая о всем положительном, что мы имеем в области продвижения вперед наших научных знаний, в том числе повидимому в одном из наших университетских городов, где работает И. Тарадин—в Воронеже. Говоря о сплошной «поповщине и контрреволюции» в психиатрической клинике Мединститута, И. Тарадин вместе с водой выплескивает и ребенка: осуждая поведение отдельных научных работников, перенося на страницы печати отдельные нездоровые, склочные случаи из воронежской практики, обобщая их со случаями реакционных проявлений в области психоневрологии вообще, он видит на всем печать черной реакции и в результате зачеркивает и всю психиатрическую клинику, эту несомненно ценную научную единицу.

С другой стороны, является также сугубо неправильным и вредным, когда мы, говоря о кризисе современного естествознания, видим лишь одну сторону—загнивание, но не видим его роста. Когда идет речь об общих корнях кризиса в естествознании, то мы подчеркиваем, что они лежат в загнивании капитализма в эпоху империализма.

И. Тарадин, анализируя кризис в естествознании и в медицине, как раз выдвигает лишь одну сторону, видит лишь загнивание, но не видит никакого роста. В качестве опорного пункта в этом вопросе он приводит выдержку из осужденной в наших рядах, путанной и дающей неверные, антимарксистские установки статьи Левита («К кризису современной медицины», «ПЗМ», 1930 г., № 5, стр. 112) и подчеркивает, что «вполне прав т. Левит в оценке буржуазной медицины, говоря, что современная медицина Запада насквозь реакционна».

И. Тарадину хорошо известно, что группа Левита, обрушиваясь на Зауэр-брухов, Крелей, Ганс-Мухов, Блейлеров и т. п., крича о реакционности медицины, вместе с тем совершенно некритически воспринимала Вейсмана, делая его последовательным материалистом, скатываясь на позиции Пирсона, Маха и др. Однако это не мешает И. Тарадину делать осужденную статью Левита основным фоном для анализа «идеализма и поповщины буржуазного естествознания и медицины» и пережевывать те же мысли и тех же авторов. Одновременно И. Тарадин допускает грубую ошибку, считая, что вообще идеализм «начал проникать в естествознание лишь со второй половины XIX в.», считая повидимому, что весь предшествующий этап в развитии естествознания был последовательно материалистическим.

Весь раздел под заголовком «Прорывы на идеологическом фронте» в основном испещрен многочисленными примерами неправильного понимания проблемы «социального и биологического» в приложении к психиатрии. Вместо того, чтобы показать, как мы, марксисты, понимаем этот вопрос, и дать членораздельную критику неправильно трактуемых положений, И. Тарадин все эти положения берет за общую скобку «контрреволюции, махрового мракобесия, поповщины» и т. п., тем самым показывая свое неумение поднять вопрос на достаточно научную теоретическую высоту, отделяясь лишь одной руганью по адресу профессоров с «реакционными вождениями».

К чему например сейчас, при анализе вопросов медицины и естествознания, нужно было вспоминать приводимую И. Тарадиным классификацию степеней целомудрия С. Введенского: «1) целомудрие в браке, 2) целомудрие вдовства и 3) целомудрие девиства»? В какой связи все эти «целомудрия» стоят с поднимаемым им вопросом о «классовой борьбе в медицине»?

Вместо того, чтобы действительно поднять ряд актуальных теоретических и практических вопросов медицины и здравоохранения, связав их с пройденным этапом борьбы на два фронта, И. Тарадин говорит не о медицине, не о здравоохранении, а фактически жонглирует, нанизывая их один на другой, «эксquisite» случаями и фактами из «смежных» областей. Большая путаница для И. Тарадина также и там, где он делает попытку доказать верность своих положений опереться на «авторитетную» позицию в наших марксистских рядах. Об одном случае подобной опоры мы уже упоминали выше, говоря о ссылках И. Тарадина на статью Левита, помещенную в журнале «ПЗМ» (1930 г., № 5).

Вообще нужно сказать, что И. Тарадин повидимому «широкая натура». Всех он любит похлопать по плечу и со всеми соглашается: «совершенно прав т. Левит», «совершенно прав т. Вольфсон», «совершенно прав т. Агол», «совершенно правы тт. Луначарский, Семашко», «совершенно прав т. Г. Зиновьев», «совершенно верно делают выводы тт. Голубева, Сурта, Баткис, Максимов, Владимирский» и т. д. Все правы, кто же не прав? Где же партийная линия в разбираемых вами теоретических вопросах? Где же четкая расстановка сил? Чего стоит после этого ваш лозунг «За партийность в науке и философии»?

Наиболее «живое» место в брошюре—это то, которое идет под заголовком «Классовая борьба в практике здравоохранения». Но и здесь за грудой цитат и приводимых мелких фактов также не видно пути-дороги. Во-первых, И. Тарадин не потрудился использовать богатейший материал, иллюстрирующий наши достижения на фронте здраво-

охранения за последний период нашего социалистического строительства. Нужно было показать, как вырос бюджет здравоохранения (почти в 3 раза!), показать, что число врачей увеличилось в сравнении с довоенным временем в четыре раза (всего 85 тыс., а за четыре года пятилетки число врачей возросло на 30 тыс., т. е. в полтора раза больше, чем в дореволюционной России). Число учащихся в медвузах и средне медицинских учебных заведениях составляет стотысячную армию. Сельская медицинская сеть имеет свыше 15 тыс. врачей (т. е. в 7 раз больше, чем до революции!). Мы имеем значительное снижение общей заболеваемости, сокращение детской смертности в 2 раза, а по некоторым крупным промышленным районам в 3 раза в сравнении с дореволюционным временем.

За этот период мы имели исключительное внимание партии к делу народного здравоохранения. Целый ряд задач, стоявших в плане работ первой пятилетки, а также первого года второй пятилетки, непосредственно связан с задачами социально-оздоровительного порядка. И это вполне понятно, ибо «забота о здоровье и жизни рабочего и колхозника—этой живой производительной силы, двигающей и управляющей всеми рычагами нашей социалистической стройки и берущей с энтузиазмом крепость за крепостью, является одной из наших первоочередных забот» (из речи т. Владимирского на партактиве медработников г. Москвы).

Вот почему мы имеем небывалый рост бюджета народного здравоохранения, вот почему быстро растут у нас врачебные кадры (наша стотысячная армия, обучающаяся в медвузах и средне медицинских заведениях, по численности составляет наличный состав аналогичных кадров Америки, Франции и Англии, взятых вместе).

Если наши 85 тыс. врачей непосредственно заняты своей прямой врачебной деятельностью и зачастую из-за недостатка врачебных кадров совмещают деятельность в различных учреждениях и лечебных заведениях, то «культурная» Германия имеет 35 тыс. работающих врачей и примерно столько же фактически безработных, находящихся на положении знахарей.

Вот почему непосредственно под руководством ЦК нашей партии возникают гиганты, Магнитострой в области медицины (Всесоюзный институт экспериментальной медицины в Ленинграде). Вот почему за этот период мы обогатились другими многочисленными научно-исследовательскими институтами, больницами-вузами, выстроили оборудованные по последнему слову техники больницы, амбулатории и поликлиники, значительно расширили коечную сеть как в городе, так и в особенности в деревне. «Как в социалистической промышленности и сельском хозяйстве за этот период мы имели пафос строительства, точно так же этот пафос мы имели и в деле социалистического здравоохранения» (из речи т. Владимирского на партактиве медработников г. Москвы). Мы также имели своих героев и своих ударников, своих энтузиастов, нередко жертвовавших жизнью на врачебном посту.

Подчеркивая все это, приходится недоумевать, как И. Тарадин не мог рассмотреть наш бурный рост, не мог «изолировать» из общей массы научных работников и профессоров тех, кто действительно имеет «реакционные вожеления», тормозит нашу работу, кто не дает возможности расти и развиваться нашему молодняку, от тех, кто вместе с партией, рабочим классом, колхозным крестьянством идет в ногу по пути социалистического строительства, кто высоко держит знамя советской медицины, советской науки.

Говоря о классовой борьбе в медицине, И. Тарадин вместе с тем не мог правильно определить, кто же по существу на фронте медицины и здравоохранения является в данный момент нашим классовым врагом или его агентурой.

Классовый враг далеко не в образе открытого «мракобеса», а под флагом «научно-исследовательской работы» делает прививку чумы, сибирской язвы.

минингита рабочему и продуктивному скоту в крупном совхозе. Классовый враг, желая дискредитировать важнейшие санитарные профилактические мероприятия, сжигает жаровую дезокамеру вместе с бельем больных, подвергшихся санитарной обработке. Классовый враг, отделяясь обычной «неопытностью и незнанием», вместе с бельем и одеждой в жаровую дезокамеру вносил для дезинфекции... больных. Не желая себя «беспокоить» в выходной день, классовый враг выдавал авансом свидетельство о смерти еще не умершего ребенка, который на основании этого свидетельства был отправлен в морг (нашумевший случай в Сталинграде). Агентура классового врага подрывает дисциплину в наших лечучреждениях, способствует халатности, разгильдяйству, невнимательному, бюрократическому, бездушному отношению к больному со стороны медперсонала, потворствует прогулам, мотивируя, что декрет Совнаркома о борьбе с прогулами неприменим к лечебным учреждениям, составляет академическую программу работ санитарного, социал-гигиенического цикла в медвузах, забывая и вычеркивая совершенно основную работу — производственную практику студентов, и т. д. и т. д.

И здесь основная вина несомненно падает на нас самих, на коммунистов, возглавляющих практическое дело здравоохранения и наши научно-исследовательские институты. Точно так же значительное число наших коммунистов-врачей, работающих в деревне и являющихся там большой культурной и политической силой, несомненно повинны в тех прорывах и недочетах, которые имеются сейчас в работе в деревне. Как тут, так и там, везде нужна ориентировка для работы в новых условиях, нужно глубокое понимание новой обстановки. Живое, конкретное, повседневное и оперативное руководство в нашем деле — первый залог успеха, победы и преодоления трудностей!

Наши коммунисты, работающие в области здравоохранения, зачастую уходят от «мелочей» работы, не овладевают, если так можно выразиться, техникой процесса здравоохранительского производства и научно-исследовательской работы. Этим пользуются классовый враг и его агентура для того, чтобы вредить и ставить тормозы на пути нашей работы. Для примера можно взять борьбу с инфекцией. Возникающую вспышку можно при овладении санитарной техникой, ее деталями, научной организацией дела, умелой, живой оперативной работой ликвидировать в течение двух-трех недель, и наоборот, бумажными инструкциями, передоверием дела чуждым нам людям можно довести незначительный очаг до массовой эпидемии...

Можно бесконечно схоластически спорить со всевозможными Кацами о роли единого диспансера, что между прочим и делает И. Тарадин, пережевывая старую жвачку, и можно делать то, что прекрасно сделали иваново-вознесенские и другие здравоохранительские работники в промышленных центрах, органически связавшись, во-первых, со своим производством в обслуживании рабочих ведущих отраслей промышленности, и, во-вторых, организовав систематическое квалифицированное обслуживание крупнейшими специалистами колхозников, организовав сельские санитарно-оздоровительные пункты, сестринские пункты, ставя на должную высоту родовспоможение и т. д. и т. п. Можно заниматься всевозможным прожектерством и псевдомарксистской вульгаризацией медицины вроде изучения «контрактуры коленного сустава в свете диалектического материализма» (Украинский ортопедический институт), обнаруживая вместе с тем неумение лечить и предупреждать эту контрактуру, что является самым важным и самым существенным.

Можно развивать прожектерство в деле рабочего отдыха вроде того, что было описано в «Правде» по адресу отдельных работников Парка культуры и отдыха на тему «Веселящаяся единица», и не сказать и не показать самого главного, самого простого, что нужно нашему культурному рабочему, который хочет

отдохнуть на досуге, набраться без всяких «мудрых» затей свежих сил, посмеяться здоровым смехом и физически окрепнуть для того, чтобы бодрым притти на производство.

Наше прожектерство иногда доходит до таких утверждений, что-де, мол, клиника теряет свое значение (Украинский туберкулезный институт и др.), что, мол, клиника сейчас призвана выполнять диагностические функции при социально-гигиеническом отделе. Авторам этих положений совсем невдомек, а кто же квалифицированно и умело будет заниматься диагностикой и терапией туберкулезных больных? Авторы забывают, что наша задача состоит совсем не в том, чтобы упразднить клинику или превратить ее в отдел социальной гигиены, а в том, чтобы клиника самым наилучшим образом усовершенствовала свой клинический метод, чтобы наиболее эффективно диагностировать и лечить больных. Мы видим попытку целого ряда медицинских институтов подменить тематику своей научно-исследовательской работы проблемами общего экономического, и культурного характера. Наши медицина и здравоохранение органически связаны с задачами социалистического строительства, но тем самым не только не падают значение и необходимости развития и совершенствования медицинской науки в деле лечения больных, а наоборот, это значение сейчас возрастает больше, чем когда бы то ни было.

Отсюда вырастает целый ряд актуальных задач, стоящих перед нашими молодыми научно-исследовательскими кадрами в смысле быстрейшего овладения конкретно-научными знаниями, научной методикой исследования, отсюда вырастают серьезнейшие задачи более глубокого и внимательного подхода к подготовке самих кадров. Отсюда вытекает огромной важности задача — превращение наших клинических больниц в такие учреждения, которые являлись бы образцами в лечебном, и санитарном отношении и вместе с тем служили бы образцовыми базами для подготовки этих кадров.

Та обстановка, в которой сейчас приходится нам работать и строить величественное здание социализма, является обстановкой обостряющейся классовой борьбы, а потому «революционная бдительность сейчас является как раз тем качеством, которое необходимо коммунистам» (Сталин).

С этой точки зрения сам по себе вопрос, поднятый И. Тарадиным, является несомненно актуальным, но все-изложение вопроса, отсутствие живого, конкретного содержания, близко и непосредственно увязанного с нашими насущными задачами в области медицины и здравоохранения, отделявание лишь общими декларациями и голыми лозунгами делает работу И. Тарадина схоластической, бессодержательной, абстрактной, не говоря уже о целом ряде других ошибок и неправильных установок, им допущенных. Подымая на высшую научную теоретическую ступень актуальные, современные задачи медицины и здравоохранения, подвергая их углубленному марксистско-ленинскому анализу, мы дадим читателю как раз тот материал, который его правильно ориентировал бы в теории и практике дела медицины и здравоохранения.

В. А. Климовицкий

В. Пиков, „Пьер Бейль“

(С предисловием И. Луппола, ОГИЗ. Государственное антирелигиозное изд-во, Москва, 1933 г., цена 1 р. 25 к., переплет 40 к.)

В статье «О значении воиствующего материализма» Ленин, говоря о неутомимой атеистической пропаганде и борьбе с религией, рекомендовал переводить бойкую, живую, талантлиую, остроумно и открыто нападающую на господствующую поповщину публицистику старых атеистов конца XVIII века.

Пьер Бейль, выдающийся буржуазный философ-скептик конца XVII и начала XVIII в., хотя и не был атеистом типа французских материалистов второй половины XVIII в., но действовал как «остроумнейший» (Маркс) «свободный мыслитель» (Энгельс), и его «Исторический и критический словарь», в котором он критикует религиозные догматы и религиозные предрассудки, оказал огромное влияние на последующее поколение буржуазных материалистов и атеистов, в особенности на французских материалистов второй половины и конца XVIII века.

Вот полная блестящая характеристика Бейля, данная Марксом в «Святом семействе», в главе «Критическое сражение с французским материализмом»: «Пьер Бейль не только разрушил метафизику с помощью скептицизма, очищая тем самым почву для усвоения материализма и философии здравого смысла во Франции, он возвестил появление атеистического общества, которое вскоре действительно начало существовать, посредством доказательства того, что возможно существование общества, состоящего из атеистов, что атеист может быть почтенным человеком, что человека унижает не атеизм, а предрассудки и идолопоклонство.

По выражению одного французского писателя, Пьер Бейль был «последним метафизиком в смысле XVIII столетия и первым философом в смысле XVIII столетия»¹⁾.

Пьер Бейль—идеолог складывающегося и укрепляющегося класса французской буржуазии—вел борьбу против феодальной идеологии, религии как опоры феодального общества.

Пьер Бейль заслуживает того, чтобы советский читатель-антирелигиозник имел возможность ознакомиться если не с отдельными его работами, то по крайней мере с избранными местами из его сочинений. «Конечно,—как указывал Ленин,—и ненаучного и наивного найдется немало в атеистических произведениях революционеров XVIII века». Это еще более можно отнести к Пьеру Бейлю, раннему предшественнику французских материалистов. «Но никто не мешает,—пишет дальше Ленин,—издателям этих сочинений сократить их и снабдить короткими послесловиями с указанием на прогресс научной критики религий, проделанный человечеством с конца XVIII века, с указанием на соответствующие новейшие сочинения и т. д.»

К сожалению, Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР не представил советскому читателю возможности непосредственного ознакомления с избранными местами из сочинений Бейля.

Популярная брошюра В. Пикова дает довольно подробное изложение жизни и деятельности Бейля. Помимо «более или менее подробного изложения» учения Бейля В. Пиков дает выписки из статей Бейля, «посвященных им богословским проблемам». Однако эти выписки ни в коей мере не могут заменить самих произведений Бейля, пусть даже в сильно сокращенном виде. Издание отдельных работ Пьера Бейля должно получить свое осуществление.

В. Пиков, ставя своей задачей дать отчетливое и правильное представление о Пьере Бейле, сам однако не убежден в этом. Указывая на недостатки работы о Бейле Л. Фейербаха и других исследователей, В. Пиков выдвигает абсолютно нетерпимый тезис: «Будучи далеким от мысли,—пишет он,—что предлагаемая работа во всех отношениях превосходит упомянутые исследования, т. е. является безупречной в методологическом отношении»...

Во-первых, здесь «во всех отношениях» сводится к методологическому «отношению»; во-вторых, если предлагаемая работа не превосходит буржуазные работы, как уверяет сам В. Пиков, то такая рекомендация своей работы должна бы послужить отказом от ее издания.

Несмотря на ряд погрешностей в изложении, ошибочных положений и утверждений и даже методологической погрешности, брошюра В. Пикова является

¹⁾ Маркс—Энгельс, Святое семейство, Соч., т. III, стр. 156.

попыткой марксистско-ленинского подхода к Бейлю. В ней он в общем дает, как он сам выражается, «приблизительно верный портрет рассматриваемого в ней мыслителя в марксистском освещении».

Первое, на что необходимо обратить внимание в работе В. Пикова, это недостаточное овладение марксистско-ленинской методологией истории философии. Ряд его положений должен подвергнуться жестокой критике.

Сделав указание, что у Бейля много «пространных обсуждений доказательств бессмертия души, бытия божия и различных «фактов» священной истории», которые «не могут уже представлять большего интереса», автор определяет свою задачу следующим образом: «Поэтому я ограничусь здесь лишь изложением наиболее ярких и характерных для него мест из его сочинений, наиболее резких его выступлений против религии и сопоставлением их с идеями виднейших мыслителей той эпохи» (стр. 7).

В силу такого, отнюдь не исторического подхода у В. Пикова, когда он говорит о непоследовательности Бейля, о том, что он отдал дань богословию,—вырываются такие фразы: «Читая у Бейля такие вещи, нельзя быть к нему слишком строгим». Это чисто субъективный подход к истории философии, который ведет к отказу от строгого историзма. Его надо отбросить, как меньшевистствующе-идеалистический подход к истории философии.

В докладе о философии Спинозы Деборин утверждал: «Я подчеркнул в докладе, только сильные стороны в учении Спинозы, не вдаваясь в оценку этих положительных моментов с точки зрения наших современных взглядов; еще менее я считал нужным подвергнуть критике неприемлемые для нас моменты в учении Спинозы»¹⁾.

Дело не в том, чтобы изложить сильные стороны того или другого мыслителя прошлого, чтобы быть к нему строгим или мягким. Марксистско-ленинская методология требует строго исторического подхода к философским системам. Ленин превосходно выразил это в конспекте лекции по истории философии Гегеля: «стр. 57—58. Превосходно за строгую историчность в истории философии, чтобы не приписать древним «такого «развития» их идей, которые, как понятно, на деле отсутствовали еще у древних»²⁾. Марксистско-ленинская методология требует, чтобы автор вскрыл основу определенной философской системы, исходя из экономики данного общества, борьбы классов, определил историческое место рассматриваемого философа в соответствии с содержанием его философии, выявил его классовое лицо, классовую ограниченность, показал на основе уровня науки той эпохи, какой исторической ступенью познания является та или другая философская система и какое влияние она оказала на последующие поколения мыслителей.

Перейдем к следующему вопросу. Лавая оценку скептицизма Декарта, Ф. Бекона и Бейля, В. Пиков определяет его как условное сомнение, имеющее лишь методологическое значение, и только. На самом же деле скептицизм Декарта, Бекона и Бейля основан не только на условном, методологическом сомнении. Борьба Декарта, Ф. Бекона против средневековой схоластики является не только методологическим приемом, а имеет характер действительного отрицания традиционных учений средневековой схоластики, решительного очищения человеческого разума от предрассудков, отказа от идеологического наследства в части ложных, неистинных положений, установленных церковью и подкрепленных средневековой схоластикой как служанкой богословия. Декарт не отрицает положительного значения результатов, добытых предшествующим развитием науки и философии, а лишь недостаток в них действительного знания. Он же не отрицает необходимости использовать предшествующие достижения научного познания, которые согласованы с разумом, являются истинным познанием. Что же касается таких

¹⁾ А. Деборин, Очерки по истории материализма XVII—XVIII вв., Гиз, 1929 г., стр. 84.

²⁾ Лен. сб. XII, стр. 173.

«наук», как алхимия, астрология, магия, то Декарт проявляет здесь не методологическое сомнение, а чисто отрицательное, презрительное отношение. Он считает их ложными учениями, не веря ни обещаниям алхимика, ни предсказаниям астролога, ни пророчествам мага, считая все это грубым обманом.

Заслуга новой философии как антитезы средневековой схоластики состояла именно в том, что ее представители, ведя борьбу против средневековой идеологии, решительно, действительно, а не методологически, отрицали старый хлам средневековой философии.

При рассмотрении политического лица П. Бейля автору необходимо было бы подробнее остановиться на социально-экономическом анализе эпохи Бейля. Но и то, что дает в этом отношении В. Пиков, носит характер противоречивых положений.

Определив классовое лицо П. Бейля как представителя буржуазии, начинающей осознавать свои интересы, автор в дальнейшем сбивается на ряд неправильных утверждений.

Говоря о борьбе классов в период деятельности Бейля, Пиков дает ряд противоречащих друг другу положений. В одном месте сказано о «зарождении в недрах феодального общества новых форм общественного бытия», а через семь строк ниже утверждается о «противоречии между пережитками феодализма и укрепляющимися капиталистическими отношениями» (стр. 7), а на следующей стр. (8) т. Пиков категорически утверждает, что деятельность Бейля должна была «способствовать развитию производительных сил внутри новой социальной системы» (разрядка везде наша.—**Авторы**). Дальше В. Пиков пишет: «Значение Бейля заключается не в том, что он обострил противоречие разума и веры, а в том, что он обострил противоречие между идеологиями двух классов» (речь идет о противоречии между пережитками феодализма и укрепляющимися капиталистическими отношениями.—**Авторы**).

Тезис необходимо перевернуть с головы на ноги, ибо Бейль не обострил противоречия между разумом и верой, между двумя классами, а только отразил в идеологическом аспекте эти классовые противоречия. Не менее странным является утверждение В. Пикова, что самым страшным разрушительным оружием, которым пользовался Бейль против феодальной идеологии, явилось «искусство спорить».

К недостаткам брошюры следует отнести также недостаточный показ мировоззрения Бейля как идеолога, отражающего компромисс буржуазии, его половинчатость.

Осветив довольно вышукло роль скептицизма в разрушении Бейлем религиозных учений, В. Пиков выставляет Бейля как мыслителя, не имеющего определенного мировоззрения. «У Бейля,— пишет Пиков,— не было своей собственной философской системы, ни даже сколько-нибудь цельного последовательного мировоззрения» (стр. 53). Рассматривая взгляды Бейля о природе нашей души, Пиков опять подчеркивает, что «как и во всех своих философских и богословских критических выступлениях он и здесь, повидимому, не становится на какую-либо определенную точку зрения» (стр. 82). Тов. Луппил также в своем предисловии отмечает, что Бейль почти не «высказывает своей личной точки зрения» (стр. 5).

Бейль—представитель буржуазии в начальный период ее борьбы с феодализмом. Буржуазия в этот период была еще слаба, падка на компромиссы, половинчата, непоследовательна. Эта противоречивость и отражена Бейлем. Хотя мы у него действительно не имеем целостного, развернутого, положительного учения философской системы, но сказать, что у Бейля отсутствует определенное мировоззрение, будет абсолютно неправильным.

Прежде всего следует отметить, что скептицизм Бейля, с помощью которого он разрушил метафизику, должен быть охарактеризован как определенное прогрессивное мировоззрение. Бейль как ранний представитель французских материалистов, очищая почву для усвоения материализма, отстаивает, правда недостаточно

последовательно, атеистическое, материалистическое мировоззрение, «стремится оправдать все перед силой разума. Все его воззрения характеризуются полным противоречием его взглядов с защитниками религиозных догматов и метафизики. Если Бейль не дал сколько-нибудь цельной философской системы, то нет сомнения, что в его рассуждениях содержатся его положительные взгляды.

Как В. Пиков, так и т. Луппол, рассматривающие скептицизм Бейля исключительно как оружие разрушения, а не одновременное созидание нового, невольно приходят к утверждению, что у Бейля мы имеем «своеобразие постановки и трактовки им метафизических и в особенности богословских вопросов» (Предисловие Луппола, стр. 3). То же самое мы находим у В. Пикова, указывающего, что он ставил себе задачей дать исчерпывающее изложение и анализ «всех высказанных идей» у Бейля, «его идеи» (см. стр. 7), «философских взглядов» (стр. 83), «мировоззрения Бейля» (стр. 83). «Бейль,— пишет В. Пиков,— исследует философские и богословские и исторические проблемы, анализирует самые трудные из них... затрагивает мимоходом различные вопросы естествознания, математики и астрономии; касаясь разных историко-литературных тем, он искусной, меткой критикой расшатывает остроумнейшие теории, возбуждает новые проблемы» (стр. 27).

«У Бейля,— пишет в другом месте В. Пиков,— не было ни своей собственной философской системы, ни специальных трудов, посвященных философским вопросам, и поэтому о его философских взглядах можно судить лишь по разрозненным отрывкам отдельных мыслей, разбросанных среди бесконечных богословских полемических статей. До известной степени цельное представление об этих взглядах дает лишь статья, посвященная им Спинозе» (стр. 83).

«Бейль определенно склоняется к материалистическим взглядам на природу души» (стр. 82).

К общим недостаткам брошюры следует также отнести отсутствие соответствующей критики работ о Пьере Бейле. Сказано только о недостатках работы Л. Фейербаха о Бейле. В отношении других работ о Бейле отмечено: «что касается других исследований, то они обладают еще большими недостатками, чем исследование Фейербаха»; ниже сказано «упомянутые исследования», в то время как выше ничего не «упомянуто». Какие эти исследования, в чем их недостатки,— об этом читатель остается в неведении.

Крупную ошибку делает В. Пиков в оценке философии Спинозы.

Рассматривая отношение Бейля к Спинозе, автор извращает учение Спинозы. Прежде всего он утверждает, что философия Спинозы есть пантеистическая система (стр. 57). Указывая, что противоречие у Бейля «нематериальности бога, его роли творца (cause efficiente) материальной вселенной может быть сведено к спиновской теореме. «вещи, не имеющие ничего общего между собою, не могут быть причиной одна другой», В. Пиков, хочет он этого или нет, приходит к тому, что у Спинозы причиной материальности вселенной является бог. Где же остался тезис Спинозы, что субстанция есть причина самой себя (causa sui), и положение Энгельса, что Спиноза настойчиво пытался объяснить мир из него самого.

Естественно, что у Пикова Спиноза теист. Так оно и выходит, несколькими страницами ниже, где он утверждает, что Спиноза идет от теизма к материализму. Остается неизвестным, дошел ли наконец Спиноза до материализма. Такая путанная характеристика Спинозы непростительна уже потому, что в связи с юбилеем Спинозы мы на философском фронте имеем, если отбросить частности, общеплановленную точку зрения на философию Спинозы.

Наряду с указанными общими недостатками брошюры изобилует рядом скользких по поверхности мест, неряшливых формулировок, противоречивых положений, из которых, как наиболее существенные, отметим следующие:

«Монизм,— по В. Пикову,— может быть результатом лишь упорного и сосредоточенного размышления». Поскольку Бейль был неспособен к углубленному, строго систематическому размышлению, то он оказался «чужд монизму» и благо-

даря этому «был самым ярким противником и самым непримиримым врагом монистической философии», в частности монистической материалистической философии Спинозы.

Такой подход к объяснению возникновения монистической философии ничего общего не имеет с марксистско-ленинской методологией истории философии. Коренной порок В. Пикова в этом вопросе тот, что он классовый анализ подменяет вопросом «размышления», интеллектуальным складом того или другого мыслителя. Как же быть в этом случае с Кантом и другими мыслителями разных эпох, которые хотя и упорно и сосредоточенно размышляли, а все же не являлись монистами?

Критику Бейлем философии Спинозы В. Пиков рассматривает также под углом зрения интеллектуального склада ума у Бейля и Спинозы. В защиту этого тезиса В. Пиков берет Л. Фейербаха, который в своей книге о Бейле проводит сравнение между Бейлем и Спинозой, исходя из их интеллектуального склада, который, по мнению Фейербаха, был основной причиной их взаимного непонимания (стр. 85). Пиков пишет, что в своей борьбе с противниками Бейль выходил победителем, так как «его всегда спасало оружие, которым он владел с исключительным искусством,—его диалектика» (стр. 54). Не к чему сюда приешивать диалектику, хотя и «его», бейлевскую. Надо было бы просто сказать, что Бейль являлся прекрасным полемистом, вскрывающим непоследовательность и противоречивые положения у своих противников.

Весьма туманно положение Пикова, что «мировоззрение Лейбница философское, а не религиозное» (стр. 77). Что этим хотел сказать автор, остается непонятным. Не менее туманно и следующее положение о том, что Френсис Бекон закладывал «философский фундамент эмпирических наук» (стр. 32) или «Условное сомнение является обычным приемом дедуктивного метода» (стр. 31).

На стр. 84 Пиков указывает, что Бейль вместе с метафизикой у Спинозы «отбрасывает и материализм, и атеизм, и те элементы диалектики, какие имелись у Спинозы», но он не говорит, какие же это элементы диалектики.

Непонятно, в чем видит шаг вперед В. Пиков в следующем положении: «Неизменный божественный план, предустановливающий мировые события,—это уже шаг вперед от божественного произвола теологии» (стр. 57). Спрашивается, какой этот бог теологии известен Пикову, который действует исключительно по произволу?

Очень уже сильно сказано, что «в лице Бейля высказываются уже те новые общественные силы, которые менее века после его смерти подвергнули сокрушительной ломке господствующие учения в области социологии, права, истории и философии и взорвали ржавую и расхлябанную государственную машину со всеми ее социальными опорами» (стр. 52), и в другом месте: Бейль «до основания разрушил систему христианской теологии» (стр. 69).

Кроме всего этого в брошюре налицо ряд неряшливых формулировок, как например: «Лейбниц нечувствительно переходит от отрицания возможности реального существования логически противоречивого к отрицанию реально противоречивого» (стр. 77); «Исследуя платоновские доказательства бессмертия человеческой души, он постепенным и медленным выворачиванием их наизнанку...» (стр. 78); «Бейль положил начало выступлению науки из кругов специалистов и кабинетных ученых», причём «на широкий путь всего общества» (стр. 20).

Работа Пикова пестрит словами и выражениями на иностранных языках. Это внешне придает работе «ученость», а на самом деле затрудняет чтение даже антирелигиозному активу.

К недостаткам работы следует отнести также и то, что Пиков, цитируя различных авторов, не указывает ни года издания, ни страницы, а указывает на книгу в целом или в лучшем случае на главу и тем самым затрудняет проверку приведенных им цитат.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

О современных задачах нашей работы

Об'единенное совещание дирекций институтов философии Комакадемии Москвы, Ленинградского отделения Комакадемии, ВУАМЛИН и Белоруссии явилось серьезной, реальной попыткой об'единения научно-исследовательских сил разных институтов для совместной разработки актуальных вопросов, выдвигаемых практикой социалистического строительства. Основной вопрос повестки дня— характеристика состояния научно-исследовательской работы институтов — должен был дать и дал выяснение содержания работы, проблем, стоящих теперь перед нами, а обсуждение и согласование планов работы должно было организационно оформить и закрепить сотрудничество по разработке этих проблем на ближайший период.

Отметив достижения в работе за последние два года, а именно актуализацию тематики, более тесную связь с социалистическим строительством, развертывание борьбы на два фронта и т. д., все докладчики и выступавшие в прениях товарищи уделили основное внимание выяснению недостатков в работе институтов. Особенно подробно был рассмотрен вопрос о прорыве на философском фронте на Украине, связанном с общим ходом классовой борьбы на Украине на современном этапе. В момент активизации буржуазно-националистических элементов, выражающих обостренное сопротивление остатков ликвидируемых классов, некоторые коммунисты — работники на философском участке теории, оказались не на высоте партийных задач, не проявили необходимой большевистской бдительности к вылазкам классowego врага. Наоборот, некоторые из этих товарищей, например Нырчук, сами допустили грубейшие политические ошибки, извращая основные положения марксистско-ленинской теории, выхолащивая ее революционное содержание. Тем более не приходится говорить о таких работах, как работы Юринца, исключенного из партии, который не только допускал плагиат отовсюду — из работ т. Максимова, из работ т. Егоршина, из классиков марксизма, из буржуазных ученых, но и сам полностью перешел на позиции своих учителей — представителей буржуазной науки и философии. Руководство Институтом философии ВУАМЛИН не оказалось на высоте положения, не проявило необходимой революционной бдительности, не развернуло борьбы на философском фронте на Украине против классово враждебных и ревизионистских вылазок, не развернуло своевременно самокритики в своих собственных рядах.

Эти факты из борьбы на философском фронте Украины имеют значение для всего философского фронта в целом: они сигнализируют о необходимости революционной бдительности и усиления борьбы коммунистов-философов против всяких попыток активизации врагов марксизма-ленинизма, как врагов, выступающих с открытым забралом, так и врагов под различной маской — ревизионистов из лагеря меньшевистствующих идеалистов и особенно из лагеря механистов, поставящих теоретическое оружие правым оппортунистам. Наряду с попыткой ряда товарищей — представителей этих двух лагерей — порвать с этими ревизионистскими группами и встать на партийные позиции в философии до сих пор имеет место протаскивание установок и механицизма и меньшевистствующего идеализма в отдельных литературных выступлениях, докладах и педагогической работе. Из ряда выступлений представителей механицизма за последнее время вполне очевидно, что основная руководящая группа этого антимарксистского, антиленинского течения и не собирается разоружаться. Продолжение последовательной защиты линии партии в философии, дальнейшее развертывание борьбы на два фронта в философии, особенно против механицизма как главной опасности в данный период и против меньшевистствующего идеализма, — является первейшей обязанностью всякого коммуниста — работника на философском фронте.

Крупнейшим недостатком в работе институтов, как это отметило об'единенное совещание дирекций, является крайне слабый в сравнении с потребностями разворот научно-исследовательской работы; имеются лишь первые попытки в этом направлении, но нет пока ни одной серьезной крупной исследовательской работы, а также и низкое качество философской продукции, недостаточный ее теоретический уровень. Действительно популярных брошюр, доступных массовому читателю, совсем нет. Общим недостатком философских работ является их чрезмерная

абстрактность, доходящая в некоторых случаях до прямой схоластики. Работы пишутся сухим, сухонным языком, без привлечения живого, конкретного материала из других областей, за исключением разве некоторых цифр, которые привлекаются тоже, так сказать, «в порядке категории количества». Богатейший материал других областей нашей работы, прекрасные образы, яркие типы и картины классовой борьбы, данные пролетарской художественной литературой, для философов попрежнему остаются сокровищем за семью замками и печатаются. Нет органической связи с другими участками марксистско-ленинской теории, философы недостаточно изучают другие области науки. То, что сделано в этом отношении между институтом философии и институтами права, является лишь первым шагом к подлинной совместной разработке актуальных проблем.

Массовая работа институтов идет удовлетворительно. Организации ОВМД за этот год сделали однако крайне мало в области пропаганды диалектического материализма, несмотря на все усиливающийся интерес партактива, научных работников и студенчества к вопросам марксистско-ленинской философии. Обьединенное совещание одобрило мероприятия Института философии КА и Центрального правления ОВМД по вовлечению в ОВМД крупных ученых—естественников и техников, по усилению работы среди беспартийных научных работников, укреплению связи с СНР и ВАРНИТСО, обеспечению регулярной работы с партактивом и т. д.

Чтобы справиться со всеми этими задачами, надо уметь расставить и использовать имеющиеся философские кадры, вовлекать и выдвигать все больше и больше новые кадры работников в области марксистско-ленинской философии.

Исключительно большое значение в настоящий момент приобретает создание регулярной связи институтов философии с политотделами МТС, совхозов и др. В политотделах работает в данное время более ста товарищей—работников философского участка нашей теории. Это огромная сила, располагающая богатейшим конкретным материалом и опытом по созданию крупного социалистического сельского хозяйства, по социалистической переделке деревни в самых различных районах нашего Советского союза, с разнообразным общественно-политическим, техническим и культурным уровнем развития. Нужно вовлечь работников политотделов в научно-исследовательскую работу институтов, помочь им в обобщении опыта работы на местах, организовать разработку ряда актуальных проблем силами работников различных районов, наладить печатание статей и заметок в журнале «Под знаменем марксизма» и других журналах и газетах, издание научно-исследовательских работ и брошюр. Тот факт, что в Институте философии КА есть пока лишь 2—3 договора с начальниками политотделов о работе над определенными темами, очень ярко говорит об отсутствии работы институтов по этой линии. С другой стороны, надо практиковать командировки научных сотрудников в политотделы и промышленные районы для изучения работы на местах в связи с разработкой актуальных вопросов и для непосредственного участия в этой работе.

Эти вопросы должны занять центральное место в работе на ближайший период как в подготовке к XVII съезду партии, так и в подготовке к Ленинской сессии институтов философии, в связи с 10-летием смерти Ленина и 25-летием выхода работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Решения обьединенного совещания дирекций институтов философии дают достаточную наметку работы, ее направления и проблематики на ближайший период (см. резолюцию, печатаемую в этом номере «ПЗМ»). Надо эту наметку положить в основу планов научно-исследовательской работы, а главное закрепить и реализовать на деле, в непосредственном сотрудничестве институтов и всех работников философского фронта над разработкой актуальных проблем марксистско-ленинской теории, социалистического строительства в СССР и международного рабочего движения.

П. Черемных

Резолюция обьединенного заседания дирекций институтов философии

(26—27 июня 1933 г.).

Заслушав и обсудив сообщения гг. Митина, Янковского, Вольсона и Левика, совещание постановляет:

1. Созыв обьединенного совещания институтов философии Украины, Белоруссии, Ленинграда и Москвы является важным этапом в деле обьединения научно-исследовательской философской работы в СССР для дальнейшей разработки актуальных проблем марксистско-ленинской теории и социалистического строительства и борьбы за генеральную линию партии.

2. Совещание выявило ряд достижений в области философской работы институтов после решения ЦК о журнале «ПЗМ»: повышение партийной серьезно-

сти, актуализация тематики, более тесная связь с социалистическим строительством. В подавляющем большинстве философских работ (за исключением отдельных прорывов) проводилась правильная политическая линия борьбы на два фронта. Вместе с тем со всей решительностью необходимо констатировать продолжающееся отставание философского участка от требований социалистического строительства, а также зачастую неудовлетворительное качество философской продукции.

3. Совещание обращает особое внимание институтов и работников философского фронта на имевшие место за последнее время факты некоторой активизации открытого идеализма (академик Вернадский), попыток протаскивания буржуазно-идеалистических концепций в марксистской литературе (плагиаты у Юринца) известного распространения «физического идеализма» на фронте естествознания.

4. Совещание подчеркивает, что хотя в основном меньшевистствующий идеализм и механицизм разгромлены и крупнейшие их представители разоблачены, хотя имел место ряд выступлений некоторых механистов и деборинцев с признанием ошибок, однако в ряде случаев до сих пор продолжается протаскивание установок механицизма и меньшевистствующего идеализма как в конкретных науках, так и в философских произведениях, докладах и преподавательской работе. Решительная борьба против обеих форм ревизионизма, особенно против механицизма — теоретической базы правого уклона как главной опасности на данном этапе, попрежнему является актуальнейшей нашей задачей.

Кроме того совещание отмечает и такую крайне вредную и опасную форму чуждого влияния на пролетарскую науку, одним из образцов которой является работа Нырчука в киевском сборнике «За ленинскую философию».

5. Совещание целиком и полностью присоединяется к решению ЦК ВКП(б)У от 8 мая с. г. о сборнике «За ленинскую философию», изданного под маркой Киевского отделения ВУАМЛИН. Этот сборник содержит в себе ряд грубых ошибок и извращений марксистско-ленинской теории. Целиком антибольшевистский, антипартийный прием, практиковавшийся редактором и основным автором сборника т. Нырчуком, состоит в переписывании из классиков марксизма без обозначения источников при произвольном вырывании отдельных выражений из контекста, обкарнании их, извращении и выхолащивании этих положений и произвольной их группировке... «Философский институт ВУАМЛИН хотя и послал в Киев телеграмму о снятии со сборника марки ВУАМЛИН, не проявил достаточной бдительности, не вскрыл своевременно плагиата из классиков марксизма в статье Нырчука и ряда грубых ошибок в работах авторов сборника» (решение ЦК КП(б)У).

Еще более грубое извращение марксистско-ленинской теории, являющееся одним из образцов протаскивания враждебной классовой идеологии, имелось у Юринца, допускаяшего плагиат отовсюду, а особенно из буржуазно-идеалистических ученых. Одной из форм борьбы классового врага против марксистской теории являются приемы, которые практиковал Юринец. Руководство Философским институтом ВУАМЛИН не дало своевременного отпора этой контрабанде буржуазных теорий, проявило притупление классовой бдительности, не развернуло самокритики в своих рядах. В условиях ожесточенной классовой борьбы последних лет, когда буржуазно-националистические элементы на Украине вновь выдвинули знамя буржуазной реставрации, пытаясь по указке империалистов оторвать Советскую Украину от СССР, когда они, оказывая бешеное сопротивление развернутому социалистическому наступлению пролетариата, вредили на всех участках нашего строительства на практике и в области теории, — в этот ответственный период руководство Философским институтом ВУАМЛИН не оказалось на должной высоте.

Совещание отмечает недостаточную связь и известный отрыв Института философии ВУАМЛИН от Института философии Комкадемии, что отрицательно сказалось на развертывании борьбы на философском фронте на Украине против классово враждебных и ревизионистских вылазок и несвоевременности вскрытия прорыва. Совещание обращает внимание также на имевшие место фальсификации диалектического материализма при помощи искажения переводов классиков марксизма на национальные языки.

Прорыв на Украине сигнализирует о необходимости повышения революционной бдительности со стороны всех работников философского фронта, большего внимания и своевременного разоблачения новых форм и новых методов борьбы классового врага. Он подчеркивает также необходимость усиления связи между всеми институтами философии.

6. Совещание констатирует, что наиболее слабыми участками, несмотря на некоторые сдвиги, продолжают оставаться: вопрос о качестве продукции, отсутствие действительно популярных философских книг для широких масс, недостатки в расстановке сил, не всегда рациональное использование имеющихся и недостаточное выдвижение новых кадров.

7. Особое место в работе институтов должна занимать массовая работа через организации ОВМД. Непрерывно нарастает тяга широких масс и среди научных работников к углубленному изучению диалектического материализма и применению его на практике и в специальных науках. Совещание указывает на необходимость активизации и расширения работы ОВМД, одобряет намечаемые Институтом философии КА мероприятия по расширению состава общества привлечением в ряды и в руководство ОВМД крупных ученых и научных работников в области теории, техники и естествознания.

8. Совещание отмечает все еще имеющее место опоздание в выходе журнала «ПЗМ» и ставит перед Институтом философии КА требование ликвидировать этот крупный недостаток, отражающийся на всей работе.

9. Для организации систематической связи между институтами философии проводить периодически, не реже одного раза в три месяца, совещания представителей дирекций институтов философии, сочетая их с созывом Научного совета Института философии КА и с постановкой на них теоретических вопросов. Ближайшее совещание провести в октябре, поставив на нем вопросы в связи с подготовкой к XVII съезду партии, вопросы Ленинской сессии в январе, вопросы естествознания и согласование планов институтов на 1934 г.

10. Отмечая известные достижения институтов Москвы и Ленинграда в отношении увязки их работы с работой других фронтов (правового, литературного, естественного), совещание находит, что это лишь первые шаги к установлению постоянного сотрудничества с другими участками теоретического фронта по актуальным вопросам современного периода. Ближайшей задачей является совместная с экономистами разработка вопросов закономерностей переходного периода. Необходимо уделить больше внимания также вопросам национальной культуры, психологии и лингвистики.

11. Планы институтов 1934 г. разработать совместно и утвердить на ближайшем объединенном совещании. Организовать систематический обмен докладчиками, практикуя вызовы товарищей, работающих по соответствующим проблемам. Организовать систематический обмен продукцией научно-вспомогательной работы институтов (рефераты, переводы и т. д.). Поручить Институту философии КА наладить выпуск реферативного бюллетеня. Организовать одновременное печатание важнейших статей во всех философских журналах, для чего просить редакции «ПЗМ», «Проблем марксизма», «Прапора марксизма» и директоров институтов, где нет специальных журналов, организовать рассылку важнейших статей в адрес трех журналов.

12. Для усиления работы институтов ввести в систему привлечение на договорных началах внештатных научных сотрудников. Обратив особое внимание на создание связи с товарищами философами, командированными в политотделы МТС, совхозы, на транспорт и в промышленность, на расстановку систематического освещения и теоретического обсуждения их работы, обсуждения вопросов, выдвигаемых практикой социалистического строительства, на страницах «ПЗМ» и других журналов. Одобряя систему производственных совещаний Института философии КА для обсуждения написанных работ сотрудников, считать необходимым введение их и в работы других институтов.

13. Центральным моментом работы институтов на предстоящий период является подготовка к десятилетию со дня смерти Ленина, к 25-летию выхода «Материализма и эмпириокритицизма» и к XVII партсъезду. В годовщину смерти Ленина наметить созыв общесоюзной сессии Института философии КА, проведенная перед этим местные сессии институтов. Подготовить несколько сборников и популярных брошюр.

14. Считать необходимым участие в подготовке и выпуске «Философского словаря» работников всех институтов философии. Распределение статей и замечков возложить на т. Константинова, наблюдение и контроль за ходом выполнения авторами заданий по «Философскому словарю» возложить: по Ленинграду — на т. Янковского, по Украине — на т. Левика, по Белоруссии — на т. Вольфсона.

15. Совещание отмечает наряду с прочно установившейся связью Института философии с Союзом безбожников все еще недостаточное участие научных работников-философов в разработке проблем пролетарского атеизма и требует активизации их антирелигиозной работы.

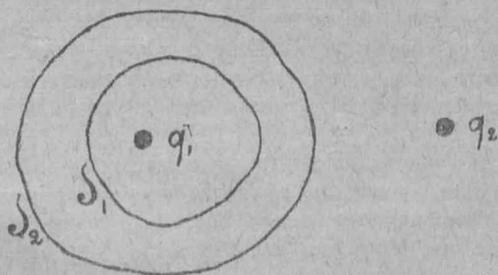
Письмо в редакцию „Под знаменем марксизма“

Уважаемый товарищ редактор!

В № 7—8 журнала «Большевик» от 30 апреля с.г. помещена статья т. Э. Кольмана под заглавием «Марксизм и естествознание». Ввиду того, что в этой статье несколько преувеличено мое отрицательное отношение к господ-

ствующим в современной физике воззрениям, я прошу не отказать в напечатании в ближайшем номере Вашего журнала нижеследующего моего раз'яснения.

На стр. 120—121 т. Э. Кольман пишет: «Неудивительно, что против этих господствующих в новейшей теоретической физике, в новейшем теоретическом естествознании догматических тенденций бушуют экспериментаторы, практики, чаще всего с позиций грубого эмпиризма, как например Ленард, Штарк или, у нас академик Миткевич, с неверных позиций огульного отрицания всего развития современной физики». По поводу этого считаю необходимым указать, что нигде и никогда я не высказывался в смысле огульного отрицания всех достижений современной физики. Тов. Э. Кольман не будет в состоянии подтвердить свои слова какой-либо ссылкой на мои работы, в которых я касаюсь современной физики. Мой «грубый эмпиризм» и «неверные позиции» по отношению к господствующим в настоящее время взглядам сводятся только к отрицанию физического действия на расстоянии и к возможно более последовательному проведению основной фарадее-максвелловской идеи, согласно которой все физические взаимодействия осуществляются не иначе, как при непрерывном участии среды, окружающей взаимодействующие физические реальности. В связи с этим я решительно возражаю против допущения в физических построениях и теориях абсолютно пустых, в полном смысле этого слова, объемных участков нашего трехмерного пространства и утверждаю, что подобное абсолютно пустое пространство должно быть рассматриваемо лишь как чисто математическая абстракция. Более подробно и с наиболее общей точки зрения я развил свои мысли в речи «Основные воззрения современной физики», читанной 2 февраля с.г. на годичном собрании Академии наук СССР. С целью возможно четкого охарактеризования главнейшей принципиальной установки современной физики я сформулировал следующий вопрос. Представим себе два электрических заряда q_1 и q_2 (см. рис.), расположенных на некотором расстоянии один от другого.

Допустим далее, что заряд q_1 окружен со всех сторон двумя замкнутыми поверхностями S_1 и S_2 , нигде не касающимися одна другой и не пересекающимися. Спрашивается:

Могут ли заряды q_1 и q_2 взаимодействовать друг с другом так, чтобы при этом в слое, ограниченном поверхностями S_1 и S_2 , не происходило какого бы то ни было физического процесса?

Придерживаясь фарадее-максвелловской точки зрения, я отвечаю на данный вопрос самым категорическим «нет». По существу все содержание моего «грубого эмпиризма» и моих «неверных позиций» сводится именно к этому ответу «нет».

Возражая против моих принципиальных установок, т. Э. Кольман очевидно придерживается верных, правильных с его точки зрения позиций современной теоретической физики касательно «действия на расстоянии» и, следовательно, отвергает основные фарадее-максвелловские воззрения, неминуемо склоняясь в сторону ответа «да» на сформулированный мною вопрос.

Письмо в редакцию „Под знаменем марксизма“

Письмо т. Миткевича исходит из предпосылки, что на заданный им вопрос я отвечу «да». Эта предпосылка ошибочна, ибо, так же как и он, я отвечаю на этот вопрос самым категорическим «нет».

Нет и не может быть такого процесса, который не был бы связан со всем материальным миром,—это один из основных принципов мировоззрения диалектического материализма. Уже из этого принципа следует, что никаких «действий на расстоянии», строго говоря, в природе быть не может и, в частности, что невозможно, чтобы два электрических заряда взаимодействовали, не вызывая процессов в промежуточной среде. Итак, в этом вопросе у нас с т. Миткевичем разногласий нет, да и ничто не дало ему повода так думать, как видно из приводимой им же выдержки из моей статьи «Марксизм и естествознание» в № 7—8 «Большевика».

Разногласие между т. Миткевичем и мною, которое мне дало повод критиковать его взгляды, изложенные им в речи «Основные воззрения современной физики», состоит в том, что т. Миткевич, имея полное основание критиковать господствующий в среде советских физиков (Френкель, Гамов и др.) феноменализм, делает это с ошибочных позиций. Выступая в качестве материалиста против идеалистов, т. Миткевич игнорирует то обстоятельство, что современная теоретическая физика далеко ушла от времен Фарадея. Ведь современная физика, хотя и по праву считает фарадеевскую концепцию преодоленной, вместе с тем преодолевает и «действие на расстоянии». Так, в теории относительности как электромагнитная, так и гравитационная теория—суть теории близкодействия, что имеет свое выражение в дифференциальной форме уравнений этих теорий, где выступают лишь действия в бесконечно-малых, пространственно-временных интервалах. Так, в квантовой механике волна материи, идущая от одного из зарядов, распространяется на всю вселенную, а значит уж никак не может миновать пространства между зарядами. Но т. Миткевич полагает, что с падением полумеханического понятия максвелл-фарадеевского эфира неизбежно восстанавливается «действие на расстоянии» и тем самым становится на позиции, роднящие его, с одной стороны, с Ленаром, Штарком, с другой стороны, со взглядами т. Тимирязева.

Поэтому, высоко ценя положительную заслугу т. Миткевича в борьбе с физическим идеализмом, начавшим за последнее время усиленно пропагандироваться со страниц таких журналов, как «Сорена», нельзя умолчать и о его заблуждении, тем более, что оно дает аргументы в руки противнику и тем самым наносит ущерб нашему общему делу.

Э. Кольман

Одно замечание по поводу статьи проф. И. Е. Тамма

В статье «О работе философов-марксистов в области физики» («ПЗМ» № 2, 1933 г.) проф. Тамм касается также некоторых основных принципов методологии физики, развитых мною в докладе «О взглядах Фарадея и Максвелла на природу электромагнитных явлений», прочитанном в Академии наук СССР (см. журнал «Электричество», № 17—18, 1932 г.). Согласно принятому им методу проф. Тамм хочет набросить тень и дискредитировать эти принципы указанием на якобы допущенную мною ошибку в трактовке проблемы винтового движения, ошибку, «заключающуюся в том, что к винтовому движению могут быть сведены лишь движения абсолютно твердых тел, тогда как например уже простейшее растяжение твердого тела или движение жидкости к винтовым движениям не сводятся».

Проф. Тамм квалифицирует эту мнимую ошибку как «сравнительно мало-важную». Однако, как это будет показано ниже, здесь наличествует не «сравнительно мало-важная ошибка», а коренное расхождение в понимании истинных принципов методологии физики между проф. Таммом и той школой физиков и философов, воззрения которой я излагаю и защищаю в своем докладе.

Так как проф. Тамм допускает несколько вольное цитирование моего доклада, я позволю себе прежде всего восстановить адекватный текст приводимых проф. Таммом основных заключительных положений:

1. Всякий электромагнитный и вообще физический процесс есть процесс, протекающий в объективно-реальном пространстве, а посему он может и должен быть рассмотрен *sub specie* атрибута протяженности и внешнего движения — перемещения, т. е. со стороны механической в общем смысле понятия.

2. Постольку, поскольку в рациональной механике доказывается, что всякое движение — перемещение можно изобразить как движение винтовое, т. е. как сочетание поступательного и вращательного движений, электромагнетизм и вообще всякий физический процесс с указанной в п. 1 точки зрения должен быть какой-то формой, гармонической или хаотической, винтового движения (см. «Электричество», стр. 846).

Эти заключительные положения доклада обосновываются тремя следующими предпосылками (см. «Электричество», стр. 846):

1. Фундаментальной предпосылкой материализма является признание объективной, независимой от сознания реальности пространства.

2. Необходимым следствием этой предпосылки является то, «что всякое движение включает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших масс» (Энгельс).

3. «Познать эти механические движения является первой задачей науки, однако, лишь первой; само же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще» (Энгельс).

Центр тяжести доклада в том, чтобы обосновать методологически и исторически необходимость и важность решения «первой задачи науки» (Энгельс), т. е. рассмотрения процессов природы *sub specie* атрибута протяженности и внешнего, механического в общем смысле понятия, движения — перемещения материи.

Проф. Тамму должно быть хорошо известно, что существует целая крупнейшая школа физиков и философов, защищающая возможность понимания всякой физической силы как некоторой специфической формы движения — перемещения материи (см. например А. Voss, «Die Prinzipien der rationalen Mechanik» (Encyk. d. Mat. Wissensch., B. IV) или Т. Райнов, «К истории построения механики без силы» («Соц. реконстр. и наука», вып. I, 1933 г.), возможность построения так называемой динамической или кинетической физики. Поэтому утверждение проф. Тамма, что лишь движения абсолютно твердых тел (т. е. абстракций) могут быть сведены к винтовым движениям, упругие же движения реальных твердых тел или же движения жидкостей к винтовым движениям не сводимы, является принципиальным положением той школы методологии физики, взгляды которой защищаются проф. Таммом. Привода в нижеследующем некоторые фактические справки по данному вопросу, я отнюдь не намерен приписывать проф. Тамму какие-либо даже «сравнительно маловажные» ошибки или незнание предмета обсуждения. Я уверен, что проф. Тамм прекрасно осведомлен в данной области и совершенно сознательно противопоставляет принципам адинамической рационально-эмпирической школы физики принципы школы эмпирической и эмпириокритической, защищаемые им в ряде работ по физике, см. например И. Е. Тамм, «Учение о свете» (сб. «Наука XX века», Физика), «Курс электричества и магнетизма и др. Ссылка же на мою якобы «сравнительно маловажную» ошибку является простым полемическим приемом, рассчитанным на неосведомленность читателя.

Суть вопроса в пределах альтернатив современной физической теории, альтернатив, которых, как я полагаю, не возьмет на себя смелость отрицать проф. Тамм, сводится к следующему.

Речь у меня идет: а) о рациональной механике и б) следовательно об изображении движений — перемещений адинамической непрерывной среды (идеальная жидкость гидродинамики), движений, которые должны объяснить рационально наблюдаемые «силы». Общее выражение скорости бесконечно-малой частицы будет:

$$u = u_0 + \frac{d\Phi'}{dx'} + \eta z' - \zeta y'$$

$$v = v_0 + \frac{d\Phi'}{dy'} + \zeta x' - \eta z'$$

$$w = w_0 + \frac{d\Phi'}{dz'} + \zeta y' - \eta x'$$

Это есть общепринятое ныне разложение скорости движения на: а) поступательное движение со скоростью (u_0, v_0, w_0), б) движение деформации с потенциалом скорости (Φ') и в) вращательное (вихревое) движение. Поскольку однако с точки зрения рациональной (адинамической) механики существуют лишь две

основные формы движения — перемещения, именно поступательное и вращательное, мы должны движение деформации (пример: превращение шаровой жидкой частицы в эллипсоидальную) относить либо к поступательному движению, либо к вращению. Коши действительно не выделял движения деформации (см. A. Cauchy, «Exercices d'Analyse et de Physique mathématique», 1841 г.).

Точно так же, когда Гельмгольц дал указанное выше разложение Бертран выдвинул против него ряд возражений, и между Бертраном и Гельмгольцем возник по этому поводу известный спор (см. Comptes Rendus 1868 г., статьи Бертрана и Гельмгольца). Н. Е. Жуковский по этому поводу замечает следующее (см. «Теоретические основы воздухоплавания», стр. 108): «Движение жидкой частицы можно представить на разные лады, относя часть вращения к движению деформации. Задача об отделении движения деформации от вращения допускает множество различных решений до тех пор, пока мы не стали на точку зрения Гельмгольца, что вращение есть то, что является лишним в движении с потенциалом скоростей».

Мы считаем, что с общетеоретической точки зрения взгляд Гельмгольца не является правильным, хотя практически (в случае наличия сложных сил упругости) целесообразно выделять движение деформации в качестве особого рода движения. С общетеоретической точки зрения движение деформации в идеальной жидкости есть особого рода вращательное движение, имеющее притом потенциал скоростей. Действительно, характерным признаком вращательного движения, отличающим его от поступательного, является неподвижность некоторой точки тела (центра вращения), а такого рода характер и имеет рассматриваемое движение деформации. Что касается формального признака потенциала скорости, то он не имеет существенного значения.

Исходя из общего учения о вихревых движениях, В. Томсон-Кельвин, Максвелл, Беркнесс, Дж. Дж. Томсон и другие выдающиеся физики дали рациональные механические модели физических сил (упругости, тяготения, электромагнетизма, света)¹⁾.

Можно конечно подвергнуть сомнению научное и философское значение подобного рода построений, но нельзя, как это делает проф. Тамм, отделиться от них простой декламацией вроде той, что «Дж. Дж. Томсон, 75-летний старец, имеет в прошлом громадные заслуги перед физикой, и во имя элементарных человеческих чувств я хотел бы воздержаться от рассмотрения научной ценности его работ последнего периода».

Суть дела, проф. Тамм, не в 75-летнем старце и не в элементарных человеческих чувствах, а в коренной противоположности двух школ физической методологии, одна из которых представлена в работах Дж. Дж. Томсона, другая же защищается и пропагандируется проф. Таммом!

Спор имеет многовековую давность и является спором между материалистическим и идеалистическим пониманием природы. Он не может быть поэтому решен одним, хотя бы и остроумнейшим теоретизированием, а лишь всей социальной практикой человечества.

С моей точки зрения, и это я стараюсь обосновать в докладе, крупнейшие практические и, прибавлю, теоретические достижения физики пока что отнюдь не поворачивают в пользу той школы физической методологии, адептом и катехизатором которой является проф. Тамм.

¹⁾ См. Дж. Дж. Томсон «Электричество и материя», Приложения, а также Lorenz, «The theories of aether and aether modelles» (английское издание лейденских лекций по теоретической физике) и его же «Maxwells electromagnetische Theorie» (En. d. Mat. Wiss., V. V.).

3. Цейтлин

Редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман,
П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин,
А. К. Тимирязев

Уполномоченный Главлита № В—62842. Сдано в набор 16/VIII—33 г., подписано к печати 25/IX—33 г. Зак. № 2025. Изд. № 460 Тираж 33.750.

Набрано в типографии газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

„КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

Руководящий журнал в области культпропработы партии

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

В задачи журнала входит освещение всех вопросов теории и практики культурного строительства и партийной пропаганды.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА:

Журнал содержит:

1) руководящие статьи по вопросам политики партии в различных областях социалистического строительства, в частности и в особенности в области культурного строительства, статьи по вопросам революционного движения в странах капитализма, а также по вопросам внутрипартийной жизни.

2) **Специальные материалы** (руководящие статьи, освещение практики работы, обобщение опыта и т. д.), **систематически** помещаемые по вопросам:

а) марксистско-ленинское воспитание;

б) строительство высшей коммунистической сельскохозяйственной школы;

в) постановка техпропаганды на фабриках и заводах, а также агро-техпропаганды;

г) культурно-массовая работа в городе и деревне.

В журнале освещаются также вопросы строительства школы (низшей, средней и высшей), а также вопросы политики партии в области науки и литературы.

Кроме того в журнале помещаются материалы для докладчиков и пропагандистов по пропаганде и разъяснению решений партийных съездов, конференций, пленумов Центрального комитета и пленумов ИККИ, а также постановления ЦК и материалы съездов, совещаний по вопросам культпропработы.

Журналом ведется также переписка с читателями и отдел вопросов и ответов.

Журнал рассчитан на культпропработников парторганизаций краевых, областных, районных и на культпропработников низовых парторганизаций в городе и деревне; на пропагандистов, на руководящих работников, преподавателей и студентов высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, на рабочников в области народного просвещения.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1933 год:

на 1 мес. — 60 коп.

на 3 мес. — 1 р. 80 »

на 6 мес. — 3 р. 60 »

на 12 мес. — 7 р. 20 »

Цена отдельного номера 60 коп.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА НА 1933 ГОД

НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

12-й год издания.

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В.,
Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М.,
Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, с меньшевистствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и следовательно антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически вырабатывая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма; отдел теоретической экономики и теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1933 ГОД:

на 1 год — 18 руб.

на ½ года — 9 руб.

на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами Союзпечати, всеми письмоносцами, книжными магазинами Книгоцентра, организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.